ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ
В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1905 - 1908)

Предисловие редактора.

В настоящем томе собраны все статьи Плеханова по вопросам тактики, написанные им от декабря 1905 г. до конца 1907 г., т. е. в эпоху первой революции, а также речи на Стокгольмском и Лондон-

ском партсъездах.

Позиция, занятая Плехановым, нашла себе яркое выражение уже в первой статье, подводившей итоги первым бурным боям революции.

«В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие».

Выдвигая в качестве главного критерия непосредственный успех всякого акта борьбы рабочего класса за свое освобождение, Плеханов забывал, что при известных условиях «поражение» является исторически необходимым звеном в развитии классовой организации пролетариата, что отказ от боя уже сам по себе является худшим поражением. Осужденные Плехановым восстания имели не только огромное значение как фактор революционного воспитания рабочего класса, как новый этап в его развитии. Они имели не меньшее значение и для сохранения главного завоевания первой революции. Они нанесли такой сильный удар реакции, что сделали невозможным возвращение к старому порядку, они окончательно навязали самодержавию новое облачение — Государственную Думу, и заставили его искать соглашения с либеральной буржуазией. Слово было теперь за кадетами. В какой степени они сумеют использовать затруднительное положение царизма, чтобы обеспечить России нормальные условия буржуазного развития? Поймут ли они, что в этом деле самой надежной союзницей является для них социал-демократия?

6

Вся публицистическая деятельность Плеханова в эти годы сводится, с одной стороны, к перевоспитанию и обучению кадетов, а с другой — к репримандам по адресу большевиков и даже меньшевиков, которые не всегда достаточно вежливо обращаются с кадетами.

«Историческим лейтмотивом нынешнего нашего освободительного движения, — доказывает на разные лады Плеханов, — является не борьба пролетариата с буржуазией, предполагающая существование новейшего буржуазного общества, с соответствующими ему политическими учреждениями, а *одновременная и в значительной степени*

совместная борьба классов, характеризующих собою это новейшее буржуазное общество, с разнородными пережитками старого порядка, выросшего на основе совсем иных экономических отношений».

Задача оказалась очень трудной и неблагодарной. Несмотря на все усилия Плеханова, на его большой педагогический талант, «голос классового инстинкта» кадетской буржуазии заглушал в ней «голос политического рассудка». Вместо «нормальных условий буржуазного развития» она уже в «медовый месяц» своего либерализма готовила для пролетариата «каторжные проекты» и упорно отказывалась от предлагаемых ей Плехановым избирательных соглашений.

Прямолинейность Плеханова испугала даже меньшевиков, которые стояли с ним на общей тактической позиции, но, больше связанные с рабочими массами, хорошо знали, какую бурю негодования вызвали в профсоюзах «каторжные проекты» кадетов. Плеханову приходится искать гостеприимства у «беззаглавных социалистов». Он становится постоянным сотрудником «Товарища».

Кульминационным пунктом публицистической деятельности Плеханова в эти годы является статья «Неосновательные опасения», в которой он подверг резкой критике избирательную платформу нового ЦК партии, выбранного на Лондонском съезде. На порицание, выраженное Плеханову в особой резолюции ЦК, он ответил еще более резкой апелляцией к меньшевистской части партии: «Слово принадлежит меньшевикам».

В начале 1908 г. Плеханов делает еще раз попытку собрать «рассыпавшуюся храмину меньшевизма», чтобы справиться с «большевистским бакунизмом». «Но для этого надо сделать, — пишет он Аксельроду 29 января 1908 г., — энергичное усилие расшевеления меньшевиков. Что между ними много негодных элементов, политических Гамлетов, это ясно, но есть и очень дельные люди, и этих необходимо сплотить».

Мы поэтому ввели в настоящий том и те публицистические статьи, которые были написаны Плехановым в 1908 г. до нового разрыва с меньшевиками.

В приложении помещены речи Плеханова на пленумах Междуна-

родного Социалистического Бюро в Брюсселе и на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте.

Д. Рязанов. Май 1926 г.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» №4

ДЕКАБРЬ 1905 г.

Еще о нашем положении

(Письмо к товарищу Х.)

Дорогой товарищ!

Вы спрашиваете меня, что я думаю о современном положении в России. Я должен сознаться, что я не без некоторого колебания решаюсь ответить на этот вопрос. Я боюсь, что мой ответ не понравится Вам, и я твердо убежден в том, что он не понравится огромному большинству других товарищей. Мне скажут, что я вношу разногласия в ряды русских социал-демократов в такое время, когда единодушие нам необходимо.

Мне скажут, что моя критика несвоевременна теперь, когда на голову нашей партии сыплется так много несправедливых упреков, так много тяжелых ударов. Мне уже знакомы такие обвинения. Выслушивать их не легко. Но что же делать? Бывают такие минуты, когда говорить не только нужно, но прямо обязательно. Притом мне уже не раз случалось быть в том странном положении, когда мне приходилось выслушивать два прямо противоположных обвинения: по отношению к настоящему мне советовали не поднимать споров и не обнаруживать разногласий, существовавших между мной и некоторыми другими товарищами, стоявшими вместе со мной на данном партийном посту. «Разногласия улягутся сами собой, — говорили мне, — они сгладятся благодаря взаимному обмену ваших мнений. Пройдет полгода — год, и от этих разногласий останется одно лишь воспоминание, между тем как они очень повредят нашему делу, если обнаружатся теперь в печати». Словом, мне настоятельно рекомендовали *уступчивость.* Но в то же самое время те же самые люди, припоминая ту или другую *прежнюю* фазу нашего движения, с сожалением замечали: «Нет, вы напрасно тогда уступили; вам следовало высказаться; ваше молчание вредно отразилось на

дальнейшем ходе нашего движения», т. е. меня упрекали в том, что я был слишком *уступчив.* У меня есть основания думать, что так

было бы и в настоящем случае: те же люди, которые будут недовольны тем, что я теперь выскажусь, стали бы обвинять меня в излишней молчаливости, если бы я предпочел промолчать. Как видите, мое положение не из самых легких.

Но еще хуже положение того, кто, по выражению Лассаля, несет *на себе осла.* Я скажу, чтò я думаю, а там пусть нападают на меня те, которые думают иначе. Некрасов правду говорит:

Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях...

Итак, что же я думаю?

Я думаю, что наше положение не настолько хорошо, как оно могло бы быть, если бы мы не сделали некоторых ошибок.

Начнем со всеобщей стачки.

Если Вы припомните решение, принятое по вопросу о всеобщей стачке на международном съезде в Амстердаме; если Вы ознакомитесь с международной социал-демокра-тической литературой по этому предмету, то Вы увидите, что социальная демократия всех стран, — в противоположность анархистам, — рекомендует пролетариату быть до последней степени осмотрительным в употреблении этого обоюдоострого оружия.

Международный Амстердамский съезд и социал-демократическая литература всех стран единогласно твердили пролетариату, что *для успеха всеобщей стачки* необходима совокупность таких общественных условий, которые далеко не во всякую данную минуту находятся в наличности и отсутствие которых должно привести стачечников к жестокому поражению. И это совершенно справедливо. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить хотя бы одну только историю голландских стачек 1902 года. Почему удалась первая из этих стачек? Почему не удалась вторая? Потому, что вторая стачка уже не застала правительство врасплох. Чтобы победить при этом новом, *отрицательном* условии, стачечникам нужна была гораздо бòльшая сила, чем та, которою они располагали во время *первой* стачки. А их

сила не только не увеличилась, но даже уменьшилась ко времени второй стачки, так как теперь, ввиду возросшей опасности, многие из железнодорожных рабочих уже не обнаруживали энергии, характеризовавшей их во время первой стачки. Сопротивление, которое надо было одолеть, в значительной степени возросло, а сила, которую можно было употребить для его преодоления, значительно уменьшилась. Последствия известны.

5

Голландский пролетариат потерпел жестокое поражение. Он долго не мог оправиться от него, и теперь бесполезно было бы и заговаривать с ним о всеобщей стачке: он на нее не пойдет.

Этот недавний пример должен был быть в памяти у всех. Но, к сожалению, о нем вряд ли вспомнили своевременно те из наших товарищей, которые высказались за вторую и третью всеобщую стачку. Эти стачки были предприняты без надлежащей осмотрительности. Социально-психологические условия, без которых невозможен был их успех, отсутствовали если не целиком, то в значительной степени. Поэтому их исход не оправдал возлагавшихся на них ожиданий. Я потому говорю: «не оправдал возлагавшихся на них ожиданий», что даже те из нас, которые считают эти стачки *удавшимися,* не могут не признать, что они *удались не* в той мере, в *какой* удалась *первая, октябрьская забастовка.* Я же лично думаю, что эти две стачки потерпели неудачу и потерпели ее именно оттого, что они предприняты были без осмотрительности, так настойчиво рекомендованной пролетариату международным Амстердамским съездом и международной социалистической литературой.

Октябрьская всеобщая забастовка произвела потрясающее впечатление как в России, так и за границей. Это было чрезвычайно выгодно для пролетариата вообще и для дела политической свободы в частности. Но это *«обязывало».* Чтобы произвести *такое же* сильное впечатление, вторая всеобщая стачка должна была быть *несравненно Солее грандиозной, чем первая.*

Вышло не так: вторая стачка вышла значительно слабее первой. Поэтому она произвела невыгодное для пролетариата впечатление. Правда, некоторые наиболее чуткие из нижних чинов армии и флота

должны были понять благодаря ей, что пролетариат им не враг, а самый искренний защитник. Это был большой *плюс.* Но этим большим плюсом *только отчасти* покрывался указанный мной колоссальный *минус.*

Третья и последняя наша всеобщая стачка привели, как Вы знаете, к вооруженному восстанию. Мой взгляд на это вооруженное восстание был неоднократно высказан мною прежде. Ниже мне придется опять говорить об этом предмете, а теперь я замечу пока вот что.

Стачка на Николаевской железной дороге не была всеобщей. Движение по этой дороге не остановилось, и этот факт имел роковое влияние на ход дел в Москве. Если же всеобщая стачка не могла быть действительно всеобщей, то ее не следовало и начинать.

«Но реакция бросила нам свой вызов», скажете, пожалуй, Вы. Я не отрицаю этого. Весь вопрос для меня сводится к тому, *каким образом*

нам следовало отвечать на реакционные провокации. Главным доводом в пользу так называемого террора всегда являлось то соображение, что террористические действия служат ответом на дикие выходки реакции. Этот довод, всегда сильно действовавший на политически незрелых людей, никогда не казался убедительным *нам, социал-демокра-там.* Мы говорили, что отвечать на реакционные вызовы надо только такими действия-ми, которые изменяют соотношение общественных сил в пользу революции, и что «террор», затрудняющий работу среди пролетариата, не принадлежит к числу таких действий. То же приходится сказать и по поводу нынешней реакционной вакханалии. Отвечать на нее, разумеется, нужно. Но отвечать нужно такими действиями, которые укрепляли бы нашу позицию, а не ослабляли бы ее.

Сила нашей позиции целиком определяется ясностью классового самосознания и организованностью пролетариата. А с этой стороны дело обстоит далеко не так хорошо, как это нужно и желательно. Мы говорили: пролетариат является самым надежным и самым последовательным носителем революционной идеи. И когда мы говорили это, мы нисколько не обманывали себя, если мы не забывали при этом, что весь пролетариат, взятый целиком, является таким носителем только *в*

возможности, в действительности же таким носителем стал пока только *известный смой его.*

Этой слой уже очень значителен, и он растет теперь, можно сказать, не по дням, а по часам. Но это — *только слой,* т. е. *только часть* рабочего класса, и эта часть не покрывает собою целого.

Из кого состоят «черные сотни»? Нет ли в их рядах самых несомненных представителей пролетариата? Кто громил «жидов»? Будто бы одни только профессиональные воры и пропойцы? Увы, нет! Я сам мог бы назвать несколько таких местностей, где в числе громил выступали даже заводские *рабочие.* Ясно, стало быть, что до сих пор есть иного пролетариев, еще не проникшихся революционной мыслью и готовых поддерживать старый порядок вопреки самым насущным своим интересам. Мы, социал-демократы, должны были немедленно и энергично взяться за просветительную работу в этих отсталых слоях пролетариата. В этом заключалась одна из самых важных задач переживаемого нами момента. Чем энергичнее, а потому и успешнее, взялись бы мы за эту работу, тем решительнее и внушительнее был бы наш ответ на реакционные провокации. Я спрашиваю Вас, товарищ, сделали ли мы в этом направлении все то, что мы могли и должны были сделать? Думаю, что не сделали. И не сделали по весьма понятной причине: нам

хотелось немедленно дать реакции *окончательный ответ,* а такой ответ *нельзя было дать, не совершив указываемой мной предварительной работы.*

И не только этой работы. Кроме того слоя пролетариата, который пока еще *враждебен* революционному движению, есть еще другой, более широкий слой, относящийся к нему совсем или почти совсем *равнодушно.* Чтобы вызвать такую всеобщую стачку, которая была бы несравненно грандиознее прошлогодней октябрьской забастовки, нам безусловно необходимо было вовлечь в политическое движение этот равнодушный или почти равнодушный слой пролетариата. А пока он не был вовлечен в него, до тех пор речь о новой забастовке оставалась преждевременной.

Заметьте, что у нас было в руках прекрасное средство политиче-

ского воспитания этой части пролетариата. Если стремление рабочих к *политической свободе* разлилось широкой волной по лицу земли русской, то еще более широкой волной разлилось стремление их к деятельному и дружному отстаиванию своих *экономических интересов.* Кажется, не было такой отрасли труда, куда не проникла бы мысль о профессиональных организациях. Организации этого рода имеют вообще огромное значение для пролетариата. Маркс говорил, что профессиональные союзы — школа социализма и что только эти союзы могут дать рабочему классу силу, необходимую для борьбы с могуществом капитала. А у нас им суждена кроме того и другая роль: *роль политических воспитателей рабочих.* С точки зрения нашего старого порядка всякая попытка рабочих защищать своп интересы, «собравшись скопом», являлась преступлением. Вот почему всякая такая попытка необходимо должна была приводить рабочих в столкновение с этим порядком. И чем больше росло стремление рабочих организоваться в профессиональные союзы, тем неизбежнее становилось политическое пробуждение самых отсталых слоев пролетариата, раздражаемых несносными полицейскими придирками всякого рода. Нам следовало ускорить этот неизбежный процесс путем планомерной агитации за создание профессиональных союзов. Всякий шаг в этом направлении приближал бы русскую социал-демократию к тому моменту, когда стала бы возможной новая, действительно всеобщая и действительно победоносная забастовка. Но, увлеченная верой в то, что можно сейчас же нанести окончательный удар реакции, она недостаточно оценила значение этого рода деятельности и приняла решительный бой в такое время, когда у нее было слишком мало сил для решительной победы.

8

Я знаю, что когда гремят выстрелы и льется кровь, такая «мирная» работа, как поддержка профессионального движения, может показаться слишком мало увлекательным, слишком прозаическим занятием. Но именно потому, что она может показаться таким «неинтересным» занятием, мы, партийные писатели, должны настаивать на ее необходимости. Если наша партия станет пренебрегать этой «прозой», то для нее, конечно, будет возможна

поэзия *борьбы,* но останется недостижимым счастье *победы.* Как Антей приобретал новые силы, прикасаясь к земле, так и наша социал-демократия будет приобретать новые силы, опираясь на экономическую борьбу пролетариата [1]).

Об этом особенно полезно вспомнить теперь, когда неудачные попытки вооруженных восстаний заставляют русскую социал-демократию задумываться о том, что же делать дальше.

Пока мы практиковали такие приемы борьбы, которые были бы успешны только в том случае, если бы мы были в десять раз сильнее, наши противники из буржуазного лагеря не теряли времени и приобретали влияние на профессиональные союзы. Это очень опасный для нас шаг, благодаря которому мы можем оказаться *обойденными с тылу.* Наши товарищи очень любят «противоставлять себя буржуазии». И оно, разумеется, так и следует. Но лучший способ противоставления себя буржуазии заключается в социалистическом воспитании пролетариата. А для социалистического воспитания пролетариата совсем недостаточно кстати и некстати бранить буржуазию. Воспитывать пролетариат может только тот, кто не отворачивается от *его экономической борьбы* с его эксплуататорами.

Мне скажут: «Но никто из нас и не отрицает значения профессиональных союзов в деле освободительного движения пролетариата». Это так. В принципе их значение сознано всеми. Но очень значительная часть наших товарищей слишком увлекалась мыслью о вооруженном восстании, чтобы она могла заняться сколько-нибудь серьезно поддержкой профессионального движения. Это тоже неоспоримо.

[1]) Кстати, Маркс говорит: «Профессиональные союзы ни в коем случае не должны находиться в связи или в зависимости от политических обществ, если они хотят выполнить свою задачу». Другими словами, Маркс стоял за нейтральные союзы. Теперь К. Каутский и его ближайшие единомышленники в германской партии выступают против такой нейтральности. При современных германских условиях они могут выступать против нее, не изменяя духу марксова учения. У нас дело обстоит иначе; у нас нет такой сильной и влиятельной, такой хорошо организованной социал-демократической партии,

Дальше. Амстердамский съезд и международная социал-демократическая литература говорили нам, что сильная организация представляет собой необходимое условие удачи всеобщей стачки. А

между тем наша всеобщая октябрьская стачка удалась, несмотря на то, что рабочий класс организован у нас еще очень слабо. Чем объясняется это парадоксальное явление? Неужели ошибся Амстердамский международный съезд? Неужели ошиблась международная социал-демократическая литература?

Нет, они не ошиблись. При тех условиях, при которых приходится бороться западноевропейскому пролетариату, организация в самом деле составляет для него совершенно необходимое условие. На Западе пролетариату приходится рассчитывать *только на свои собственные силы;* он не может надеяться на какую-нибудь серьезную революционную поддержку со стороны других классов; *он изолирован.* А наш пролетариат, борющийся за такое дело, в торжестве которого заинтересованы также и другие классы населения, пока еще не изолирован, он пока еще может встретить деятельную помощь со стороны некоторых других классов. В самом деле! Ведь октябрьской всеобщей забастовке сочувствовала вся Россия за исключением полиции и записных реакционеров. Именно поэтому она и удалась. Всеобщее сочувствие возместило рабочим недостаток организации.

Отсюда следует тот вывод, что если для успеха второй всеобщей забастовки нужно было привлечь к борьбе новые слои пролетариата, прежде не принимавшие участия в освободительном движении, то вторым условием ее успеха являлось сочувствие к ней непролетарских классов. А это значит, что всеобщая стачка могла быть у нас удачной лишь в случае такого столкновения пролетариата с реакцией, которое обеспечивало бы стачечникам самое широкое сочувствие «общества».

Опыт показал, что поводы, вызвавшие вторую и третью стачку, были недостаточны для привлечения к стачечникам всеобщего сочувствия. В этом заключается разгадка их, скажем, неполной удачи. Теперь, разумеется, нельзя поправить то, что уже сделано. Но очень можно принять к сведению и руководству урок, данный нам событиями. Очень

какой может похвастаться Германия. Наша партия, собственно говоря, только еще возникает. Поэтому она должна относиться к профессиональным союзам так, как относился к ним Маркс в 1869 г., в период детства германской партии: она должна высказаться за их нейтральность. Действовать иначе значило бы пытаться уложить рабочий класс на узкое и жесткое ложе секты.

можно убедиться в том, что всеобщая политическая забастовка не такой прием борьбы, к которому можно прибегать чуть не каждую неделю. Очень можно, наконец, понять и то, что нам надо дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий и не отталкивать их от нас бестактными выходками.

По поводу третьего номера моего дневника один товарищ писал мне из России: «Вообще я и все мы были удивлены, что вы снова поставили вопрос о ценности «буржуазной свободы». В этой плоскости у нас сейчас нет споров и сомнений. Отдельные частные случаи неудачных приемов агитации, конечно, встречаются, но отсюда еще очень далеко до возвращения к блаженным временам отрицания политики».

Я не приписывал никому из своих товарищей *отрицания политики.* Я только говорил, что политика *«признается»* нами не совсем правильно, что люди, «признающие политику», своими рассуждениями напоминают у нас иногда германских «истинных социалистов» сороковых годов. И напоминают не отдельными положениями («отрицаю политику», «признаю политику»), а общим характером своего мышления. В чем состояла логическая ошибка «истинных» германских социалистов? В том, что они смешивали два различных фазиса развития капиталистического общества.

Немецкий «истинный социализм» забывал, по словам Маркса, «что французская критика, неразумным отголоском которой он явился, имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т. е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии».

Вот таким забвением часто грешат и наши русские «истинные» социал-демократы. В № 3 «Дневника» я указывал на одну группу наших провинциальных товарищей, которая не нашла ничего лучшего для борьбы с полной политической неразвитостью местного пролетариата, как предпринять жестокий поход против «либералов». Я вполне уверен, что эти товарищи тоже «признают политику». Но это не мешает им походить, как две капли воды, на «истинных» немецких социалистов сороковых годов [1]).

[1]) Оговорюсь здесь, чтобы раз навсегда покончить с этим антилиберальным

походом. Под статьями, направленными против либералов, поставлено было мое имя, хотя я не имел к этим статьям ни малейшего отношения. Само собой понятно, что это было сделано без моего ведома.

Мой корреспондент скажет, пожалуй, что это — «отдельный случай неудачных приемов в нашей агитации». Пусть так! Но, к сожалению, такие «отдельные случаи» повторяются слишком часто.

Не так давно одна радикальная газета высказала ту мысль, что в настоящее время наша социал-демократия, имеющая такое большое влияние на рабочий класс, могла бы сконцентрировать около себя всю демократическую оппозицию. И что же? Радикальная газета получила, — на этот раз не из захолустья, — ответ, по прямому смыслу которого выходило, что она сказала буржуазную глупость и что в названной концентрации нужды не предвидится. Прошло несколько дней; началась третья всеобщая стачка, и Петербургский Совет Рабочих Депутатов, в своем воззвании по ее поводу, писал, что пролетариат отстаивает дело, в торжестве которого заинтересовано все общество и что поэтому он имеет право рассчитывать на поддержку со стороны всех свободолюбивых элементов этого последнего. Петербургский Совет Рабочих Депутатов был совершенно прав. Но если он был совершенно прав, то совершенно не прав был товарищ, написавший резкую отповедь радикальной газете. Это поистине прискорбный «отдельный случай неудачных приемов» и проч.!

Товарищ, ополчившийся на радикальную газету, утверждал в своей статье, что непрерывная цепь развития свяжет переживаемый нами политический момент с будущей социалистической революцией. Это правда. Вся история России, вся история человечества, вся история земли, вся история вселенной представляет собой непрерывный процесс развития. Но что же следует из этой истины, очень дешевой на нынешнем научном рынке? Во всяком случае не то, что непрерывность процесса развития дает нам право упускать из виду особенности его отдельных фазисов. Маркс прекрасно знал, что германская история была и останется непрерывным процессом. Он был убежден, кроме того, что буржуазная революция в Германии явится простым прологом к социалистической революции. И тем не

менее он жестоко клеймил «истинных социалистов», говоривших *накануне* буржуазной революции таким языком, который был бы уместен лишь *после нее.*

Отдельные случаи! Помилуйте! Этих отдельных случаев так много, что ими характеризуется чуть не вся наша тактика по отношению к непролетарским партиям и что они мешают русской социал-демократии приобрести достойное ее политическое влияние. И именно потому, что они мешают ей приобрести возможное для нее влияние, они усиливают *влияние буржуазных партии.*

12

«Отдельные случаи» порождаются вполне законною, хотя и плохо осмысленной ненавистью к оппортунизму. Но они оказывают услугу именно оппортунизму. Авторы «отдельных случаев» идут в одну комнату, а попадают в другую. Нам давно следовало покончить с этими блужданиями. Но скоро ли мы покончим с ними? Я не знаю. Это — застарелая болезнь.

Несвоевременно начатая политическая забастовка привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие. Говорят: пролетариат принудил социал-демократию взяться за него. Но если это так, то восстания были более *стихийными,* чем *сознательными.* А в таком случае возникает вопрос: в чем же состоит теперь, ввиду ошибки, вызванной *перевесом стихийности,* практическая задача *сознательных элементов* нашего рабочего движения?

Она заключается в том, чтобы указать пролетариату на его ошибку, чтобы выяснить ему всю рискованность той, — как выражался Маркс, — игры, которая называется вооруженным восстанием. Бюрократия любит повторять, что «все обстоит благополучно». Мы, ее непримиримые враги, не должны уподобляться ей. Мы должны говорить пролетариату правду, всю правду и только правду. Мы должны иметь мужество указывать ему на его и на наши собственные ошибки.

Вы скажете мне, может быть, что я хочу тормозить движение. Я спорить и прекословить не буду. Почему и не затормозить его? Роль тормоза не всегда заслуживает осуждения. Ее играл Робеспьер, боровшийся с *жирондистами,* которые несвоевременно призывали к вооруженному восстанию. Ее играл в 1848 г. неисправимый заговорщик и неукротимый революционер Бланки. Ее играл руководимый Марксом Общий Совет Международного Товарищества Рабочих, предостерегавший, — в воззвании от 9 сентября 1870 г., — парижский пролетариат от несвоевременных вспышек [1]).

Правда, роль тормоза — неблагодарная и совсем не живописная роль. Она исключает всякую *фразу.* Но мы, социал-демократы, вообще не охотники до революционных фраз, и недаром наш учитель Энгельс говорил, что область революционной фразы мы должны всецело предо-

[1]) *Gustav Jaeckh,* Die Internationale, p. 119.

ставить анархистам, давно совершившим в ней все человечески возможное.

И не обвиняйте меня в том, что своей критикой я распространяю уныние в наших рядах. Я вообще не думаю, что наши ряды способны поддаваться унынию. Уныние та« же не к лицу социал-демократам, как и революционная фраза. Нельзя унывать участнику такого движения, которое по существу своему непобедимо. Он может только сожалеть о тех или других сделанных им ошибках, а такое сожаление есть залог новых успехов. Чернышевский говорил: «Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице празд-ник!» Мы имеем все основания повторять эти слова с такой же спокойной уверенностью. Но праздник придет тем скорее, чем внимательнее мы будем относиться к урокам жизни.

Жизнь показала, что тактика, которой держалась в последние месяцы наша партия, несостоятельна. Под страхом новых поражений мы обязаны усвоить новые тактические приемы.

Реакция стремится изолировать нас; нам нужно употребить все усилия для того, чтобы изолировать реакцию.

Реакция стремится опереться, между прочим, на отсталые слои пролетариата; нам нужно с удвоенной энергией взяться за развитие

сознания этих слоев, а главное — нам нужно немедленно обратить усиленное внимание на профессиональное движение рабочих. Вот conditio sine qua non победы. Когда оно будет налицо, тогда недолго придется ждать нашей улице своего праздника.

До сих пор в освободительном движении принимала участие только *некоторая часть* пролетариата; теперь *весь* рабочий класс должен двинуться на завоевание свободы.

Крестьянство представляет собой резервную армию нашего освободительного движения. Результаты всего похода определятся движением этой армии. И странно, что некоторые наши товарищи до сих пор не выяснили себе, в какое отношение должна встать наша социал-демократия к нынешнему нашему аграрному движению.

Если верить газетным известиям, то представитель социал-демократической партии на первом всероссийском крестьянском съезде, указывая на то, что еще не пришло время социалистической революции, «объявил невозможной такую социалистическую меру, как отобрание земли». Но в том-то и дело, что отобрание земли, которого добивается современное наше крестьянство, вовсе не есть социалистическая мера. Такое «отобрание земли» дало бы новый толчок капиталистическому развитию России. Маркс еще в сороковых годах заметил по поводу североаме-

риканского движения в пользу национализации земли, что успех этого движения усилил бы «индустриализм новейшего буржуазного общества». И недаром за национализацию земли в Англии стоял Кобденский клуб, соединивший в себе весь цвет либеральной английской буржуазии. Крестьянское «отобрание земли» может представить некоторое неудобство только с *политической* стороны.

Переход земли в собственность такого государства, с которого еще не совлечен ветхий полицейский Адам, может создать новые преграды для нашего освободительного движения. Но это уже вопрос не об *отобрании* земли, а вопрос о распоряжении ею; вопрос об ее отобрании может быть решен нами только в утвердительном смысле. Кто боится утвердительного решения этого вопроса, тот показывает, что его мысль в самом деле окаменела под мертвящим действием схематизма

[1]).

Если наши товарищи ухитряются иногда быть разбитыми в спорах об этом — «социалистами-революционерами», то это лишь показывает, что эти товарищи не вполне усвоили себе даже наши партийные резолюции. «Отобрание земли» было одобрено еще в прошлом году как съездом «большевиков», так и конференцией «меньшевиков».

Сколько я могу судить, эти резолюции до сих пор не имели большого влияния на агитационную деятельность наших практиков. Теперь пора провести их в жизнь.

Агитация в крестьянстве стала практическим вопросом дня. В настоящую минуту этого оспаривать не станет никто [2]). Но если необходимо вести агитацию в крестьянстве, то необходимо приспособить ее приемы к психологии крестьянина. Вот, например, у нас рекомендуют *бойкотировать Государственную Думу.* Но крестьянская масса не поймет этого бойкота, и наша мнимо-радикальная тактика привела бы лишь

---

[1]) См. первый номер моего «Дневника», статья «Мужики бунтуют». [Сочинения, т. XIII.]

[2]) Это признают даже люди, пишущие в «Новом Времени». Г. В. Бенигсен говорит в № 10702 этой газеты: «Стремление крестьян к земле — стихийная сила, непреодолимая, раз она разбужена, а что она уже разбужена — это вне всякого сомнения, и теперь приходится заниматься не праздным обсуждением вопроса о том, что эта сила в своем движении не считается с западноевропейскими шаблонами улучшения крестьянского хозяйства, а выяснением того, как ее регулировать и согласовать с другими проявляющими-ся в общественной жизни стремлениями. Вот за это нам и нужно теперь приниматься, если только мы не хотим, чтобы и тут нас предупредили крайние партии».

к тому, что мы упустили бы прекраснейший и незаменимый случай повлиять на политическое сознание крестьянства.

Выборная агитация в деревне поставила бы ребром вопрос о земле. А раз был бы поставлен этот вопрос, крестьяне без труда увидели бы, где их друзья и где их враги.

Уже одного этого соображения достаточно для того, чтобы понять несостоятельность идеи бойкота. А кроме него можно было бы привести много других. Место не позволяет мне сделать это; ограничусь кратким формулированием того, что я не раз говорил в личных беседах с товарищами с тех пор, как начались споры о бойкоте Думы

Не только в деревне, но и в городе участие наше в выборной агитации даст нам возможность довести до максимума влияние наше на ши-

рокие слои трудящегося населения.

Поэтому я против бойкота.

Я знаю, что за это меня можно объявить *врагом народа:* припомните некоторые резолюции некоторых наших организаций. Но враги народа бывают разные. Ибсеновский доктор Штокман тоже был объявлен врагом народа, а между тем ведь народу-то он ничем не вредил.

Вы хотели знать мое мнение; я высказал его. Теперь громите меня, если находите это полезным! Слово принадлежит Вам.

Ваш *Г. Плеханов.*

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 5

МАРТ 1906 г.

К аграрному вопросу в России

В ноябрьской книжке «Правды» товарищ Маслов спорит с товарищем Ю. Назаровым об аграрном вопросе. Это интересный спор. Аграрный вопрос имеет теперь у нас огромное значение не только в социальном, но также и в политическом смысле; а товарищ Маслов, несомненно, обладает значительными знаниями в этой области. Вот почему полезно будет взвесить доводы спорящих сторон.

В конце своей статьи тов. Маслов говорит:

«Итак, резюмирую: конференция и третий съезд [1]) не поставили точку над «i». Я ставлю эту точку».

Это — неудачное резюме. С внешней стороны оно, — пусть извинит меня названный товарищ, — немножечко напоминает известное восклицание: «Нет, Петр Иванович, это я сказал «э»! А по смыслу оно далеко не передает содержания не бедной мыслями статьи тов. Маслова. Да и сам этот товарищ в другом месте своей статьи иначе определяет отношение свое к решениям конференции и съезда. Он говорит там

«Ни конференция, ни съезд не дали конкретного содержания аграрной программе, а без такого содержания в сущности нет и программы. Сказать, что аграрный вопрос решат комитеты или Учредительное Собрание,— значит ничего не сказать».

Это уже гораздо строже. Тут уже выходит, что конференция и съезд не сказали ничего, т. е. не только не поставили точки над «i», но не написали даже и самой этой буквы, так что тов. Маслов вынужден был сказать все. Если бы это было так, то конференция и съезд заслуживали бы большого порицания за празднословие, а тов. Маслов заслуживал бы большой похвалы за «трудолюбие и искусство». Однако так ли это? По-моему, не так. Но пусть продолжает тов. Маслов.

[1]) Он имеет в виду конференцию так называвшегося меньшинства и съезд так называвшегося большинства.

«Потому что член каждой партии должен уяснить себе, как *он* должен действовать или относиться к тем или иным действиям в крестьянском комитете или в Учредительном Собрании».

Что верно, то верно! Каждый член каждой партии действительно должен выяснить себе это. Но выяснить себе это еще не значит «дать конкретное содержание аграрной программе». Это может показаться странным, но это неоспоримо. И последователю Маркса это должно быть ясно само собой.

Под словами: «конкретное содержание аграрной программы», тов. Маслов понимает, как это видно из его статьи, определенное требование, относящееся к аграрному вопросу, как он стоит перед партией в *нынешней* России, при *нынешних* русских условиях. Желательное для тов. Маслова требование должно представить собой нечто *вроде нашего,* социал-демократического, *проекта решения нынешнего* нашего аграрного вопроса. Можем ли мы теперь же выработать подобный проект?

И да, и нет. Проект выработать, разумеется, можно; но сам тов. Маслов согласится с тем, что осуществление этого проекта будет зависеть от соотношения русских общественных сил в ту историческую минуту, когда станет решаться наш аграрный вопрос. Если мы не окажемся господами положения в эту решительную минуту, то мы рискуем остаться *при одном проекте.*

Из этого нимало не следует, что нам не *нужно никакого проекта.* Вовсе нет! Но я спрашиваю тов. Маслова, что же поможет тогда «каждому члену партии» выяснить себе, как он будет «действовать или относиться к тем или иным действиям» тех партий, которые будут

решать аграрный вопрос? Все тот же проект? В этом весьма и весьма позволительно усомниться.

Конечно, если у меня только и света в окошке, что данный проект, то мне нечего задумываться над тем, *как* я буду действовать в том случае, когда этот проект окажется неосуществимым. Тактика у меня тогда будет очень простая: я стану с одинаковым отрицанием относиться ко всем другим проектам. Но такая анархически-прямолинейная тактика редко бывает разумна.

Возьмем пример из другой области. Представим себе, что вопрос о так называемом нормальном рабочем дне обсуждается в парламенте такой страны, в которой рабочий день до сих пор равнялся 11 часам. Представим себе далее, что социал-демократы требуют *восьмичасового дня;* буржуазные демократы стоят за *девятичасовой;*

партия крупных землевладельцев, — чтобы насолить капиталистам и ввиду того, что речь идет не о земледелии, — соглашается на *десять часов,* а промышленники отстаивают прежний, *одиннадцатичасовой день.* Наконец, представим себе, что предложенный социал-демократами проект провалился. Теперь скажите, как следует им отнестись к остальным проектам? Голосовать *против* каждого из них? Иногда, при исключительных обстоятельствах, как демонстрация, это может оказаться небесполезным для рабочих; но в огромном большинстве случаев это будет вредно для них, по крайней мере в *возможности,* т. е. это принесет им *действительный* вред в том случае, если, — *благодаря этой тактике социал-демократов,* — буржуазные демократы окажутся не в состоянии провести свой проект, так что победят землевладельцы или даже промышленники.

А это значит, что тактика, выражаемая формулой: «или наш проект, или никакого другого», в большинстве случаев окажется негодной. Какою же тактикой нужно заменить ее? Понятно — какой! Тактика, сообразная с интересами рабочего класса, *должна быть более гибкой;* она должна соображаться с комбинацией общественных сил в каждую данную минуту для того, чтобы, опираясь на эту комбинацию, извлекать наибольшую пользу для рабочего класса. А что нужно для того, чтобы тактика приобрела подобную гибкость? Нужно, чтобы она

опиралась не на приверженность партии к тому или другому определенному («конкретному») проекту, а на правильное понимание партией всей совокупности интересов представляемого ею класса. А правильность понимания ею этой совокупности интересов зависит от правильности тех общих принципов, которые лежат в основе ее практической деятельности. Кажется, что это ясно само собою: если такие принципы существуют и если партия умеет безошибочно применять их в своей оценке общественных явлений, — это последнее условие есть conditio sine qua non, без него и правильные принципы не ведут ни к чему, кроме ошибок, — то и «каждый член» ее в отдельности, и вся она вообще уже без труда решат, как следует действовать в данном отдельном случае.

Стало быть, мы пришли к следующему, — для некоторых, может быть, довольно неожиданному, — выводу. В деле правильного обоснования партийной тактики не столько важны «конкретные» проекты решения тех или других общественных вопросов, сколько *общие руководящие принципы.*

22

Переводя это на язык тов. Маслова, мы можем сказать, что в деле правильного обоснования партийной тактики не столько важна точка над «i», сколько само «i».

Повторяю, этот вывод может кому-нибудь, — а, пожалуй, и самому тов. Маслову, столь гордому своей «точкой», — показаться довольно неожиданным. Однако он вполне соответствует всему духу нашего учения.

Больше того. Он представляет собой лишь повторение того, что сказал Энгельс в начале своей литературной карьеры об отношении метода к получаемым с его помощью результатам. Метод, это — самое главное; если он верен, то по необходимости верны будут и те результаты, к которым он приводит. Кто забывает об этом, тот лишается возможности понять и результаты, которые, таким образом, теряют в его руках почти всякое значение. Энгельс говорит, — заимствуя это свое выражение у Карлейля, — что в таком случае результаты уподобляются моррисоновым пилюлям (считавшимся тогда некоторыми эмпириками за средство от всех болезней). Но «моррисоновы пилюли»

должны иметь в наших глазах так же мало значения, как имели в глазах Энгельса.

Пусть не подумает тов. Маслов, что я совсем не интересуюсь «результатами» и потому совсем не дорожу его «точкой». Истинно говорю: у меня к ней большая слабость. А что касается «результатов», то еще Энгельс справедливо заметил: «Результаты все-таки должны принять определенную форму; развитие должно вывести их из туманной неопределенности и сделать из них ясные мысли». Результаты интересны для всякого общественного деятеля, как были они интересны и для самого Энгельса, посвятившего всю свою жизнь борьбе за освобождение пролетариата. Но если общественный деятель — не эмпирик, довольствующийся «моррисоновыми» или какими-нибудь другими пилюлями, то он смотрит на *«результаты»* с высоты метода, на «конкретное содержание» различных пунктов своей программы — с точки зрения основных принципов своего учения. И когда он сам или кто-нибудь из его товарищей неясно понимает связь метода с результатами, «конкретного содержания программы» с основными принципами учения, то он *прежде всего* старается осветить этот темный пункт.

Где же надо искать ту точку зрения, с высоты которой мы должны оценивать как все вообще наши «результаты» и «точки», так и, в частности, нашу аграрную программу? Во взгляде на социализм, как на следствие *развития производительных сил в капиталистическом*

обществе. Говоря это, я не имею ни малейшего намерения разогревать старый спор о том, должны ли все народы пройти через капитализм. Если австралийские племена доживут в своей дикости до того времени, когда восторжествует социализм в цивилизованном мире, то они непременно *минуют* «фазу капитализма». Но они минуют ее, — т. е. войдут мало-помалу в социалистическое общество, — все-таки потому, что производительные силы капиталистических стран достигнут такой степени развития, на которой сделается совсем невозможным их сосуществование с капиталистическими отношениями производства, с капиталистической собственностью. К тому же для России указанный спор потерял теперь всякое значение: ведь она

уже вступила в «фазу капитализма».

Но, совсем не желая возобновлять этот спор, я считаю необходимым напомнить о нем.

Было время, когда он имел огромное значение в глазах наших социалистов. «Конкретное содержание» русских социалистических программ в своих главных чертах определялось тем, к каким выводам приходила каждая из спорящих сторон. Народники семидесятых годов и их эпигоны двух последующих десятилетий держались того убеждения, что Россия может миновать капиталистическую фазу; поэтому они выставляли целые ряда таких требований, которые должны были *помешать* развитию у нас капитализма. Наоборот, социал-демократы утверждали, что говорить о миновании Россией капитализма не приходится по той простой причине, что русский капитализм представляет собой не гипотезу, а факт, *не* ожидание, а действительность; поэтому указанные требования народников казались им *реакционными.* Наши социал-демократы говорили, что мешать развитию капитализма значит стремиться *повернуть назад колесо истории.* И в то время, когда спор еще продолжался, с ними соглашались в этом отношении все социал-демократы Запада. Теперь, когда на Западе появились так называемые ревизионисты, русским социал-демократам пришлось бы, пожалуй, выслушать некоторые возражения на этот счет: гг. Бернштейн, Давид и проч. сказали бы, может быть, — я пишу *«может быть»* потому что я не уверен в этом, — что народники «отчасти» правы. Но ведь то ревизионисты! Серьезные же социал-демократы Запада и теперь безусловно согласятся с нами. На Бреславльском съезде 1895 г. Бебель сказал, что когда ему приходится обдумывать какое-нибудь практическое требование своей партии, то он прежде всего спрашивает себя: не помешает ли оно дальнейшему развитию капитализма, и если убе-

дится, что помешает, то отвергает его, как несогласное с духом социал-демократии. И это — единственное правильное отношение к вопросу. Отстаивать меры, задерживающие развитие капитализма, прилично только реакционерам и антисемитам, которые, впрочем, тоже — самые несомненные реакционеры.

Подобно Бебелю, русские социал-демократы никогда не согласились бы отстаивать меры, мешающие развитию капитализма. Они держались правильного принципа. Но я уже сказал, что правильного принципа недостаточно: нужно еще умение правильно пользоваться им. А это умение, к сожалению, не всегда было свойственно русским социал-демократам. К числу реакционных, а потому и нежелательных, мер они относили многие из тех, которые на самом деле не только не имели ничего общего с реакцией, но и в случае своего осуществления дали бы новый толчок экономическому развитию России. Это сообщало их воззрениям узкий, сектантский характер. Вот замечательный пример. Во время голода 1891 г. я, в брошюре «Всероссийское разорение», высказал ту совершенно естественную и, можно сказать, неизбежную мысль, что социал-демократам следовало поднять агитацию с требованием от государства самой серьезной помощи голодающим крестьянам. И что же? Часть наших работавших в России товарищей увидела в этом измену моим прежним взглядам и написала мне, что она остается при «старой» программе группы «Освобождение Труда». Эти наши товарищи были убеждены, что помогать голодающим значило задерживать разложение нашего старого экономического порядка. Как ни старался я разубедить их, но я до сих пор не уверен в том, что они согласились со мной и перестали считать меня отступником [1]). И надо сознаться, — стыдно сказать, а грех утаить, — что это было вовсе не единичное явление. «Крестьянский вопрос» вообще решался большинством наших товарищей до крайности прямолинейно. Всякая мысль о повышении уровня крестьянского благосостояния, — если можно применить к быту нашей крестьянской массы слово: благосостояние, — пугала многих из них, как уклонение от марксизма, как угроза экономическому прогрессу. Ввиду этого неудивительно, что когда приступлено было в 1902 г. к выработке проекта нашей нынешней программы, то больше всего затруднений встретилось именно со стороны «аграрного вопроса». Недаром прозаический Ленин почти поэтически, — во всяком случае *образно,* — пред-

[1]) Следы этого объяснения читатель найдет в post-scriptum к моей брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», вышедшей в 1892 г. [Сочинения,

ставил читателям те затруднения, с которыми встречается социал-демократ, взявшийся за решение этого вопроса в России [2]). Главная трудность заключалась именно в том, что переход помещичьих земель в руки крестьянства вызывал большие споры по части «судеб капитализма в России». Знаменитые «отрезки» потому и понравились очень многим, что казались такой мерой, которая могла бы, с одной стороны, хоть немного помочь крестьянству, а с другой — не только не задержала бы развития капитализма, но даже содействовала бы ему, устраняя кабальные отношения между землевладельцами и земледельцами. Поэтому за «отрезки» держались у нас многие даже тогда, когда крестьяне принялись по-своему разрешать аграрный вопрос, не отличая отрезков от других помещичьих земель и не задумываясь о «судьбах капитализма». В этом я окончательно убедился на конференции «меньшевиков». Некоторые из присутствовавших на ней товарищей нисколько не скрывали тех опасений, которые внушало им крестьянское движение. Эти товарищи считали, что они обнаруживают большую уступчивость, соглашаясь «не противиться» этому движению. Как будто для людей, не служащих в министерстве внутренних дел, — я уже не говорю: для социал-демократов, — мог существовать вопрос: «противиться» или «не противиться»!

Слушая речи этих товарищей, я мог приписать единственно только их снисходительности то обстоятельство, что они не заподозрили меня в измене марксизму на основании моих еретических взглядов на этот счет, высказанных в «Заре», на втором съезде, в первом номере моего «Дневника» и, наконец, на той же конференции.

«Ортодоксов» *этого* образца было на конференции не много, и они оказались в *меньшинстве.* Но это не помешало им повлиять на ход и исход происходивших на ней прений. Благодаря им эти прения должны были сосредоточиться главным образом вокруг вопроса о возможных экономических последствиях «черного передела». В интересах партии, для того, чтобы она не совершила огромнейшей исторической ошибки и не покрыла себя позором комического и в то

же время жестокого педантизма, необходимо было настаивать на признании конференцией того, что социал-демократия обязана не только «не противиться» но и действовать. И этим приходилось довольствоваться. Добиться более точного определения оказалось невозможным вследствие сопротивления

[2]) См. его статью «Аграрная программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» в четвертой книжке «Зари».

вышеупомянутых блюстителей уродливо понятой «ортодоксии». Вот почему «i» осталось без точки [1]).

На съезде «большевиков» дал себя почувствовать, — как это видно из его протоколов, — тот же экономический предрассудок. Поэтому его «i» тоже вышло без точки.

Читатель видит теперь, что тов. Маслов строг, но... несправедлив. Это неверно, что съезд и конференция ничего не сказали. Они сказали: надо поддержать крестьян, не смущаясь опасением за участь капитализма; мысль о том, что торжество нынешнего нашего аграрного движения возродило бы к новой жизни наши старые экономические «устои», есть не более, как старый народнический предрассудок. И сказать это было бы безусловно необходимо.

А теперь поговорим о «точке», о которой собственно и спорят между собой тт. Назаров и Маслов.

Тов. Назаров, пожалуй, даже и не спорит, а просто просит тов. Маслова рассеять некоторые его сомнения, а тот отвечает со свойственной ему строгостью.

Аграрная программа тов. Маслова, требующего передачи помещичьих земель областным земствам, которые со своей стороны будут отдавать их в аренду, вызывает в тов. Назарове вот какое сомнение:

«Крестьянин будет видеть, что как прежде он арендовал землю у барина, так точно и при предлагаемой вами реформе он будет арендовать ее у какой-то «областной» организации. Но он не *хочет* этого... Вопреки ламентациям «социалистов-революционеров», он хочет иметь свою землю, свою собственность. Это мой первый вопрос».

Тов. Маслов отвечает на это: *«Даже* допуская, что в крестьянском движении преобладает тенденция раздела земель, социал-демократ не может выставить демагогических мещанских лозунгов, чтобы приспо-

собиться к темной массе крестьянства». Далее, указывая на то, что пролетарская программа должна ставить в свое основание интересы рабочего класса, тов. Маслов продолжает:

[1]) Иной социалист-революционер («эсер») скажет, пожалуй: но зачем же партия выдвигала требование отрезков? Отвечаю. Отрезки были требованием, выдвигавшимся в «мирное» время. Я уже в «Заре» указывал на то, что в революционное время надо будет поставить вопрос *гораздо шире.* Для пролетариата мы не выставляли двояких требований, — одних для мирного, других для революционного времени. Это потому, что пролетариат не может не *выставить* революционных требований; потому что *его* движение всегда революционно по существу, а крестьянство могло и не сделаться революционным.

«Раздел земли между крестьянами в собственность или между отдельными общинами (социализации земли) является нежелательным с точки зрения интересов рабочего класса, так как передает результаты народной и, главным образом, рабочей революции в руки частных собственников. Поэтому тот, кто, увлекаясь «реалистической» политикой, будет рекомендовать раздел земли, будет действовать против интересов рабочего класса, будет высказываться за лишение пролетариата права принять участие в распоряжении земельным фондом, так как раздел исключает какое бы то ни было участие в распоряжении землей всех, кроме собственников земли».

Я не знаю, удовлетворился ли тов. Назаров этим ответом. На его месте я не счел бы себя удовлетворенным.

В самом деле, насколько я мог понять тов. Назарова, для него речь идет не о том, что̀ представляется ему наиболее *желательным,* а о том, что̀ именно следует признать наиболее *возможным.* Тов. Маслову этот вопрос кажется оппортунистическим; но это совершенно напрасно.

Лично я признаю, что передача земель областным сеймам наиболее желательна с точки зрения социал-демократа. Стало быть, я полностью воздаю масловской «точке» то, что ей принадлежит. И тем не менее я утверждаю, что «точка» оставляет неясными многие «пункты», относящиеся к вопросу о том, как должен социал-демократ «действовать или относиться к тем или иным действиям в крестьянском комитете или» и т. д. А ведь этот вопрос задает нам тот же тов. Маслов, автор «точки».

Я возьму пример, подобный вышеприведенному примеру с нормальным рабочим днем. Представьте себе, что в «комитете», — или другом

подобном учреждении, — социал-демократам *не удалось* провести свой законопроект, выработанный в духе масловской «точки». Остаются три других законопроекта: 1) «социализация» социал-народни-ков; 2) раздел конфискованных земель в частную собственность и 3) национализация земли. Как следует отнестись к каждому из них? Какой из них предпочесть?

«Точка» молчит. А это показывает, что с ней не все обстоит благополучно, что над ней тоже нужно поставить какую-то новую «точку». Но какую же именно?

Тов. Маслов говорит: «Пролетарская программа должна ставить в свое основание интересы рабочего класса». Это правильно, хотя не совсем ново. Но это не все. Интересы рабочего класса должны стать основой не только пролетарской *программы,* но также и пролетар-

кой *тактики.* И вот, именно во имя пролетарских интересов, я спрашиваю тов. Маслова, что лучше: социализация земли? ее национализация? или же, наконец, ее раздел в частную собственность?

Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Как ни велико мое уважение к «точке», но я должен признать, что она не дает нам «прямых ответов» на эти «проклятые вопросы».

Где же искать таких ответов? Очевидно, что искать их нужно не в той или другой отдельной «точке», а в каком-то общем принципе, могущем охватить в одной формуле многие «точки», многие частные случаи. Известно, что одна точка не определяет направления линии.

Когда «каждому члену партии» будет ясен этот общий принцип, тогда, — и *только тогда,* — он уяснит себе, как он должен «действовать или относиться к тем или иным действиям в комитете» и проч. А «точки» для этого недостаточно. «Точка» хороша, но тов. Маслов преувеличивает ее значение, подобно тому, как родители преувеличивают достоинства своих детей.

Прежде чем указать, — вернее, *напомнить,* — в чем заключается этот общий принцип, я сделаю еще несколько замечаний на статью тов. Маслова.

Он говорит, что переход помещичьих земель в руки крестьян «мо-

жет иметь огромное прогрессивное значение и может иметь огромное реакционное значение в зависимости от того, в чьи руки перейдут земли. Во Франции переход конфискованных революцией земель в *собственность* мелкой буржуазии создал из нее реакционные кадры многочисленных сторонников бонапартизма и буржуазного «порядка». Раздел или распродажа земель вместо десятка тысяч помещиков может только создать сотни тысяч вновь испеченных помещиков, что, разумеется, будет только на руку реакции».

Прежде всего о Франции. Справедливо то, что мелкая буржуазия, в руки которой попала часть земель, конфискованных революцией, — а не *все эти земли,* как это думает, по-видимому, тов. Маслов, — справедливо, говорю я, что эта буржуазия нередко играла *впоследствии* реакционную роль. Но раз уже зашла речь о ней, то я полагаю, что тов. Маслову следовало выяснить «каждому члену партии», какую именно роль играла она *во время революции.* В данном случае это важнее. Кроме того, этот товарищ хорошо сделал бы, если бы объ-

яснил нам, каково же собственно было историческое значение конфискации земель, совершенной французской революцией?

Следует ли считать его *реакционным?* Если — да, то нам придется изменить весь свой взгляд на экономический смысл великой французской бури. Нам придется пожалеть о том, что совершилась конфискация, нанесшая такой жестокий удар экономической основе старого порядка. Нам придется пожалеть о том, что мелкая буржуазная собственность заменила собою крупные феодальные владения. Нам придется, пожалуй, пожалеть о том, что вообще произошла эта революция. Но ведь это несомненно *«будет только на руку реакции».*

Или, может быть, нам следует пожалеть совсем о другом? Именно о том, что Великая французская революция была *буржуазной* революцией? Что в ее, довольно уже отдаленное от нас, время не было ни тов. Маслова, ни его «точки»? Но ведь это *«будет только на руку»...* утопическому взгляду на историю.

Переворот, совершившийся в конце XVIII века во Франции, имел *огромное прогрессивное значение как в городе, так и в деревне.* И там,

и здесь он устранил *отжившие* производственные отношения, *свойственные «старому порядку»,* и заменил их *новыми, буржуазными* отношениями. Это дало сильнейший толчок всему экономическому, — а через посредство экономики и политическому, — развитию Франции. Тов. Маслов не реакционер, — вряд ли нужно говорить это, — и не утопист. Стало быть, он и сам понимает, «почему сие важно». А если понимает, то должен будет согласиться и с тем, что если бы теперь какая-нибудь страна оказалась в положении, подобном тому, в котором находилась Франция конца XVIII века; если бы история поставила перед ней ребром великую дилемму: *или* производственные отношения, свойственные «старому порядку», *или* переход помещичьих земель в руки мелкой буржуазии, то ни один социал-демократ ни на одну минуту не мог бы поколебаться в выборе и не имел бы права, подобно Понтию Пилату, умыть себе руки. Он *обязан* был бы всеми зависящими от него средствами способствовать крушению полуфеодальных производственных отношений и замене их буржуазными.

А что, если Россия окажется именно в таком положении? Мне возразят, пожалуй, что Россия, в отличие от Франции XVIII века, имеет пролетарскую партию, в аграрной программе которой тов. Маслов поставил точку над «i». Я этого не забываю. Но ведь я предположил, что в «комитете» или вообще в инстанции, решающей аграрный вопрос, предложение представителей пролетарской партии *провалилось,* так

что *остается выбирать* между предложениями других, *непролетарских* партий. Теперь я, ради еще большего упрощения вопроса, предполагаю на минуту, что провалилась также и пресловутая «социализация». Вопрос стоит, значит, так: *или* национализация, *или* переход конфискованных земель в частную собственность крестьян. Вы как будете решать этот вопрос, тов. Маслов? Что внушит Вам ваша «точка»?

В той же книжке «Правды» г. Николай Валентинов высказывается *против* национализации, но не считает нужным перечислять имеющиеся против нее «солидные аргументы», так как это сделали Каутский и Маслов. Г-н Н. Валентинов, как видно, не знает, что

«солидные аргументы», имеющиеся против национализации, были указаны в «Заре» раньше, чем о них заговорил тов. Маслов. Но это мимоходом. Главное дело в том, что аргументы, имеющиеся против национализации, действительно солидны и что их с убеждением повторяет сам тов. Маслов. Что же ему остается? Остается, — позабыв о своей «точке», — высказаться за раздел помещичьих земель в частную собственность.

Остается *только* это, если не предпочесть нынешнее положение дел. Слова тов. Маслова о том, что раздел земель *был бы только на руку реакции,* потому что заменил бы крупных помещиков мелкими, дают некоторое основание думать, что он предпочел бы нынешнее положение разделу. Если у него в самом деле есть такое предпочтение, то выходит, что при указанной альтернативе он должен будет перейти в лагерь консерваторов. Это будет «реальной политикой» самого изумительного свойства. Думать, что тов. Маслов может увлечься подобной политикой, значит незаслуженно обижать его. А между тем ведь мы пришли к нашему выводу совершенно логичным путем. Что же это показывает? Это показывает, что посылка; взятая нами у тов. Маслова, *неправильна,* т. е. что он неточно выразил свою мысль, т. е. что и по его мнению раздел помещичьих земель между крестьянами вовсе не был бы шагом назад сравнительно с нынешним положением дел.

Да иначе и не может быть. Ведь сам же он признает, что право собственности помещиков на их земли выражается *только* в эксплуатации арендаторов. Но если это так, то экспроприация помещиков может повести *только* к поднятию уровня благосостояния крестьян, арендующих помещичьи земли. А такое поднятие не только ровно ничему не повредит в экономической жизни страны, но, напротив, будет очень сильно способствовать ее дальнейшему развитию.

Итак, еще раз. Если нам придется выбирать между национализацией и разделом, то нам следует выбрать *раздел*

Раздел имел бы бесспорно много неудобств с нашей точки зрения. Но сравнительно с национализацией у него было бы то огромное преимущество, что он нанес бы окончательный удар тому нашему старому

порядку, при котором и земля, и земледелец составляли собственность государства и который представляет собой не что иное, как московское издание экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий. А национализация земли являлась бы попыткой реставрировать у нас этот порядок, получивший несколько серьезных ударов уже в XVIII веке и довольно сильно расшатанный ходом экономического развития в течение второй половины XIX столетия.

Если нынешнее наше крестьянское движение представляет опасность для дальнейшего экономического развития России, то именно лишь в той мере, в какой оно могло бы привести к реставрированию указанного порядка. И поскольку в нем есть такая тенденция, постольку были правы товарищи, опасавшиеся его последствий. К счастию, эта несомненно существующая тенденция имеет мало шансов на победу.

Это надо разъяснить.

Случилось ли вам прочесть в VII томе географии Элизэ Реклю страницы, посвященные Китаю? Если случилось, то вы, наверно, помните курьезный рассказ о том, как, «после различных перипетий, повлекших за собой революции и перемены династий», китайские «социалисты» покинули идею общинной собственности («как она существовала прежде») *и* «сделали попытку применить новую систему». В 1069 г. Ван-ган-че, друг и советник тогдашнего китайского императора Че-у-цунга, издал декрет, отменявший частную собственность. В силу этого указа государство сделалось единственным собственником и взяло на себя распределение всех продуктов, производство которых должно было находиться в заведовании государственных чиновников. Эта мера вызвала сильнейшую оппозицию со стороны мандаринов и прежних крупных феодальных землевладельцев, однако Ван-ган-че, сумел, — говорит Э. Реклю, — поддержать свою систему государственного коммунизма в течение 15 лет. «Но достаточно было перемены царствования, чтобы низвергнуть новый режим, который так же мало соответствовал желаниям народа, как и стремлениям высокопоставленных лиц, и который к тому же создал целый класс инквизиторов, сделавшихся

настоящими землевладельцами» [1]).

[1]) «Nouvelle Géographie», tome VII, p. 577.

Реклю говорит, что этот «коммунистический» опыт китайского царедворца представляет собою величайшую из всех попыток, когда-либо предпринимавшихся правительствами в целях, общественного переустройства. Это его замечание сделано не спроста. *Анархист* Реклю метит здесь в *социал-демократов,* стремления которых принимают в анархических головах вид китайского «коммунизма». Да и самая история попытки Ван-ган-че рассказана, как видно, с целью привести новый довод против будто бы государственного социализма международной социал-демократии. Жаль только, что довод этот совсем не выдерживает серьезной критики.

Я уже не говорю о том, что те способы, которыми надеются осуществить свои стремления социал-демократы, не имеют ничего общего с декретами, издаваемыми более или менее народолюбивыми царедворцами. Но самая «попытка» уподобить внутреннюю историю Китая истории *западноевропейского* общества XIX века свидетельствует о большой наивности. Реклю был очень хорошим географом, но очень плохим социологом. Он без всякой критики взял, — если не ошибаюсь, у Захарова, — рассказ о китайской «коммунистической» революции XI века. А между тем в его собственном изложении было достаточно материала для того, чтобы свести к надлежащим размерам заключающуюся в этом рассказе истину.

Из его изложения видно, что в продолжение более чем тысячи лет внутренняя история Китая «совпадала с историей землевладения» и что главной отличительной чертой этой последней была борьба за землю между народом и «феодальными» землевладельцами. Из того же изложения видно, что уже в 9 г. нашей эры был издан указ, в силу которого вся земля была объявлена *собственностью государства.* Это такая же «коммунистическая» революция, как и «попытка» министра Ван-ган-че. Правда, эта последняя распространялась, по словам Реклю, также и на движимую собственность. Но это более чем сомнительно. Вернее всего, что известие о совершенной Ван-ган-че

революции относится к предприятиям вроде тех общественных запашек, которые иногда вводились у нас начальством, к большому неудовольствию крестьян, на удельных землях. Только эти предприятия были затеяны, по-видимому, в гораздо бо̀льших размерах, и предшествовал им, вероятно, передел земель во всем государстве, сильно затронувшей интересы землевладельцев, державших землю на поместном праве. Во всяком случае, по хозяйственным условиям Китая, эта революция могла быть *только аграрной* и должна быть рассматриваема лишь как один

из эпизодов в истории государственного хозяйства Китая. А как мало привлекательного для социал-демократа в «попытках» подобного рода, читатель может видеть из нашего резко отрицательного отношения к национализации земли. Пушкин говорит, не помню сейчас в каком стихотворении:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд...

Мы, как Пушкин, не полагаем своих надежд «на генерала Киселева», которого, кстати сказать, некоторые наши «передовые» публицисты до недавнего времени изображали чуть ли не всероссийским Гракхом. Мы не только не ждем ничего, кроме зла, от затей русских Ван-ган-че, но употребим все усилия для того, чтобы сделать такие затеи экономически и политически невозможными.

Надо признать, однако, что в аграрной истории Московской Руси было, к сожалению, слишком много китайщины. Под влиянием многих неблагоприятных исторических условий, — в числе которых экономическая отсталость этой части России и монгольское иго играли не последнюю роль, — право собственности на землю из рук *земледельцев* постепенно перешло к великому князю, — впоследствии к царю, — который и стал распоряжаться ею как фондом для удовлетворения потребностей государства. Петербургский период нашей империи закончил и привел в систему то, что начато было московским. Через знаменитое «окно в Европу» не пришло никаких существенных перемен в аграрной политике правительства, поскольку она затрагивала интересы *земледельцев.* В том, что касалось

землевладельцев, произошла, напротив, весьма существенная перемена, имевшая несомненное влияние на психологию крестьянства. Но прежде чем говорить об этой перемене и для того, чтобы понять ее влияние, необходимо вспомнить, что в течение продолжительного времени рядом с закрепощением государству *земледельцев* шло сокращение прав *землевладельцев,* вотчинников, которые были мало-помалу поставлены на одну доску с *помещиками* [1]), т. е. с лицами, обязанными службой. Таким образом, население страны разделилось, по выражению, Костомарова, на государственных сирот (крестьяне и вообще тяглые люди), государевых холопов (служилые люди) и государевых богомольцев (духовенство). «При тогдашнем положении народного и государ-

[1]) Известно, как много было сделано в этом отношении Грозным.

ственного хозяйства землевладение было необходимым условием исправного отбывания ратной службы, как она была тогда устроена», — говорит Ключевский в своих чтениях по истории сословий в России. Это верно в применении не только к ратной, но и ко всякой другой службе. Так же верно и то, что при тогдашнем положении народного хозяйства земля была необходимым условием исправного отбывания «тяглыми людьми» своих повинностей по отношению к государству.

И вот русское государство постепенно сделалось тем Левиафаном, о котором мечтал Томас Гоббс и который наделяет каждого участком земли, смотря по его занятию и положению. Вряд ли нужно указывать здесь на то, что наша пресловутая сельская община с переделами возникла, как естественный плод закрепощения государству земли и земледельца. Старый предрассудок относительно сельской общины с переделами теперь уже разрушен в русской и западноевропейской науке. Но совсем не излишне указать на следующее важное обстоятельство.

Если земля составляет необходимое условие исправного отбывания тяглыми людьми своих обязанностей по отношению к государству, то совершенно естественно, что «государевы сироты» требуют, — по-своему, по-«сиротски», но все-таки требуют, — нового земельного передела всякий раз, когда им дает себя чувствовать «земельное

утеснение». Естественно также, что государство в своих собственных интересах старается по возможности исполнить это требование, наделяя крестьян новыми, «порожними» землями, выселяя их «на новые места» или же устраняя *посредством* переделов возникающее между ними земельное неравенство. Известно, какое значение имели в жизни государственных крестьян ревизии. После уничтожения крепостной зависимости, крестьяне во многих местах не считали себя в праве раньше ревизии приступить к переделу своей общинной земли. А когда они местами переделили, наконец, свои земли, не дожидаясь новой ревизии, то оказалось, что передел совсем не устранил тяжелого земельного утеснения. Тогда истощилось веками испытанное терпение «государевых сирот», и они заволновались...

Это не все. Если землевладение было необходимым условием исправного отбывания службы «государевыми холопами», то, с другой стороны, было вполне логично отнять землю у того «холопа», который не служил. А в этом положении не служащих «холопов» оказалось все, поместное дворянство с тех пор, как его «вольность» избавила его от обязательной службы. Тогда в головах у «сирот» зашевелился вопрос: почему же продолжают «господа» владеть своими поместьями? И по

мере того, как росла их нужда в земле, «сироты» все более и более склонялись к тому, чтобы ответить на этот вопрос в том смысле, что поместное землевладение есть вопиющая несправедливость и что скоро этой несправедливости будет положен конец. Так возникло ожидание «черного передела». А когда это ожидание оказалось обманчивым, «сироты» сами стали забирать помещичьи земли, подобно тому, как они переделили свои общинные земли, не дождавшись ревизии.

Говорят, что нынешние наши аграрные волнения вызываются влиянием революционной пропаганды. Но, во-первых, это влияние вовсе не так велико, *чтобы* им можно было объяснить все случаи аграрных «беспорядков». А во-вторых, спрашивается, *почему же* революционеры *могли* повлиять на крестьян в данном случае? Что дало революционерам эту *возможность?* Я отвечаю: психология крестьянина, исторически сложившаяся на почве очерченной мною

«национализации» земли. А эта психология существовала несравненно раньше, чем крестьянство стало поддаваться революционному влиянию. Она создана не революционерами, а «историей государства российского».

И эта, созданная «историей государства российского», психология крестьянина обнаружилась даже на знаменитых крестьянских съездах прошлого года. Если большинство делегатов так легко соглашались с тем, что помещикам не надо давать выкупа за землю, то это объясняется тем крестьянским убеждением, что земля была получена помещиками от государства: «даром получил, даром и отдать должен», говорил смоленский делегат. Но в высшей степени замечательно, что крестьяне *Донской области* высказались за выкуп, *«боясь за свои купленные* земли» [1]). В этой области в крестьянском быту гораздо более сильны новые, буржуазные влияния.

Когда крестьянин, незатронутый революционной пропагандой, — а ведь затронутых пока все-таки незначительное меньшинство, — говорит о необходимости отобрания земли у помещиков, то ему и в голову не приходит, что он потрясает какие-нибудь основы. Совершенно наоборот! Он считает себя *охранителем* той экономической основы, которая освящена в его глазах веками, потому что на ней в течение целых веков держалось русское государство. Потому-то он искренно считает *бунтовщиками* помещиков, противящихся переделу. И в некотором смысле, — в смысле *сознатель-*

[1]) «Правда», ноябрь 1905 г., стр. 363.

ного стремления, — он в самом деле является охранителем. Более того. Если бы ему удалось восстановить указанную экономическую основу старого нашего государственного порядка, то сильно, очень сильно повернулось бы назад колесо русской истории.

Ввиду этого мы, поддерживая крестьянские требования, в то же время не должны ни на минуту забывать об этой, — *реакционной,* — стороне крестьянского движения. И само собой разумеется, что *ей* мы *обязаны* «противиться», хотя мы и не служим в министерстве внутренних дел. И именно потому, что мы обязаны «противиться» ей, мы, при известных обстоятельствах, — не раз указанных мною выше,

— должны будем высказаться за раздел/так пугающий тов. Маслова. Этого требуют от нас как интересы рабочего класса, так и интересы всего социально-политического развития России.

На одном из крестьянских съездов смоленский делегат говорил: «Цари присвоили себе общественную землю и роздали ее приближенным». Что же нужно? *Отобрать землю у «приближенных». Больше этого* съезды по существу не сказали *ничего. Вслед за этим* в их решениях начинается область, в которой господствует утопия, тоже выросшая, впрочем, на почве воспоминаний о нашем старом экономическом быте: каждый «получает» столько земли, сколько ему нужно и т. п. Но ведь и китайские общественные перевороты состояли в том, что земли отбирались у «приближенных» и возвращались Левиафану — государству, после чего начиналась старая история, плодившая новых «приближенных», вызывавшая новые перевороты, возрождавшая старую китайщину.

Нам не нужно китайщины. Поэтому мы поддерживаем крестьянское движение *только* в той мере, в какой оно разрушает старое, а не в той мере, в какой оно стремится восстановить нечто такое, в сравнении с чем само это старое кажется новым и прогрессивным явлением. Двойственный характер крестьянского движения требует от нас — не скажу двойственной тактики, потому что хуже такой тактики быть ничего не может, — нет, наоборот, нам нужно внимательно следить за тем, чтобы наша тактика не *стала двойственной* под влиянием двойственного характера крестьянского движения; чтобы она сама не прониклась отчасти реакционным духом; чтобы она не поддерживала стремления повернуть назад русскую экономическую историю.

И это тем легче для нас, *что современный* склад *жизни крестьянина* далеко опередил собою *склад его мысли.* Если крестьянин не прочь бы вернуть дореформенную старину, то пореформенные отношения внесли в его жизнь много таких тенденций, *которые*

находятся в непримиримом противоречии с этой стариной. Нам нужно выяснить себе эти тенденции и, — не смущаясь их буржуазным характером, — поддерживать *их в том случае,* когда они явятся неизбежным условием дальнейшего экономического развития и

препятствием на пути к реставрации нашей государственно-экономической китайщины.

В основе нашей тактики, — в аграрном, как во всяком другом вопросе, — должны лежать пролетарские интересы. А пролетарские интересы требуют неустанного движения вперед, непримиримой борьбы со всем отживающим.

Теперь нам не трудно будет установить общий руководящий принцип нашей «экономической политики».

Мы стараемся устранить буржуазные отношения производства там, где уже можно заменить их другими, высшими; мы расчищаем для них дорогу там, где мы можем выбирать только между ними и устарелыми, добуржуазными производственными отношениями.

Не мешает прибавить, что этим принципом руководствовалась и конференция меньшинства, указавшая в своей резолюции, каким образом экономическое движение крестьянства должно быть связано с демократическими стремлениями нашего времени. Тов. Маслов не обратил никакого внимания на эту сторону дела. Его «точка» заняла все его поле зрения.

POST-SCRIPTUM

Статья эта была уже набрана, когда я прочитал в декабрьской (сильно запоздавшей) книжке «Правды» «Проект аграрной программы» тов. П. Маслова и статью тов. Вл. Громана: «К аграрной программе российской социал-демократии».

«Проект» тов. Маслова первоначально появился в печати более двух лет тому назад. Но я не имею под руками первого его издания и потому не могу сказать, перепечатан ли он теперь в «Правде» без перемен, или же тов. Маслов сделал в нем какие-нибудь добавления. Если добавлений им не было сделано, то я должен пожалеть о том, что я *позабыл* следующее характерное место его «Проекта»:

«Ставя конечной целью организацию социалистического строя, рабочая партия не примет непосредственного участия в борьбе из-за расширения права собственности на землю *между* различными сословиями. Ее участие в этой борьбе будет лишь постольку, поскольку возможно расширение общественной собственности на счет личной».

Это довольно ясно. *Если невозможно* «расширение общественной собственности на счет личной», то нам совсем не следует участвовать в борьбе. А это значит, что при *указанном отрицательном условии* мы должны будем сохранить нейтралитет, устраниться от великого крестьянского движения, дать *ему пройти мимо нас.* Можем ли мы поступить так? Нет, не можем.

Не можем потому, что и при указанном отрицательном условии, — т. е. *если невозможно расширение общественной собственности,* — пролетариату далеко не все равно, какое из двух «сословий» останется победителем.

Победа крестьянства означала бы победу *буржуазных* отношений, *его поражение* равносильно было бы сохранению тех производственных отношений в деревне, которые, — будучи завещаны старым порядком и сами служа опорой его общественно-политическим пережиткам, — не только не *способствуют* развитию производительных сил, но сильно *задерживают* это развитие.

Нейтралитет нашей партии в этой борьбе показал бы, что правы те люди, которые обвиняют нас в доктринерстве.

Эта ошибка тов. Маслова лишний раз подтверждает ту, — впрочем, не нуждающуюся в новых доказательствах, — истину, что одна «точка» не определяет направления линии в пространстве и... направления партии в политике.

Перехожу к тов. Громану.

Он приводит в своей статье следующие строки из первого номера моего «Дневника»:

Тогда (после перехода помещичьих земель в областную собственность) *аграрный вопрос свелся бы к определению условий аренды...* Наша партия должна была бы позаботиться о том, чтобы эти условия, во-первых, как можно более ограждали интересы наемного труда, т. е. сельскохозяйственных пролетариев; во-вторых, не служили бы орудием эксплуатации арендаторов; в третьих, не *поощряли бы одного какого-нибудь класса насчет другого* [1]), подобно тому, как наши нынешние земства облегчают при обложении земли помещиков за счет крестьян».

Тов. Громан не считает возможным вполне согласиться со мной.

«Первую и вторую заботу я признаю, — говорит он, — но насчет третьей я должен высказаться отрицательно. Нет... Я считаю необходи-

[1]) Эти строки подчеркнуты тов. Громаном.

мым чтобы наша партия теперь же... заботилась о том, чтобы землю прежде всего получили те, кому она нужна, чтобы не умереть с голоду, чтобы выйти из давящей нужды, и кто пролил за нее реки крови... Тов. Плеханов рекомендует нейтралитет, который в товарном обществе не может выразиться иначе, как сдачей земли тому, кто больше дает за нее».

Очень, очень хорошо! А что рекомендует тов. Громан? Поддержку одного класса арендаторов против другого? Мелких арендаторов против крупных? Но такая поддержка была бы равносильна поддержке *мелкого* производства на счет *крупного.* Тов. Громан прервал свою цитату из моего «Дневника» как раз там, где ее необходимо было продолжать для выяснения моей мысли. Именно, я сказал, что наша партия не должна культивировать *мелкого мещанина земледелия.* Тов. Громан несогласен со мной. Стало быть, о« думает, что такого мещанина *мы должны культивировать?* Это не новая мысль. Ее высказывал, — правда, довольно робко, — итальянский товарищ Гатти и ее же проповедует, — весьма решительно, — немецкий товарищ Давид. У нас той же мысли придерживаются так называемые *эсеры,* стоящие, как известно, не только на точке зрения пролетариата, *но «также»,* — это широкие умы! — и на точке зрения мелкого производителя. Но тов. Громан, кажется, не принадлежит к ревизионистам и он, кажется, понимает, что стоять на точке зрения двух классов сразу так же невозможно, как сесть между двух стульев, ибо в обоих этих случаях падение, логическое или физическое, неизбежно. Почему же его удивила моя «третья забота»? Пусть поймет это, кто может.

Тов. Громан продолжает:

«Тов. Плеханов думает, что только хозяйственный мужичок нуждается в ней (т. е. в земле. — *Г. П.*). Нет, на нее предъявят спрос как деревенские богатеи и купцы-предпри-ниматели, так и полухозяева-полурабочие... и нам нужно стать на определенную сторону»...

Хорошо. Стали. Дальше? Значит ли это, что мы должны стараться устранить из числа арендаторов областной земли деревенских богатеев и купцов-предпринимателей? Этого ли желает тов. Громан? По-видимому, нет. Он одобряет мою «первую заботу» (см. выше), т. е., следовательно, признает, что «а областной земле может вестись не только *товарное* хозяйство, но и хозяйство *капиталистическое,* основанное на эксплуатации наемного труда. Следовательно, он сам «нейтрален» и вдобавок «нейтрален» в *том, что касается самой*

существенной стороны вопроса. А если это так, то каких же последствий ждет он от того, что он «станет на определенную сторону»? Мне было бы крайне интересно знать это. Но я боюсь, что он и сам этого хорошенько не знает.

Он желает поддержать «полухозяев-полурабочих». Но, во-первых, полухозяин-по-лурабочий не принадлежит к числу мелких мещан земледелия, а у меня речь шла о том, что не надо поддерживать именно мелких мещан. Во-вторых, полухозяев-полурабочих можно поддерживать *или* как хозяев, *или* как рабочих. Моя «первая забота», имеющая в виду сельскохозяйственных рабочих вообще, распространяется, конечно, и на «полурабочих». Но тов. Громан, очевидно, хочет прийти к ним на помощь с *другой стороны.* Он ссылается на тов. Маслова, который утверждает, что многие из лиц, принадлежащих к интересующему нас общественному слою, займутся исключительно земледелием. Я не *забыл и их.* Моя «вторая забота» требует ограждения их от эксплуатации, *как* арендаторов *областной земли.* Тов. Громан одобряет это; но ему этого мало. Чего же он хочет? Где его «идол стоит»? Как мы ни бились, а опять пришли, хотя и другим путем, к тому же выводу: он хочет культивировать мелкого мещанина земледелия на счет *крупною.* Но тут я в свою очередь расхожусь с ним, оставляя его в почетной компании *ревизионистов.* А сам я останусь при своем.

Надо уметь различать те вещи, явления и положения, которые различны между собой по своей природе. Нельзя петь «со святыми упокой» и на похоронах, и на свадьбах.

До перехода помещичьих земель в областную собственность я

считаю необходимым, — вопреки тов. Маслову, — поддерживать, при известных, *указанных мною выше, условиях,* даже мелкобуржуазные стремления крестьянина. Эти его стремления *прогрессивны* в своей противоположности к старым производственным отношениям в деревне, выросшим на почве нашей старой культуры.

Но *после* названного перехода я — грешный человек, — решительно не вижу надобности в поддержании мелкого мещанина земледелия. Он *консервативен* или даже реакционен в своей противоположности *крупному* мещанину. Он стремится задержать развитие капитализма; он усиливается повернуть назад колесо истории. Нечего сказать, хороши мы были бы, если бы вздумали помогать ему в этом!

Чрезвычайный съезд австрийских профессиональных союзов

В конце прошлого года, — 8 — 10 декабря н. с., — состоялся в Вене чрезвычайный съезд профессиональных союзов Австрии. Какое значение имел этот съезд, показывают следующие строки, заимствуемые мною из органа Австрийской комиссии профессиональных союзов «Die Gewerkschaft» (№ от 8 декабря н. с.).

«Организованные в профессиональные союзы австрийские рабочие с живым интересом ожидают этого чрезвычайного съезда. С таким же интересом относятся к нему и заграничные профессиональные союзы. Ему предстоит принять решение, которое очень сильно повлияет на дальнейшее развитие австрийских профессиональных союзов. Он окончательно решит, какова отныне должна быть форма профессионального движения в нашей стране. *Централизация профессиональных организаций ми национальное расчленение профессионального движения* — таков тот чреватый последствиями вопрос, который надлежит решить этому чрезвычайному съезду».

Это, как видите, не лишено практического значения и для нас, «российских»... кандидатов в граждане. В России рабочие повсеместно обнаруживают также очень сильное стремление организоваться в профессиональные союзы. Это стремление пока еще задерживается нестерпимой полицейской волокитой. Но полицейская волокита не уничтожит его; она только придаст *политическую* окраску

экономическому движению или, — там, где эта окраска уже существует, — она сделает ее гораздо более яркой. Наше профессиональное движение будет быстро развиваться, и скоро российский пролетариат, — подобно австрийскому,— вплотную подойдет к «чреватому» (последствиями вопросу: *централизация профессиональных организаций или национальное расчленение профессионального движения.*

Как же решили его на своем чрезвычайном съезде наши австрийские братья?

Они решили его в пользу централизации.

И достаточно прочитать протокол съезда, чтобы понять, до какой степени они были правы.

Главными защитниками и пропагандистами идеи «национального расчленения» явились *«чехи».* На них сказалось в этом отношении влияние буржуазного чешского национализма. В продолжение целых десяти лет вели они упорную и чаще всего, — к сожалению, надо признать это, — мелочную борьбу с идеей централизма, на которую они смотрели через националистические очки и которая поэтому представлялась им в виде *германизаторской* идеи. Декабрьский чрезвычайный съезд явился только заключительным эпизодом этой борьбы, несомненно принесшей не малый вред австрийским рабочим вообще, а чешским в особенности.

В первый же день съезда чешские товарищи прочли заявление, по ясному и несомненному смыслу которого выходило, что они не считали себя обязанными подчиниться решению общеавстрийского съезда, поскольку оно разойдется с «принципами и правилами самостоятельной и независимой Чешской комиссии профессиональных союзов». Другими словами, это означало, что они приехали на общеавстрийский съезд, снабженные тем, что французы называют mandat impératif и что по-русски можно назвать *обязательным наказом.* Таким образом чешская организация объявляла себя как бы государством в государстве. Нечего и говорить, что такое pronunciamento было большой бестактностью. Но это было еще полбеды. Беда заключалась в том, что чешские товарищи выставили

поистине чудовищное требование. Они добивались создания *национальных организаций,* при чем компетенция каждой из этих организаций не ограничивалась бы пределами соответствующей земли австрийского государства, а простиралась бы на всю Австрию. Главный противник этого требования, товарищ Гибер, справедливо заметил: «Это значит, что на каждой фабрике, на которой работают товарищи трех или четырех национальностей, эти товарищи будут принадлежать к трем или четырем различным организациям. Я пока и представить себе не могу, к чему сведется тогда роль центральной организации».

Правда, — согласно сообщению того же тов. Гибера, — чешские товарищи писали в профессиональном органе перчаточников, что это их требование не надо понимать буквально, что это лишь программа der äußersten Notwehr (максимум, а не минимум, как сказали бы наши бундисты). Но это просто смешно. «Мы в своих профессиональных органи-

зациях привыкли, — сказал по этому поводу тов. Гибер, — когда мы пишем что-нибудь, писать именно то, что хотим написать, а не то, что мы думаем рядом с этим; и чем конкретнее и яснее у нас это выходит, тем лучше». Запрашивание считается неприличным даже в торговой среде, раз эта среда достигла известного уровня цивилизации. Запрашивать же у товарищей совсем некрасиво.

Тов. Гибер, — бывший на съезде одним из докладчиков по этому вопросу,— справедливо сказал еще, что «Чешская комиссия профессиональных союзов» затеяла очень опасную игру: «Вы играете с огнем, — говорил он; — смотрите, не обожгитесь. Опасно выдвигать национализм на первый план перед индифферентными массами. Легко может случиться, что чешские рабочие спросят вас, стоит ли останавливаться на полпути и не лучше ли совсем сделаться националистами. Мы, немцы, не позволяем нашим буржуа внушать нам свой национализм».

Тов. Гиберу возражали главным образом тт. Штейнер и Немец. Но, видно, слаба была позиция этих людей, если, при всей своей несомненной даровитости и опытности, они не сумели возразить тов. Гиберу

сколько-нибудь убедительно.

Тов. Штейнер пустился перечислять заслуги организованных чешских рабочих в борьбе с капиталом. Но, как видно из протокола, этих заслуг никто и не оспаривал. За этой совершенно излишней captatio benevolentiae последовало обвинение немецко-австрийских товарищей в отсутствии демократизма, в желании все построить по одному шаблону, в германизаторских наклонностях. Обвинение это поддерживалось доводами вроде, например, того, что каменотесам, рабочим, обрабатывающим волокнистые вещества, и некоторым другим из Вены разослан был организационный устав на немецком языке. В ответ на это тов. Беер крикнул, что немецкие товарищи сами не одобряли этого и что это произошло вследствие простой неловкости одного из них. Но это не смягчило неумолимого тов. Штейнера. «Недоставало только, чтобы вы одобрили это, — воскликнул он, — но это все-таки показывает, что вы онемечиваете, — все равно, умышленно или нет». Читатель понимает, конечно, что это именно далеко не все равно. Если бы австрийско-немецкие рабочие совершали неправильные действия для онемечивания своих не — немецких товарищей, то этим последним в самом деле не оставалось бы ничего другого, как сложиться в отдельные организации. А если неправильные действия были результатом простого недосмотра, то им можно было положить конец средствами несравненно более простыми и, — в противоположность тому, что требовал тов. Штейнер и

его единомышленники, — вполне безвредными для пролетариата. Но тов. Штейнер, увлеченный своей предвзятой идеей борьбы с «германизацией», не счел нужным сделать это необходимое различие.

В заключение он посоветовал съезду отложить решение спорного вопроса. «Этот вопрос не созрел, — сказал он. - Придет время, когда разовьются другие нации; тогда организация возможна будет только в той форме, в какой мы предлагаем ее вам». Это значит, что сочувствие слушателей было не на его стороне и что тов. Штейнер сам заметил это. Тов. Немец много нападал на тов. Гибера; однако это не придало убедительности его речи. Чтобы читатель мог составить себе некоторое понятие о характере аргументации тов. Немца, я укажу на

эпизод со статистикой.

Чехи выразили неудовольствие на то, что статистика профессионального движения не была опубликована на чешском языке. Тов. Гибер возразил, что это неверно, так как она появилась также и по-чешски. «Да, но не для заграницы! — воскликнул по этому поводу в своей речи тов. Немец. — Чехи могут знать, как обстоит у них дело, а за границей это не должно быть известно. И вот кажется, как будто все сделали венцы, а за нами нет никаких заслуг». Это имеет вид ребяческого каприза, очень странного в устах такого серьезного товарища, как Немец. Но странность объясняется очень просто. Тов. Немцу и его единомышленникам хотелось добиться особого представительства в «профессиональном интернационале». Им нужно было показать «заграницe», что у них в Богемии тоже есть значительное профессиональное движение, и потому их сильно раздражало все то, что могло, как они думали, до некоторой степени способствовать смешению в глазах иностранных организованных рабочих *чешских* союзов с *немецкими.* Это логично; но логично лишь с точки зрения людей, уже убедившихся в том, что необходимо отделить чешское профессиональное движение от немецкого. А кто заранее не убедился в необходимости такого отделения, того, разумеется, не убедишь в ней подобными доводами; того они могут только удивить, рассмешить и, пожалуй, раздосадовать.

Тов. Беер, разделяющий организационный взгляд тов. Гибера, разошелся с ним лишь в одном отношении. Тов. Гибер сказал, что если бы принято было требование чехов, то в Австрии оказалось бы целых восемь комиссий профессиональных союзов, т. е. восемь национальных центров, вокруг которых группировались бы профессиональные союзы различных национальностей. Тов. Беер думает не совсем так. Он полагает, что в указанном случае в Австрии *совсем не было бы*

профессионального движения. «У нас было бы восемь пустых видимостей, восемь бессодержательных, бескровных учреждений, которые решительно ничего не могли бы сделать для освободительной борьбы рабочих. У нас были бы организации, но организации без силы, без содержания, и я считал бы преступлением собирать с рабочих де-

нежные взносы для поддержки таких организаций. Расчленение профессиональных союзов по национальностям — вплоть до отдельных предприятий, — это означает даже более чем уничтожение профессионального движения, это может привести к междоусобной войне рабочих. Я твердо убежден в том, что, основав такую организацию, мы внесли бы в профессиональное движение такую идею, которая действовала бы внутри его, как постороннее тело. В профессиональных союзах дело идет у нас не о национальностях, а, — как бы ни казалось это тривиальным, но это неоспоримая истина,— а о слесарях, сапожниках, кузнецах, борющихся с отдельными предпринимателями и с классом предпринимателей в его целом. Осуществление этой программы (т. е. организационной программы чехов. — *Г. П.*) было бы равносильно разрушению организации; поэтому каждый член профессионального союза, к какой бы национальности он ни принадлежал, может только отклонить подобные требования; и я так же резко говорил бы против принятия таких требований, если бы их выставила наша социал-демократическая партия».

Тов. Беер как нельзя более прав. Съезд слушал его энергичную речь с видимым сочувствием.

В том же духе высказалось большинство говоривших на съезде товарищей. «Создавать национальные организации, — сказал тов. Васнер, — значит резать свое собственное тело. Отдельные предприниматели все чаще и чаще заводят в различных странах отделения своих предприятий. Против них основывали мы свои центральные организации. Должны ли мы теперь ослаблять сами себя? Особенно у нас, литейщиков, в каждом предприятии работают немцы и чехи. Предприниматель, эксплуатирующий нас, не спрашивает, кто из нас чех, кто немец. У нас нет особых требований для немецких и для чешских литейщиков. При чем же тут национальные союзы? Они только разорвали бы нашу организацию».

И не нужно думать, что борьба организационной централизации, на основе экономических интересов пролетариата, с националистической идеей приняла на съезде вид борьбы немцев с чехами и вообще со славянами. К счастью и к чести австрийского рабочего движения, это

было не так. Между товарищами, восставшими против национализации,

было не тало славян, были даже чехи, — преимущественно моравские чехи. Моравские делегаты решительно высказались за централистическую организацию, которая «принимала бы во внимание все те нужды своих членов, которые возникают ввиду различий в языках». Тов. Тетенка произнес на чешском языке прекрасную речь и показал, чем объясняются в действительности иные из тех факторов, которые тт. Штейнером и Немцем приписываются германизаторским стремлениям немецких товарищей. «Я прямо заявляю, — сказал он, — что у нас, строительных рабочих, в наших местных группах, существующих в чешских общинах, распространен немецкий устав. У нас не было чешского устава, потому что у нас не было денег для его отпечатания».

Читатель видит, что распространение немецкого устава *при таких обстоятельствах* не может быть отнесено даже и к числу маленьких промахов немецких товарищей. Тут уже ровнехонько не при чем даже «бессознательная германизация». Тут виновато *безденежье,* а немецкий устав даже помогал чешским рабочим выйти из затруднения, потому что для них лучше было иметь устав, написанный на чужом для них языке, чем не иметь никакого устава.

Тов. Тетенка хорошо изобразил то впечатление, которое должна производить на сознательных и непредубежденных чешских пролетариев проповедь тт. Штейнера и Немца. «Мы давно уже находимся в организации, — сказал он, — и давно уже говорим рабочим, что в каждой отрасли производства они должны объединяться для совместной борьбы с предпринимателями. А теперь нам говорят что-то другое. Теперь нам рассказывают, что национальный вопрос должен идти впереди экономического, что нам нужно иметь не одну профессиональную организацию, а две или даже больше. Чех должен иметь свою организацию, а также и поляк, и немец. И это потому, что мы не должны быть подчинены другим товарищам. Но я не знаю, кому мы подчинены. Мы подчинены своему съезду, своему уставу и своему распорядку, которые мы дали сами

себе, демократически, дали в таком виде, в каком они нам нужны. Но когда пущено в ход известное словечко, то уже не легко отделаться от него: немцу — не легко потому, что его того и гляди обвинят в стремлении к германизации; чеху — потому, что его обвинят по меньшей мере в измене... Что выиграет наша организация, когда между нашими товарищами опять возникнет ненависть и борьба, когда товарищи, работающие в одной мастерской, вступят в борьбу между собой?».

После двухдневных горячих споров перешли к голосованию. За чешскую «программу» голосовали представители 2.364 голосов; против

179.202. Воздержались от голосования представители 30.686 голосов; отсутствовали во время голосования — 8.640 [1]). Австрийское профессиональное движение было спасено от угрожавшей ему опасности.

Защитники провалившейся «программы», вопреки вышеуказанному заявлению своему, подчинились решению съезда, что, разумеется, делает им большую честь.

Но противники национализма в профессиональном движении не удовлетворились своей блестящей победой. Они поспешили принять меры к тому, чтобы расширить и укрепить связь центра с местными организациями. Служащая этим центром Имперская комиссия профессиональных союзов была расширена с целью дать в ней место представителям от профессиональных организаций всех разноязычных австрийских земель. При этом предполагалось, — как заметил докладчик по этому вопросу, уже известный нам тов. Беер, — что товарищи разных национальностей, попадая в центр и исполняя от его имени ту или другую функцию, должны смотреть на себя, как на представителей *всей организации в ее целом, а не той или другой отдельной национальности.* Иначе, конечно, и быть не может.

Одним из последних говорил на съезде *польский* товарищ Пеллер, и я не могу отказать себе в удовольствии привести здесь его слова. «С радостью должен я констатировать, — сказал он, — что и этот съезд не устранил единства рабочих. Мы стоим объединенные против своих врагов. Я должен констатировать с особенным удовольствием, как поляк, что все рабочие Австрии также и на практике следуют девизу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Я надеюсь, что этот съезд

принесет наилучшие плоды рабочему классу в его борьбе». *(Шумное одобрение.)*

Все это как нельзя более интересно, и, — повторяю, — не лишено практического значения и для России.

[1]) Здесь счет сделан не по числу *делегатов, а по* числу представленных ими *организованных рабочих.*

О черной сотне

Передо мной лежит письмо одного товарища, принимавшего деятельное участие в наших российских событиях последних месяцев. Письмо это в высшей степени интересно. Оно обнаруживает большую наблюдательность и очень редкую у нас зрелость политической мысли. Я с величайшим удовольствием напечатал бы его здесь целиком, но это пока неудобно по многим причинам. Ограничусь несколькими маленькими выписками из него.

Речь идет о «черной сотне». Автор письма энергично восстает против тех, которые проповедуют «террор по отношению к черной сотне». «Террор в деревне! — восклицает он, — террор против вождей черной сотни! Два года тому назад мне пришлось бы стрелять в лучших партийных работников, моих товарищей, — крестьян и рабочих. Это поистине была бы борьба Давида с Голиафом». Далее автор говорит, что, «умудренный опытом», он, с своей стороны, был очень далек от мысли о применении террора к тем «хозяйственным мужичкам» одного села, которые, как видно, порядочно помяли его за его освободительные речи. Потом он прибавляет: «Товарищ, убитый черносотенцами, которого я учил быть социал-демократом и у которого я учился работе в деревне, пониманию крестьянина, говорил мне постоянно: тот, кто со всем соглашается с первого слова, тот и останется ни рыбой, ни мясом, а самые надежные люди это те, кому ты слово, а он два. Зато убеди ты одного такого человека, и он тебе приведет сто».

Наконец, чрезвычайно интересно то замечание автора письма, что черная сотня «на девять десятых состоит из пролетариев и полупролетариев. По крайней мере, активная часть черносотенцев именно они. Буржуа-вдохновители действуют исподтишка и тела свои жалеют».

Место о терроре не надо,— думается мне,— понимать в том смысле, что автор письма восстает против всяких попыток самозащиты от чер-

ной сотни. Если он сам не защищался от «хозяйственных мужичков», учивших его своей политической мудрости, то это объясняется, конечно,

особыми обстоятельствами, при которых совершалось обучение. Самозащита или хотя бы *угроза самозащитой* иногда неизбежна и очень полезна в политическом смысле. В статье тов. Рогаля: «Черная сотня в московской деревне», напечатанной в декабрьской книжке «Правды» за прошлый год, можно найти несколько весьма убедительных примеров на этот счет. Вот один из них.

«В д. Голохвостовской... давно практиковались учителем воскресные чтения. После обнародования манифеста 17 октября темой для разговоров стал этот манифест и связанные с ним вопросы государственного устройства. Местные черносотенные элементы, раньше уже агитировавшие против учителя, удесятерили свою энергию; деятельность их была не безуспешна: толпа, готовая по первому призыву черносотенных вожаков идти громить школу, росла; положение становилось все более и более критическим и даже настолько безнадежным, что уход с места, бегство, представлялось ему, далеко не трусливому человеку, единственным спасением от неминуемой катастрофы. Прошло, однако, немного времени, и дело приняло совершенно неожиданный, на первый взгляд, оборот. Черносотенные вожди (два местных трактирщика) сочли себя сами в угрожаемом и даже критическом положении. Они обратились к властям с просьбой защитить их от толпы, угрожающей разнести их трактиры. На самом деле ничто им не угрожало непосредственно; группа крестьян просто заявила им, что, в случае разгрома школы или избиения учителя, она именно их будет считать виновниками. Наступательная позиция... быстро сменилась оборонительной. Вчерашние грозные вершители судеб школы и ее обитателей явились к учителю со смиренным «предложением дружбы и мира».

Повторяю, без самозащиты обойтись невозможно; но это нисколько не опровергает автора письма. Скажу больше. Его мысль как нельзя лучше подтверждается примером, заимствованным мною из статьи т. Рогаля. В этом примере угроза направлялась не по адресу крестьян.

Напротив, она от них исходила. И обращена была она к тем, которых письмо называет *буржуа-вдохновителями* и которые характеризуются в нем, как *трусы, действующие исподтишка.* В сношениях с этими людьми позволительно и целесообразно пользоваться общепринятым правом самозащиты. Ну, а что касается тех, кого автор письма называет пролетариями и полупролетариями, то тут необходима большая осторожность даже в пользовании этим правом, точнее сказать, необходимо большое политическое благоразумие. В их головы, может быть, завтра же проникнет свет сознания, и они

превратятся в горячих сторонников освободительного движения. Почти то же можно сказать и о «хозяйственных мужичках». Они много терпят от бюрократии и они также принадлежат к числу *возможных* сторонников свободы. Их надо не устрашать, а просвещать (употребляю это слово в политическом смысле). И просветить их теперь уже не так трудно. Это показывает опыт крестьянского союза. И это же подтверждает автор письма. «Для того, чтобы работать среди крестьян, — говорит он, — вовсе не требуется подчинения их предрассудкам... Надо только самому-то хорошо понимать, что говоришь... И надо все объяснить, а не фразерствовать». А мы, к сожалению, не всегда сильны *насчет понимания,* не всегда безгрешны по части *фразерства* и почти всегда очень неловки по части *объяснения.* Возьмите хоть »наши воззвания. Большинство из них написано языком тяжеловесным, понятным только «профессиональным революционерам», изобилующим бесконечными придаточными предложениями, которые редко употребляются в народной речи. Хуже этого языка и придумать ничего невозможно. Пушкин говорил когда-то, что нашим писателям надо учиться русскому языку у московских просвирень. Как хорошо было бы, если бы московские просвирни согласились дать несколько уроков русского языка людям, пишущим наши воззвания!

И заметьте, что невозможный слог не единственный недостаток этих воззрений. Ход мыслей в них так же неуклюж, как и язык; они производят такое впечатление, что их авторы пишут и пугливо оглядываются на самих себя: как бы не написать чего еретического,

не вполне ортодоксального. И потому эти воззвания переполнены всякими совершенно лишними в воззваниях *«соображениями».* Каждое подобное воззвание представляет собой что-то вроде схемы русского общественного развития, набросанной для того, чтобы оправдать в глазах автора тот шаг, сделать который он приглашает своих читателей. При этом «принимается в соображение» все, кроме психологии «массового» читателя, которому все эти неуклюжие, часто неудачные и педантические схемы, разумеется, решительно «и на что не нужны, которого они отпугивают, как нечто ему совершенно чуждое. А между тем в массовом читателе все дело. Судьба России решится движением масс.

Правда, народное сознание зреет у нас теперь не по дням, а по часам. Но процесс его созревания *еще не кончен,* и этим объясняется тот факт, что черная сотня на девять десятых состоит, по замечанию автора цитированного мною письма, из пролетариев и полупролетариев,

51

Наша прямая обязанность состоит в том, чтобы вырвать этих пролетариев и полупролетариев из-под влияния реакционеров.

Отношение российского интеллигента к «черной сотне» совершенно неправильно. Это показывает уже само это название *«черная сотня».* Откуда оно взялось? Оно завещано нам историей. «Люди черных сотен и черных слобод, — говорит Ключевский, — составляли массу торгово-промышленного населения столицы, соответствовавшую позднейшему мещанству». Я спрашиваю, на каком же основании наша *демократия* стала называть черной сотней те элементы городского населения, которые обнаруживали дикую вражду к свободе? Разве «массе торгово-промышленного населения» естественно ненавидеть свободу? Разве наше освободительное движение есть движение меньшинства в интересах меньшинства? Разве оно по существу своему враждебно интересам «массы торгово-промышленного населения»? Если — да, то при чем же тут демократия? А если — нет; если это неприязненное отношение некоторой части нашего «торгово-промышленного» люда к свободе основано на недоразумении, то очевидно, что демократия, — и

особенно социальная демократия, — должна употребить все силы на то, чтобы рассеять это печальное недоразумение: иначе сама наша освободительная борьба до некоторой степени останется, как была отчасти и до сих пор, чем-то вроде междоусобия в среде пролетарских и полупролетарских элементов.

Когда толпа начинает избивать интеллигенцию; когда народ пускается истреблять тех людей, которые готовы всем пожертвовать для его благополучия, то говорят: «это сделала черная сотня», и думают, что этим все сказано. Но мы уже видели, что этим не сказано ничего. Наоборот, тут-то и возникает вопрос, настоятельно требующий немедленного разрешения: *почему черная сотня не за вас, а против вас?*

Этот вопрос можно разрешить только путем внимательного отношения, во-первых, *к экономическим нуждам,* а во-вторых — к *психологии* «черносотенцев». Оставляя в стороне ту сравнительно небольшую часть «торгово-промышленной массы», которая скорее потеряет, *чем выиграет,* от торжества свободы, мы можем смело утверждать, что экономическое положение пролетарских и полупролетарских элементов черной сотни неоспоримо должно было бы вызывать в них сочувствие к освободительному движению. Почему же нет этого сочувствия?

Да потому и нет, что этим элементам черной сотни наше освободительное движение представляется движением меньшинства в интересах

меньшинства. Они привыкли видеть в «интеллигентах» тех же чиновников, от которых наш народ страдал «пуще, чем от турок и от татар». Все, что предпринималось чиновничеством, предпринималось *против* народа. Неудивительно, что народ не любит его, не доверяет ему и охотно пользуется случаем «помять» и «разнести» тех, которые кажутся ему чиновниками, — или кандидатами в чиновники, — хотя и бунтующими против своего начальства, но нисколько не отказавшимися от своих эксплуататорских наклонностей, от своего недоброжелательного и пренебрежительного отношения к народу.

Было время, — и оно не так далеко от нас, его еще помнят ветераны нашего народничества, — когда *весь* пролетариат относился к ин-

теллигенции с таким недоверием. Теперь передовая *его часть* научилась более или менее безошибочно отличать своих врагов от своих друзей. А *отсталый его слой* еще недоразвился до такого различения. Он не только не верит народолюбивым стремлениям интеллигенции, но смотрит, как на изменников народному делу, на передовых пролетариев, уже доросших до сознательного взгляда на этот предмет. Вот и все. И против этого зла есть только одно средство: выяснение отсталому слою пролетариата того, чего требуют его правильно понятые интересы, что подсказывается его общественным положением.

А «полупролетарий»? Кто знает, как живет эта беднота, тот понимает, как много, много обиды и раздражения должно было накопиться у »ее на душе. В *этой обиде и в этом раздражении и надо искать разгадки многих кровавых подвигов нашей черной сотни.* Когда эти люди бьют «студента» или «забастовщика», они думают при этом, что они прямо или косвенно мстят своим угнетателям. Знаток народной психологии, Максим Горький, недаром заставляет Лизу в «Детях солнца» говорить о «темном слесаре» Егоре, — который тоже потом бьет интеллигенцию, — что у него *глаза обиженные.* Когда люди, подобные этому «темному слесарю», набрасываются на защитников свободы, их действиями руководит та горькая многовековая «обида», которая, *будучи освещена светом сознания, сама станет богатейшим источником свободолюбия.* Все дело, стало быть, именно в том, чтобы внести этот свет.

Перечитавши эти только что написанные мною строки, я вижу, что я выразился слишком категорично, сказав, что отсталый слой пролетариев (а также, конечно, и полупролетариев) совсем не верит интеллигенции, видит в ней своего врага. Надо было сейчас же прибавить, что

некоторые представители даже этого отсталого слоя начинают уже не доверять этому своего недоверию, сомневаться в правильности этого своего взгляда. Это ярко изобразил тот же Горький. Его темный слесарь с обиженными глазами говорит Протасову: «Ты слушай, я тебя уважаю... Я ведь вижу: ты человек особенный... это я чувствую...

Хочешь, я на коленки встану перед тобой?» А когда Протасов обещал прийти к нему, он радостно спрашивает: «О? придешь?» Протасов легко мог бы совершенно подчинить его своему влиянию. Но Протасов не человек, — темный слесарь ошибся, — это специалист, односторонний, по выражению Козьмы Пруткова, как флюс. Он говорит с Егором, как идиот, а потом, когда его жена собирается пойти к заболевшей холерой жене Егора, он обнаруживает весь свой узкий эгоизм, говоря: «Ты куда? Нет, Лена, пожалуйста. Почему ты?.. Ты не врач... И это не шутка... Это опасно!», на что Егор с озлоблением возражает: «А которые издыхают, тем не опасно?» Остальные «дети солнца» относятся к Егору еще хуже. Чепурный в глаза называет его *собакой;* для художника Вагина, зараженного «сверхчеловеческими» теориями, кажущимися ему верхом премудрости, темный слесарь тоже не человек. «Черт их побери, — говорит он с раздражением о таких людях, — не идти же назад ради них!» Неудивительно, что уважение, которое начинал питать Егор к Протасову, сменяется, в его душе жгучей ненавистью, и он, присоединившись к толпе громил и схватив Протасова за горло, злорадно кричит: «Ага, химик! Попался?»

Кто виноват? Виновата, очевидно, старуха-история, благодаря которой наши «дети солнца» до сих пор были тусклы, как старые медные пятаки. В этом, я думаю, и заключается основная мысль пьесы Горького, которую так плохо поняла каша критика.

Впрочем, будем выражаться точнее. Протасова и компанию можно назвать детьми солнца только в насмешку. Партия, представляющая интересы пролетариата, может с бо̀льшим правом претендовать на имя дочери солнца. Но, к сожалению, и она не может сказать, что большинство ее членов очень далеко от того отношения к темному слесарю с обиженными глазами, которым так сильно грешат Протасовы, Вагины, Чепурные и прочая братия. Вагин говорит: «Не идти же назад ради них!» Мы тоже не хотим «идти назад» ради черной сотни. Нам не до нее, мы торопимся уйти вперед. И это весьма похвально. Жаль только, что тот же Вагин совершенно прав, когда говорит, что люди, подобные Егору, будут затруднять движение того корабля, на котором поплывут Дети солнца. Действительно, будут! И так сильно, что еще вопрос, на-

сколько подвинется вперед дочь солнца без их содействия. Я боюсь, что уйдет не очень далеко. Да и как не боятся? Ведь это только Елена Протасова с легким сердцем может сказать: «Они уже погибли». А мы должны же понимать, что их гибель была бы большим для нас несчастьем. Она сильно увеличила бы шансы реакции. Но, к счастью, они только кажутся погибшими, они только спят, и мы, с огромной пользой для нашего дела, можем разбудить их к сознательной жизни. И это не трудно. *«Н*адо *только самому-то хорошо понимать, что говоришь, надо все объяснить и не фразерствовать»...*

О выборах в Думу

(Ответ товарищу С.)

Уважаемый товарищ! Вам кажется неясным сказанное мной в № 4 моего «Дневника» по вопросу о том, участвовать или не участвовать нам в выборах в Думу. Это меня не удивляет. Моя мысль осталась неразвитой по той простой причине, что я сам считал ее *неприемлемой* для нашей партии. А неприемлемой для нашей партии она казалась мне потому, что критерий, которого держусь я в своих суждениях о нашей тактике, слишком не похож на тот, к которому прибегает, в суждениях этого рода, бо̀льшая часть моих товарищей.

Вот вам наглядный пример. Когда наши товарищи хотят доказать, что на» следует бойкотировать выборы в Думу, они прежде всего и больше всего напирают на то, что наш пролетариат и вообще наш трудящийся люд почти совершенно лишен права выбора и что уже по одному этому от Думы нельзя ожидать ничего серьезного. И это, конечно, справедливо. Но тем не менее я все-таки стою на своем: *бойкот — ошибка.* Почему же я так думаю? Потому что у меня другой критерий. Я иду по другой логической дороге и, естественно, прихожу к другому выводу.

По-моему, самым главным из всех тех соображении, которыми мы руководствуемся в этом случае, — как и во всех тех случаях, когда заходит речь о нашей тактике, — должно быть соображение о том, как повлияет предпринимаемый нами шаг на развитие политическою сознания нашего народа, т. е. пролетариата и крестьянства. Пусть мне

докажут, что бойкот Думы даст новый толчок этому развитию, и я стану самым горячим сторонником бойкота, ни на волос не изменяя при этом себе, так как я останусь верен основному положению того, что я назвал бы, пожалуй, философией марксистской тактики: *лучше всех других тот тактический прием, который больше всех других способствует развитию самосознания интересующих нас слоев населения.* Но

этот основной тактический принцип есть именно тот, о котором у нас чаще всего забывают.

Еще недавно П. Орловский в своей статье «Государственная Дума», напечатанной в №№ 1 — 2 «Нашей Мысли», подверг резкой критике новый закон об этой Думе, доказывая, что он почти ничем не лучше старого закона 6 августа и что он не соответствует требованиям народа. Статья написана очень живо, и соображения о Думе, в ней высказанные, совершенно правильны. И тем не менее она, по-моему, совсем не может удовлетворить читателя, привыкшего смотреть на вещи с точки зрения Маркса.

Новый закон неудовлетворителен? Конечно. Это бросается в глаза и доказать это не трудно, c'est pas malin, как говорят французы. Но не в этом дело. Главный вопрос, который нас интересует, должен быть формулирован так: *какое влияние могло бы оказать на развитие народного самосознания участие в выборах в эту Думу, созываемую на основании совершенно неудовлетворительного закона?* А этот вопрос совсем даже и не выдвигается в статье, и вот почему она производит неудовлетворительное впечатление. У П. Орловского как будто само собой подразумевается, что раз Дума созывается на основании неудовлетворительного закона, участвовать в выборах не следует. Но такое рассуждение, будучи последовательно применено к вопросам нашей тактики, логически привело бы нас к чисто анархическим выводам.

Я говорю: следовало бы участвовать в выборах потому, что участие в них разовьет политическое сознание народа. И П. Орловский сам косвенно, — хотя и бессознательно, — подтверждает мою мысль. Он пишет: «Правительство... разгоняет собрания и союзы, оно закрывает

все независимые от участка газеты, оно арестует сотнями друзей народа, оно запрещает народным партиям предвыборную агитацию, разрешая ее партиям черносотенным. Правительство думает провести выборы в Думу насильственным путем, но этим оно только обостряет борьбу». Это верно. Но именно потому, что это верно, именно потому, что полицейская волокита *обостряет борьбу,* нам и следовало бы участвовать в выборах, так как обострение борьбы — в наших интересах и так как борьба обострится больше при нашем участии, чем при нашем неучастии. Нет ничего легче, как доказать это. В любом номере любой оппозиционной газеты можно найти известия о том, что вот в такой-то волости крестьяне собрались на избирательное собрание, а их заставили разойтись, объявив им, что выборщики уже *назначены*

начальством или: был выбран крестьянами кандидат в выборщики, но *его арестовали,* а также *арестовали нескольких* других *крестьян, говоривших речи на избирательном собрании,* и т. д. Как удар камня о железо вызывает искру, так подобные столкновения крестьян с реакционной бюрократией вызывают в их головах сознательное отношение к нашей политической действительности [1]). Крестьяне проходят при этом школу, которой не заменят, конечно, наши неуклюжие прокламации. И вот почему я повторяю: *нам следовало бы принять участие в выборах.*

Но говорю и повторяю это я не в изъявительном, а в сослагательном наклонении: следовало бы. Я уверен, что участвовать в выборах *мы не будем* [2]). Усвоение правильной марксистской тактики — дело вообще не легкое, а для молодых партий, как наша, прямо невозможное: недостаток у них политического опыта ведет к тому, что они в своих тактических рассуждениях не умеют стать на правильную точку зрения. Иначе сказать: они рассуждают метафизически, как рассуждали некогда почти все социалисты-утописты. Только недостатком политического опыта я объясняю себе тот странный, по-видимому, факт, что в нашей партии появилось и укрепилось течение, отличающееся от старого «народовольства» почти одной только терминологией.

Наглядным примером снова может послужить нам статья П. Орлов-

ского. Посмотрите, как он рассуждает. У него выходит так, что *народ требовал* «созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права», правительство же «ответило» на это требование сначала законом 6 августа, а потом почти совершенно не изменившим положение дела законом 11 декабря. Если бы это было так, то наше участие в выборах в самом деле было бы

[1]) Недавний циркуляр министра внутренних дел, предписывающий полиции невмешательство в выборы, конечно, ничего не изменит в этом отношении. Он показывает, однако, что министерство само сознает, как опасно для него впечатление, производимое на избирателей «свободой» выборов.

[2]) Письмо это было уже написано, когда пришло известие о том, что петербургская общегородская конференция нашей партии большинством (правда, незначительным) голосов постановила бойкотировать выборы в Думу. Таким образом, моя уверенность вполне оправдалась. Мой ответ Вам, товарищ, все более утрачивает практическое значение. Теперь он может представлять интерес только в смысле определения политического веса той ошибки, которую только что сделала наша партия, и исследования причин этой ошибки.

совершенно излишне и даже очень вредно. Тогда можно было бы только удивляться тому, что народ, требовавший Учредительного Собрания, принимает участие в выборах в Думу. *Но ведь это не так!* П. Орловский принимает *свое желание за действительность.* Он хотел бы, чтобы весь народ требовал Учредительного Собрания, и ему начинает казаться, что весь народ в самом деле его требовал. Это *психологическая аберрация.* А на этой-то психологической аберрации строится тактика бойкота выборов. Судите же сами, товарищ, может ли быть правильным политическое действие, основанное на психологической аберрации.

В действительности Учредительного Собрания требовал далеко не весь народ. А нужно, чтобы он весь его требовал. И наша реакционная бюрократия делает все, от нее зависящее, для того, чтобы заставить народ потребовать Учредительного Собрания. И в народе все больше и больше развивается настроение, из которого может выйти такое требование. Но именно только *развивается.* Это целый процесс, и мы еще не в конце его, мы даже, пожалуй, еще не в середине. Но мы можем значительно ускорить его своими действиями, к числу которых принадлежит и участие в выборах. Поэтому нам *не следовало бы* от него отказываться.

Еще раз: я знаю, что участия мы не примем и что, стало быть, все

это мое письмо — очень unzeitgemäß, как сказал бы Ницше. Но Вы требовали ответа, и я отвечаю.

Так называвшиеся у нас *меньшевики* в своих тактических рассуждениях были всегда ближе к истине. Но подойти к истине вплотную им всегда мешали два обстоятельства: во-первых, опасение того, что *«большевики»* объявят их *«оппортунистами».* Это опасение нередко заставляло их придавать своим правильным решениям вид отвлеченной революционности, опутывавшей их густым туманом фразеологии. Пример: их знаменитое «революционное самоуправление», ничего никому не выяснившее и многих сбившее с толку. Во-вторых, их esprits forts отличаются большим пристрастием к *схематизму.* Это пристрастие сильно и неприятно поражало меня на их конференции. Некоторые «меньшевики» так и говорили там: «В такой-то и такой-то резолюции должна быть дана схема нашего будущего движения». Нечего и говорить, что в этом пристрастии к схемам нет ни одного атома марксизма. Но не мешает прибавить, что это-то пристрастие и придает их тактике вид какого-то... — скажу, пожалуй, не находя сейчас лучшего выражения, — *педантизма.* Они решают, например, участвовать

в выборах. И это прекрасно. Но в их головах сидит *схема,* наперед намечающая разные «фазы» будущего нашего общественного развития. Поэтому они спешат прибавить: будем участвовать в выборах, но только до такого-то момента, а после этого момента мы поступим вот так и вот эдак. Выходит, как в «Войне и Мире» Толстого, в диспозициях генералов, боровшихся,— очень безуспешно, — с Наполеоном: die erste Kolonne marschiert туда-то; die zweite Kolonne marschiert вот куда; die dritte Kolonne... и т. д. и т. д. И так же точно, как эти генеральские «диспозиции», тактический схематизм «меньшеви-ков» нисколько не содействовал *предвидению событий.* Он был только вредной привеской ко взглядам, вполне верным, по большей части, в своей основе.

Вы понимаете, товарищ, что, будучи противником тактического схематизма, находя его противоречащим нашему способу мышления, я не могу пускаться здесь в соображе-ния о том, как должны мы будем

повести себя в следующие «моменты». Я говорю: довлеет «моменту» злоба его. Злоба теперешнего момента требует от нас участия в выборах, и этого с меня достаточно.

И не думайте, что, рассуждая так, я суживаю свое поле зрения. Как раз наоборот! Мое поле зрения *расширяется* благодаря тому, что я удаляю из его пределов все схематиче-ские постройки, заслоняющие «белый свет» и бросающие такую густую тень на наши тактические вопросы.

Дело обстоит теперь так. Мы ведем войну, одну из тех великих войн, которые начинают собой новые эпохи в истории народов. Наш неприятель вынужден отступать, хотя, чтобы прикрыть свое отступление, он предпринимает время от времени наступательные действия. По какой именно дороге направится он? К какой военной хитрости прибегнет он, чтобы сбить нас с толку? Этого мы не знаем. Этого не знает он сам. У него нет системы. Сегодня он делает одно, завтра — другое. Сегодня он предает анафеме попа Гапона; завтра покупает его по случаю и пользуется им, как орудием против партии пролетариата. Сегодня он амнистирует политических «преступников»; завтра переполняет тюрь-мы людьми, повинными только в свободолюбии. Он кидается из стороны в сторону. Он знает только общее направление своего движения. Он знает также, что надо бороться до конца; надо всеми средствами, какие только попадутся под руку, отстаивать каждую пядь земли в покидаемой им местности. И он прекрасно понимает кроме того, что самым лучшим, самым действительным из всех тех средств, с помощью которых он может от нас защищаться, является деятельность, прямо противо-

положная нашей, т. е. *усыпление пробуждающегося теперь в народе политического сознания.* Он не отступит ни перед чем ради применения этого средства. Но что именно он сделает, это неизвестно ни ему, отступающему, ни нам, наступающим. Как же можно в виду этого составлять заранее схему, писать подробные диспозиции: die erste Kolonne marschiert, die zweite marschiert и т. д.? Мы тоже можем определить только общий смысл своих агитационных приемов.

И это еще не все. Если несомненно, что главным нашим оружием в

борьбе с ненавистными нам усыпителями должно быть признано пробуждение политического сознания русского народа; если очевидно, что всякий наш тактический прием должен быть оцениваем сообразно тому, насколько он способствует этому пробуждению; если неоспоримо то, что еще не весь русский народ доразвился до понимания хотя бы только *ближайшей* нашей политической цели; и если, несмотря на это, народ наш быстро развивается в политическом отношении,— то, с другой стороны, мы не можем с точностью сказать, какова именно быстрота его движения и когда именно достигнет он степени развития, необходимой для осуществления нашей ближайшей цели. Я говорю: следовало бы нам принять участие в выборах. Предположим теперь, что со мной согласились мои товарищи, — я знаю, что они пока не сделают этого; я знаю, что они только потом скажут: «это было верно»; но я так только прошу вас предположить, что они согласились теперь же; — и предположите еще, что наше участие в *выборах* действительно много сделает для политического воспитания народа. Как поступать *после выборов?* На это я сейчас не могу дать определенного ответа. Чтобы ответить на это, надо было бы уметь с точностью предсказать, до какой именно степени саморазвития дойдет народная масса. Может быть, весь народ уже по окончании выборов в самом деле выставит требование, которое приписывает ему, как уже выставленное им, П. Орловский. Тогда это требование сравнительно легко осуществится. А возможно, что он и тогда окажется только в процессе психологического приближения к этому требованию. Тогда надо будет делать новые и новые усилия для ускорения этого психологического процесса. Какой именно вид должны будут принять эти усилия, я не могу предсказывать, не впадая в «праздное мечтание». Но я хорошо знаю, что усилия эти будут необходимы и что предметные уроки несравненно полезнее всяких других. Это значит вот что. Народ имеет известный политический предрассудок, — скажем, тот предрассудок, что Дума, избранная на основании за-

кона 11 декабря и при благодетельном воздействии военного положения на выборщи-ков, может улучшить его положение. Как

разрушить этот предрассудок? Посредством предметного урока, путем наглядного обучения: «Ты думаешь, что это так? Испробуй предмет твоей веры на деле; ты увидишь, что ты ошибся». Как убедить тянущегося к огню ребенка в том, что огонь жжется? Дайте ему прикоснуться к огню, и он поймет вас в одно мгновение. Вот то же и в политике, то же и там, где дело идет о разрушении политических предрассудков народа [1]).

В иностранных газетах только что появилось известие о том, что половина депутатов в Думу будет назначаться правительством. Это один из тех сюрпризов, которые в таком множестве готовит России бюрократия и которые так много сделают для политического воспитания народа. Люди, придумавшие этот сюрприз, думали, конечно, что он будет способствовать «успокоению страны». На самом деле он послужит источником новых конфликтов. А ведь это только цветочек, ягодки будут впереди. Время готовит неожиданные события; мы не должны связывать себе руки [2]).

Вот почему я пока твержу одно: следовало бы нам принять участие в выборах; участие в выборах содействовало бы развитию политического сознания народа. Вам кажется это неопределенным, а по-моему определеннее и говорить нельзя. Можно, конечно, прибавить еще какую-нибудь «схему». Но я уже сказал, что политический схематизм не к лицу марксистам. А теперь прибавлю, что он, мешая нам смотреть на явления непредубежденными глазами, умножает наши ошибки и тем увеличивает шансы политического абсолютизма в России.

Понятно Вам,— думаю,— и то, что, отстаивая участие в выборах, я ни с чем не «примирился» и ни от чего не «отказался». Это просто пустяки. С необходимостью развивать политическое самосознание пролетариата и его нынешних союзников я «при-мирился», и уже очень давно:

[1]) В № 407 «Русской Газеты» перепечатано из «Северо-Западного Края» письмо одного крестьянина о выборах в Думу. Из него ясно видно, как сильно верят в Думу даже очень развитые крестьяне. При наличности такой веры бойкот выборов нашей партией колоссальная ошибка. Кстати. Назначение срока созыва Думы вызвало на бирже падение ренты. Биржевики лучше социал-демократов поняли агитационное значение выборов в Дулу и ее созыва.

[2]) Оказалось, что это было ложное известие. Но это ничего не изменяет. Сюрпризов нас все-таки ждет великое множество и связывать себе руки мы все-таки не должны ни в каком случае.

когда усвоил учение Маркса. И я никогда не «отказывался» одобрить и поддержать те действия, которые способствуют этому развитию [3]).

Вот почему тов. Дашинский, — член Польской Социалистической Партии, — очень ошибся, когда написал в одном заграничном польском органе, что я пессимистически смотрю на будущность нашего освободительного движения и что только поэтому я пришел к своему оппортунистическому взгляду на наше участие в выборах. Что касает-ся *оппортунизма,* то я уже с самого начала «бернштейниады» привык относиться к нему иначе, чем тов. Дашинский. А что касается *пессимистического взгляда на русское движение,* то пессимизм, который всегда обнаруживала в этом отношении Польская Социалистическая Партия, казался и кажется мне не только неосновательным, но и не вполне свободным от национализма.

Я кончаю. Вы задали мне еще вопрос об отношении к непролетарским партиям. Но недостаток места вынуждает меня отложить ответ до передовой статьи следующего номера «Дневника», — статьи, в которой я постараюсь также ответить одному петербургскому товарищу, сославшемуся в письме ко мне на ту тактику, которой придерживался Маркс в 1848 — 1849 годах.

Теперь пока я еще раз выскажу мысль, представляющуюся мне совершенно неоспо-римой:

Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изолировать реак-цию.

Австрийская социал-демократия показала в своей агитации за всеобщее избиратель-ное право, что она прекрасно понимает, какой важной, какой необходимой бывает иногда политическая изоляция реакции. Нам надо у нее учиться.

Жму руку

Ваш *Г. Плеханов.*

Т-щу А—ко. Простите, товарищ, но Вы невнимательно читали Энгельса. Вот, что он пишет: «Wer nach den Erfahrungen der Februarregierungen — von unsern edlen deutschen provisorischen Regierungen und Reichsregentschaften nicht zu sprechen — noch auf offizielle

---

[3]) Смотреть на бойкот Думы, как на проявление какого-то тактического

радикализма, может лишь тот, кто не понимает, в чем состоит радикализм марксистов. Тактика, отстаиваемая нашими «большеви-ками», носит на себе явные следы мелкобуржуазного идеализма и мелкобуржуазной псевдореволюционности. Но об этом в другой раз.

Stellungen spekulieren kann, muss entweder über die Massen borniert sein oder der extrem-revolutionären Partei höchstens mit der Phrase angehören».

Это значит: «Кто после опыта февральского правительства, — уже не говоря ничего о наших благородных временных правительствах и имперских регентствах, — еще может спекулировать на официальных положениях, тот или чрезмерно ограничен, или только фразой связан с крайней революционной партией».

Это ясно. Под официальными положениями Энгельс разумеет места во временных правительствах. Февральский опыт — опыт Луи Блана. Цитата взята мною со страницы 94 брошюры «Der deutsche Bauernkrieg». Кстати, давно бы пора перевести эту брошюру на русский язык.

Человек, о котором мы спорим, по-моему, именно *чрезмерно ограничен.*

Г. П.

Т-щу № 1. Вы как бы упрекаете меня в том, что меня хвалит теперь «либеральная буржуазия». Но меня нисколько не смущает этот упрек, напротив, если я, нисколько не изменив себе и своему миросо-зерцанию, получаю одобрение со стороны «либераль-ной» буржуазии, то это очень хорошо в тот исторический момент, когда *нам надо изо-лировать реакцию.* А вот Вашу тактику хвалят анархисты, и такого рода похвала *никогда* не может быть лестной для социал-демократа.

Г. П.

РЕЧИ НА СТОКГОЛЬМСКОМ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ РСДРП

Речь по аграрному вопросу

Задача съезда заключается в том, чтобы исправить ту ошибку, которая закралась в 1903 г. в нашу аграрную программу. Ошибка, не-сомненно, была; это мы должны при-знать и можем позволить себе эту

роскошь, ибо мы единственная партия, имеющая стройное воззрение. Мы критикуем каждое отдельное суждение с точки зрении общих положений нашей программы и устраняем недоразумение, закравшееся в нее в 1903 г. Многие из наших товарищей стояли за отрезки, потому что боялись крестьянской аграрной революции. Она остановила бы в России развитие капитализма. Наша ошибка состояла в том, что наша программа уже в то время шла не так далеко, как сами крестьяне в своих требованиях. Уже летом в 1903 г., когда происходил второй съезд, Оболенский на юге России истязал крестьян за их радикальную аграрную программу. Теперь нам надо понять, что мы не должны бояться радикализма крестьянских аграрных требований в аграрном вопросе. Осуществление этих требований не остановит развития капитализма, но в то же время нам необходимо избегать той двойственности, которая присуща крестьянским требованиям. В них есть тот элемент, который я в своем «Дневнике» назвал элементом китайщины; таким элементам является национализация земли. Т. Ленин находит мои взгляды неясными, но я думаю, что он просто невнимательно отнесся к моим статьям. В самом деле, посмотрите, например, что он говорит на стр. 11 своей брошюры «Пересмотр аграрной программы»: «Т. Плеханов в № 5 «Дневника» тоже не касается ни единым словом вопроса об определенных изменениях в нашей аграрной программе. Критикуя Маслова, он защищает лишь «гибкую тактику» вообще, отвергает «национализацию» (ссылаясь на старые доводы «Зари») и склоняется, как будто, к разделу помещичьих земель между крестьянами».

Меня удивляет эта ирония по поводу «гибкой тактики», потому что в глазах социал-демократов окаменелость тактики не может быть ее достоинством. На стр. 16 той же брошюры он говорит: «Т. Пле-

ханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван-ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине qui prouve trop, ne prouve rien. Если бы Россию XX века можно было сравнить с Китаем

XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России».

Такие приемы спора мне знакомы еще со времени наших прений с социалистами-ре-волюционерами. Каждая ссылка на историю встречала обыкновенно с их стороны возражение, что наше положение совсем иное, и я прекрасно знаю, что в данном случае наше положение совсем не то, что положение Китая в XI веке. Я категорически говорю это в своем «Дневнике»; но, несмотря на различие, есть и некоторые сходные черты, и вот на эти-то черты и нужно обратить внимание. Они заключаются именно в национализации земли, которая составляет характерную особенность нашей аграрной истории. Далее т. Ленин говорит: «Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть несомненнейшие черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время». Я и это хорошо знаю. Я именно на это и указываю, и странно бить мне челом моим же добром и преподносить мне это добро в виде возражения. Я говорю, что в крестьянской идее черного передела есть реакционная черта. И именно ввиду этой реакционной черты, отразившейся на всей нашей политической истории, я высказываюсь против национализации земли. Как же ссылаться на эту черту в виде довода против меня же? Ленин смотрит на национализацию глазами социалистов-революционе-ров. Он начинает усваивать даже их терминологию; так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно вспомнить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения. Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы. В этом нет ничего удивительного, потому что экономическое развитие каждого народа совершается в своеобразной исторической обстановке. У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закрепощена государством, и на основании

этою закрепощения развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я — против национализации теперь; когда мы спорили о ней с социалистами-революционерами, тогда Ленин находил, что мои возражения были правильны. Ленин говорит: «мы обезвредим национализацию», но, чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации; а такой гарантии нет и быть не может. Припомните историю Францию; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления довести до минимума вред, который может принести реставрация. Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Поэтому я считаю требование национализации антиреволюционным требованием. Ленин рассуждает так, как будто та республика, к которой он стремился, будучи установлена, сохранится на вечные времена, и в этом-то заключается его ошибка. Он обходит трудность вопроса с помощью оптимистических предположений. Это обычный прием утопического мышления; так, например, анархисты говорят: «не нужно никакой принудительной организации», а когда мы возражаем им, что отсутствие принудительной организации дало бы возможность отдельным членам общества вредить этому обществу, если у них окажется такое желание, то анархисты отвечают нам: «этого быть не может». По-моему, это значит — обходить трудность вопроса посредством оптимистических предположений. И это делает Ленин. Он обставляет возможные последствия предполагаемой им меры целым рядом оптимистических «если». В доказательство приведу упрек Ленина Маслову. Он на стр. 23 своей брошюры говорит: «Проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требование нашей политической программы-минимум не осуществлено полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д. Другими словами, что наша демократическая революция так же не дошла до своею конца, как бо̀льшая часть европейских

демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией демократическому перевороту». Допустим, что упрек, делаемый им Маслову, осно-

вателен, но приведенная цитата показывает, что собственный проект Ленина хорош только в том случае, если осуществятся все указываемые им «если». А если тут не будет налицо этих «если», то осуществление его проекта будет вредно. Но нам не нужно таких проектов. Наш проект должен быть подкован на все *четыре ноги,* т. е. на случай неблагоприятных «если». Полководец, который одержал наибольшее количество побед, — Наполеон, — говорил, что плох тот военачальник, который рассчитывает на благоприятное стечение обстоятельств. Я говорю, что плоха та политическая программа, которая хороша только в случае такого стечения обстоятельств. И вот почему я отвергаю национализацию. Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказаться те из вас, которые не имеют вкуса к этой утопии. Иное дело муниципализация. В случае реставрации, она не отдает земли в руки политических представителей старого порядка; наоборот, в органах общественного самоуправления, владеющих землею, она создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот. Возьмите наших казаков. Они ведут себя, как сущие реакционеры, а между тем, если бы царское правительство вздумало наложить руку на их землю, то они восстали бы за нее, как один человек. Значит, муниципализация тем и хороша, что она годится даже в случае реставрации. На этом основании меня упрекнут, может быть, в том, что я не верю в торжество революции. Если то, что я оказал, означает неверие в торжество революции, то я действительно грешен этим грехом. Mea culpa, mea maxima culpa! Я повторяю вслед за Наполеоном: «Плох тот человек, который рассчитывает лишь на благоприятное стечение обстоятельств». Впрочем, я не безусловный сторонник муниципализации. Я думаю, что если бы нам не удалось добиться ее, если бы нам пришлось выбирать между национализацией и разделом, то в ин-

тересах революции следовало бы предпочесть раздел. Вот в чем заключается разница между моими взглядами, с одной стороны, и взглядами Ленина — с другой. Вы можете склониться к тому или другому из них, но вы должны понимать, что совместить их невозможно.

Заключительная речь по аграрному вопросу.

Приступая к своему заключительному слову, я вкратце хочу ответить тем товарищам, которые говорили, что нам в настоящее время нет никакой надобности выставлять аграрную программу. С этим мне-

нием я безусловно согласиться не могу по той причине, что аграрная программа должна будет служить руководящей линией нашим пропагандистам и агитаторам. В такой важный исторический момент, в который каждая ошибка, сделанная каждым из них, может лечь тяжелой гирей на чашку весов, наши товарищи должны твердо знать, чего хочет наша партия. Если вы припомните, что уже не раз наши товарищи, выступая перед народом, высказывались различным образом по одному и тому же вопросу и поступали так потому, что недостаточно выяснили себе направление нашей социал-демократической мысли, то вы должны будете признать, что программа необходима. Какая же программа будет принята, покажет нам вотум завтрашнего дня. Но во всяком случае программа должна быть, если мы желаем избежать ошибок. Сделавши эту оговорку, перехожу к тем возражениям, которые ставил мне т. Сосновский. Он прямо поставил мне вопрос: Плеханов восстает против национализации, потому что он не верит в возможность осуществления всех ленинских «если». *А если бы* все эти «если» осуществились, то был ли бы я за национализацию? На этот вопрос я считаю нужным ответить: нет, и даже в случае осуществления всех ленинских «если» я был бы против нее. Пусть т. Сосновский подумает, что значат эти слова: «все ленинские «если» осуществились». Это значит, что в России так же прочно установилась политическая свобода, как установилась она в Швейцарии, в Англии или в Соединенных Штатах. Тогда нам не будет грозить опасность реставрации. Но когда же это будет? Очевидно, еще не так скоро. Поэтому говорить о национализации теперь нам, социал-демократам,

невозможно. А что будет, когда политическая свобода установится у нас так же прочно, как установилась она в Англии, в Швейцарии или в Соединенных Штатах? Тогда не будет надобности выставлять ее, как отдельное требование, добиваться национализации земли раньше национализации всех остальных средств производства. Кто добивался национализации земли в Англии? Генри Джордж. Кто выступал против Генри Джорджа? Гайндман, вожак английской Social Democratic Federation. Выходит, что пока ленинские «если» не осуществились, национализация земли опасна, а когда эти «если» осуществятся, в ней минует надобность, как в составной части специальной аграрной программы. Теперь я надеюсь, что т. Сосновский понимает, почему и в каком смысле я во всяком случае был бы против национализации. Переложу теперь к т. Воинову. Он понял меня в том смысле, что я предпочитаю программу т. Джона только потому, что она окрашена

в серый цвет. Т. Воинов полагает, по-видимому, что я, подобно быкам, боюсь красного цвета. Он ошибается. Не потому я стою за программу т. Джона, что она представляется мне серой, а потому, что она не внушает мне тех политических опасений, которые связываются у меня с национализацией. Если бы т. Воинов захотел внимательно выслушать меня третьего дня, то он легко пошл бы, что я высказываюсь против этого предложения не потому, что оно казалось мне слишком революционным, а потому, что я считаю его недостаточно революционным, не могущим прочно обеспечить завоевание революции. Хотя кто-то сказал здесь, что в моей жизни наступила осень, но осень, переживаемая мною, не охладила меня. В революционном отношении я переживаю так называемое бабье лето. *(Смех.)* Повторяю. Никакой революционности я не боюсь, и если я выступаю против проекта Ленина, то потому, что его осуществление недостаточно прочно обеспечило бы завоевание революции. Тенденция, скрывающаяся в этом проекте, свидетельствует о том, что Ленин понижает уровень революционной мысли, что он вносит утопический элемент в наши взгляды. А против этого я буду бороться до тех пор, пока не пройдет для меня и осень, и зима, и пока меня не заставят замолчать непреодолимые силы природы. Положение дел таково, что между мною и Лениным

существуют в высшей степени серьезные разногласия. Этих разногласий не надо затушевывать. Их надо выяснить себе во всей их важности, во всем их объеме. Наша партия переживает чрезвычайно серьезный момент. От решения, которое вы примете сегодня или завтра по занимающему нас вопросу, будет в значительной степени зависеть судьба всей нашей партии, а с ней и всей нашей страны. И это именно потому, что в проекте т. Ленина сказывается не только частный его взгляд на наш аграрный вопрос, а весь характер его революционного мышления. Бланкизм или марксизм — вот вопрос, который мы решаем сегодня. Т. Ленин сам признал, что его аграрный проект тесно связан с его идеей захвата власти. И я очень благодарен ему за откровенность. Некоторые товарищи возражали мне вчера с очевидным раздражением. Так, т. Панов, если я не ошибаюсь, выразился: «Плеханов хочет запугать нас» и т. п. Я считаю подобные приемы спора не соответствующими важности разбираемого нами вопроса. Пикировки я не боюсь, — многие из вас знают это. Но к чему приведет она? Из нее не выйдет ничего, кроме демьяновой ухи всем нам давно надоевших столкновений. *(Смех.)* Нам не надо демьяновой ухи; столкновения должны быть прекращены, их давно пора закопать в могилу

и в эту могилу вбить осиновый кол, как вбивали крестьяне в могилы колдунов. Надо рассуждать спокойно. Прошу вас верить, что, споря с кем-нибудь из вас, я не прибегаю ни к запугиваниям, ни к софизмам; я говорю так, а не иначе, потому, что hier stehe ich und ich kann nicht anders...

С Лениным мне пришлось уже сломать не одно копье во взаимной борьбе. Тем приятнее мне, что я могу начать свое возражение ему с комплимента. Он прекрасно говорил. Слушая его, я припоминал, как покойный Лавров говорил мне: «в вас пропал прекрасный адвокат». В т. Ленине, поистине, пропал прекрасный адвокат. Т. Ленин сказал в защиту своего проекта все, что можно было сказать. Но видно слабо то дело, которое защищает этот превосходный адвокат, если защита все-таки оказалась слабой. Т. Ленина можно назвать, по известному французскому выражению, avocat d'une cause perdue. Его дело потеряно перед судом логики. Если т. Ленин, говоривший три четверти

часа, не мог ничего существенного сказать в пользу своего проекта, то ясно, что в его пользу и сказать нечего. Посмотрите, как поступает он. Он понимает, что тактика требует, чтобы он не ограничивался обороной, а переходил в наступление. И он переходит в наступление. Но вместо того, чтобы атаковать то место, которое является ключом моей позиции, он ходит вокруг него, но его не касается. Ключ моей позиции заключается в указании на возможность реставрации.

Это указание я сделал в ответ на его слова: «Мы обезвредим национализацию». «Чтобы обезвредить ее, надо было бы придумать гарантию против реставрации, — сказал я, — а такой гарантии у вас быть не может». «А так как, — продолжал я, — вы не можете дать такой гарантии и никакая человеческая сила не может дать ее, — то ваша идея национализации остается идеей вредной и опасной в политическом отношении. Это антиреволюционная идея». Вот что говорил я, и против этого надо было возражать т. Ленину. Что же он возразил? Ровно ничего. Он ничего не сказал об этом в своей речи, длившейся три четверти часа. Он сам признал, что у нас нет абсолютной гарантии против реставрации, что у нас может быть только относительная гарантия, состоящая в беспощадной народной расправе; но во Франции в 1793 г. имела место беспощадная народная расправа, однако же она не предотвратила реставрации. Я знаю историю французской революции и говорю: нам нужна такая программа, которая была бы подкована на все четыре ноги; наша обязанность заключается в том, чтобы довести до минимума вредные последствия реставрации. Как это сде-

лать? Это можно сделать только путем разрушения экономической основы нашего старого порядка. В чем же заключалась экономическая основа этого порядка? Да именно в той национализации земли, которую я в моем «Дневнике» называл нашей китайщиной. Один товарищ, возражая мне, сказал: «Но во Франции реставрация не восстановила старого порядка», на это т. Мартынов уже ответил, что этот довод несостоятелен. Реставрация не восстановила остатков феодализма, это верно, но то, что у нас соответствует этим остаткам, есть наше старое закрепощение земли и земледельца государству, наша

старая своеобразная национализация земли. Нашей реставрации тем легче будет восстановить эту национализацию, что вы сами требуете национализации земли, что вы оставляете неприкосновенным это наследие нашего старого полуазиатского порядка. Кроме того, известно, что те земли аристократов, которые не были распроданы во Франции в течение революционного периода, те земли, которые оставались в руках государства, быта возвращены их старым владельцам. Хотите ли вы, чтобы и у нас произошло то же самое?

Еще раз Необходимо разрушить ту экономическую основу, благодаря которой наш народ все больше и больше сближался с азиатским народом, нужно вырвать ту экономическую основу, которую еще Энгельс назвал самой серьезной основой деспотизма. Далее. Заметьте, мы с Лениным, с одной стороны, очень близки, а с другой — далеки друг от друга. Ленин говорит «Мы должны доводить депо революции до конца». Так. Но вопрос в том, кто из нас доведет до конца это дело? Я утверждаю, что не он.

Если доводить дело революции до конца значит довольствоваться облечением в новый костюм старых народовольческих идеи, то Ленин, конечно, крайний революционер. Но на самом деле это значит идти не вперед, а назад, возвращать нашу революционную мысль к ее старым, утопическим заблуждениям. Т. Ленин очень недоволен моим ироническим замечанием насчет некоторых его новых терминов Я посмеялся над выражением «народное творчество», назвав это выражение своим старым знакомым. Я упрекнул Ленина в том, что он *реставрирует* народовольческую идею захвата власти. Он ответил мне, что после 17 октября эта идея перестала быть утопией. Я понимаю все значение 17 октября, но я не понимаю, каким образом оно могло изменить нашу оценку некоторых старых топических ценностей. Что понимали под народным творчеством наши народники и народовольцы? Некоторую, будто бы существующую в народе, экономи-

ческую тенденцию, которая избавит его от капитализма. Т. Ленин,— я уверен, — не верит в существование такой тенденции, но тогда зачем же он употребляет термин, обозначающий такую идею, которая была ошибочной до 17 октября и осталась ошибочной после, останется

ошибочной навсегда.

Маркс упрекал французских демократов в том, что они идеализировали народ. То же делали наши народники и народовольцы. Нам надо избегать этой ошибки. Нам необходимо помнить, что тот народ, о котором мы говорим, состоит и может состоять, — несмотря на великое значение 17 октября, — *только* из двух элементов: из пролетариата, с одной стороны, из меткой буржуазии — с другой. Никакое народное творчество не изменит основного характера переживаемой нами буржуазной революции. Что такое демократическая республика, к которой мы теперь стремимся? Это — *буржуазная* республика. И я думаю, что если бы мы твердо и решительно усвоили себе этот взгляд, если бы мы поняли неизбежность свойственных буржуазной республике классовых противоречий, то мы не так легко вдавались бы в идеализацию захвата в пасти Т. Ленин с жаром и энергией говорит мне, что после 17 октября народовольческая идея захвата власти перестала быть утопией. Но в чем же заключался утопический характер этой идеи? В том ли, что народовольцы надеялись захватить власть сипами небольшой горсти людей? Нет. Только тот, кто судит о заговорщиках по опереточным заговорам, как это делают некоторые наши театральные критики, только тот может думать, что народовольцы приурочивали свои надежды к усилиям горсти заговорщиков; нет, они также понимали, что захват власти революционерами должен явиться результатом революционного движения всего народа. Утопический характер их мышления состоял в том, что они считали возможным для революционной власти решение таких задач, которых она решить не может, устранение таких трудностей, которые неустранимы Утописты тем и отличаются от нас, марксистов, что они обходят трудности вопроса с помощью тех или других оптимистических предположений. И этот утопический прием характеризует теперь революционное мышление Ленина Он именно обходит трудности вопроса с помощью оптимистических предположений. А кто сомневается в убедительности такого приема, того он заподозривает в равнодушии к революционному делу.

После 17 октября захват власти перестал быть утопией, т. Ленин? Но вы говорили о нем и до 17 октября, и точно так же до 17 октября

я возражал вам. 17 октября ничего не может изменить в нашей оценке идеи захвата власти. Наша точка зрения состоит в том, что захват власти обязателен для нас, но обязателен тогда, когда мы делаем *пролетарскую* революцию. А так как предстоящая нам теперь революция может быть только мелкобуржуазной, то мы обязаны отказаться от захвата власти. Энгельс говорит, что кто после опыта 1848 г. считает, что социалисты могут принять участие в революционном буржуазном правительстве, тот или чрезмерно ограничен, или связан с революционным делом только революционной фразой. Так смотрел на этот вопрос наш учитель, и этого его взгляда не изменило бы никакое 17 октября.

Но если мы считаем захват власти невозможным, то спрашивается, как мы должны относиться к тому проекту программы, который тесно связан с этим захватам. Если мы отрицаем захват власти, то должны отрицать и эту программу. Те из вас, которые стоят на точке зрения марксистов, должны решительно отвергнуть проект т. Ленина. Он падает вместе с заговорщицкой идеей захвата власти.

Речь по вопросу об отношении к Государственной Думе

Товарищи! Нам говорят, что еще не настал момент для парламентской деятельности, но для нас наша резолюция важна, как указание на тот путь, который ведет к усилению и обострению конфликтов, неизбежных в настоящее время между правительством и Думой. Это для нас самое главное, это основная мысль нашего проекта. Выкинуть из него пункт, относящийся к социал-демократическим представителям в Думе, значит лишить нашу резолюцию всякого практического значения, значит вместе с хвостом резолюции отсечь и ее голову. Это, по-видимому, хорошо понимают товарищи, предлагающие совершить эту операцию, но ведь эта операция была бы величайшей несправедливостью по отношению, например, к нашим кавказским товарищам. Они принимают участие в выборах, они пошлют, может быть, своих представителей в Думу. Мы не имеем права сказать, что это не наши товарищи, что они не принадлежат к нашей партии,

потому что это неверно, потому что они принадлежат к ней. Контролируйте их, это ваша обязанность. Но не отвергайте этих борцов, имеющих так много заслуг перед революцией. Ленин напал на то место нашего проекта, где говорится о том, что конфликты царя с Думой окажут революционизирующее влияние на армию. Ему не нравится упоминание о царе, о власти. Меня очень удивляет это. Мы не идеалисты, видящие в законе вообще и во власти нечто священное или нечто достойное осуждения an und für sich. Для нас закон, власть, есть лишь выражение фактических отношений сил в обществе; когда изменение этих фактических отношений достигает надлежащей степени, тогда старый закон, старая власть, теряет всякое значение и стоит не более, чем старая тряпка. Вам не нравится нынешняя власть? Нам тоже. Чтобы свергнуть ее, надо изменить фактические отношения сил в России. Наша резолюция говорит, как сделать это, а вы кричите о нашем преклонении перед властью. Но поймите же,

что пункт, атакованный т. Лениным, указывает на армию. На армию необходимо обратить внимание особенно тем, которые твердят о вооруженном восстании. Пока армия будет за правительство, вооруженное восстание имеет мало шансов на победу. Правительство сидит на штыках, и хотя сидеть на штыках очень больно, но оно старается сидеть на них как можно прочнее. Чтобы свергнуть его, надо, чтобы штыки зашатались. Наша резолюция указывает на один из путей, ведущих к этой цели. Столкновения Думы с правительством заставят зашататься не одного военного. Вот и все. Где же вы открываете здесь антиреволюционную ересь? Наша резолюция не ставит вопроса: или мирная работа в Думе, *или* революция. Она говорит: Дума, как орудие такой революционной агитации, которая приведет нас к Учредительному Собранию. Это для нас не единственное орудие, это и не главное орудие. Но это одно из важнейших орудий, и пренебрегать им значит делать огромную политическую ошибку. Т. Руденко оказал, что в комиссии он формулировал наш спор словами: «Нам надо решить, стоит ли Дума на столбовой дороге революции», и что на этот вопрос т. Ленин ответил: нет. Это в самом деле было бы так. И это хорошо характеризует разницу наших взглядов. По-нашему, Дума

стоит на столбовой дороге революции. Не следует обходить ее. Ленин говорит: «В Думе много наивных крестьян, которые рядом с самыми детскими требованиями выставляют радикальное требование относительно земли» Это верно; но как же нам отнестись к этим крестьянам? Оставить ли их на жертву их политическим предрассудкам, на жертву их политической наивности, или позаботиться о том, чтобы в процессе борьбы разрушились эти предрассудки? А позаботиться об этом нельзя, повернувшись спиной к Думе. Газеты рассказывали как-то о крестьянах, которые говорили своему депутату: «Ты идешь в Думу, умри же там за наше дело, а если изменишь нам, то не возвращайся домой, мы тебя здесь убьем». Неужели вы не понимаете, что мы обязаны подойти вплотную к этим людям, что мы обязаны принять участие во всех тех конфликтах, которые они будут переживать, и воспользоваться этими конфликтами для развития их политического самосознания. Когда такие люди откажутся от своей политической наивности, — а они откажутся от нее в процессе борьбы и благодаря борьбе, — тогда Дума перерастет самое себя, и тогда пробьет час созыва Учредительного Собрания.

Т. Ленин упрекает нас в том, что мы в своей резолюции не говорим об отношении к кадетам, но я не вижу, почему мы должны были

говорить о них после того, как мы указали в той же резолюции на свое отношение ко всем буржуазным партиям. Или *этого* недостаточно? Или мы должны выделить некоторые из буржуазных партий и поговорить о них *особо?* Но я не понимаю, почему мы должны предпочесть брюнеток блондинкам или наоборот? Поддержка конфликтов между правительством и Думой необходима для политического воспитания нашего пролетариата.

Скажите, товарищи, сколько здесь присутствует рабочих? (*Крики:* «Двадцать».) Ну, вот видите, только двадцать. Это очень мало. Конечно, это не вина наша, что мы, не принадлежа к рабочему классу, стали под знамя социал-демократии. Это наша заслуга. Но эта наша заслуга есть в то же время и наше несчастье. Чтобы отделаться от него, надо воспитывать пролетариат, выводить его на широкую дорогу великих исторических столкновений. Наша резолюция указывает один

из приемов такого воспитания. Вы должны принять нашу резолюцию. *(Аплодисменты.)*

Резолюция Плеханова по вопросу об отношении к Государственной Думе, принятая предварительной комиссией.

Ввиду того, что:

1. Царское правительство вызвало к жизни Государственную Думу под революци-онным напором пролетариата и давлением буржуазной оппозиции с целью ослабить революционный подъем и, водрузив знамя поддельного конституционализма, обеспечить себе победу в борьбе за свое существование.

2. Но, упорно отстаивая существование старого режима, правительство и его реакционные союзники, как сила непримиримо враждебная всякому проявлению политической самодеятельности народа, должны будут вступить в решительную борьбу с Государственной Думой на первых же шагах ее деятельности, не давая ей возможности предпринять ни одной мало-мальски серьезной попытки в деле преобразования государственного строя России.

3. Что антагонизм между самыми насущными интересами и потребностями нового буржуазного общества в России и сковывающим его по рукам и ногам старым режимом так обострился, что конфликты между первым представительным собранием и реакци-ей неизбежны, независимо *от степени* оппозиционности и намерений представленных в Думе партий.

4. Что эти конфликты, заставляя Государственную Думу искать опоры в широких массах, еще более, чем до сих пор, сосредоточат внимание этих масс на борьбе с само-державием и тем самым превратят даже такое мнимо-конституционное учреждение, как Дума, из орудия контрреволюции в орудие революции.

5. Что в современной революционной атмосфере столкновение Государственной Думы с правительством окажет разлагающее и революционизирующее влияние между прочим и на армию, которая пошатнется в своей преданности престолу, впервые увидя на русской почве новую власть, вышедшую из кедр нации, говорящую от ее имени и попираемую произволом царизма.

Съезд признает, что социал-демократия должна:

1) Планомерно использовать все конфликты, возникающие как между правитель-ством и Думой, так и внутри самой Думы, в интересах расширения и углубления революционного движения и для этого:

а) стремиться расширить и обострить парламентские конфликты до пределов, даю-щих возможность сделать их исходной точкой широких массовых движений, направленных к низвержению современного политического порядка;

б) стараться в каждом данном случае связать политические задачи движения с соци-ально-экономическими требованиями рабочей и крестьянской массы.

2) Направлять это свое вмешательство таким образом, чтобы эти обостряющиеся столкновения:

а) обнаружили перед массой непоследовательность всех буржуаз-ных партий, кото-рые возьмут на себя в Думе роль выразителей на-родной воли, и

б) довели широкую народную массу (пролетариата, крестьянства и городского ме-щанства) до сознания полной непригодности Думы, как представительного учреждения, и необходимости созыва всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Кроме того, съезд признает желательным, чтобы при наличности социал-демократи-ческих депутатов, работающих в партийной организации и подчиняющихся ее указани-ям, была образована социал-демократическая фракция, которая должна будет сыграть в Думе революционную роль, толкая своей критикой все буржуазные партии к более

решительной оппозиции, сплачивая вокруг себя все революционные элементы, выдви-гая социально-экономические вопросы *и* подчеркивая их связь с политическими, обост-ряя конфликт Думы с правительством поддерживая через посредство партийной организации постоянную связь с широкими рабочими массами.

Доклад председателя комиссии по выработке

резолюции по вопросу о вооруженном восстании

В качестве председателя комиссии по выработке резолюции о вооруженном восста-нии я должен сделать деловое сообщение.

Комиссия заседала два дня, провела время с пользой и не без удовольствия, но не пришла к определенному решению. Не думайте, однако, что у нас оказалось два мнения. Еще пифагорейцы говорили, что три лучше двух. Мы тоже нашли, что три лучше двух, и вынесли три резолюции; т. Акимов не сошелся ни с нами, ни с «большевиками». Прежде, чем приступить к докладам, надо решить вопрос о продолжительности их. Комиссия намечала по 20 минут для «большевика» и «меньшевика» и несколько меньше дня т. Акимова. Но для ускорения работ съезда я предлагаю дать первым двум по 15 минут, а т. Акимову — 8 минут. Затем у нас возникли в комиссии разногласия и относительно порядка докладов. Я полагал, что т. Акимов, стоящий выше «большевиков» и «меньшевиков», — он парит над партией, как дух божий над бездной, — должен получить первое слово. «Большевики» в комиссии предлагали, чтобы затем представитель «меньшинства» изложил резолюцию «меньшевиков», а представитель «большинства» дал бы критику этой резолюции. Т. Воинов мотивировал это предложение тем, что «меньшинство» представляет собой как бы правительственную партию, а «большинство» — оппозицию. Я предлагаю обратный порядок на следующих основаниях: резолюция «меньшинства» была положена в основу наших прений в комиссии, большевики критиковали, теперь «большевики» должны внести резолюцию, а «меньшевики» дать критику. Если даже аналогия т. Воинова правильна, то им тогда пришлось бы остановиться на предложенном мною порядке оппозиция является с критикой министерства, а министерство, ей отвечает.

83

Речь о вооруженном восстании.

Беря слово по вопросу о вооруженном восстании, я замечу прежде всего, что это один из самых важных для нас практических вопросов в настоящее время; от того, как мы решим его, в значительной степени будет зависеть дальнейшая судьба нашей партии. Его необходимо обсуждать хладнокровно, а между тем докладчик т. Винтер обнару-

живает большую нервность; он не хочет полемики, а между тем сам он очевидно проснулся сегодня в чрезвычайно полемическом настроении. Он обвиняет наш проект в неискренности, в лицемерии. Это обидно. Но мы не будем раздражаться. Мы оставим вне сомнения его искренность и со своей стороны попросим т. Винтера не усматривать лицемерия там, где его нет. Его крайняя подозрительность напоминает мне ту страницу из Глеба Успенского, где чиновница ссорится с дворником: «Где дрова?» — спрашивает чиновница.— «Подле печки», — отвечает дворник. «Как, я подлая!? — вопит чиновница, — да у меня сын офицером в Польше служит» и т. д. Так спорить нельзя. Т. Винтер видит какой-то обидный намек на него и его единомышленников в следующих словах нашей резолюции: «На обязанности партии» и т. д. (см. пункт в.). Винтер говорит, кроме того, что он и его единомышленники не думают сосредоточивать всей задачи революции на плане восстания, технически подготовляемого пролетарскими организациями. Он говорит, что все это к ним не относится. Тем лучше, но *кто* же вам сказал, что мы относим это именно к вам? Мы хотим устранить всякие недоразумения, возможные при суждениях о вооруженном восстании, и мы указываем на такого рода недоразумения. История достаточно показывает, что заговорщики не раз смотрели на вооруженное восстание крайне легкомысленно; нам надо отделаться от легкомыслия заговорщиков; мы указываем на это в своей резолюции, а вы видите в этом полемику, вы чувствуете себя обиженными. Это в высшей степени странно. Впрочем, я должен заметить, что сторонники т. Винтера во многом, как видно, не согласны с ним. Он говорит, что если ждать, пока все войско перейдет на сторону народа, тогда никогда не будет восстания. Но мы не говорили о том, что для успеха восстания необходим переход всего войска на сторону народа. Пусть он припомнит историю французской революции; пусть он воскресит в своей памяти тот момент, когда парижский народ брал Бастилию. Что было тогда? Перешло ли все войско на сторону народа? Нет, не перешло, а между тем часть войска была уже на стороне восставших. Значит,

возможен частичный переход, и этот частичный переход имеет в виду

наша резолюция. Т. Ярославский расходится в этом случае с т Винтером, он, тоже «большевик», сказал нам, что во время московского восстания Н-ская артиллерия рвалась в бой, но не могла быть привлечена к делу вследствие недостатка связей. Из этого следует, во-первых, что т. Ярославский понимает переход войска на сторону народа совсем не так, как т. Винтер, а, во-вторых, что необходимо усилить и систематизировать нашу деятельность в армии, — а этого как раз и требует наша резолюция. Дальше т. Винтер спрашивает: «Кто и когда из «большевиков» говорил о том, что партия может взять на себя обязательство вооружения народа?» Между тем т. из Ярославля говорит, что партия должна взять на себя такое обязательство, он упрекает нас в том, что, не беря на себя такого обязательства, мы в сущности высказываемся за невооруженное восстание, т. из Ярославля, очевидно, смотрит на этот вопрос не так, как т. Винтер. Мы думаем, что такого обязательства партия взять на себя не может, и это мы выражаем в нашей резолюции. По нашему мнению, положение дел таково: только силой народ может вырвать права у тупых сторонников реакции, но эта сила пока еще не достигла надлежащих размеров, ее надо увеличивать путем агитации, поэтому наша резолюция обращает главное внимание на необходимость революционной агитации; с другой стороны, наши противники полагают, что момент для решительного столкновения уже наступил, поэтому в их резолюции главное место отводится технической подготовке к восстанию, в этом и заключается различие наших взглядов. Резолюция так называемых «большевиков» прямо говорит, что вооруженное восстание является в настоящее время не только необходимым средством борьбы за свободу, «о уже фактически достигнутой ступенью движения, я решительно отрицаю это, и заметьте, что это же, против собственной воли, отрицают и авторы отвергаемого нами проекта резолюции. С одной стороны, они говорят, что восстание есть уже фактическая ступень движения, а, с другой стороны, их же резолюция говорит, что «в народных массах зреет сознание необходимости борьбы за реальную власть, овладеть которою народ может лишь в открытой борьбе с силами самодержавия».

Если зреет это сознание, то, значит, оно еще не созрело, значит,

ступень еще не до-стигнута и, значит, необходимо обратить усиленное внимание на то, чтобы содейство-вать созреванию этой мысли, а у наших противников, как я сказал, главное место зани-мает техника, т. е. такая деятельность, которая была бы уместна только тогда, когда ука-

занная ступень в самом деле была бы достигнута. Т. Воинов сослался на Мольтке, он говорит, что мы похожи на тех людей, который, услыхав афоризм, что битву при Садовой выиграл школьный учитель, заключают, что для победы на войне нужны только школы. Ничего подобного не говорим мы; мы лишь утверждаем, что необходимо пройти через школу и что народ далеко еще не весь прошел через нее. Вам угодно было сослаться на Мольтке, а известна ли вам военная история Пруссии после Иенского поражения? Как поступили тогда пруссаки? Они видели, во-первых, что с Наполеоном необходимо бороться, а во-вторых, что для борьбы у них еще нет достаточно силы, и они сосредоточили свое внимание на подготовке масс населения к борьбе с французами; они сократили срок военной службы и организовали военное дело так, что через прусские полки в короткое время прошла значительная часть населения. Вот то же нужно делать и нам, нам надо подготовлять население к нашему военному делу, а этого не сделаешь технической подготовкой, для этого необходима широкая революционная агитация. Раз сосредоточив свое внимание на технической подготовке, мы по необходимости упустим из виду агитационные задачи. Споря с нарождавшейся в начале восьмидесятых годов социал-демократической группой, Тихомиров писал: «Вы заботитесь о том, чтобы отстоять социалистическую программу, но мы, народовольцы, стоим на точке зрения захвата власти и вооруженного восстания, а для успеха вооруженного восстания хороший офицер важнее сознательного рабочего». На такую точку зрения станете и вы, когда сосредоточитесь на технической подготовке, и это будет грозить серьезной опасностью всему делу пролетариата. Вот почему мы предлагаем съезду отвергнуть резолюцию «большевиков» и принять нашу.

Заключительная речь перед закрытием съезда

Товарищи! Объединительный съезд РСДРП пришел к концу. В течение этого съезда обнаружилось очень серьезное различие в мнениях, борьба фракций становилась по временам чрезвычайно жаркой. Я уже в одной речи своей по аграрному вопросу сказал, что не считаю нужным затушевывать наши разногласия, что я, наоборот, нахожу полезным обнаружить их во всей их полноте. Я держался того мнения, что, как говорят французы, du choc des opinions jaillit la vérité. Но различие в мнениях не помешало съезду совершить свою работу; единство нашей партии не только сохранилась, но,— будем надеяться, — упрочилось. Кроме того, наши ряды умножились новыми борцами: теперь вместе с нами идут товарищи из Польши и Литвы, латыши и бундисты. Добро пожаловать, товарищи! Мы вместе с вами пойдем под общим знаменем к победе, пойдем объединенные не только умственной и нравственной, но и формальной связью. Что же касается наших разногласий, то надо помнить, что глубже и серьезнее их является противоположность между реакцией, с одной стороны, и великой революцией, с другой, которые ведут теперь смертную борьбу одна с другой. Нам надо помнить, что при всех своих разногласиях наши две фракции все-таки ближе друг к другу, чем к кому-либо из тех, кто стоит вне рядов нашей партии, и этим должно поддерживаться наше единство. Товарищи! На будущем съезде будут отсутствовать многие из тех, которые были здесь; и не потому будут отсутствовать они, что их не выберут в делегаты, а потому, что они падут жертвами в борьбе за политическую свободу. Борьба становится все более и более жестокой; жертв будет много; «о если погибнут отдельные личности, то дело наше не погибнет. Мы победим! Уверенность в этом наполняет сердца всех нас, и вот почему, заканчивая съезд, все мы сольемся в единодушном крике: да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, да здравствует российский пролетариат, да здравствует великая российская революция, да здравствует международная социал-демократия! *(Аплодисменты.)*

СТАТЬИ ИЗ «КУРЬЕРА» И ИЗ «ГОЛОСА ТРУДА»

Письмо к рабочим

Товарищи рабочие!

Мы обращаемся к вам с этими строками в такой момент, важнее которого не было в жизни нашей родины за последнее время.

Правительство, с министром Горемыкиным во главе, ответило отказом на все требо-вания Государственной Думы. Оно не дает амнистии тем людям, которых оно объявило преступниками за то, что они боролись за свободу, ни земли тому крестьянству, которое им же доведено до нищеты. Что же теперь делать? Вот вопрос, который вы должны, в интересах вашего собственного дела, в интересах всей нашей родины, обдумать со всем *хладнокровием,* несмотря на то, что в ваших сердцах горит огонь справедливого негодования. Вы обязаны избежать ошибок, которые нанесли бы глубокий, может быть, непоправимый, вред всему нашему движению.

Не поддавайтесь провокации! Сила правительства убывает с каждым днем, потому что с каждым днем народ наш все яснее сознает, что ничего не дождется он от него, кроме новых и новых притеснений. Правительство видит это и хочет вызвать вас на бой, пока его сила все-таки больше вашей. Не поддавайтесь его провокациям; не увлекайтесь речами искренних, но неразумных людей, готовых теперь же звать вас к оружию. Принять бой теперь значит потерпеть жестокое поражение.

Но это еще не все. Наше правительство, организующее черносотенные погромы и неуклонно подавляющее всякое проявление свободной мысли, не препятствует самой резкой критике Государственной Думы. Как вы думаете, почему оно так поступает?

Потому, что оно хочет сделать из вас орудие реакции.

«Революционеры нападают на Государственную Думу, — говорит себе Горемыкин, — это очень хорошо теперь, когда наш отказ исполнить требования Думы приведет к столкновению между нами и ею. Чем ниже падет Дума в глазах народа, тем слабее станет он поддер-

живать ее, и тем легче будет зажать ей рот, а если понадобится, то и вовсе разогнать ее. А с революционерами я справлюсь потом посредством пулеметов».

Товарищи рабочие!

Вы непременно должны расстроить этот план г. Горемыкина. Не смущайтесь тем, что в Думе господствуют буржуазные партии. Не потому ненавидит Думу г. Горемыкин, что в ней преобладает буржуазия, а потому, что буржуазия, преобладающая в ней, требует свободы для всех и земли для крестьянства.

Не против буржуазии направлен отказ г. Горемыкина, а против всего народа. И весь народ должен заставить г. Горемыкина пожалеть об этом отказе; *весь народ* должен единодушно *поддержать Думу.*

Всякое колебание в этом случае было бы недостойно нашего народа; оно показало бы, что он еще не понял, в чем состоит самая насущная политическая задача настоящего времени.

Для успешной борьбы за социализм нужна политическая свобода. А чтобы была у нас политическая свобода, нам необходимо расстроить козни нашей реакционной пар-тии.

Горе будет вам, горе будет всей стране, если вы не сосредоточите теперь на этом ва-ших усилий, всего вашего внимания.

Реакция воспользуется вашими роковыми ошибками и нанесет страшный удар делу свободы.

Не удивляйтесь тому, что мы обращаемся к вам с этим воззванием. Уже с самого начала восьмидесятых годов мы предсказывали ваше появление на историческую сцену и ждали его, как верующие евреи ждут Мессию. Мы не переставали твердить, что осво-бодительное движение восторжествует у нас, как движение рабочего класса, или совсем не восторжествует. И теперь, когда события оправдывают наши ожидания; теперь, когда благодаря героизму рабочих наше освободительное движение уже недалеко от торжества, мы не можем молчать, мы считаем себя обязанными указать вам на ту политическую западню, в которую хочет завлечь вас реакция.

Беззаветно преданный вам

Г. Плеханов.

Письма о тактике и бестактности

Письмо первое

В № 85 полтавской газеты «Колокол» напечатана статья: «Социал-демократия и пролетарская фракция Государственной Думы». Эта

статья затрагивает один из самых важных для нас практических вопросов. И это, конечно, хорошо. Но она отвечает на него без надлежащей ясности. И это, разумеется, плохо, Ясность нужна всегда и везде. А теперь, в нынешнем нашем положении, она безусловно для нас необходима. Если на-ша партия уже сделала несколько серьезных политических ошибок, то это произошло единственно потому, что она недостаточно ясно — или, если вам угодно, достаточно неясно, — понимала свои задачи.

Само собой понятно, что эта *идейная* неясность имела свою причину в историческом ходе нашего *социального* развития. Но это — дело десятое, как выражается Базаров в «Отцах и детях». Старушка-история во всем виновата, во всем «причинна»: и в дурном, и в хорошем; и в ясности человеческой мысли, и в ее туманности; и в правильности человеческих действий, и в их ошибочности. Но именно потому, что она виновата *во всем,* ссылка на нее нисколько не оправдывает в наших глазах наших ошибок. *На историю ссылайся, а сам не плошай.*

В чем же состоит та неясность мысли, которая замечается в вышеназванной статье полтавского «Колокола»?

А вот судите сами.

Автор статьи утверждает: «Принятие одной социал-демократической программы не делает еще ни отдельную личность, ни даже целую группу социал-демократической. Для этого необходимо принятие целиком и основ социал-демократической тактики».

Это справедливо, но, к сожалению, тут-то и начинается неясность. Что и говорить: очень хорошо принять, да еще *целиком* принять, основы социал-демократической так-тики. Но надо предварительно выяснить

себе, в чем они заключаются. А наш полтавский товарищ этого-то и не сделал... Или, по крайней мере, он не дал себе труда хорошенько растолковать нам, к чему же сводятся те основы социал-демократической тактики, которые он сам, очевидно, принимает «це-ликом».

Он ограничился следующим замечанием:

«Отличительным признаком, резко выделяющим социал-демокра-

тию из ряда остальных партий, является, кроме ее программы, ее непримиримая классовая позиция по отношению ко всем остальным буржуазным партиям».

Этого недостаточно. Притом же недостаточное изложено самым неудовлетворительным образом. Здесь есть, *по-видимому,* одна опечатка и, *наверно,* несколько описок.

Начну с опечатки. Вместо: «позиция по отношению ко всем остальным буржуазным партиям» надо, по-видимому, читать: *оппозиция,* Иначе выходит нескладно.

Если же мы исправим эту опечатку, то нескладность устранится, Но и тогда останет-ся затруднение с описками. Во-первых, оказалось, что наша партия должна стоять в оппозиции по отношению «ко всем *остальным* буржуазным партиям»; это значит отнести ее самое к числу этих партий.

Автору статьи, конечно, это и в голову не приходит; поэтому ему следовало зачерк-нуть некстати сорвавшееся с его пера слово *остальным.* Далее. Сделав эти исправления, мы должны будем говорить уже не о непримиримой классовой позиции по отношению к остальным и проч., а о непримиримой оппозиции к буржуазным партиям, определяемой классовой точкой зрения социальной демократии. В таком виде интересующая нас мысль автора перестает быть плохо изложенной, но она не перестает быть неудовлетворительной, — и даже больше, — ошибочной, вследствие своей излишней краткости. Автор изображает все остальные буржуазные партии, как одну сплошную реакционную массу. Но лучшие представители международного социализма давно уже признали, что социал-демократия сделала бы большую теоретическую и тактическую ошибку, если бы позабыла, что *различные буржуазные партии окрашены в различный цвет* и что пролетариату далеко не все равно, какая именно из этих партий находится у власти.

Социал-демократические пролетарии Западной Европы хорошо понимают это, и вот почему они при перебаллотировках не воздерживаются от голосования, когда теряют возможность провести собственного кандидата, а голосуют обыкновенно за кандидата наиболее пере-

повой из буржуазных партий. Это та самая тактика, которую рекомендовал немецким рабочих еще Лассаль, несмотря на свою упорную и жестокую борьбу с буржуазными немецкими прогрессистами. А между тем на эту тактику нет и намека в разбираемом мною положении полтавского социал-демократического публициста. Кто усвоил бы себе его положение, тот был бы еще очень далек от «принятия *целиком* основ социал-демократической тактики». Он «принял» бы нечто *совсем неполное.*

Но это еще только полбеды. Беда в том, что наш полтавский товарищ не осветил надлежащим историческим светом даже и ту *долю тактической истины,* которую он ошибочно принимает *за полную истину.* Он пишет:

«Прилагая эти общие положения к парламентской рабочей группе, мы можем сказать, что группа эта лишь постольку будет выражать действительные стремления наиболее боевой и сознательной части российского пролетариата, другими словами, постольку будет названа социал-демократической, поскольку она в своих действиях в Думе будет проводить основные тактические начала социал-демократии.

«Не погрязая в общем кадетско-оппозиционном болоте Думы, не плетясь в хвосте за кадетским большинством ее, а противополагая себя этому большинству, разоблачать ограниченность его стремлений, наклонность его к соглашению с «правыми» партиями и с правительством — вот единственная достойная представителей пролетариата и в то же время истинно социал-демократическая тактика, которую мы должны настойчиво рекомендовать представителям рабочих в Государственной Думы. Всякая же другая тактика, затемняя классовое самосознание пролетариата, представителями которого в Думе считают себя члены этой группы, будет обращать их в приспешников буржуазных партий и в орудие, направленное против самостоятельных задач пролетариата в общем ходе русской революции».

Если бы нашему полтавскому товарищу пришлось применить свои общие положе-ния к социалистической партии во Франции, то ему не было бы надобности вносить сколько-нибудь серьезные поправки в заключительные строки своей статьи. Он мог бы ограничиться за-

меной слов: «кадеты, кадетские» — словами «радикалы, радикальное»; слова: «Дума» — словом «Палата депутатов»; наконец, слов: «русской революции» — словами: «общественно-исторического движения». Это поразительно удобно. Но именно это поразительное удобство и заста-

вляет усомниться в удовлетворительности вывода, делаемого «Колоколом». Ведь Франция находится теперь в совсем другом социально-политическом положении, чем Россия. Франция уже сто десять лет тому назад пережила свою буржуазную революцию, а Россия только теперь ее переживает... Во Франции перед пролетариатом стоит вопрос о замене буржуазных отношений производства социалистическими; в России же речь идет пока лишь о том, чтобы заменить наш старым порядок новейшими буржуазными отношениями. Во Франции — демократическая республика, а у нас — «фюить!» Неужели этих существенных различий недостаточно для того, чтобы внести некоторые существенные дополнения в тактический рецепт, прописываемый «Колоколом» представителям российского пролетариата? Наш полтавский товарищ полагает, как видно, что таких дополнений не нужно, что тактика российского пролетариата должна «целиком» походить на тактику пролетариата Франции или Англии. Но это ошибка, свидетельствующая только о том, что наш товарищ неправильно понимает «основы социал-демократической тактики».

Во всяком случае полтавский автор сильно расходится с Марксом, очень резко капавшим в «Манифесте» на тот «истинный» немецкий социализм сороковых годов, который, повторяя нападки французских социалистов на буржуазию, позабыл, что предпосылкой французской критики... является современное буржуазное общество с соответствующими материальными условиями существования и политической конституцией, т. е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии.

Читая «Колокол», можно подумать, что у власти стоит теперь в России партия демо-кратических реформ, а кадеты делают ей оппозицию, которая не может быть глубокой, ввиду незначительности разногласий между этими двумя партиями.

К сожалению, партия демократических реформ еще не у власти: к

сожалению, не М.М. Ковалевский является теперь нашим премьером, и кадеты делают оппозицию не ему, а г. Горемыкину и вышеупомянутому «фюить!» И это в корне изменяет политиче-ское положение всей нашей страны, а, следовательно, также и тактические задачи нашего пролетариата.

Тактика пролетариата, — как и всякого другого класса, — должна быть строго согласована с его ближайшей политической целью. Но ближайшей политической целью нашего пролетариата является теперь не завоевание революционной диктатуры для себя, а торжество народ-

ного самодержавия, т. е. ниспровержение нашего старого порядка, который можно назвать *добуржуазным* порядком и при существовании которого пролетариат не может созреть для своей классовой диктатуры. Поэтому говорить о нынешней тактике нашего пролетариата значит говорить об особенных политических задачах, выдвинутых перед ним нынешним политическим моментом, или не говорить ничего...

Товарищ из «Колокола» ни одним словом не упомянул об этих особенных полити-ческих задачах, и это обстоятельство лишает всякого практического значения совет, данный им нашей парламентской рабочей группе.

Трудность состоит для нас не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах сознание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, *прочность предрассудка.* Трудность состоит в том, чтобы, сознавая эту противоположность и поступая всегда и вполне сообразно этому своему сознанию, определить те приемы нашей деятельности, которые дали бы нам возможность использовать, — *в интересах освободительного движения пролетариата,* — нынешнее оппозиционное настроение нашей буржуазии.

Hic Rhodus, hic salta!

Кто не видит этой трудности; кто думает, что вопрос легко разрешается упреками и насмешками по адресу, например, «кадетов», тот просто-напросто еще не понимает марксистской постановки вопроса,

тот ясно показывает, что в его голове сидит еще весьма порядочный кусок старых народнических или бланкистских предрассудков. Накануне революции 1848 г. Маркс прекрасно понимал, что вопрос только запутывается подобными упреками и насмешками. Потому-то он и бичевал «истинных» немецких социалистов; потому-то он и отклонял от коммунистов всякую ответственность за бестактные выходки не по разуму усердных защитников пролетариата.

В 1847 г., в статье «Der Kommunismus des Rheinischen Beobachters» Маркс делает следующее многозначительное замечание: «Если известная фракция немецких социалистов постоянно шумела против либеральной буржуазии, и шумела так, что это не бы-ло полезно никому, кроме немецких правительств, и если теперь правительственные органы, вроде ««Rheinischer Beobachter», опираясь на фразы этих людей, утверждают, что не либеральная буржуазия, а правительство представляет

интересы пролетариата, то коммунисты не имеют ничего общего ни с тою, ни с дру-гим» [1]).

В свою очередь Энгельс, в небольшой, но чрезвычайно интересной статейке «Schutzzoll oder Freihandelssystem», обращает внимание своих читателей на то, как важ-но для рабочего класса, чтобы буржуазия поскорее добилась политического господства.

С этой точки зрения Энгельс рассматривает даже вопрос о свободе торговли в его применении к тогдашней Германии. На подобные соображения нет даже и самомалей-шего намека в тактических рассуждениях полтавского товарища. Уже не кажутся ли они ему оппортунистическими?

Маркс писал о своей партии, что она «ни на минуту не перестает вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата»; что она хочет, «чтобы общественные и политиче-ские условия, которые принесет с собою господство буржуазии, могли послужить немец-ким рабочим оружием против той же буржуазии». Но чем лучше сознавал он огромное революционное значение такого оружия, тем энергичнее стремился он помочь истории его выковать. А

помощь, которую он, а с ним и весь сознательный пролетариат, мог оказать в этом случае истории, сводилась к энергичной поддержке борьбы буржуазии со старым порядком за свое господство.

Во время первого появления «Манифеста» эта борьба буржуазии со старым порядком велась главным образом в Германии.

Поэтому «Манифест» говорит без обиняков: «В Германии коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной поземельной собственности и мелкого мещанства». Эти слова «Манифеста» не то что забываются у нас, но понима-ются до последней степени узко. Я помню, как в эпоху второго съезда некоторые «ради-кальные» товарищи нападали на меня за то, что я от этих слов умозаключил к обязательности для нас поддерживать всякое *оппозиционное* движение в России.

Этим товарищам казалось, что я подменяю понятие, ставя *оппозиционные* движения на место *революционных,* упоминаемых в «Манифесте»; эти товарищи не понимали, что при абсолютизме *оппозицией-*

[1]) См. «Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Fr. Engels und Ferdinand Lassale», II. Band, p. 433.

нов движение буржуазии представляет собою *революционный факт,* составляющий огромный плюс в деле освободительной борьбы рабочего класса. Но то, чего не пони-мали эти товарищи, прекрасно понимал Маркс, который в 1847 г. горячо поддерживал, — в вышеупомянутой статье «Der Kommunismus des Rheinischen Beobachters», — даже далеко не решительную оппозицию прусской буржуазии в соединенном ландтаге. Историк немецкой социал-демократии, т. Меринг, находит, что Маркс в своей горячно-сти пошел дальше своей собственной цели, так как в том случае, о котором здесь идет речь, — т. е. в деле отклонения буржуазной оппозицией представленного прусским правительством проекта подоходного налога, — буржуазия следовала *реакционным* побуждениям.

Я спорить об этом не буду, а только скажу, что если Маркс и ошибался, то он ошибался в таком направлении, которое чрезвычайно характерно для всей его тактики и прямо противоположно тактике «истинных» социалистов. Над этим должны глубоко задуматься все,

желающие объяснить нашему рабочему классу истинные основы пролетарской тактики. Полезно будет подумать об этом и полтавскому «Колоколу».

В № 2 «Партийных Известий» один товарищ-«большевик» усердно занимался разрешением вопроса о том, какой именно год мы теперь переживаем: 1847-й или какой другой. Я отвечу ему с полным убеждением: мы переживаем теперь 1847 год, и именно те месяцы этого года, в течение которых были написаны — «Манифест», с его резким осуждением «истинных социалистов», не понимающих важности освободительного движения буржуазии, и статья «Der Kommunismus des Rheinischen Beobachters», с ее защитой буржуазного либерализма. Иначе оказать, мы переживаем теперь то время, когда тактика, отстаиваемая упомянутым «большевиком», представляет собою на практике огромнейшую и вреднейшую политическую ошибку, а в теории настоящую измену Марксу. Маркс прекрасно понимал, что либеральная германская буржуазия боролась с абсолютизмом вовсе не ради интересов пролетариата.

Основатель теории исторического материализма яснее, чем кто-нибудь другой, ви-дел истинную подкладку либеральных стремлений. Но в то же время, и именно в своем качестве исторического материалиста, он не мог не презирать рассуждения людей, сму-щавшихся или возмущавшихся тем вполне естественным обстоятельством, что политические представители буржуазного класса преследуют буржуазные

цели. Он говорил: «Пролетариат не спрашивает, относятся ли буржуа к народному бла-гу, как к своей главной или как к своей побочной цели, хотят ли они или нет воспользо-ваться пролетариатом, как пушечным мясом. Пролетариат спрашивает не о том, чего *хотят* буржуа, а о том, к чему они *вынуждены.* Он спрашивает, чтò более облегчает ему достижение его собственных целей: современный политический порядок или же господство буржуазии, к которому стремятся либералы» и т. п.

Этим самым вопрос переносится, — согласно всему духу марксова учения, — из *субъективной* области в *объективную,* из области сообра-

жений о нравственных свойствах либеральной буржуазии *в область политического расчета.*

И нам, сторонникам учения Маркса, давно уже пора бы перенести вопрос в эту последнюю область. Таким перенесением мы спасли бы себя от многих бестактностей и многих промахов.

Я сказал выше: истина, гласящая, что мы должны непрестанно развивать в умах рабочих сознание противоположности их интересов с интересами буржуазии, давно уже приняла в нашем уме прочность предрассудка. Но предрассудок есть засохшая, окаменелая, выдохшаяся истина, от которой отлетело освежающее дыхание жизни.

Это — мумия истины. И когда такая мумия принимается за настоящую живую истину, она неизбежно ведет к заблуждению. В данном случае заблуждение состоит в том, что люди, толкующие о противоположности интересов буржуазии и пролетариата, судят о ней по метафизической формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого». Если интересы противоположны, то пролетариат не может идти рядом с буржуазией; а если иногда кажется, что это было бы ему выгодно, то это — вредная иллюзия, буржуазия обманет, буржуазия изменит, буржуазия предаст и т. д. и т. д.

Стало быть, пролетариату нечего и пытаться изолировать реакцию, опираясь на поддержку непролетарских слоев населения. Стало быть, ему нечего и задумываться о том, чтобы, *«идя врозь, бить вместе».*

Это все оппортунизм. Многие принимают такие рассуждения за пес plus ultra социал-демократического радикализма. Но этот мнимый радикализм тоже мумия истины. Он не облегчает дела пролетариата, а затрудняет его, мешая рабочим использовать в своих интересах действия буржуазии, к которым она «вынуждается» противоположностью ее интересов с интересами защитников добуржуазного порядка. Что же касается развития в умах рабочих сознания названной противоположности, то его хотят подвинуть вперед преимущественно крепкими сло-

вами по адресу буржуазных партий и буржуазных деятелей. Но крепкие слова - не критика. Критика действительно развивает сознание, а крепкие слова, наоборот, его затемняют. Возьмем хоть

крепкое слово: измена.

Мы так часто кричим об измене буржуазии, что когда она в самом деле «изменит», — т. е. помирится с бюрократией, — и когда нам в самом деле надо будет кричать об этом со всех крыш, то наши крики уже не произведут надлежащего действия, и с нами повторится история мальчика, кричавшего: «волк! волк!», когда волк еще не появлялся.

Сознание противоположности их интересов с интересами буржуазии развивается в умах рабочих путем *опыта.* Опыт экономической борьбы освещает перед ними экономическую сторону дела, опыт политической борьбы выясняет им то же дело с его политической стороны. Но усвоение опыта политической борьбы нимало не затруднится для рабочего тем фактом, что он в борьбе с абсолютизмом пойдет рядом с буржуазией. Совершенно наоборот! Тут-то и обнаружится для него ее политическая непоследовательность. И обнаружится просто благодаря тому, что буржуазия не может идти так далеко, как пролетариат, не может не отставать от него. И этот неизбежный факт отставания послужит незаменимым предметным уроком для пролетариата. Наша критика, конечно, должна разъяснять пролетариату смысл такого урока. Но, во-первых, иное дело критика, а иное дело крепкое слово.

В Германии в сороковых годах специалистами по части крепких слов в полемике с другими партиями были не коммунисты и не «истинные» социалисты, а крикуны вроде Гейнцена, писания которых Маркс назвал «грубиянской литературой».

Нам нет никакой надобности уподобляться в этом отношении Гейнцену. Во-вторых, чтобы наша критика была плодотворна, она должна быть *основательной.* Это значит, что мы не должны выставлять против буржуазии незаслуженные, или преувеличенные, или преждевременные обвинения. Такие обвинения не только не приближают нас к нашей цели, но отдаляют нас от нее. Вообще политический *такт* великое дело, и о нем надо особенно часто вспоминать тогда, когда Речь заходит о *тактике.*

Положение дел в России теперь таково, что каждый день увеличивает наши силы и уменьшает силы реакции. Следовательно, каждый день увеличивает шансы нашей победы. История громко и внятно чи-

тает теперь русскому народу курс политических наук, и мы не должна прерывать ее чтения излишней торопливостью.

Я говорю это потому, что некоторые наши товарищи как будто сожалеют о том, что Государственная Дума не вступила в конфликт с бюрократией в первую же неделю своего существования. Но это значит сожалеть о том, что Дума не принесла огромного вреда делу свободы.

Эдгар Кинэ очень хорошо говорит в своей «Революции», что каждая партия рано или поздно делает непростительную ошибку, которая увлекает ее в бездну.

Наше правительство сделало уже много непростительных ошибок. Эти ошибки привели его на край бездны; но они еще не столкнули его туда. Оно упадет в бездну, когда разгонят Думу. Но падающее в бездну правительство может принести, смотря по обстоятельствам, сопровождающим его падение, больше или меньше вреда народу. И как ни странно это на первый взгляд, но несомненно, что чем скорее начнется его падение, тем продолжительнее и мучительнее будет процесс этого падения.

Чтобы сократить и облегчить этот процесс, надо отсрочить его начало до известного времени. Путь, представляющийся наиболее длинным, окажется на деле самым коротким. Этого мы не должны ни на минуту упускать из виду. Преждевременный конфликт слишком рано прервал бы политическое воспитание народной массы. Ведь чем хороша знаменитая «permanence»?

Тем, что она не дает народу успокоиться и заснуть, тем, что она держит его в состоянии постоянного напряжения, тем, что она чрезвычайно быстро развивает его политическую мысль.

А как влияет на народ Дума, ставшая теперь центром его внимания?

Она будит даже самых сонных; она толкает вперед даже самых отсталых; она разбивает в массе последние политические иллюзии, завещанные историей. Значит, Дума влияет в том же направлении, как и «permanence». Конечно, рассуждая утопически, можно возразить: «permanence» — все-таки лучше; поэтому «да здравствует «permanence!» Но времена чудес прошли, стены реакционной твердыни не

падут от звона революционных фраз.

Для «permanence» нужна такая сила, какой у нас еще нет, а пока ее нет, надо дорожить тем, что ее создает и укрепляет. И вот почему мне странно то, можно сказать, схоластическое отношение к Думе, которое я замечаю в писаниях некоторых наших товарищей. Они го-

ворят: «Дума не должна заниматься органической работой. Ее работа должна быть чисто агитационной». Но ведь надо же помнить, что наиболее агитационное значение будет иметь именно органическая работа Думы.

Легко понять, почему реакционная партия будет мешать этой работе и тем самым компрометировать себя в глазах населения.

Вольтер говорил: все литературные роды хороши, кроме скучного. А я скажу: всякая работа Думы будет хороша, если только благодаря ей спадут последние повязки с глаз нашего народа. Хорошо все то, что содействует политическому воспитанию народа; дурно все то, что препятствует ему. «Вот смысл философии всей». Все остальное — предрассудок, бестактность или вредная схоластика. И от всего этого остального, от всех этих предрассудков, бестактности и схоластики, нам нужно как можно скорей отделаться. Этого требуют самые жизненные, самые насущные интересы нашей партии. Предрассудки, бестактность и схоластика принесли ей уже много страшного вреда.

В полемической статье, направленной против меня, один товарищ-«большевик» сравнил меня с Бернштейном. Это весьма остроумно, но весьма остроумный «большевик» не заметил, что я — Бернштейн навыворот. Эдуард Бернштейн приглашает *пересмотреть Маркса,* а я советую нашей партии *пересмотреть те понятия, которые мешают ей усвоить себе тактические идеи нашего учителя.* К этой работе я приглашаю, между прочим, полтавский «Колокол», так неудовлетворительно изложивший основы социал-демократической тактики. Этой же работой займусь и я в следующих своих письмах.

Письмо второе

Конфликт Думы с правительством все более и более обостряется. Поэтому тактические вопросы приобретают теперь для нас особенно важное значение. Надо вполне выяснить их себе, чтобы не повторять

прежних ошибок, потому что повторение прежних ошибок принесло бы с собою непоправимые и неисчислимые бедствия.

Между очередными тактическими вопросами самым важным является, несомненно, вопрос о так называемых *конституционных иллюзиях.* «Курьер» уже высказывался об этом вопросе; но полезно будет еще поговорить о нем.

Нам говорят, что мы не должны поддерживать в народе конституционные иллюзии. Мысль тех, которые говорят так, по существу

правильна; но эта правильная по существу мысль получает у них до крайности неудачное выражение.

Я понимаю анархистов, гремящих против «конституционных иллюзий». В глазах анархиста всякая конституция есть вредная сделка с чертом оппортунизма. Поэтому, когда анархисты слышат, что социал-демократы данной страны хотят пользоваться существующей в этой стране конституцией для политического воспитания пролетариата, то они кричат: «Измена! Вы поддерживаете в пролетариате вредные конституционные иллюзии!»

Анархисты рассуждают в этом случае вполне логично. Если они, тем не менее, приходят к неправильному выводу, то лишь потому, что *неправильно их основное положение.*

Было время, когда наши революционеры целиком принимали это неправильное положение. Они находились тогда под сильнейшим влиянием М. А. Бакунина, принадлежавшего, как известно, к числу родоначальников анархизма. Тогда наши революционеры разделяли анархическое убеждение в том, что всякая конституция есть вредная сделка с чертом оппортунизма, и тогда они, нападая на «конституционные иллюзии», были вполне верны самим себе.

Не то теперь. Социал-демократы, составляющие теперь огромное большинство в нашей сознательно-революционной среде, не разделяют анархического взгляда на конституцию. В их глазах всякая данная конституция есть не что иное, как юридическое выражение фактического соотношения сил, существующего в данной стране. Им в голову не приходит видеть в таком положении что-либо вредное для интересов пролетариата. Поэтому анархические нападки на

«конституционные иллюзии» справедливо кажутся им просто-напросто бессмысленными.

С точки зрения анархиста всякая данная конституция плоха уже самым фактом своего существования. С точки зрения социал-демократа конституция может быть плоха не тем, что она существует, — существование конституции необходимо и полезно, — а тем, что она плохо выражает собою фактическое соотношение сил в стране. Когда социал-демократ убедится в том, что данная конституция неудовлетворительна в этом последнем смысле, то он, конечно, постарается убедить и этом также всех тех, чьи интересы он представляет и защищает, т. е. всех рабочих. Но, убеждая в этом рабочих, он будет восставать не *против «конституционных иллюзий» вообще,* а *против иллюзий по отношению к данной конституции,* которая устарела или которая уже с самого

появления своего была неверным выражением действительного соотношения сил.

На какой же точке зрения стоят те из нас, которые гремят теперь против «конституционных иллюзий»?

Они считают себя социал-демократами. Поэтому держаться анархической точки зрения им не пристало. А если не пристало, то в их устах нападки на конституционные иллюзии вообще лишаются всякого смысла. Они должны восставать не против конституционных иллюзий вообще, а против иллюзий по отношению к данной конституции, т. е. к нашей «конституции», октроированной после всем известных событий.

Так оно и есть на самом деле. Наши, не согласные с нами, товарищи нападают не на конституцию вообще, а именно на нашу нынешнюю конституцию. Они не разделяют анархического взгляда на конституцию вообще. Несправедливо было бы обвинять их в этом грехе. Их грех состоит в том, что они, не разделяя анархического *взгляда,* почему-то усвоили себе анархический способ *выражения* и что, восставая против *данной* конституции, они выражаются так, как имели бы они право выражаться лишь в том случае, если бы хотели восставать против всякой конституции вообще, т. е. если бы они были анархистами.

Это большой грех. В политике точность выражений важна не менее, чем в науке, выражаясь, как анархисты, наши товарищи, во-первых, прокладывают анархическим идеям дорогу в головы рабочих, а во-вторых, затрудняют самим себе понимание нашего взгляда на дело.

В чем заключается этот взгляд?

Бывшие наши «большевики» называют нас *оппортунистами.*

Я отнюдь не думаю, что все они искренно считают нас таковыми. Нет, для многих из них это просто демагогический прием, с помощью которого они надеются дискредитировать нас в глазах пролетариата. Но, разумеется, есть между ними и такие, которые верят в наш оппортунизм. Так, например, «один рабочий», ополчившийся на меня за мое письмо, напечатанное в «Курьере», конечно, в самом деле считает меня перешедшим на точку зрения Бернштейна.

Не знаю, по какой ассоциации идей этот рабочий заставил меня вспомнить о доброй старушке, принесшей вязанку дров для того костра, на котором сжигали Гуса. Увидев эту почтенную особу, Гус, говорят, воскликнул: «Sancta simplicitas!» Великий чех не усомнился в искренности старушки. Если бы у него было время, то он, конечно, поста-

рался бы разуверить как эту щедрую женщину, так и всех, подобных ей, искренних простаков обоего пола, в том, что его идеи не заключают в себе ничего опасного и вредного для них. И тогда он, конечно, стал бы выражаться уже не по латыни. Ему надо было бы говорить на языке щедрой старушки и выражаться как можно проще. Как знать! Может быть, она и поддалась бы его убеждениям. Попробую и я столковаться с моими товарищами-противниками. И попробую я тоже говорить как можно проще.

Вы восстаете против нынешней нашей конституции, хотя и выражаетесь так, как будто бы восставали против конституции вообще. Я вполне согласен с вами, хотя я и не одобряю, как вы видели, ваших неправильных выражений. Да! нынешняя наша конституция из рук вон плоха. Она не выражает собою фактического соотношения сил в нынешней России; она является лишь запоздалой попыткой бюрократии скрыть это истинное положение, изобразить его в

неверном виде, *отолгаться от истории.* На этот счет разногласий между нами быть не может, и если вы захотите отозваться о нашей конституции еще резче, то я спорить и прекословить не буду.

Наша нынешняя конституция из рук вон плоха. И я, и вы одинаково убеждены в этом. И это наше убеждение мы обязаны как можно скорее сообщить, во-первых, пролетариату, во-вторых, той части сельской и городской мелкой буржуазии (употребляю это выражение в самом широком его смысле, т. е. понимая под ним и «трудовое крестьянство», поскольку оно трудится не по найму у капиталистов), которая способна теперь поддержать политические требования пролетариата. Мы обязаны разбить те иллюзии, которые существуют у этих слоев населения по отношению к нашей нынешней конституции.

Я надеюсь, товарищи, что вы, подобно мне, признаете существование такой обязанности. В противном случае ваши толки о необходимости разрушения конституционных иллюзий окончательно потеряли бы всякое разумное основание.

Не станете вы также утверждать, что эти иллюзии близки к полному исчезновению. Достаточно ознакомиться с запросами и требованиями, предъявленными к Государственной Думе народной массой, чтобы понять, как еще сильны и прочны в народе иллюзии насчет нынешней нашей конституции. Ведь если он предъявляет к Думе *широкие требования,* то это происходит единственно потому, что он считает ее обладающей *широкими правами,* дающими ей возможность *удовлетворить* его требования. Но Дума очень далека от обладания широкими пра-

вами. Ясно, стало быть, что народ находится в большом заблуждении насчет истинного положения дел; ясно, стало быть, что у него есть большие иллюзии насчет нынешней нашей конституции.

Эти иллюзии необходимо разрушить; *народ должен узнать то, что есть;* он должен узнать, что бюрократия до последней степени обрезала права его представителей. Это необходимо для того, чтобы мы могли побиться такой конституции, которая правильно выражала бы соотношение общественных сил в современной России.

Как же сделать это?

Вплоть до этого вопроса мы согласны с вами; начиная с него, мы расходимся.

Вы говорите: «Так как права, отводимые нашей конституцией представителям народа, ничтожны, то народное представительство становится насмешкой над народом, и мы не должны поддерживать тех, которые попали в Думу в качестве народных представителей. Поддерживая их, мы в то же время поддерживаем конституционные иллюзии в народе».

А мы отвечаем вам, что тут-то именно и лежит ваша ошибка.

Вы напоминаете нам ребенка, который ждал, что мать даст ему целую гору конфект, а получил только кусок засохшего пряника. Ребенок дуется и отказывается есть пряник, а мать робеет и посылает в лавку за конфектами.

Историческая сцена — не детская, и наша мать, бюрократия, очень мало смущается тем, что на нее дуются опекаемые и допекаемые ею обыватели. Поворачиваясь спиною к тем жалким кусочкам прав, которые эта нежная мать вынуждена была бросить народу, мы не смущаем ее, а, напротив, увеличиваем ее самоуверенность. Чем меньше мы воспользуемся этими кусочками прав, тем меньше опыта будет у русского народа; а чем меньше опыта будет у русского народа, тем лучше будет для нашей матери — бюрократии.

Для того, чтобы народ убедился в том, что права, отведенные его представителям, ничтожны, необходимо, чтобы он на опыте увидел, как мало могут сделать его представители, снабженные этими ничтожными правами, в своей борьбе со всесильной бюрократией.

Когда он увидит, как мало может сделать для него нынешняя бесправная Государственная Дума, он поймет, что дело «не в том, чтобы иметь представителей, а в том, чтобы эти представители были поставлены в такое положение, в котором их воля стала бы законом. Иначе сказать: он отбросит тогда свои иллюзии насчет нынешней нашей кон-

ституции и примется добывать себе другую, *настоящую* конституцию. А это именно то, к чему мы все стремимся; это именно то, *«что и требуется доказать».*

Что же выходит? Выходит следующий кажущийся парадокс: кто

хочет уничтожить иллюзии народа насчет нынешней нашей конституции, тот должен помочь ему в его попытке использовать эту конституцию. На самом деле тут никакого парадокса нет, и это как нельзя более естественно. Чтобы народ убедился в негодности того орудия, которое сует ему бюрократия, необходимо, чтобы народ взял в руки это орудие и испробовал его на деле. Только тогда увидит он все его недостатки, только тогда он скажет: «это орудие не годится, надо искать другого».

Вы думаете, что народу нет никакой надобности брать в руки это жалкое орудие. Вы полагаете, что собственный опыт народа может быть вполне заменен в данном случае вашими резолюциями, речами и воззваниями. Но никакие речи, воззвания и резолюции не заменят народу его собственного опыта. Кто не понимает этого, тот ровно ничего не понимает в тактике международной социал-демократии; ют покидает точку зрения материалистического объяснения истории и переходит на точку зрения идеализма. На Западе так поступают анархисты, в России так поступаете вы, наши товарищи из бывших «большевиков»

Меня, собственно говоря, не удивляет это. В статье «Где же правая сторона и где ортодоксия?» я уже сказал, что вы — настоящие бланкисты, что в ваших тактических взглядах нет ни одного атома марксизма. Но удивителен тот апломб, с которым вы постоянно ссылаетесь на Маркса для подкрепления взглядов, не имеющих ничего общего с марксизмом. Ввиду этого апломба мне не раз становилось, по выражению Некрасова,

За великое имя обидно.

В самом деле, в чем заключается основное положение материалистического объяснения истории? В том, что не бытие определяется сознанием, а сознание — бытием.

Возьмите это основное положение исторического материализма за основу ваших тактических рассуждений, — а марксист не может не взять его за такую основу, — и вы тотчас же с поразительной ясностью увидите, что никакие речи, резолюции, воззвания не могут заменить народу вообще и рабочему классу в частности его собственный политический *опыт,* приобретаемый им лишь благодаря его соб-

ственной политической *деятельности.* Что касается Маркса и Энгельса, то их тактические взгляды целиком опирались на только что указанное мною основное положение исторического материализма. И именно этим Маркс и Энгельс отличались в своей тактике от социалистов-утопистов, которые держались идеалистического взгляда на тактику и полагали, что раз истина открыта ими, социалистами, то народу уже нет надобности приходить к ней путем своей собственной борьбы, а можно узнать ее из сочинений социалистических реформаторов.

Речи, резолюции, воззвания хороши не как *замена опыта,* а как *его истолкование.* Вы, социал-демократические бланкисты, хотите, чтобы ваши агитационные речи и ваши революционные сочинения заменили народу, по отношению к нынешней нашей конституции, его собственный опыт; мы же, марксисты, хотим, чтобы рабочий класс собственным опытом испытал то, что будут говорить ему наши агитаторы и что будут писать для него наши публицисты. Только в этом случае наши речи и наши сочинения серьезно повлияют на его сознание, только в этом случае они разобьют его иллюзии.

Вот к чему сводится разница между нами. И нужно ничего не понимать в этом вопросе, чтобы вообразить, будто эта разница обусловливается тем, что одни из нас склоняются к оппортунизму, а другие расположены к более революционному способу действий. На самом деле разница между нами гораздо глубже и простирается до самых коренных основ нашего революционного миросозерцания. Она так же велика, как та разница, которая в Международном Товариществе Рабочих существовала между марксистами, с одной стороны, и между бланкистами — с другой. А если нашим товарищам-противникам не нравится это сравнение, то я приведу другое; я скажу, что разногласие между нами, как две капли воды, похоже на то, которое в свое время привело к расколу в Союзе *Коммунистов.* Этот раскол вызван был, как известно, борьбою фракции Виллиха-Шаппера с фракцией Маркса-Энгельса. Маркс так характеризовал разницу во взглядах боровшихся сторон.

«...Меньшинство (фракция Виллиха и Шаппера) ставит на место

критического миросозерцания — догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений оно принимает свою собственную волю за главный революционный двигатель. Между тем как мы говорим рабочим: вы должны пережить еще 5, 20, 50 лет гражданской войны и народных движений, и притом не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но также и для того, чтобы перевоспитать самих себя, стать способными к гос-

подству, меньшинство говорит наоборот: мы должны теперь же достичь господства или нам не остается ничего делать».

Вы — именно догматики, утратившие всякую способность к критике. Вы принимаете свою собственную волю за главный революционный двигатель, и когда мы указываем вам на действительные отношения, вы вопите о нашем мнимом оппортунизме. Вы думаете, что революционеру, который захочет считаться с этими действительными отношениями, «не останется ничего делать». Ваша фракция, как две капли воды, похожа на фракцию Виллиха-Шаппера, а ведь эта фракция была лишь немецкой разновидностью бланкизма, усвоившей себе терминологию Маркса и кое-какие, совсем непереваренные ею, клочки его идей.

Кто принимает свою собственную волю за главный революционный двигатель, тот по необходимости должен сделаться *революционным сектантом.* Он не понимает силы действительных отношений и потому воображает, что может в каждую данную минуту пересоздать массу по собственному образу и подобию. А если это ему не удается, то он готов без всякого сожаления повернуться к массе спиною. Он стремится, по выражению Маркса, «предписать движению его ход, сообразно данному доктринерскому рецепту, вместо того, чтобы искать реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения». Секта оправдывает свое существование, — по словам того же Маркса, — не тем, чтò у «ее есть *общего с* рабочим движением, а тем *особым шиболетом,* которым она от него отличается. Вы, товарищи-бланкисты, всегда приставали к массе со своим особым шиболетом и тем грозили внести в нее раскол. Припомните, например,

как вы требовали, чтобы Совет Рабочих Депутатов тотчас же и непременно объявил себя социал-демократическим. Вы повели себя, как сектанты, какими вы были до той поры и какими вы остались до днесь.

Вы не можете не быть сектантами, потому что вы не умеете положить действительные отношения в основу вашей тактики. Вы обеими ногами стоите на почве *утопического идеализма* и наивно воображаете, что революционная благодать может осенить только того, кто стоит на этой почве.

По поводу моего разногласия с вами вы не раз ехидно повторяли мне, что я смотрю на события издалека. Это был едва ли не главный ваш довод в полемике со мною. Но, во-первых, давно ли основатель вашей секты, Ленин, смотрел на наше движение из того же самого далека? Из этого далека он послал вам все, столь дорогие для вас, «шиболеты». А, во-вторых, вы думаете, по-видимому, что ясность политического

взгляда обратно пропорциональна квадратам географических расстояний. И в этом отношении вы напоминаете мне верующих католиков (*«*всякая секта религиозна», говорит Маркс), полемизировавших недавно в Италии со свободомыслящей прессой. Свободомыслящие римские газеты с сожалением отметили тот факт, что во время извержения Везувия суеверные неаполитанцы усердно молились местному святому Януарию и ждали от него спасения. Католические органы язвительна ответили на это, что хорошо было свободомыслящим писателям сидеть в своих редакциях в Риме, но что если бы они были перенесены к подошве Везувия, то они и сами поняли бы, что молиться Януарию была необходимо. Вы, товарищи, были во время извержения Везувия еще дальше от него, чем свободомыслящие римские публицисты, и вы тоже не верили в Януария. Но, как вы думаете, прониклись ли бы вы верою в него, если бы вас перенесли в Неаполь? Я надеюсь, что нет. Я думаю, что вы и в Неаполе не заразились бы религиозным суеверием католиков. Вот точно так же и я не проникся бы вашими политическими суевериями, хотя бы сократилось до нуля географическое расстояние, отделяющее

меня от вас и лишающее меня удовольствия часто встречаться с вами. Пора же вам понять, наконец, что наши разногласия имеют глубокую принципиальную основу!

Будучи идеалистами в тактике, вы, естественно, применяете идеалистический критерий к оценке всех других партий; вы стараетесь определить их более или менее *добрую волю.* Когда данный оратор произносит радикальную речь, вы рукоплещете ему; когда он выражается умеренно, вы подозреваете его в оппортунизме. И вы помирились бы даже с Государственной Думой, которую вы бойкотировали так неудачно, если бы она в первые же дни своего существования подарила вас рядом ярко-революционных резолюций. Мы употребляем другой критерий в оценке политических партий. Нам важно не то, что̀ эти партии *говорят,* и не то, *какие резолюции они принимают,* а то, как могут *повлиять их речи и резолюции на политическое сознание народной массы и, через посредство этого сознания, на фактическое соотношение сил в нашей стране.* Если данная революционная речь или данная революционная резолюция оттолкнет от нас массу и кинет ее в объятия реакции, то я скажу, что этой речи не надо было произносить, что этой резолюции не надо было формулировать до тех пор, пока народ не дорос до их понимания. И в то же время я позабочусь о том, чтобы путем агитации *поставить народ в такое положение, которое непременно привело бы его к пониманию таких революционных речей и к одобрению*

таких революционных резолюций. Это единственная тактика, достойная марксиста.

Мало того, это вообще единственная революционная тактика.

И когда на историческую сцену выступали действительно революционные партии, они инстинктивно держались именно этой тактики. Так поступал Робеспьер, так поступали якобинцы в противоположность жирондистам, которые опьянялись революционными фразами и которые, по прекраснейшему выражению того же Робеспьера, воображали, что «судьбы народов определяются риторическими фигурами».

Кстати о Робеспьере. Если бы вы, наши товарищи-бланкисты, жили

в лето 1792-е, то вы бы непременно объявили Робеспьера оппортунистом, а жирондистов приняли бы за самых крайних революционеров. В это лето жирондисты, подобно вам, громко кричали об «активных выступлениях», а Робеспьер, подобно нам, предостерегал от них. Его обвиняли в том, что он обескураживал народ, а он отвечал: «Я обескураживаю народ, — говорите вы? Нет, я его просвещаю. Просветить свободных людей, это значит разбудить их мужество, значит помешать тому, чтобы их мужество сделалось той скалой, о которую разобьется их свобода». Вот так и мы предостерегаем теперь пролетариат от пресловутых «активных выступлений», потому что мы не хотим, чтобы шансы его политического освобождения разбились об его собственное мужество. Мы говорим: не надо зажигать костер заговорщицкого восстания; надо продолжать поджаривать матушку-бюрократию на медленном огне массовой революционной агитации. Вот к чему сводится различие наших тактических взглядов, и пусть теперь судят сознательные элементы нашего рабочего класса, кто из нас лучше понимает условия успеха революционного дела.

Вас называют якобинцами. Это — ошибка. Вы — бланкисты; а бланкизм и якобинство, это — «две большие разницы». Я скажу о вас, как говорили легитимисты во время реставрации тем, которых они считали, — впрочем, без достаточного основания, — эпигонами якобинцев: «Vous êtes des jacobins moins le peuple» (Вы якобинцы без народа). Легитимисты презрительно восклицали по поводу таких якобинцев: «Quelle misère!» (Как вы жалки!) И я скажу вам, товарищи: якобинцы без народа, это — нечто весьма жалкое! Очень ошибаетесь вы, если воображаете, что подойти вплотную к этому жалкому нечто значит удалиться от оппортунизма.

Именно потому, что мы не опьяняемся революционными фразами; именно потому, что для нас все дело в политическом воспитании массы,

мы не хотим способствовать преждевременному *крайнему* обострению конфликта Думы с правительством. Мы не хотим начинать с конца. Крайнее обострение полезно будет тогда, когда политическое

сознание всего народа, т. е., точнее, наибольшей его части, достигнет надлежащей степени зрелости, а теперь этого еще нет. Вот, не угодно ли вам посмотреть, как отражаются события настоящего времени в голове среднего самарского крестьянина?

«В прошлом году вся Россия взбунтовалась и потребовала новых порядков. Царь велел выбрать из всей России самых лучших людей для того, чтобы они, приехав в Петербург, написали вместе с ним такие законы, по которым всем будет жить хорошо. Земских начальников, урядников, стражников, которые теперь притесняют мужиков, не будет. Вместо них крестьяне сами выберут себе хороших людей, которые и будут по совести наблюдать все законы. Землю всю отдадут мужикам... Из газет, которые в деревню попадают очень редко и с большим опозданием, крестьяне поняли именно то, что они думают: царь принят выборных очень хорошо и сказал им, чтобы они с божьей помощью принялись за писание законов на пользу бедных людей. Дума ответила государю то-то и то-то, именно так, как надо.

«Далее крестьяне знают, что в Думу приходили министры и хотели прогнать «выборных стариков», но «старики» так их отчитали, что министры убежали из Думы. Сначала министры норовили не только прогнать стариков из Питера, а еще и сослать их всех в Сибирь, но «старики» уперлись и сказали: «Нет, лучше вы поезжайте в Сибирь, будете там капусту караулить, а мы здесь останемся законы составлять, потому что нас мужички прислали сюда за землей». Это обстоятельство особенно нравится крестьянам. Они твердо уверены, что только тот и может распоряжаться Россией, кто сидит в Государственной Думе». («Заволожекие письма» — «Приволжский Край», № 108.)

Вдумайтесь в психологию крестьян, рассуждающих таким образом, и скажите, мои почтенные товарищи-противники, готовы ли эти крестьяне для «активных выступле-ний» во имя *ваших* «лозунгов». Я утверждаю, что нет.

А если нет, то что же нужно?

Нужно, чтобы наша планомерная агитация заставила этих крестьян пройти тот путь гражданского воспитания, на котором откроются их глаза и на котором они потеряют, одну за другой, свои последние

политические иллюзии. Вот почему я и говорю о мед-ленном огне пла-

номерной массовой агитации. А вы кричите об оппортунизме. Quelle misère!

Я сказал еще далеко не все, что мне нужно сказать вам. Но пора кончать. До сле-дующего письма.

Письмо третье

Товарищи-бланкисты!

Вы утверждаете, — вернее, вы верите тем, которые утверждают, — что я теперь уже «не тот»; что прежде я был решительным врагом оппортунизма, а теперь я не менее решительно склоняюсь к нему и т. п. Но вы ошибаетесь.

Когда человек сидит в поезде, который трогается с места и рядом с которым стоят другой поезд, остающийся неподвижным, то ему кажется, что пришел в движение этот второй поезд, а его поезд продолжает стоять. Вы испытываете ту же самую иллюзию. Со времени второго съезда вы пережили огромное превращение; вы покинули точку зрения марксизма и ударились в бланкизм, а я, — тоже ведь бывший «большевик», — остался на точке зрения Маркса. Вам же кажется, что вы продолжаете быть марксистами, а я ударился в оппортунизм. Вы хотите доказательств? Вот пока некоторые из них.

Вам не понравилось замечание, сделанное мной по адресу «Колокола». В этом замечании вы увидели доказательство моего оппортунизма. Но в чем же заключается моя оппортунистическая ересь? Что я сказал «Колоколу»?

Я сказал, что вопрос о нашей тактике не может быть решен простой ссылкой на враждебную противоположность интересов буржуазии интересам пролетариата. Но это совершенно то же самое, что говорил я пять лет тому назад, т. е. в то время, когда все вы расхохотались бы в лицо всякому, кто заподозрил бы меня в оппортунизме. Вот смотрите.

«Россия далеко не так богата и далеко не так образованна, как западноевропейские страны. Но и в ней общественное развитие не прошло бесследно для социализма, и в ней XIX век завещает XX-му драгоценное наследство: *зародыш социал-демократической рабочей партии.* Историческая обстановка несомненно благоприятна для

быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западноевропейских социали-

стов. Самый главный и ничем не заменимый урок, даваемый нам всей историей западноевропейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покидать почву действительности».

Это писал я в № 2 «Искры», — как видите «старой», очень «старой Искры», — в передовой статье: «На пороге XX века». В то время эти мои соображения одобряла вся редакция «Искры»; тогда вся эта редакция находила их вполне верными духу марксизма. Теперь Ленин, бывший член этой редакции, считает их оппортунистическими. Кто же изменился? Чей поезд сдвинулся с места?

Вы скажете, — вернее, за вас скажут те, которые у вас делают «общественное мнение», — что теперь не та ситуация. Вы очень любите ссылаться на перемену «ситуации». Вообще говоря, в этом совсем нет беды. Подобная ссылка даже очень хороша, когда она делается кстати. Но беда в том, что вы чаще всего делаете ее именно некстати, т. е. когда вам нечего сказать. Чтобы избавить вас от лишнего промаха в этом смысле, я наперед замечу вам, что статья «На пороге XX века» излагала не взгляд редакции на «ситуацию» того времени, когда она была напечатана, а общий взгляд этой коллегии на то, как следует, — а лучше сказать, как не следует, — подходить к решению наших тактических вопросов. Ясно, что этот общий отрицательный взгляд применим решительно ко всякой нашей «ситуации». Ясно также, что если он удивляет вас теперь, то это происходит потому, что поезд, в котором вы сидите, незаметно для вас покидает станцию «Марксизм».

А вот что писал я в том же 1901 г. во 2 — 3 книжке «Зари»:

«Поддержка со стороны *общества* ускорит рост и приблизит торжество революционной силы народа. Это неоспоримая истина. Понять эту неоспоримую истину безусловно необходимо всем не беззаботным

насчет политики детям русской земли, потому что теперь, когда пролог разыгран и началось первое действие великой драмы, друзья свободы должны быть мудры, как змии: каждая ошибка замедлит их победоносное шествие вперед; за каждое недомыслие им придется заплатить неудачами. Наши революционеры могли пренебрегать «обществом» до **тех пор**, пока «политика» представлялась им делом, не достойным истинного социалиста. Но как только политическая борьба заняла место в их программе, сейчас же явилось у них сознание того, как важно им обеспечить себе сочувствие общества».
114

Статья, из которой я беру эти строки («Что же дальше?») встречена была редакцией «Зари» и «Искры» с большим, можно даже сказать с чрезвычайным, одобрением [1]). По совету редакции она была перепечатана одним из наших провинциальных комитетов. Тогда мысли, высказанные мною, казались «ортодоксальными». Теперь, когда я повторяю и развиваю их, указывая на то, что нам нужно в интересах победы изолировать реакцию, меня обвиняют в оппортунизме. Еще раз: кто же изменился? Кто остался на станции: «Марксизм»? И кто ее покинул?

И опять скажу вам, товарищи-бланкисты, не попадайте впросак, не кричите: «Теперь не та ситуация!» Эта моя статья тоже имела в виду не «ситуацию» 1901 года. Она указывала на то, как следует вести себя в будущем, во время той великой драмы, начало которой я тогда отметил и которая совершается теперь перед нами. Моя статья наперед *учитывала,* — любимое ваше словечко! — именно нынешнюю нашу «ситуацию».

В той же статье я писал: «Кто не содействует тем или другим способом росту силы, способной положить конец существующему у нас порядку вещей, тот ровно ничего не делает для освобождения своей родины. А кто по той или другой причине, хотя бы, например, по причине неумения или нетерпения, препятствует росту этой силы, тот совершает тяжкий, хотя, может быть, и невольный грех против свободы».

Эти строки были напечатаны в моей статье курсивом: такой важной казалась мне мысль, выраженная в них. Но о чьем же неумении и

нетерпении говорил я тогда? О неумении и нетерпении людей, склонных к преждевременным «активным выступлениям». В то время редакция — *«старая»* редакция! — одобряла эти мои строки, как и всю мою статью. А теперь! В какое пылкое негодование приводит Ленина мое активное выступление против преждевременных «активных выступлений». Поистине можно сказать: «Tempora mutantur et nos mutamur in illis!» (Времена меняются, и мы меняемся с ними!)

Повторяю, товарищи, вы пережили огромное превращение, и чем больше это превращение, тем более возмущаетесь вы тем, что я остался верен вашему прежнему образу мыслей.

Удивительное дело! Когда только еще подготовлялась переживаемая теперь нами историческая драма, вы старались стать марксистами'

[1]) Ленин понимает, вероятно, почему я говорю о *чрезвычайном* одобрении. Если — нет, то я, пожалуй, объясню, напомнив ему одно не лишенное комизма обстоятельство.

И хотя это вам удавалось далеко не в полной мере, но вы все-таки чуждались наших старых революционных предрассудков. А теперь, когда история уже разыгрывает свою великую драму и когда вам самим приходится играть ту роль, которая вам в ней отведена, вы целиком усвоили некоторые из этих предрассудков, вы оказались бланкистами. Зачем же было огород городить? Зачем было капусту садить? Зачем было огорчать субъективистов? Лучше было бы вам с самого начала стать под знамя бланкизма.

Вы любите «активные выступления». Маркс тоже любил их. Но есть выступления и выступления. Кроме того, справедливо сказано, что «когда двое говорят одно и то же — это не одно и то же». Маркс был *революционером* до конца ногтей. *Ваши* «активные выступления» имеют *бунтарский* характер. В лучшем случае они могут привести вас к одному из тех громких поражений, которыми так богата история *французского* бланкизма. Что выигрывает революция от таких «выступлений»? Ровно ничего! А теряет она очень много, потому что они до последней степени затрудняют ее победу.

Маркс говорил: «Критика посредством оружия не может быть заменена оружием критики». Вам нравится эта мысль нашего учителя и,

когда вы одобряете ее, вам кажется, что вы — марксисты. Но и это — иллюзия, оптический обман, не более того. «Когда двое говорит одно и то же — это не одно и то же». Маркс говорил: «Критика посредством оружия не может быть заменена оружием критики, материальная сила должна быть свергнута материальной силой, но теория тоже делается материальной силой, когда увлекает за собой массу». Вы же, — когда вы заговариваете о «критике посредством оружия», — вы забываете о той *массе,* которая должна быть вовлечена в самостоятельное политическое действие; а ваша *теория* сводится к теории *«технической подготовки».* Вы и тут остаетесь верными духу бланкизма. *Ваши* рассуждения о «критике оружием» являются *не чем иным, как простым перенесением в область тактических рассуждений той дюрингианской теории насилия, которую так едко осмеивал когда-то Фридрих Энгельс.* Как у Дюринга вся политическая история объясняется появлением на сцене *«человека со шпагой»,* так у вас все политические задачи, которые ставит перед нами история, разрешаются появлением *«человека с техникой».* Нечего сказать, хорошие марксисты!

Считаю нужным повторить здесь то, что я сказал уже в предыдущем письме. Я вовсе не утверждаю, что вы *всегда* игнорируете массу: бланкисты вообще никогда не игнорировали ее. Я только утверждаю,

что те приемы, которые вы по печальному недоразумению считаете революционными, не оставляют места для самодеятельности массы, а без самодеятельности массы нет и революции. *Вы взываете* к массе; но *действуете* вы так, что все шансы успеха приурочиваются вами к подпольной работе людей с «техникой». И этим самым шансы успеха доводятся вами до крайне смешного минимума. Несоответствие средств цели — отличительная черта утопического социализма.

В то время, когда я пишу эти строки, со всех сторон приходят известия о волнениях в России. Эти известия заставляют думать, что у нас возможен новый революционный взрыв в самом близком будущем. И хотя удачный исход такого взрыва был бы несравненно более вероятен, если бы он произошел не теперь, а при более благоприятных обстоятельствах будущего времени, но я не скажу, что победа теперь

абсолютно невозможна. Как знать! Может быть, народ и победит, несмотря на свою еще полную неподготовленность к решительной битве. Но я наверное знаю, что если маловероятная теперь победа все-таки склонится на его сторону, то это произойдет не благодаря вашей бланкистской тактике, а вопреки ей. Эта тактика не усиливает революционного движения; она страшно ослабляет его.

Выше я сказал, что со времени второго съезда вы пережили огромный и удивительный переворот. Но удивительные явления совершаются, конечно, тоже не без причины. Где же лежит причина того, что вы покинули почву марксизма?

Она лежит в вашем непонимании этой теории, революционной по преимуществу.

Вы всегда понимали ее до крайности односторонне; вы всегда рассуждали по метафизической формуле: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Даламбер со-бирался когда-то написать *антифизику,* т. е. ряд таких положений, которые стояли бы в полном противоречии с законами физики. Знаменитый энциклопедист утверждал, что это очень легко можно сделать с помощью обыкновенной физики: достаточно только придать ее учениям односторонний характер; достаточно только забыть о тех поправках, которые мы в действительности должны на каждом шагу вносить в них. То, о чем Даламбер мечтал в шутку, вы делаете с невозмутимейшей серьезностью, с непоколебимейшим убеждением в том, что вы произносите последнее слово революционной мудрости. Только вы применяете карикатурный метод Даламбера не к физике, а к учению о человеческом обществе. Как Даламбер собирался написать *антифизику,* опираясь на общепризнанные

положения *физики,* так вы сочинили *антимарксизм,* опираясь на общепризнанные *положения Маркса.*

Хуже, одностороннее всего понято были вами учение о непримиримой противоположности интересов буржуазии и пролетариат. Ваша нынешняя антимарксистская тактика целиком основана на одностороннем понимании этого учения.

Впрочем, тут грешны не вы одни. Этим грехом раньше вас грешили

наши «экономи-сты», а раньше «экономистов» — *народники и субъективисты.*

Один из самых ярких и видных представителей нашей субъективной школы, покойный Н. Михайловский, писал когда-то:

«В обществе, имеющем пирамидальное устройство, всевозможные улучшения, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классов, а ко благу целого, ведут исключительно к усилению верхних слоев пирамиды. Закон этот до такой степени прост, в жизни его действие выражается в той или другой форме так часто, о различных частных его проявлениях говорено было так много, что мы действительно имеем право представить его читателю в качестве итога ею собственных наблюдений и размышлений» [1]).

Н. Михайловский был так убежден в правильности указанного им «закона», что, не колеблясь, назвал его «одним из самых важных и общих социологических законов». И, разумеется, с ним вполне соглашались тут все наши субъективисты и народники. Опираясь на этот «важный и общий закон», вся эта почтенная братия ополчилась, как известно, против капитализма, развитие которого в России должно было, по прямому смыслу ее «антифизики», принести большой и непоправимый вред «трудящимся классам», потому что вело «исключительно к усилению верхних слоев пирамиды». Много чернил было пролито этими добрыми людьми по поводу этого «исключительно».

Нам удалось их опровергнуть. Как? Путем обнаружения того, что слово «исключительно» здесь поставлено совсем некстати. Вокруг представлений, связывавшихся с этим словом, велись в сущности всеми нами ожесточенные споры с этими нашими противниками.

«Один из самых важных и общих социологических законов» представляет собою не что иное, как дурно, — т. е. отвлеченно, односторонне, — понятое учение о враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата.

---

[1]) Сочинения Михайловского, изд. 2-е, том II, стр. 259.

Интересы пролетариата противоположны интересам буржуазии в том смысле, что так как доход буржуазии черпается из готового

продукта, создаваемого трудом рабочего класса, то чем больше получат буржуа, тем меньше останется рабочим, и наоборот. Это ясно, как божий день, и неоспоримо, как дважды два — четыре. Но отсюда вовсе не следует, что рабочему все равно, при каких социально-политических условиях создает он тот продукт, который подлежит разделу между ним и буржуазией. Условия эти могут быть более или менее благоприятны для него. Маркс писал когда-то, что немецкий рабочий класс страдает не только от развития капитализма, но и от недостатка этого развития. Это значило, что немецкому рабочему, благодаря слабости германского капитализма, приходилось трудиться при таких социально-политических условиях, которые в значительной степени еще носили на себе печать старого, докапиталистического порядка. Устранение этих условий было не только не вредно для немецкого пролетариата, но очень полезно, прямо необходимо для него, несмотря на то, что оно настолько же было необходимо для буржуазии и в несравненно большей степени было полезно для нее. Вот этого-то и не понимали наши народники и субъективисты, а когда мы, по свойственному нам христианскому человеколюбию, пытались объяснить им это, они величали нас апологетами буржуазии. Отсюда и пошел весь опор.

Спор этот кончился не в пользу наших тогдашних противников. «Один из самых важных и общих социологических законов» был признан простым промахом незрелой мысли. Мы торжествовали победу и до сих пор со справедливой гордостью вспоминаем о ней. Но «закон» покойного субъективного социолога отомстил за себя, наделав путаницу в головах наших «экономистов».

В этих новых головах он принял, правда, новый вид. С *экономической* стороны дело его было окончательно проиграно; «экономисты» ни на минуту не сомневались в том, что восставать против развития капитализма значит уподобляться испанскому рыцарю, воспетому Сервантесом. По части *экономии* «экономисты», — не отличавшиеся, впрочем, большим количеством сведений в этой науке, — придерживались Маркса. Но когда заходила речь о *политике,* то тут начиналось нечто неудобосказуемое. Не то, чтобы «экономисты» признавали политическую свободу вредной для развития рабочего класса на том

основании, что она ведет «исключительно к усилению верхних слоев пирамиды». Нет, они просто путались в определении связи политических явлений с экономическими. А главное — отношение пролетариата

к буржуазии, характеризующееся непримиримой противоположностью интересов этих двух классов, представлялось им в таком виде, как будто оно, это отношение, существовало у нас вне конкретных условий места и времени. Поэтому-то «экономисты» и забывали о том, что *экономическая* борьба, с самых первых своих шагов, должна необходимо переходить у нас в *политическую.*

Поэтому-то они забывали также и о том, что устранение социальных и политических пережитков нашего старого крепостнического строя выгодно и пролетариату, и буржуазии. А когда мы напоминали им об этом, они обвиняли нас «в намерении покинуть точку зрения классовой борьбы и содействовать сближению пролетариата с буржуазией» [1]). Против этой ошибки «экономистов» нам и пришлось, главным образом, спорить в нашей полемике с ними.

Как часто бывает в таких случаях, одна ошибка вызвала другую, ей противоположную. Некоторые из наших более молодых и менее установившихся в марксизме товарищей, — как, например, Ленин, — перешли в своих нападках на «экономистов» за ту черту, которая отделяет истину от заблуждения, и стали доказывать, что наша партия должна действовать *во всех классах общества.* Казалось бы, что остается только устранить эту новую ошибку, чтобы стать, наконец, на совершенно правильную точку зрения. Вышло не так. Ленин и его нынешние единомышленники не имеют теперь уже ни малейшего желания действовать *во всех классах общества;* но зато тем энергичнее выставляют они теперь против нас, оставшихся на точке зрения «старой» «Искры» и «Зари», тот самый упрек, который выставляли когда-то против нас, — а следовательно, и против них, бывших тогда нашими союзниками, — «экономисты»: упрек в том, что мы покидаем точку зрения классовой борьбы и содействуем сближению пролетариата с буржуазией. Это было бы смешно, если бы не было грустно, и я готов был бы вместе с Пушкиным воскликнуть: «В поле бес нас водит, видно,

да кружит по сторонам», если бы для меня не было ясно, что бес, кружащий по сторонам тов. Ленина, есть простая методологическая ошибка, та самая ошибка, которая раньше сбила с толку «экономистов», а еще раньше привела Михайловского к неудачному формулированию «одного

[1]) См. об этом в моей статье «Еще раз социализм и политическая борьба», напечатанной первоначально в первой книжке «Зари», вошедшей затем в сборник «На два фронта», а потом перепечатанной вместе с брошюрой «Социализм и политическая борьба». [Сочинения, т. XII.]

из самых важных и самых общих социологических законов». Если Ленин гремит теперь против меня, обвиняя меня в оппортунизме: если он, опираясь на «физику», пишет свою тактическую «антифизику»; если он, ссылаясь на Маркса, возвращает нас к Бланки и во имя социал-демократии воскрешает народовольство, то все это происходит с ним единственно потому, что он плохо, — т. е. односторонне, отвлеченно, - понимает истину, гласящую, что интересы пролетариата противоположны интересам буржуазии. Он думает, что раз экономические интересы пролетариата противоположны экономическим интересам буржуазии, то политические интересы этих двух классов не могут имен, ничего общего между собою даже в том случае, когда им обоим приходится выступать против пережитков добуржуазного общества. И на этой ошибке основана вся его будто бы революционная тактика.

Французские бланкисты писали, выступая из руководимого Марксом Интернационала, тактика которого казалась им антиреволюционной «Наша сила в нашем изолировании». И я сказал бы, что эта краткая формула заключает в себе всю тактическую мудрость нынешних наших бланкистов, если бы эти последние не делали исключения для «трудового» крестьянства. Но это исключение не избавляет их от односторонности, не спасает их от ошибки. Оно вообще принадлежит к числу тех исключений, которые только подтверждают собою правило.

«Трудовое» крестьянство издавна было тем китом, на котором держались утопические упования русских бланкистов. Достаточно напомнить Ткачева и Тихомирова (разумеется, я имею в виду

Тихомирова «первой манеры»). Чем больше идеализировали бланкисты «трудовое» крестьянство, тем крепче держались они за свою заговорщицкую тактику. И чем больше приближается к станции «Бланкизм» поезд, уносящий Ленина от станции «Марксизм», тем чаще этот, если можно так выразиться, теоретик начинает говорить о крестьянстве языком социалистов-революционеров. В этом отношении весьма поучительна его брошюра о пересмотре аграрной программы нашей партии. Это очень, очень плохой знак!

Парень был Ванюха ражий,
Ловкий человек!
Не поддайся силе вражьей —
Жил бы долгий век...

Для нас, марксистов, трудовой крестьянин, — каким является он в современной товарно-капиталистической обстановке, — представляет

собою не более, как одну из разновидностей мелкого независимого товаропроизводите-ля, а мелкие независимые товаропроизводители не без основания относятся нами к чи-слу мелких буржуа.

Поэтому, если Ленин идеализирует теперь трудового крестьянина, то он грешит тем самым грехом, в котором он облыжно нас обвиняет: *идеализацией буржуазии.* Правда, буржуазия, которую он идеализирует, есть *мелкая* буржуазия, но это оправдание заставляет меня вспомнить ту девушку, о которой Маркс говорил в первом томе своего «Капитала» и которая, родив ребенка, оправдывалась тем, что этот ребенок был очень мал. Буржуазия есть буржуазия, подобно тому, как ребенок есть ребенок. И если уж Ленин более или менее неправильным путем пришел к той мысли, что при известных исторических условиях пролетариат может иметь политические интересы, общие с мелкой буржуазией, то ему следовало бы спокойнее относиться к мысли тех, которые говорят, что при нынешней нашей политической обстановке противоположность экономических интересов буржуазии и пролетариата не мешает этим двум классам иметь отчасти общие политические интересы.

Так как наши бланкисты выдвигают теперь против нас тот самый упрек, который выдвигали некогда против нас с ними «экономисты», то естественно, что в споре с бланкистами я вынужден повторять те

доводы, которые некогда противопоставлялись мною доводам «экономистов».

«Русский социал-демократ обязан выяснить рабочему не только ту враждебную противоположность, которая разделяет его интересы от интересов предпринимателей, но также и ту, которая существует между его интересами, с одной стороны, и интересами самодержавия — с другой. Но интересы самодержавия враждебны интересам не одних только рабочих. Поэтому и в борьбе с самодержавием заинтересованы не одни только рабочие. Русская социал-демократия сделала бы непростительную ошибку, если бы она упустила из виду это важное обстоятельство и не сумела бы воспользоваться им в интересах освободительного движения пролетариата. Она не может игнорировать те слои русского населения, в которых живет дух оппозиции... Мы не только не имеем права игнорировать существующие в его среде (т. е. в среде «общества») оппозиционные течения, но обязаны старательно и постоянно выставлять на вид сторонникам этих течений те наши политические стремления, которые делают из нас *самых решительных и самых непримиримых врагов абсолютизма.* Нам нечего бояться сближения с оппозиционными

слоями нашего общества; надо позаботиться только о том, *чтобы они не подчиняли нас своему влиянию и* руководству [1]).

Нашим товарищам-бланкистам кажется, что мы подчинимся руководству и влиянию буржуазии тотчас же, как только признаем, что у нас есть политические интересы, отчасти общие с ее политическими интересами. Но это опять «антифизика», лишний раз показывающая, как плохо поняли они противоположность интересов буржуазии и пролетариата. Ничто, кроме разве слабости нашей собственной логической мысли, не заставляет нас попадать из одной крайности в другую. Можно *идти врозь,* принимая в то же время все необходимые меры к тому, чтобы *вместе бить.* Но для этого нужно нечто гораздо более серьезное, чем те бестактные выходки, с помощью которых «противопоставляют себя буржуазии» наши товарищи-бланкисты.

Что же именно? Это очень серьезный вопрос. О нем в следующем

письме

Письмо четвертое

Миросозерцание Маркса и Энгельса, этих основателей научного социализма, было насквозь пропитано духом диалектики. А диалектическое мышление отличается прежде всего своим конкретным характером. Еще Чернышевский, характеризуя идеалистическую диалектику Гегеля, говорил, что для человека, усвоившего себе диалектическое миросозерцание, «отвлеченной истины нет; истина всегда конкретна; все зависит от обстоятельств времени и места».

Но если отвлеченной истины нет; если все зависит от обстоятельств времени и места, то ясно, что последователь Маркса и Энгельса не может в своей практической деятельности руководствоваться такими принципами, которые оставались бы всегда неизменными. С переменой обстоятельств времени и места, очевидно, должны изменяться и эти руководящие принципы. В одном из предыдущих писем я сказал, правда, что в нашей практической деятельности нами должен руководить принцип развития самосознания пролетариата, а при нынешних русских политических условиях — и народной массы вообще, т. е. также и непролетарских слоев трудящегося населения. Поэтому Кукшина захочет, пожалуй, поймать меня на противоречии. Но тут только кажущееся противоречие, неразрешимое только для chère Eudoxie (как звал ее

[1]) См. уже цитированную выше статью: «Еще раз социализм и политическая борьба». [Сочинения, т. XII.]

Ситников). На самом деле развитие самосознания пролетариата только потому может служить критерием всей нашей практической деятельности, что оно является главной целью этой деятельности в нынешнем обществе. Социал-демократия не ограничивается, как мы знаем, одним идейным воздействием на рабочий класс. Она воспитывает его, обогащая запас его политического *опыта,* она руководит его борьбой с его экономическими и с его политическими врагами. Но и тут она стремится больше всего к развитию самосознания рабочего класса. Так, в противоположность анархистам, она очень дорожит частными реформами, улучшающими его

положение, или, — что гораздо точнее, — препятствующими абсолютному и относительному ухудшению этого положения. Но как ни важны в ее глазах эти реформы тем, что они препятствуют ухудшению положения пролетариата, они еще гораздо важнее для нее тем, что как самая борьба за них, так и социальные последствия их осуществления, способствуют развитию самосознания рабочих, распространению между ними убеждения в том, что коренным образом улучшить свое положение, — т. е. совершенно избавиться от экономической зависимости и от политического угнетения,— они могут, лишь устранив капиталистические отношения производства. Социальная демократия никогда не будет поддерживать реформ, которые задерживали бы развитие самосознания рабочего класса. Вот в каком смысле это развитие является главной целью нашей практической деятельности в нынешнем обществе. А раз дана цель, то, само собою разумеется, что мы оцениваем с ее точки зрения все средства, рекомендуемые для ее достижения, что она служит критерием для их оценки. Пока будет существовать пролетариат, т. е. класс, производящий прибавочную стоимость для обладателей средств производства, не прекратится и его борьба за свое освобождение; а пока она не прекратится, ему необходимо будет для торжества своего дела как можно более развивать свое классовое самосознание. Стало быть, в указанных пределах развитие этого самосознания является для нас неизменным критерием, постоянной Целью. Но что сказать о средствах, ведущих к достижению этой цели? Существуют ли между ними такие, которые мы могли бы признать неизменными, хотя бы в указанных пределах? Нет, не существуют, потому что обстоятельства времени и места изменяются и в указанных пределах. И в этом смысле, — в смысле средств, ведущих к нашей цели,— я говорю, что у нас нет таких руководящих принципов практической деятельности, которые оставались бы всегда неизменными. Так разрешается мнимое противоречие.

124

В предисловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс писал, что диалектика в своем рациональном виде, — т. е. материалистическая диалектика, — в положительное понимание

существующего включает также и понимание его отрицания и его неизбежного падения; что она рассматривает всякую сложившеюся форму в процессе движения, т. е., стало быть, также и с ее преходящей стороны; что она ни перед чем не склоняется, будучи критической и революционной по своему существу.

Если так относится диалектика ко *всему* существующему, то этим уже сказано, что она так же относится и к средствам, выбираемым нами для достижения нашей цели, т. е. приемам нашей борьбы. В положительное понимание каждого из таких приемов диалектика включает также понимание его отрицания, понимание того, что при известных условиях он может оказаться нецелесообразным и что тогда мы обязаны будем от него отказаться. Если диалектика рассматривает каждую сложившуюся форму с ее преходящей стороны, то этим самым сказано, что с той же стороны она рассматривает каждую данную форму нашей борьбы. Если диалектика ни перед чем не склоняется, потому что она революционна по своему существу, то по той же самой причине она не может скло-ниться ни перед одним из руководящих принципов нашей борьбы. Ни одному из них не позволит она возвыситься на степень безусловной, т. е. отвлеченной, истины. «Отвле-ченной истины нет; истина всегда конкретна; все зависит от обстоятельств времени и места».

Бебель когда-то очень ярко выразил ту же мысль, говоря, что для достижения своей цели он готов войти в сделку даже с чертом и с его бабушкой. Выражая эту мысль, высокодаровитый немецкий токарь, ставший высокодаровитым вожаком немецкого пролетариата, был революционером до конца ногтей, и его устами говорила материалистическая диалектика.

Кто не понимает мысли, так образно выраженной Бебелем, кто смотрит на «черта» с безусловной точки зрения; кто всегда чурается его и всегда осеняет себя крестом при его приближении, — тот еще не сумел возвыситься до революционной материалистической диалектики, юг еще остался революционером-метафизиком, революционером только наполовину.

А сколько в нашей среде таких революционеров! Сколько в нашей среде людей, готовых всегда и везде, при всяких данных обстоятель-

ствах, «отрекаться от сатаны и от всех дел его»! По злой иронии судьбы вышло так, что мы, на словах фанатически держащиеся Маркса и его

диалектики [1]), на деле являемся часто самыми низкопробными метафизиками. Когда заходит речь о «сатане» (гот же «черт», но только черт, украшенный другим, более облагороженным, более литературным названием), когда мы слышим о «сатане», мы, по старому христианскому завету, спешим «дунуть и плюнуть на него», ни на одну секунду не допуская той мысли, что для достижения своей цели мы, при известных обстоятельствах, не только могли бы, но и должны были бы войти в сделку с ним и даже с его бабушкой. Сделка с «чертом», — я уж не говорю об его бабушке, — признается нами за «оппортунизм», недопустимый и непростительный никогда и ни при каких обстоятельствах. В нашем отношении к принципам нашей практической деятельности мы в большинстве случаев остаемся метафизиками чистейшей воды; в наших суждениях о них чаще всего нет и следа диалектики.

Временами такие промахи незрелой мысли достигают высокой степени комизма. Я помню, что когда после второго съезда происходили распри «меньшевиков» с «большевиками» и когда я говорил, что эти последние должны уступить, так как они находятся «у власти» и так как нашей «власти» при данных обстоятельствах нет хотя бы сколько-нибудь серьезной надобности быть неуступчивой, то мне возражали: «Но ведь уступчивость есть оппортунизм». И когда я отвечал, что уступчивость сама по себе не может иметь безусловного значения и что ее, как и все способы нашей деятельности, надо рассматривать с точки зрения *революционной целесообразности,* то мои собеседники делали, как выражаются французы, большие глаза, т. е. крайне изумлялись. В еще большее изумление приходили они, когда я говорил им, что по характеру своего мышления они несравненно ближе к толстовщине, чем к марксизму. А между тем ведь это в самом деле так.

Чем отличается мышление графа Толстого? Полным отсутствием в нем диалектического элемента. Благодаря этому недостатку все

практические выводы нашего гениального романиста получают безусловный, а следовательно и отвлеченный, характер. В своей практической

[1]) Когда я говорю, что мы на словах фактически держимся Маркса и его диалектики, я, разумеется, не имею в виду теоретиков нынешнего нашего бланкизма. В области философии эти люди даже на словах не идут за Марксом. Они выступают в качестве его *«критиков»;* для них, стоящих на точке зрения эмпириомонизма, диалектика — «давно превзойденная ступень». Но в среде бывших наших большевиков я встречал людей, отказывающихся в этом случае следовать за своими философскими теоретиками. Эти люди на словах идут за Марксом, и вот к этим-то людям особенно относится то, что я сейчас сказал и что я, сейчас скажу в тексте

деятельности граф ни за что и ни на одну минуту не хочет быть «оппортунистом», и именно это обстоятельство делает его *врагом революции.* Возьмите хоть «непротивление злу». Насилие нехорошо. Оппортунизм сделка с «чертом» и с его бабушкой, также заслуживает порицания. А что нехорошо, что заслуживает порицания, то недопустимо. Поэтому нельзя бороться со злом посредством насилия; поэтому революционеры не признающие принципа «непротивления злу насилием», являются в глазах Толстого людьми заблуждающимися. И по той же причине последователь Толстого, г. Чертков, не раз обвинял их в непоследовательности.

Гг. Толстой и Чертков в самом деле — последовательные люди. Беда только в том, что их последовательность приводит их к абсурду. Почему же она приводит их к абсурду? Потому, что она имеет отвлеченный характер. Когда известное положение, совершенно правильное в известных пределах, возводится на степень отвлеченной, — т. е. безусловной, — истины, тогда оно тем самым утрачивает всякую логическую связь с теми условиями, при наличности которых оно только и остается правильным, и тогда оно по необходимости становится ошибочным. Метафизик до конца ногтей, граф Толстой всегда мыслит отвлеченными положениями и неудивительно поэтому, что он в своих окончательных выводах всегда приходит к абсурду.

Те мои собеседники, бывшие «большевики», которые были убеждены, что уступчивость есть признак оппортунизма, конечно, не соглашались с Толстым по вопросу о непротивлении злу насилием. Но они не догадывались, что, признавая насилие, как одно из тех средств, которые, при известных обстоятельствах, они будут иметь право и

должны будут употребить для достижения своей цели, они входили в сделку с чертом и оказывались «оппортунистами». Они не подозревали, что когда данное средство приобретает в наших глазах значение безусловного, неизменного принципа, оно перестает применяться к цели и потому грозит прийти, — и очень часто действительно приходит, — в противоречие с нею.

Фихте говорит, что каков человек, такую он и философию себе выбирает. Это не относится, конечно, к людям, совершенно беззаботным насчет философии и не умеющим сводить концы с концами. Но граф Толстой не принадлежит к их числу. Хотя у него весь «ум ушел в талант», так что у него осталось очень мало способностей к логическому мышлению, но в его миросозерцании все-таки сведены концы с концами; его философия все-таки такова, каков он сам. А сам он

таков, что общественная жизнь его интересует очень мало; его занимает, главным образом, духовная красота его собственной личности. Он непримирим по отношению к *приемам деятельности* просто потому, что не имеет сколько-нибудь сильного стремления к какой-нибудь общественной *цели.* Но революционер отличается именно непреклонным стремлением к той общественной цели, борьбе, которой он посвящает свои силы. Поэтому ему совершенно не пристала непримиримость Толстого. Приемы деятельности не могут иметь в его глазах безусловного значения. Ему приходится рассматривать их с точки зрения целесообразности [1]).

Если бы товарищи-«большевики», некогда беседовавшие со мной об уступчивости, были людьми, которым удалось свести концы с концами в своем миросозерцании, то они понимали бы, что в устах марксиста совершенно лишена смысла такая фраза, как: «уступчивость есть оппортунизм» и т. п. Тут все зависит от обстоятельств времени и места. Уступчивость хороша, когда она увеличивает силы нашей партии; она плоха, когда уменьшает их. Вот только и всего. А в то время она именно только увеличила бы эти силы. «Это азбука!» — воскликнет, пожалуй, читатель. — Конечно, — отвечу я. — Но в нашей стране вообще много людей, не знающих азбуки. Вот я и превращаюсь из социал-демократа в «культурника»; вот я и обучаю людей грамоте:

б-а, ба; в-а, ва; г-а, га. А что я бескорыстен в этом случае, это доказывается тем, что я стараюсь просветить именно своих противников.

Интереснее всего то, что эта азбука, неизвестная многим нашим *«идеологам»,* всегда и хорошо известна всем *людям практического дела.* Так как речь идет у меня о тактике, то я укажу на военное искусство. В этом искусстве нет абсолютных принципов, столь дорогих нашим «архистратигам» бланкистского толка. Возьмем хоть знаменитое изречение Либкнехта: «Надо всегда переходить в наступление!» Это очень хорошо сказано. Но, разумеется, и сам Либкнехт никогда не думал превращать это прекрасное изречение в безусловный тактический принцип. И, само собою также разумеется, что ни один серьезный полководец ни за что не захочет всегда держаться наступательной

---

[1]) Толстовцы обвинят меня, пожалуй, на этом основании в проповеди иезуитизма. Но они ошибутся. Я не оправдываю безнравственных средств. Иезуитское: «цель оправдывает средства», между прочим, и нецелесообразно. А что касается *толстовской* непримиримости по отношению к средствам, то ее торжество было бы именно полным торжеством безнравственности: summum jus — summa injuria.

тактики. «В горной войне, — писал человек, очень любивший решительные военные действия, — тот, кто атакует, находится в невыгодном положении. Даже при наступательной войне искусство состоит в том, чтобы только обороняться, предоставляя наступление неприятелю» [1]).

Почему же это так? Потому, — продолжает Наполеон, — что «в горах всегда встречается много чрезвычайно сильных позиций, атаковать которые «и за что не следует» [2]).

Авторитеты военного дела давно уже признали, что в вопросах этого рода все зависит от обстоятельств времени и места. А наши нынешние бланкисты никак не хотят понять это. Поэтому их военное искусство напоминает искусство того воспетого графом Толстым генерала Реада, который «спросту» повел своих солдат «прямо к мосту» в то время, когда у него не было сил, достаточных для успешной атаки:

Вот «ура» мы зашумели,
Да резервы не поспели.

И вышло совсем скверно. Храбрый, но «простой» генерал потерпел

решительное поражение:

На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!..

Мне кажется, что генерал Реад едва ли может считаться идеалом военачальника. Но это мимоходом. Главное, что мне хочется сказать здесь, это то, что людям, толкующим о тактике в нашей среде, не мешало бы хоть немного познакомиться с тактикой не в переносном, а в настоящем смысле этого слова, т. е. с *военной* тактикой. Они многому научились бы из нее. Вот, например, всякий толковый военный человек скажет им, что на войне битва есть исключение, между тем как передвижение войск составляет чуть ли не ежедневную заботу военачальника. Знают ли они, как гласит это правило в переводе на политический язык? Оно гласит, что в революционной борьбе те случаи, когда приобретает выдающееся значение «техника», составляют исключение, а главная задача разумных борцов заключается в воздействии на массу, переходом которой на ту или другую сторону определяется соотношение общественных сил, а следовательно, и исход борьбы. Тактика — хорошая наука, господа! Но кто рассуждает о ней, не имея

[1]) «Commentaires de Napoléon I», Paris 1847, t. I, p. 57.
[2]) Там же, та же страница.

о ней никакого понятия, у того вместо тактики получится одна бестактность. Ну, а это уж совсем ни к чему!

Теперь пойдем дальше. Если принципы нашей практической деятельности ни в каком случае не должны иметь безусловного значения; если достоинство приемов борьбы определяется их целесообразностью; если непримиримым по отношению к *приемам* может быть только человек, равнодушный к *цели,* то спрашивается, можно ли провести границу между оппортунизмом и радикализмом в политике? И не является ли самое понятие «оппортунизм» чем-то, не выдерживающим критики?

Нет, не является! Границу между оппортунизмом и радикализмом не только можно, но и должно проводить в политике.

Как же сделать это? Где найти критерий, позволяющий нам отли-

чать оппортунистический прием от радикального?

Критерий находится в нашей цели. Если средство *подчиняется* ей, то это не значит, что оно *безразлично* по отношению к ней.

Совершенно наоборот! Чтобы быть целесообразным, средство должно соответствовать цели. А чтобы соответствовать ей, оно должно, по превосходному выражению Гегеля, пропитаться ее природой, должно само явиться ее исполнением и осуществлением. Главная наша цель в нынешнем обществе есть развитие самосознания рабочего класса, и каждое из средств, ведущих к ней, должно явиться частичным ее исполнением и осуществлением. Каждый шаг в нашей деятельности должен поднимать на более высокую ступень самосознание массы.

Это ясно. Но если это ясно, то ясно и то, что *радикальными* являются те приемы нашей борьбы, которые вполне прочитаны природой нашей цели; *оппортунистическими* же те, в которых эта природа не находит своего исполнения и осуществления. Иначе и быть не может: наша цель есть самая революционная изо всех тех, какие только можно себе поставить в нынешнем обществе (когда она будет достигнута в надлежащей мере, тогда нынешнее общество уступит место социалистическому); поэтому наиболее революционными должны быть признаны именно те средства, которые наиболее соответствуют ей. Вот вам и критерий. Конечно, он не избавляет нас от обязанности рассуждать в каждом данном случае, стараясь определить, как же может повлиять данный, практикуемый нами, прием борьбы на самосознание рабочего класса. Но если бы были критерии, избавляющие от такой обязанности, то готовы на наших плечах могли бы с удобством быть заменены каким-нибудь несложным механизмом вроде щедринского ор-

ганчика. Некоторые наши архистратиги,— из будто бы крайних, — пожалуй, ничего не имели бы против такой замены; но я, грешный, предпочитаю голову органчику: ведь недаром же наш зоологический вид носит горделивое название homo sapiens.

Поясню мою мысль двумя примерами. Первый — г. Мильеран. Почему его вступление в министерство заслуживало строгого

порицания? Потому что оно вредно повлияло на развитие самосознания французского пролетариата. Часть французских рабочих, руководствуясь правилом, выраженным русской пословицей: «Лучше синица в руки, чем журавль в небе», обнаружила готовность отказаться от *конечной цели всего нашего движения,* т. е. *социализма,* ради маленьких реформ. Другая часть, справедливо возмущенная зрелищем развращающего в таяния политики Мильерана на этих их товарищей, стала, правда, тем энергичнее стремиться к *конечной цели,* но зато, разочаровавшись в социалистах, пошла к этой цели неверным путем «чистого синдикализма» и отчасти подпала под влияние анархистов. Ввиду всего этого, нужно удивляться тому, что международная социал-демократия только на своем Амстердамском съезде 1904 г. решительно осудила французский оппортунизм. А вообще нельзя считать вступление социалистов в министерство недопустимым ни при каких условиях. Мыслимо такое положение дел, при котором такое вступление не затемняло бы классового самосознания пролетариата, а, напротив, развивало бы его. Тогда оно было бы проявлением не оппортунизма, а радикализма. Все зависит от обстоятельств времени и места.

Что касается меня, то я еще в 1899 г., в письме в газету «La Petite République», — обратившуюся к социалистам всех стран с запросом о том, как они смотрят на этот предмет, — отвечал, что всякие безусловные решения этого вопроса кажутся мне *метафизическими.* Это не помешало мне, конечно, *ввиду указанного вредного влияния политики Мильерана на французских рабочих, голосовать против него* на Парижском международном съезде 1900 года.

Кстати. С помощью указанного мною критерия не трудно разобраться и в вопросе об участии социал-демократов во временном буржуазном правительстве. Такое участие сделало бы из партии пролетариата *правительственную партию,* между тем как ей, в интересах воспитания всей массы рабочих, было бы несравненно полезнее оставаться *партией оппозиции.* Вот почему названное участие было бы проявлением непозволительного оппортунизма, и если о нем мечтают чаши бывшие «большевики», то это только показывает, до какой сте-

пени неосновательно мнят они себя крайними левыми представителями революционной идеи.

Другой пример — т. Эдуард Бернштейн. В чем состояла его пресловутая тактика? В том, чтобы добиться некоторых ближайших политических и экономических реформ, опираясь на поддержку некоторых слоев буржуазии. Само по себе это еще не плохо. Но плохо то, что так как эти слои в Германии *консервативны,* то г. Бернштейн, чтобы привлечь их симпатии к социал-демократам, взялся за пересмотр марксизма, состоявший не в чем ином, как в изгнании революционного духа да этого крайне революционного учения. Но очищенный таким образом марксизм, разумеется, должен был очень вредно повлиять на классовое самосознание немецкого пролетариата. И именно поэтому, — и только поэтому, а не по чему-нибудь другому, — тактика г. Э. Бернштейна должна быть признана крайне оппортунистической и крайне вредной.

Наши бланкисты слышали, что г. Бернштейн оппортунист, но не понимают, *почету* он оппортунист. Вследствие этого они наивно считают оппортунизмом *всякую* попытку социал-демократа воспользоваться политическим недовольством буржуазии. И в то же время эти самые люди кстати и некстати ссылаются на «перемену ситуации». Видно, что и эта ссылка делается ими просто механически, без понимания того, что «учитывать» перемену «ситуации» именно и значит принимать в соображение изменившиеся обстоятельства времени и места.

Теперь мы имеем достаточно теоретических данных, чтобы решить выдвинутый мною в конце предыдущего письма важный тактический вопрос о том, каким образом может наша партия, — сближаясь с оппозиционной мелкой буржуазией для борьбы против общего врага, — в то же время не подчиниться ее влиянию, т. е., другими словами, не попасть в болото оппортунизма.

Судьба всякой армии в значительной степени зависит от доброкачественности ее офицерского состава. Чтобы наша армия,— наша партия, — не подпала под влияние мелкой буржуазии, мы должны предохранить от мелкобуржуазных влияний наших офицеров, т. е. наших теоретиков, наших идеологов. А с ними дело обстоит по этой части

довольно плохо. Хотя многие из них считают себя обязанными быть в обращении с «либералами» грубыми и невежественными, — что в большинстве случаев удается им свыше меры и без больших усилий, — но это далеко не значит, что буржуазные идеалы не имеют на них влияния. Иной «крайний», наговорив своему либеральному противнику целый ворох самых отвратительных грубостей на каком-нибудь митинге, по

возвращении домой восторженно зачитывается произведениями писателей-декадентов, этих типичнейших представителей самых дурных сторон буржуазного индивидуализма. Не знаю, как вы, читатель, а я встречал в нашей социал-демократической среде много людей, искренно увлекающихся декадентскими стихами, «сверхчеловечеством» Ницше и даже,— ей богу же не лгу! — философией Маха и Авенариуса. Все эти люди отчасти уже покинули позицию марксизма; они отчасти уже отбросили от себя могучее духовное оружие пролетариата, они в теории одной ногой уже стоят на почве буржуазии. Пословица говорит: «На леченом коне далеко не уедешь». А я скажу, что недалеко уйдет наша армия, если ею будут руководить офицеры, умеющие «противопоставлять себя буржуазии» только посредством грубой брани и жадно всасывающие при этом яд буржуазных идеологий. Если мы действительно не хотим подпасть под буржуазное влияние, то мы должны как можно скорее положить конец этому застарелому злу. Доверенные посты в нашей партии не должны быть занимаемы сознательными или бессознательными противниками нашего учения.

Против солдат нашей армии сказать нечего: они выше всякой похвалы. *Но их еще мало.* Задавить неприятеля мы можем, только приведя в движение огромную массу; в этом тайна нашего успеха. А масса не вся на нашей стороне; ее нужно еще привлечь к нам. А чтобы привлечь ее к нам, необходимо ее воспитать, а чтобы воспитать ее, необходимо, — как я уже не раз говорил в предыдущих письмах, — толкать ее на путь самодеятельности, давать ей возможность ежедневно увеличивать запас своего *политического опыта.* Но всему этому противоречит тактика наших бланкистов, уповающих

преимущественно на «технику». Поэтому их тактика идет вразрез с интересами революции, поэтому она грешит грехом, еще более тяжким, чем оппортунизм, *она просто-напросто антиреволюционна.*

Припомните еще недавнюю историю выборов в Думу. Наши бланкисты, — к сожалению, впрочем, и не одни бланкисты, — проповедовали бойкот, как средство увеличить влияние нашей партии. Но пока данный способ борьбы подсказывается самой жизнью, то он, как природа, влетит в окно, если вы его выгоните в дверь. Так было и тут. Многие рабочие, воздержавшиеся от голосования в рабочих куриях, голосовали, как *квартиронаниматели.* За кого же они голосовали? Уж, конечно, не за нас, потому что мы отсутствовали. Вот и вышло, что мы, вместо того, чтобы усилить влияние своей партии, усилили влияние оппозиционной мелкой буржуазии. Разумно ли это? Судите сами.

Стало быть, что же нам нужно для того, чтобы не подпасть под влияние непролетарских партий?

Нам нужно, во-первых, коренным образом улучшить офицерский состав нашей социал-демократической армии. Нам нужно, во-вторых, раз навсегда, — «за себя и за потомков своих», — отказаться от тактической метафизики нынешних наших бланкистов и окончательно усвоить себе ту тактику, которую они по недоразумению считают оппортунистической, но которая на самом деле является единственной революционной тактикой нашего времени, так как только она доводит до максимума наше революционное влияние на сознание массы.

Чем дольше мы будем оставаться в заговорщицком подполье, тем дальше будет уходить от нас возможность добиться гегемонии в нынешней нашей освободительной борьбе. А не добившись такой гегемонии, мы принуждены будем играть второстепенную, подчиненную роль. А играя такую роль, мы поневоле и, вероятно, сами того не замечая, будем подпадать под влияние оппозиционной буржуазии, чему нисколько не помешают ни «техника», ни «лозунги», заимствуемые у допотопных революционеров (поучительный пример: «социалисты-революционеры»]. Избежать этого можно только одним путем, — путем открытого политического действия во главе широкой

массы и вместе с широкой массой…

До следующего письма!

Письмо пятое

Когда писатель хочет, чтобы его мысли не подвергались ложным толкованиям, он должен по мере сил приспособлять свое изложение к тому, что можно назвать предельной понятливостью читателя, т. е. к тому уровню понимания, которым характеризуются наименее понятливые представители читающей публики. При этом, разумеется, неизбежны будут повторения. Но с ними надо заранее помириться. Repetitio est mater studiorum.

В предыдущем письме я сказал, что у нас не может быть безусловных принципов практической деятельности. В пределах нынешнего общества главной целью этой дея-тельности является развитие классового самосознания пролетариата. Поэтому хорошо все то, что содействует такому развитию; плохо все то, что задерживает его. А чтò именно развивает его, чтò именно задерживает его, все это зависит от обстоятельств времени и места.

134

Спрашивается теперь, могут ли буржуазные партии способствовать развитию самосознания рабочего класса?

Ставя этот вопрос, я прекрасно понимаю, что Кукшина может обвинить меня теперь в грехе, еще более тяжелом, чем переход на точку зрения Бернштейна (это уже «древняя история»): именно — в измене самому Бернштейну, т. е. последним революционным крохам, сохранившимся в голове этого почтенного писателя. Но что же делать? Мне, очевидно, на роду написано огорчать эту пылкую даму своими попытками решить наши тактические задачи. Против судьбы не пойдешь…

К тому же в деле этой измены у меня есть довольно надежные сообщники. Вот что писали они 58 лет тому назад:

«Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль… Буржуазия разоблачила ту ленивую неподвижность, которая составляла естественное дополнение грубого средневекового проявления силы, до сих пор восхищающего революционеров. Она впервые показала, какие плоды может приносить человеческая

деятельность... Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства и его организации, а следовательно, и во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старых способов производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношении, вечное движение и вечная неуверенность отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные, окаменелые отношения с соответствующими им исстари установившимися воззрениями и представлениями разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и неподвижное исчезает, все священное оскверняется, и люди оказываются, наконец, вынужденными взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и на свое жизненное положение».

Вот как думали мои сообщники,— а лучше сказать, — мои совратители. И когда я перечитываю теперь эти блестящие и сильные строки, я окончательно склоняюсь к «измене» и решительно говорю: буржуазия, игравшая в истории в высшей степени революционную роль; буржуазия, которая не может существовать, не вызывая постоянных переворотов во всех общественных отношениях, эта буржуазия не может не содействовать развитию классового самосознания пролетариата. И вот почему нам приходится рассматривать как злых реакционеров или как безнадежно больных Дон Кихотов тех людей, которые захотели бы теперь

остановить дальнейшее развитие буржуазных отношений в России. Остановить развитие этих отношении значило *бы* остановить также и пролетариат в его движении к своей *конечной цели.*

Но если только злые реакционеры или безнадежно больные Дон Кихоты могут теперь стремиться к точу, чтобы задерживать развитие капитализма, то как назвать тех людей, которые, осуждая реакционные попытки такого рода *в области экономических отношений,* своей тактикой мешают нашей буржуазии добиться политической власти? Вы можете называть их, как хотите, но я

категорически утверждаю, что вы не имеете права называть их людьми, одаренными способностью к логическому мышлению. «Wer *A* sagt, muss auch *B* sagen» — говорят немцы. А эти мыслители, с увлечением произнося *А,* с таким же увлечением отказываются произносить *Б.* Одна нога их идет в одну комнату, другая — в другую.

И пусть не говорят, что буржуазия играла революционную роль *только* в области экономических отношений. Нет, она играла ее также и в политике. Утверждая это, я имею в виду в особенности ее *влияние на рабочий класс.*

«Буржуазия ведет постоянную борьбу, сначала — против аристократии; потом — против тех слоев своего класса, интересам которых противоречит развитие крупной про-мышленности; борьба ее против буржуазии других государств не прекращается никогда. В каждом из этих случаев буржуазия вынуждена обращаться к пролетариату, просить его помощи и толкать его таким образом на путь политических движений. Она сообщает, следовательно, пролетариату свое политическое воспитание, т. е. вручает ему оружие против самой себя».

Как же после этого не ответить утвердительно на поставленный мною выше вопрос о том, могут ли буржуазные партии содействовать развитию классового самосознания пролетариата?

Когда буржуазия в своей борьбе со старым порядком обращается к пролетариату, просит его помощи, толкает его на путь политических движений и сообщает ему таким образом свое политическое воспитание, она, без сомнения, делает чрезвычайно важное революционное дело. Жестоко ошибаются те из нас, которые считают «обманом» всякое обращение к пролетариату со стороны буржуазии. Когда буржуазия, обращаясь к пролетариату, говорит ему о необходимости разрушения старого политического порядка, она не «обманывает» его, а говорит ему неоспоримейшую истину, и сознательные представители пролетариата должны не бранить ее за то, что она высказывает рабочим эту истину,

а, напротив, дать ей понять, что истина эта им самим хорошо известна и что поскольку буржуазные партии борются со старым порядком,

постольку они могут рассчитывать на энергичную поддержку сознательных рабочих.

Когда речь идет о том, чтобы разрушить старый порядок, интересы буржуазии и пролетариата вовсе не противоположны. Эти интересы, правда, не тождественны между собою, но они отчасти совпадают, и это их совпадете должно быть понято и отмечено теми из нас, которые берутся указывать пролетариату его политическую дорогу. *В противном случае мы повторим в политике ту самую ошибку, которую делали когда-то народники в области экономии: наша борьба против буржуазии примет без нашего ведома и против нашего желания реакционный характер.*

Теперь ясно, что ют, кто считает своим долгом восставать, — и иногда восставать в необдуманных, грубых и неприличных выражениях,— против всего того, что предлагает буржуазия, ведущая борьбу с бюрократией, просто-напросто еще не сумел возвыситься до точки зрения современного социализма. Это — народник, отказавшийся от некоторых из своих предрассудков, это — бланкист, усвоивший себе терминологию марксистов, это какой-нибудь утопист, но это — ее ученик Маркса. Ученику Маркса такая «тактика» непременно должна казаться простой бестактностью.

Но если в борьбе со старым порядком интересы пролетариата не противоположны интересам буржуазии, если они до известной степени совпадают с ними, то выходит, что,— *при указанном условии, т. е. в момент борьбы со старым порядком,*— политическое сближение партии пролетариата с буржуазными партиями еще не означает того, что эта партия склоняется к *оппортунизму.* Вовсе не означает! Безусловное, раз навсегда данное решение неуместно здесь, как и вообще в тактике Все зависит от того, *каким образом* происходит это сближение. «Da liegt der Hund begraben».

Последний съезд нашей партии постановил, как известно, что в своем отношении к буржуазным партиям мы должны руководствоваться решением международного Ам-стердамского конгресса. Припомним же, что именно сказал международный Амстер-дамский конгресс в своем решении.

«Конгресс отвергает самым решительным образом ревизионистские

стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику в таком направлении, чтобы на место завоевания политической власти

путем победы над нашими противниками поставить политику уступок существующему порядку».

Если бы мы вздумали сблизиться с той или другой буржуазной партией ради *уступок* существующему порядку, то мы пришли бы в решительное противоречие с амстердамским решением. Ну, а если бы целью сближения была, — что при данных условиях является несравненно более вероятным, — *борьба с* существующим порядком? Тогда как? Связывало ли бы нам руки амстердамское решение? Нет, не связывало бы, по крайней мере тою своею частью, которую я только что выписал.

«Последствием такой ревизионистской тактики было бы превращение партии, ставящей себе целью возможно быстрое превращение существующего буржуазного общества в общество социалистическое, — а потому революционной в лучшем смысле этого слова,— в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества».

Эти строки предполагают борьбу пролетариата *на почве буржуазного общества* и по-тому не определяют той тактики, которой он должен держаться в *период буржуазной ре-волюции,* низвергающей старый порядок.

Далее конгресс высказывает свое твердое убеждение в том, что классовые противоре-чия не притупляются, а постепенно возрастают. Эта часть его резолюции, направленная против теоретиков «притупления» вроде гг. Бернштейна и П. Струве, очевидно, заранее осуждает такие сближения с буржуазными партиями, в основе которых лежало бы отрицание несомненного факта обострения противоречий в буржуазном обществе. И конгресс хорошо сделал, что осудил такие сближения, так как они затемняли бы классовое самосознание пролетариата. Но этими своими строками он, конечно, не говорит против таких сближении, которые имели бы другое основание, например, основание, гласящее, что интересы буржуазного общества несовместимы с существованием полицейского государства

Указывая на рост классовых противоречий в буржуазном обществе, Амстердамский конгресс заявил:

1) «Что (международная социалистическая) партия отклоняет от себя ответственность за основанные на капиталистическом способе производства политические и экономические порядки и потому отказывается ассигновать какие бы то ни было денежные средства, нужные для поддержания правящих классов у власти».

Читатель и сам понимает, что эти строки, предполагающие существование тех политических порядков, о создании которых только еще

идет речь в России, опять ничего не говорят о той тактике, которой мы должны держаться в процессе борьбы за их завоевание. Они могут относиться — и несомненно относятся, — лишь к вопросу о том, что̀ было бы позволительно предпринять нам, без измены международному социализму, *после того, как паяет наш старый порядок.* С их точки зрения можно, значит, решать вопрос лишь об участии нашей партии во временном буржуазном правительстве. И очевидно, что они заставляют решать его отрицательно. В этом отношении смысл этих строк совершенно одинаков со смыслом нижеследующих:

2) «Что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на Международном социалистическом конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества».

Стало быть, эти строки осуждали бы нас только в том случае, если бы мы вздумали договариваться, например, с крестьянской демократией об условиях нашего общего участия во временном буржуазном правительстве. А пока мы не подымаем речи об этом, до тех пор *эти* строки оставляют нам свободу действия.

«Далее конгресс осуждает всякое стремление затушевывать классовые противоречия, чтобы облегчить сотрудничество с буржуазными партиями».

Здесь указано то, что составляет, по моему мнению, душу амстердамской резолюции и коренную основу всей социалистической тактики.

Я думаю, что именно ради этих строк наш съезд и напомнил нашим центральным учреждениям об амстердамской резолюции. В этих строках альфа и омега всей тактики сознательного пролетариата. Они гласят, что развитие классового самосознания пролетариата составляет главную задачу нашей деятельности в капиталистическом обществе. А так как затушевывание классовых противоречий задерживает это развитие, то мы должны решительно отвергнуть и осуждать всякие попытки такого затушевывания. Всякие попытки этого рода *оппортунистичны по существу.* Но далеко не всякое сближение с буржуазными партиями равносильно затушевыванию. Оно было бы равносильно ему, если бы практиковалось теми *суздальцами,* о которых писал когда-то покойный Н. Михайловский и которые, по его словам, любят «оценку одноцветную и яркую, как красная рубаха». В политике, как и повсюду, суздальцы неспособны к тонким различениям. И они, конечно, не в состоянии понять, каким образом интересы буржуазии могут при известных исто-

рических условиях отчасти совпадать с интересами пролетариата. Суздальцы не при-знают никаких *«отчасти».* По их элементарной логике выходит, что возможно *или полное совпадение, или полное расхождение, доходящее до противоречия.* Поэтому, если мы орудием сближения нашей партии с той или другой партией буржуазии выберем суздальца, то он, — если только он согласится стать таким орудием, — начнет именно с затушевывания классовых противоречий. Но человек, не зараженный суздальской политической философией, без труда поймет, что, несмотря на обострение классовых противоречий s *буржуазном обществе,* интересы пролетариата и буржуазии могут и (непременно должны совпадать между собою, — *именно в силу общего закона обострения противоречий, — там, где путь развития этого общества загораживается темными силами реакции.* А раз поняв это, он сумеет воспользоваться для своего дела этим частичным совпадением, ни на одну минуту не прибегая к затушевыванию тех противоречий, которые уже обнаружились или могут со временем обнаружиться в буржуазном обществе.

Едва ли нужно доказывать здесь, что суздальство и марксизм

несовместимы.

Теперь я прошу читателя обратить внимание на последний абзац решения, принятого в Амстердаме.

«Конгресс ожидает, что социал-демократические парламентские фракции будут продолжать пользоваться тою возрастающею силою, которая создается увеличением числа их членов и огромным ростом стоящей за ними массы избирателей, для выяснения целей социал-демократии и для того, чтобы, соответственно принципам нашей программы, со всею энергиею и настойчивостью охранять интересы рабочего класса, добиваться упрочения и расширения политической свободы и равноправия, вести еще более энергичную, чем до сих пор, борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной и империалистской политики, против произвола, угнетения и эксплуатации во всех видах, энергично содействовать развитию социального законодательства и выполнению исторических и культурных задач рабочего класса».

Сказанное здесь тоже не имеет прямого отношения к нашим спорным вопросам тактики, потому что опять предполагает твердо установившуюся парламентскую жизнь, а не борьбу, предшествующую установлению парламентского режима. Но и то, что здесь сказано, может дать нам некоторые очень полезные указания в нашей тактике. Так, например, тут указывается на то, что социал-демократия обязана

добиваться расширения и упрочения политической свободы. Думаете ли вы, читатель, что, указывая международной социал-демократии на эту обязанность, Амстердамский конгресс находил в то же время, что она изменила бы самой себе, если бы для достижения этой цели захотев использовать более или менее свободолюбивые стремления непролетарских партий? Нет, ничего подобного конгресс не находил и не мог находить. За исключением нескольких суздальцев, проникших, разумеется, и туда, все понимали, что социал-демократия не только имеет *право* пользоваться такими стремлениями, но и должна пользоваться ими, если хочет всегда и везде бороться «против произвола, угнетения и эксплуатации во всех видах».

Итак, амстердамская резолюция ровно *ничего не говорит против*

рекомендуемой мною тактики и очень *много говорит за нее.*

Когда я указал на развитие самосознания рабочего класса, как на критерий, который мы должны употреблять при решении всех наших тактических вопросов, я именно держался духа амстердамской резолюции. Я позволю себе поставить это на вид центральным учреждениям нашей партии.

Недавно, — совсем на днях, — Кукшина ехидно сказала мне, что меня «хвалит буржуазия». Но после объяснений, сделанных мною в моих письмах, очень легко понять, что меня решительно невозможно смутить указанием на «буржуазные похвалы». Для меня вопрос не в том, *кто меня хвалит,* а в том, за что меня хвалят. Если буржуазия хватит меня за дело, то я с радостью принимаю ее похвалы. А для суждения о том, за дело ли она меня хвалит, нужен, очевидно, какой-то серьезный принцип, а не внешний признак, состоящий в том, что похвалы идут именно *от нее.* Кукшина этого не соображает; но я надеюсь, что меня читает не одна она.

Если при известных исторических условиях интересы буржуазии от части совпадают с интересами пролетариата, — а отрицать это может только анархист, — то я, нисколько не изменяя себе, могу хвалить буржуазию *за понимание ею этого совпадения* и, точно так же ни на волос не изменяя себе, могу с удовольствием читать те похвалы, которые она посылает по моему адресу за то же самое понимание. Б-а, ба; в-а, ва; г-а, га. Как слаба Кукшина в политической грамоте? У какого дьячка она обучалась? .

Когда Маркс писал, что пролетариату важно *не то, чего* хочет *буржуазия,* а то, что̀ она *вынуждена будет делать,* — он смотрел на вопрос об отношении к ней пролетариата как раз с той самой точки

зрения, которой я держусь теперь и которой не может не держаться человек, вдумавшийся в теорию *исторического материализма.* Я должен сознаться, что большинство упреков, посылаемых нашими товарищами по адресу буржуазной демократии в частности и Думы вообще, представляется мне пропитанным духом *сантиментального идеализма.* Думу обвиняют именно в том, что *она хочет* не так, как *хотим мы. Но мне* нет решительно никакого дела до того, *как* хочет

Дума и *чего* она хочет. Мне важно то, что она *вынуждена* быть в оппозиции к нашей бюрократии и что эта ее оппозиция страшно волнует всю страну и чрезвычайно быстро воспитывает политическое самосознание массы. Благодаря этому Дума играет революционную роль, несмотря на то, что господствующие в ней партии *хотели бы* «мирного исхода». А так как Дума играет благодаря этому революционную роль, то пролетариат изменил бы своей собственной революционной миссии, если бы отказался поддерживать ее в ее столкновении с бюрократией.

В том, что касается тех способов, которыми он может ее поддерживать, мы должны руководствоваться не тем, какой *вид* имеют эти способы с точки зрения революционной фразы, а тем, каковы могут быть *их действительные революционные последствия.*

С точки зрения революционной фразы та роль, которую должна была бы играть Дума, кажется чрезвычайно простой и в высшей степени короткой. В одном иллюстрированном французском журнале я видел недавно карикатуру, изображающую гасконца, который заявляет: «Je voudrais être roi pendant cinq minutes, moi, juste le temps nécessaire pour donner ma démission». (Я хотел бы быть королем в продолжение пяти минут, т. е. в продолжение того времени, которое необходимо, чтобы подать в отставку.) Спрашивается, зачем стремиться к королевской короне, если она нужна только для того, чтобы от нее отказаться? Некоторые из нас хотели бы, по-видимому, сделать из Думы такого гасконца. Они хотели бы, чтобы она собралась только для того, чтобы быть немедленно разогнанной. Но тогда зачем же ей и собираться? Тогда лучше, последовательней крепко держаться за бойкот.

Глядя на действия Думы с точки зрения того, чего она «хочет», мы, естественно, должны были бы больше всего рукоплескать ей именно тогда, когда она своими решениями более всего приближала бы развязку своего конфликта с бюрократией, т. е. тот исторический момент, когда господа бюрократы примутся разгонять ее. Но с точки зрения тех рево-

люционных последствий, которые могут иметь решения Думы, мы

должны судить ина-че. С этой точки зрения преждевременная развязка конфликта должна быть признана вредной. Конфликт воспитывает народную массу. Чтобы довести это воспитание до желанного конца, необходимо, чтобы конфликт продолжался известное время. А если он закончится раньше этого времени, то политическое воспитание народа не достигнет надлежащей высоты, и дело революции от этого пострадает. Выходит, что здесь, как и везде, мы должны быть мудры, как змии, и что революционная фраза — из рук вон плохое средство политической борьбы.

Я привел выше те строки «Манифеста Коммунистической Партии», в которых сказано, что буржуазия сообщает свое политическое воспитание пролетариату. И я прибавил, что, сообщая ему это воспитание, она играет революционную роль. Но, воспитывая пролетариат, она, естественно, сообщает ему свои политические взгляды, а ее политические взгляды, сообразно ее социальному положению, не могут не быть половинчатыми, чуждыми последовательности. Другими словами, воспитание, сообщаемое буржуазией пролетариату, односторонне. Вот этим-то обстоятельством и определяется наша собственная воспитательно-политическая роль. Мы должны устранить эту односторонность: мы должны довести до полного развития политическое самосознание пролетариата, мы должны поставить его на его собственные ноги, организовать его под его собственным знаменем. Короче, тут мы обязаны всеми силами *бороться* с буржуазией. Но есть борьба и борьба. Утопист борется не так, как борется марксист.

Когда утопист решается вступить в борьбу с буржуазным влиянием на рабочий класс, он торжественно и громогласно заявляет, что буржуазное влияние вредно, и приглашает пролетариат повернуться спиной к буржуазии. А если пролетариат не следует этому торжественному, громогласному приглашению, то утопист уходит в свою скорлупу и принимается действовать своими собственными средствами, строго следуя своему утопическому, более или менее «крайнему», более или менее «революционному» рецепту. Этим он, несомненно, спасает свою «чистоту», но этим же упрочивается влияние буржуазии на рабочую массу.

Марксист поступает не так. Он не поворачивается спиной к буржуазии на том основании, что ее борьба со старым порядком не может быть последовательной до конца. Он настойчиво призывает пролетариат поддерживать ее в этой борьбе, но сообщает этой поддержке такой

характер, что чем действительнее становится поддержка, оказываемая им буржуазии, тем полнее и решительнее устраняется вредная сторона буржуазного влияния на рабочий класс, тем более то оружие, которое буржуазия дает пролетариату, обращается против нее самой, и тем острее становится это оружие. И этот действительно революционный,— и единственно революционный,— результат достигается именно тем, что пролетариат не остается равнодушным к борьбе буржуазии со старым порядком, а принимает деятельнейшее участие в этой борьбе, тем самым сообщая ей под революционизирующим влиянием марксизма новый размах и новое историческое значение. Словом, марксист идет по столбовой дороге исторического развития, между тем как утопист бредет своим догматическим проселком.

Непоследовательность буржуазии становится всего яснее пролетариату не тогда, когда он поворачивается к ней спиной, а тогда, когда он идет *рядом с нею* в ее борьбе со старым порядком. Идя рядом с нею, он увидит ее в действии и благодаря этому поймет *недостаточность ее действий.*

Мы должны, разумеется, беспощадно и неустанно разоблачать эту недостаточность. Но разоблачить ее можно только посредством критики, между тем как мы чаще всего довольствуемся крепкими словами.

Вот поразительный пример. Крепких слов по адресу кадетов наговорено нами было поистине с три короба (да еще с большим верхом), но до сих пор я еще не встретил в нашей печати серьезной критики кадетского проекта аграрной реформы. А ведь в нем очень много серьезнейших недостатков. *Наше* понятие о справедливости совсем не со-впадает с *кадетским.* То, что кадетам представляется справедливым вознаграждением крупных землевладельцев, с нашей точки зрения

оказывается несправедливым обложением народа в пользу этих господ,— обложением, достигающим размера нескольких миллиардов. Обнаружив эту несправедливость, мы тем самым обнаруживаем непоследовательность буржуазии. А мы почему-то слишком мало говорим об этой несправед-ливости. Мы страшно горячимся из-за мелочей, из-за отдельных выражений, и как бы в полусне проходим мимо главного: мимо вопроса о том новом иге, которое собирается наложить на народную шею наша буржуазная демократия. И так поступаем мы именно потому, что мы сами еще не сбросили с себя ига революционной фразы.

А за кадетами идут *«трудовики».* Их справедливость тоже не есть наша справедливость. Притом же она держится на глиняных ногах

утопии. Мы должны разбить эти глиняные ноги железным молотом нашей критики. А мы и этого не делаем, опять-таки потому, что мы развлекаемся мелочами и оставляем без внимания то, что одно только и может показать во всей ее страшной силе неумолимую революционную логику нашей собственной программы.

Такова должна быть наша роль; не романтическая фразеология, не заговорщицкая алхимия, не мелочные придирки, не звонкая фраза, а серьезная, спокойная революционная критика, развивающая сознание пролетариата и углубляющая русло всего нашего освободительного движения. Когда мы вплотную возьмемся за исполнение этой роли, тогда, — и только тогда, — мы начнем серьезно «противопоставлять себя буржуазии»; до тех же пор наши выходки против нее останутся отчасти бесплодными, отчасти вредными в интересах нашего собственного дела. Те, которые громче всего кричат у нас о революции, совершенно не знают, как взяться за тот революционный рычаг, с помощью которого можно повернуть всю русскую землю. Эти словоохотливые люди-романтики, сказал бы о них Базаров.

По естественной ассоциации идей Базаров заставляет опять вспомнить о Кукшиной. Эта дама, относящаяся ко мне весьма неприязненно, и здесь поспешит поймать меня на противоречии. Она закричит, что в своем воззвании я говорил о желании Думы дать землю крестьянам. И я действительно говорил об этом ее желании. И такое

желание в самом деле существует. Но в своем воззвании я не говорит о тех *условиях,* на которых Дума хочет дать землю крестьянам, и я не отказывался от своего права критиковать эти условия. А не говорил я об этих условиях по весьма простой и весьма понятной причине. Г-н Горемыкин сердится на Думу не за то, что она требует «справедливого» вознаграждения, а за то, что она хочет нарушить, по его словам, священное право собственности господ крупных землевладельцев. Считаем ли мы это право священным? Нет, не считаем. Поэтому, когда г. Горемыкин во имя этого права ополчается на Думу, мы с своей стороны должны ополчиться против г. Горемыкина. Ведь это же ясно, chère Eudoxie!

И такова должна быть наша тактика всегда и везде. Мы идем *рядом с буржуазией,* поскольку она является революционной в своей борьбе со старым порядком. И мы *кри-тикуем буржуазию,* когда она замедляет свой шаг, когда она перестает быть революци-онной.

И такова же будет моя собственная литературная тактика. Я поддерживал и буду поддерживать наших буржуазно-демократических

публицистов там, где против них восстает отжившая революционная или реакционная догма, и я буду критиковать их там, где они попытаются противопоставить буржуазную догму живому течению революционной мысли. А они уже делали такие попытки. И бестактность некоторых таких попыток, как, например, нападки на ортодоксию, ничем не лучше бестактных выходок героев революционной фразы. Но об этом в другой раз. Довлеет дневи злоба его.

Где же правая сторона и где «ортодоксия»?

«Эх ты! — сказал Селифан.— Да это и есть направо. Не знает, где право, где лево!

В последнее время в нашей печати много говорят о разногласиях, существующих в нашей партии между теми, которым присвоено название *большевиков,* и теми, которых именуют *меньшевиками.* Разногласия эти действительно существуют. Но люди, удивляющиеся их существованию, сами достойны удивления. Они возлагали поистине удивительные надежды на Объединительный съезд партии. Они думали, что раз *объединились,* то и *согласились,* а раз согласились, то

и *спорить нечего.* Но съезд не мог устранить разногласий. Его задача совсем не в том и состояла. Она состояла, во-первых, в том, чтобы узнать, на какую сторону склоняется партийное большинство, а во-вторых, в том, чтобы определить, могут ли, при данных условиях, люди, оставшиеся в меньшинстве, работать в одной организации с большинством. И эта двойная задача решена целиком.

Что касается мнений, господствующих теперь в нашей партии, то на съезде произошло нечто, напоминающее евангельское предсказание: «последние будут первыми». «Меньшевики» оказались «большевиками». Поэтому когда читатель встречает теперь в печати фразу: «большевики утверждают» или «большевики думают» и т. п., то он непременно должен сделать в уме поправку и вместо «большевиков» читать: «бывшие большевики», т. е. люди, бывшие в большинстве на втором съезде Российской Социал-Демократической Партии и оказавшиеся теперь в меньшинстве. Аналогичная поправка необходима, конечно, и по отношению к «меньшевикам». «Меньшевики» теперь — ci-devant, меньшевики.

Кроме того, съезд обнаружил, что, несмотря на разногласия, существующие между двумя фракциями нашей партии, ни одна из этих

фракций не хотела раскола, — по крайней мере, не хотела его *явным образом.* Я согласен, что это несколько странно, но это все-таки так.

Странно это вот почему; на втором съезде партии как те, которые к концу его стали «меньшевиками», так и те, которые попали *в* большинство, с одинаковым жаром отстаивали, — от нападок некоторых, крайне немногочисленных, товарищей из бывших «экономистов», — проект *программы,* выработанный редакцией *«Зари»* и *«Искры».* И те, и другие были убежденными *«ортодоксами».* Стало быть, — и это уже очень много, — *программных* разногласий между ними вовсе не существовало. Но это еще не *все.* Между ними совсем не оказалось и *тактических* разногласий. Это не догадка, а факт. До тактических вопросов очередь дошла на этом съезде лишь тогда, когда уже началась борьба между большевиками и меньшевиками. И что же? Большевики единогласно, без споров, без возражений, без малейших колебаний, приняли проекты тактических резолюций, которые почти все, —

исключений очень немного, — выработаны были меньшевиками. Казалось бы, что это обстоятельство делало соглашение между тогдашним большинством, с одной стороны, и тогдашним меньшинством, с другой — не только желательным, но и крайне легким. Вышло не так. Соглашение не состоялось, а споры между большинством *и* меньшинством привели к формальному расколу. Теперь дело приняло совсем другой оборот. Нынешние большевики, — ci-devant меньшевики, — разошлись с нынешними меньшевиками, во-первых, по вопросу об аграрной программе, а во-вторых, по целому ряду самых важных тактических вопросов. И все-таки съезд заслужил название *объединительного* съезда; все-таки он устранил раскол, по крайней мере с формальной его стороны. Это весьма интересный политический парадокс, по поводу которого я слышал уже не мало более или менее удачных острот, но по поводу которого не мешало бы поговорить и серьезно. К сожалению, место не позволяет мне распространяться здесь о нем. Я ограничусь одним замечанием. Если последний съезд нашей партии мог совершить дело более или менее прочного объединения и если нынешние наши меньшевики, — которых печать почему-то продолжает именовать большевиками, — обещают вести себя «лояльно», *то этим мы обязаны пролетариату, и только ему одному.*

Пролетариату надоели распри интеллигентов; ему хуже горькой редьки опротивели расколы, и он очень недвусмысленно дал понять всем тем, кому это ведать надлежит, что он хочет единства. Вот почему съезд представителей его сознательной и организованной части устранил раскол и объединил партию. Честь и слава пролетариату!

148

Правда, съезд создал только формальное единство. Правда, бывшие большевики, нынешние меньшевики, лояльны... как бы это выразиться?.. они так лояльны, что беспристрастный наблюдатель может не без основания спросить себя: да в чем же изменилось бы их поведение, если бы они стали нелояльными? Но это уже вопрос другой, нас пока не касающийся. Конечно, лучше *быть* лояльным, чем *хотеть казаться* таковым. Однако когда люди хотят казаться чем-

нибудь, то на это всегда есть своя достаточная причина. И если нынешние наши меньшевики в самом деле только *хотят казаться* лояльными, то причину этого надо искать в психологии нашего пролетариата. Повторяю, дело здесь в том, что пролетариат не хочет раскола.

Но само собой понятно, что объединение двух фракций нашей партии, — состоявше-еся на последнем ее съезде, несмотря на разногласия, существующие теперь между ни-ми, — не могло устранить факта существования этих разногласий. И точно также само собою разумеется, что раз эти разногласия существуют, то не нужно и даже вредно и преступно затушевывать их, а нужно, полезно и обязательно довести их до сведения партии, осветить их светом критики до самой их глубины и тем самым облегчить торжество правильных воззрений. Ровно ничего плохого нет в том, что наши нынешние меньшевики спорят с нынешними нашими большевиками. Французы недаром говорят, что из столкновения мнений брызжет истина. Но, ведя споры, нужно помнить, что est modus in rebus (нужно знать меру), или, иначе сказать, что *в партии должна быть дисциплина.* Во всякой социал-демократической партии, хоть не много уважающей себя и хоть немного заслуживающей уважения, меньшинство *имеет право отстаивать те свои взгляды, которые расходятся со взглядами большинства; но действовать оно обязано сообразно* тем *резолюциям, которые приняты большинством голосов.* В противном случае нет дисциплины, т. е. нет социал-демократической партии, в противном случае меньшинство лояльно только на словах; в противном случае оно лицемерит; и хотя справедливо сказано, что лицемерие есть уступка, делаемая пороком добродетели, но пролетариат должен с негодованием отвергать подобные жалкие уступки: они его недостойны. Пусть лицемерят его враги: им нельзя без этого. А дело пролетариата — дело правое, и в среде его представителей не должно быть места лицемерам.

Итак, напрасно удивляется некоторая часть нашей печати тому, что бывшие большевики продолжают, даже оказавшись в мень-

шинстве, защищать свои взгляды. *Само по себе* это вполне

естественно.

Конечно, можно и должно требовать, чтобы *резкость мнений,* высказываемых спорящими между собою фракциями, не сопровождалась *грубостью выражений* и не вела к такой взаимной вражде, при которой остается лишь возводить друг на друга обвинения более или менее уголовного свойства. Наша полемическая литература ни в каком случае не должна напоминать своими приемами ту, которую Маркс называл *грубиянской литературой* («grobianische Literatur»). Но как ни законно такое требование, надо наперед приготовиться к тому, что в некоторых отдельных случаях оно останется неудовлетворенным. Во всяком великом общественном движении всегда имеются элементы, играющие роль отрицательных величин в алгебраической сумме. И напрасно было бы предъявлять к этим элементам сколько-нибудь высокие требования. Возьмите хотя бы то наше общественное движение, которому теперь отдают справедливость, как известно, далеко не одни социалисты: движение шестидесятых годов. Ведь в нем, рядом с чрезвычайно серьезными людьми, участвовали и Кукшины, и Ситниковы; ведь И. С. Тургенев был прав с этой стороны. Но Кукшины и Ситниковы не помешали этому движению сыграть великую роль в нашей общественной жизни. Кукшины и Ситниковы бессмертны. Они проникают во всякое передовое движение. Попадаются они, — нечего греха таить, — и между нами, социал-демократами. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать некоторые полемические произведения бывшей «большевистской» литературы, — очевидно, написанные Кукшиной, ну, а от этой госпожи нельзя ждать ни такта, ни приличия.

Она все опошлит, все исказит, все запутает, все изобразит в тошнотворном виде. Но с этим ничего не поделаешь. От Кукшиных и Ситниковых не отделаешься ни крестом, ни пестом. Остается только игнорировать их пошлости и обращаться с серьезной речью только к серьезным людям, которые, к счастью, составляют подавляющее большинство в нашей среде.

Вместо того, чтобы огорчаться тем, что последний съезд нашей партии не решил такой задачи, какой он не мог даже и задаваться, — т. е., что он не положит конца нашим спорам, — полезнее было бы, по совету Козьмы Пруткова, заглянуть в корень вещей и спросить себя: в

чем же состоит сущность наших разногласий? Правильное решение этого вопроса устранило бы очень много недоразумений и между прочим тот до последней степени ошибочный взгляд, что нынешние наши

меньшевики стоят на крайнем левом крыле российской социал-демократии и что их тактические взгляды являются выражением «ортодоксального» марксизма.

Это поистине вопиющее и «смеха достойное» заблуждение. Тут с нашими нынешними меньшевиками повторился тот же смешной казус, какой давно уже случился с анархистами; их приняли за кого-то другого, как выражается Осип в «Ревизоре».

В самом деле, на Западе, а может быть и у нас даже, многие социалисты, — конечно, из таких, у которых в голове есть изъяны по част и ясности понятий,— готовы признать, что анархизм представляет собой более передовое общественное движение сравнительно с социализмом, что это — идеал более отдаленного будущего и что так как этот отдаленный идеал останется недостижимым в более близкое к нам время, то приходится довольствоваться пока что идеалом социализма. Словом, у них выходит, что за неимением гербовой надо писать на простой, но что тем не менее гербовая бумага лучше и что гербовая бумага — это и есть анархизм. Это очень большая ошибка, и люди, впадающие в нее, показывают, что им неясно, в чем заключается главная черта, отличающая анархизм от современного социализма.

Анархизм не только не имеет ничего общего с современным социализмом, но прямо противоположен ему. Этот социализм берет за точку исхода *общество* и его развитие; исходной точкой анархизма служит *индивидуум.* Современный социализм стоит на точке зрения *науки;* анархизм витает в области *утопии,* при чем он не только утопичен по своему существу, но представляет собою плод вырождения утопизма. Он чужд даже формальной логичности, свойственной старым утопическим системам. Он не удовлетворяет самым элементарным требованиям логики. Он рассуждает о правах индивидуума, забывая, что право есть норма, для установления которой необходима наличность известного отношения между людьми, т. е. необходима

наличность по меньшей мере *двух* индивидуумов. Пока Робинзон оставался один на своем острове, ему не было никакой нужды в правовых нормах. «Анархический» индивидуум, это — Робинзон, выселенный на необитаемый остров утопической абстракции. Естественно, что в правовых нормах он тоже не нуждается. На анархическом языке это значит, что права индивидуума неограниченны. И этот результат, представляющий собою плод грубой, методологической ошибки, возводится на степень *идеала.* Уже отсюда видно, что анархизм совершенно несоизмерим с современным социализмом; что эти две теории лежат в двух совершенно раз-

яичных плоскостях мышления и что считать анархистов левым крылом международной социалистической армии значит совсем не разбираться в вопросе.

Сравнивать между собою теории, лежащие в различных плоскостях мысли, можно только с одной стороны: с той, с которой эти теории представляются продуктом общественного развития. А с этой стороны депо по необходимости представится так, что то учение, которое соответствует более высокой стадии данного общественного развития, является учением более прогрессивным, более «левым». Попробуйте же воспользоваться этим критерием в сравнительной оценке социализма и анархизма, и вы увидите, что дело представляется совсем не так, как представляется оно плохо осведомленным людям. Утопический социализм соответствует более ранней ступени в развитии капиталистического общества; современный научный социализм соответствует более зрелой его эпохе. Утопический социализм уже склонятся к упадку в то время, когда возник научный социализм. Научный социализм пришел на смену утопическому социализму. Судите же после этого, какое из этих двух учений должно быть поставлено на правую и какое на левую сторону. Как бы велико ни было ваше беспристрастие, вы все-таки должны будете признать, что анархизму вовсе не место на левой стороне и что люди, считающие его левым крылом социализма, очень похожи на ту принадлежащую Коробочке крепостную девочку, которая должна была показать Чичикову дорогу и которая, по словам Селифана, не

знала, где право, где лево.

Наши нынешние меньшевики похожи на анархистов в том отношении, что они только по недоразумению могут быть признаны представителями передового учения в социализме.

Если бы мне предложили в немногих словах характеризовать те тактические разногласия, которые существуют теперь между двумя фракциями нашей партии, то я сказал бы так:

Одни, бывшие меньшевики, нынешние большевики, более или менее твердо и последовательно держатся тактических взглядов, соответствующих теории Маркса, другие, нынешние меньшевики, бывшие большевики, с головой ушли в бланкизм. В этом все дело, и этим объясняются все споры, ведущиеся между ними, и все раздражение, вызываемое этими спорами.

Энгельс, характеризуя Бланки, говорит: «В своей политической деятельности он был в сущности «человеком дела», человеком веры в то, что небольшое хорошо организованное меньшинство, старающееся

вызвать восстание в благоприятную минуту, может своими первыми успехами увлечь за собой народную массу и таким путем совершить революцию... Из того, что Бланки смотрел на всякую революцию, как на Handstreich маленького революционного меньшинства, само собой следует необходимость диктатуры в случае успеха, — разумеется, диктатуры не всего революционного класса, пролетариата, но небольшого числа тех, которые начали восстание и уже заранее организовались под диктаторской властью одного или немногих».

Вся эта характеристика может быть вполне применена к нынешним нашим меньшевикам. Эти «люди дела» смотрят на революцию точь-в-точь так, как смотрел на нее Бланки. Напрасно говорят они теперь, что они умеют ценить значение массы, между тем как Бланки не умет ценить его. Это не так. Что в планах бланкистов отводилось известное и даже очень большое место массе, это хорошо видно из только что приведенных мною слов Энгельса и это хорошо известно всякому, кто хоть немного знаком с историей французского социализма. Но отношение бланкистов к массе было утопическим в том смысле, что они не понимали, как важна ее *революционная самодеятельность.* В их

планах *действовали,* собственно говоря, только заговорщики, а масса лишь содействовала, увлеченная хорошо организованным меньшинством. И вот почему, — и только поэтому, — Энгельс говорит, что Бланки смотрел на всякую революцию, как на Handstreich маленького революционного меньшинства. И этот первородный грех бланкизма является самым главным грехом нынешних наших меньшевиков. Они, подобно Бланки, чужды сознания того, что масса должна быть *самодеятельна.* Поэтому они, тоже подобно Бланки, не понимают того, что политическое *воспитание* массы, — которое может быть куплено лишь ценой ее политической *самодеятельности,* — составляет главное условие успеха революции и главную задачу революционера. На этом отрицательном условии, — т. е. на этом непонимании, — основываются все их тактические планы, и им же были пропитаны все те резолюции, которые они предлагали последнему съезду. Наше нынешнее меньшинство до такой степени проникнуто духом бланкизма, что оно, по существу своих тактических взглядов, решительно ничем не отличается от нашего русского бланкизма — покойного «народовольства»: тот же «заговор», то же «вооруженное восстание» (народовольцы говорили: инсуррекция), тот же «захват власти» революционерами. Разница лишь в том, что самый выдающийся из народовольцев, — А. Желябов, — был одарен гораздо более верным политическим инстинктом, чем самый выдающийся из наших

нынешних бланкистов — Н. Ленин. Желябов хорошо понимал, как важно для заговор-щика сочувствие «общества».

Но как же представляется отношение бланкизма к марксизму с исторической точки зрения?

Энгельс пишет, продолжая свою характеристику Бланки: «Вы видите, что Бланки был человеком старого поколения».

Вот такими же *«людьми старого поколения»,* представителями отживших революционных воззрений, являются и наши нынешние бланкисты, Ленин и братия. Многие из этих людей быта когда-то марксистами. Все они до сих пор причисляют себя к марксистам. Но это иллюзия. В тактических, — а также во многих других, — взглядах

этих людей давно уже нет ни одного атома марксизма.

Скажите же, читатель, можно ли, не греша против логики и здравого смысла, считать этих «людей старого поколения» представителями левого, наиболее передового течения в нашей партии? [1])

Конечно нет! Эти реставраторы старых революционных предрассудков, *эти реакционеры в области революционной мысли,* стоят не на левом, а на правом крыле нашей социал-демократии. Этому как будто противоречит их революционная фразеология. Но фразеология ровнехонько ничего не доказывает. Бланкисты тоже так любили революционную фразу, что Энгельс даже сравнил их с анархистами, которые, по его словам, совершили в области революционной фразеологии все чело-

[1]) В другой своей статье Энгельс характеризует бланкистов, как людей, которые «стремились именно к тому, чтобы опередить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было налицо необходимых для нее условий. Они были алхимиками революции и отличались такой же путаницей понятий и такой же ограниченностью взглядов, какие были свойственны алхимикам старого времени». По словам Энгельса, они отличались обыкновенно отчаянной храбростью и значительной революционной сноровкой, строили первые баррикады, грабили оружейные лавки, организовывали сопротивление и руководили им, короче — были офицерами уличных восстаний. Но эти храбрые офицеры представляли собою не *будущее* пролетарского движения, а его *прошлое.* По мере того, как подвигалось вперед развитие пролетариата, заговорщики утрачивали свое влияние и находили себе опасных конкурентов в тех тайных обществах рабочих, которые ставили себе Целью не непосредственное восстание, а *организацию сил рабочего класса и развитие его классового самосознания* (см. мою передовую статью в № 36 «старой» «Искры». [Сочинения, т. XII, ст. «Мартовские иды»] Все, что здесь говорится, целиком может быть отнесено к нашим нынешним меньшевикам, этим истинным алхимикам российской революции.

вечески возможное. Известно также, что в Международном Товариществе Рабочих бланкисты выступали против Маркса с обвинением в том, что он будто бы мешал этому Товариществу усвоить себе революционную,— читай: заговорщицкую, — тактику. Однако же это обстоятельство вряд ли собьет теперь кого-нибудь с толку. Теперь всякий, знакомый с западным рабочим движением, понимает, что настоящими-то революционерами, революционерами на деле, а не только в сфере слов и субъективных стремлений, были марксисты, а не бланкисты. Иисус говорил, что не всякий повторяющий: «господи! господи!», войдет в царство небесное. А нам всем надо сказать себе, что не всякий, кричащий: «революция! революция!» — делает революционное

дело.

Ввиду всего этого я полагаю, что пора уже давно оставить эти старые выражения: «большевики», «меньшевики». Они и прежде были очень неудобны, потому что совсем не указывали на различие во взглядах фракций, ими обозначаемых. Но с ними еще можно было мириться, пока различие это ограничивалось организационными частностями. А теперь, когда спорящие между собою фракции стоят, можно сказать, на двух разных берегах, когда они так далеко разошлись между собою по вопросу о методе социалистического действия, — теперь пора отбросить устаревшую терминологию, пора вспомнить старое схоластическое правило, гласящее, что названия должны соответствовать природе вещей, и за одними закрепить принадлежащее им по праву название *бланкистов,* а других называть *марксистами,* как они того застуживают, по крайней мере по общему характеру своих стремлений, если и не по всем отдельным, иногда неудачным, проявлениям этих стремлений.

А где же «ортодоксия»?

C'est selon, — как говорят французы.

Бланкистская ортодоксия на стороне бланкистов, а марксистская на стороне марксистов. Нужно ли разъяснять это?

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 6

АВГУСТ 1906 г.

«Общее горе»

Дума разогнана. Факт ее разгона подействовал на русских граждан ошеломляющим образом.

«Наша Жизнь», — в статье «Роспуск Государственной Думы», № 494, — говорит, описывая настроение петербуржцев: «Никто от неожиданности не отдал себе отчета в происшедшем, не составил себе плана действия». В том же номере той же газеты г. В-зов сообщает, что один из депутатов, ехавших в Выборг на знаменитое отныне совещание, заметил: «Сегодня все одинаково мыслят, горе у нас у всех одно, общее, и это-то горе так сплотило, соединило в одно».

В «Новом Времени» (№ 10893) г. Ал. Кс. говорит, что на Варшавском вокзале ему встретились три крестьянских депутата от западных

губерний. По его словам, эти депутаты «положительно со слезами покидали столицу. Перед отъездом побывали в Казанском соборе, проехали еще раз к Таврическому дворцу, попрощались со своей Думой и молча на вокзал». Это поистине трогательно. Но, признаюсь, мне не совсем понятно это огорчение. Точнее оказать: оно понятно мне только со стороны тех депутатов, которые не понимали истинного положения Дел, т. е. прежде всего политической роли Государственной Думы.

Что Дума может быть разогнана, это должны были знать все. И чем больше обострялось ее столкновение с министерством, тем очевиднее становилось, что если правительство не захочет уступить, призвав ко власти кадетов, то ему останется только прибегнуть к «роспуску» Думы (чтобы употребить здесь мягкое выражение «Нашей Жизни»).

Весь вопрос был в том, когда именно примет оно свое решение в ту или в другую сторону. Разумеется, было бы гораздо лучше, если бы правительство приняло его не так скоро. Но для кого лучше? Во всяком случае не для правительства. Для правительства всего лучше было, наоборот, как можно скорее довести конфликт до самой крайней степени обострения. Лучше — потому, что в нынешней нашей политической атмосфере его силы тают с каждым днем. Под действием этой атмосферы

нашего народа ограничилась таким отказом, то этим сила его революционного сопротивления правительству была бы доведена до минимума, что, разумеется, вовсе не в интересах освободительного движения. Почему же депутаты не рекомендовали народу ничего другого? Потому ли, что все другое казалось им нецелесообразным? Или потому, что им хотелось сохранить за народным протестом характер *законности?* [1])

Но это последнее вряд ли удастся: «Законное» сопротивление властям очень скоро перейдет в «незаконное». Что же касается целесообразности, то на войне наиболее целесообразно то, что наносит наибольший вред неприятелю, а способ, рекомендуемый народу выборгским манифестом, именно и не принесет неприятелю всего того вреда, который нужно и должно нанести ему в интересах свободы.

Главный вопрос, который должны были поставить депутаты в своем манифесте, состоял в том, насколько соответствует интересам народа такое народное представительство, которое может быть распущено прежде, чем ему удастся выполнить народные требования. Достаточно было поставить этот вопрос, чтобы он сам ответил на себя отрицательно. А отрицательный ответ на этот вопрос прямо и привел бы депутатов к тому выводу, что интересы народа требуют созыва Учредительного Собрания и что если этому созыву будет предшествовать созыв новой Думы, то на участие в этой Думе надо смотреть лишь как на один из этапов на пути к этой цели, как на один из видов революционной работы, подготовляющей политическую почву для названного Собрания. Все остальное содержание манифеста должно было расположиться вокруг этой главной мысли, и все оно должно было логически вытекать из нее.

Сделав вывод о необходимости созыва Учредительного Собрания естественно было выяснить, что же нужно делать для того, чтобы осуществить этот вывод на практике. И тут прежде всего следовало пригласить сознательных граждан к энергичному распространению его в остальных слоях населения и, — last not least, — в войске. Следовало показать, что народ имеет полную возможность нравственно воздействовать на войско, составляющее плоть от его плоти и кость от его

[1]) Они говорят: «Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы в праве не давать ему ни солдат, ни денег» и т. д. Это — именно точка зрения законности.

костей, и что когда революционная идея проникнет в войско, тогда уже ничто не будет препятствовать народному освобождению, тогда уже легко будет справиться с реакцией. А что именно понадобится делать тогда, когда революционная идея совершит это предварительное, — необходимое и неизбежное, — завоевание, об этом не было нужды, да и невозможно было заговаривать в манифесте. Его читатели сами поняли бы, что еще рано толковать об этом, так как *«довлеет дневи злоба его»,* и что об этом можно и должно будет говорить только тогда, когда «злобой дня» станут похороны нашего,—

пока еще продолжающею жить и вредить,— старого порядка. Словом, манифест должен быт сказать: «Готовьтесь, ибо время близится!» И народ внял бы голосу манифеста; он стал бы готовиться, и чем энергичнее готовился бы он, тем более приближалось бы время...

«Министерством внутренних дел,— напечатано в № 494 «Нашей Жизни»,— разослан по всей Империи циркуляр, в котором, напоминая об обычном чтении высочайших манифестов на всех волостных и сельских сходах, предписывается губернаторам, чтобы они приняли все зависящие от них меры для того, чтобы манифест стал известен положительно каждому крестьянину».

Это очень умно со стороны министерства внутренних дел. Лассаль был прав, говоря: «Слуга реакции не краснобай, но дай бог, чтобы у прогресса было побольше таких слуг». Министерство внутренних дел поняло, что исход нынешнего столкновения зависит от того, что скажет «каждый отдельный крестьянин», и оно принимает свои меры к тому, чтобы повлиять на «каждого отдельного крестьянина». Друзья свободы должны в свою очередь принять меры к тому, чтобы политическая задача настоящей минуты была правильно понята всем народом. Теперь это важнее всего. И все те партии, которые участвуют в этом движении, должны были бы немедленно столковаться между собой для взаимной помощи в этом деле.

Все мы признаем правильность тактической формулы: *«врозь идти, вместе бить!»* «Вместе бить» необходимо, если мы хотим прийти к победе. Но для того, чтобы «вместе бить», надо предварительно сговориться, иначе «совместное битье» может явиться разве лишь делом *случайности,* а вовсе не выполнением *заранее обдуманного плана.*

Для того чтобы «вместе бить» неприятеля своею пропагандой, партии, враждебные нашему старому порядку, должны предварительно сговориться между собой насчет *основной идеи этой пропаганды.* А после разгона Думы такой идеей может служить только идея *Учре-*

дительного Собрания, как политического средства удовлетворения экономических и всех прочих нужд народа.

В № 125 «Речи», в статье «К моменту», я прочитал напоминание о

том, «что еще рано заботиться о своих *классовых* интересах, что необходимо прежде всего обеспечить *общенародное* дело, нисколько не ограждаемое существующими лишь на бумаге правами». Это совершенно верно.

И к этому остается только прибавить, что так как *классовые* интересы пролетариата решительно ни в чем не расходятся с *общенародными,* то ему нет никакой надобности забывать ради общих интересов всего народа об интересах своего класса.

О «трудовом» крестьянстве этого уже нельзя сказать с такой же решительностью, как о пролетариате. *Его* классовый интерес может, при известных условиях, довольно сильно разойтись с общенародным. Но его классовый интерес не только не может пострадать вследствие созыва Учредительного Собрания, но, наоборот, только таким Собранием он и может быть удовлетворен и огражден сколько-нибудь серьезно. Вот почему сознательные представители «трудового» крестьянства, наверное, будут относиться сочувственно к созыву такого Собрания. А вот что касается тех общественных слоев, которые были представлены в Думе кадетской партией, то есть некоторое основание думать, что к мысли о созыве Учредительного Собрания они отнесутся с известным недоверием именно вследствие опасения за свои «классовые» интересы. Их может смутить вопрос о «справедливом вознаграждении» за долженствующие отойти к крестьянам частновладельческие земли. Они могут подумать, что в глазах Учредительного Собрания наиболее справедливым вознаграждением за такие земли явится вознаграждение, равное нулю. И надо признать, что подобное опасение не было лишено основания. И именно поэтому общественные спои, представляемые кадетской партией, должны теперь решить вопрос о том, какой интерес им дороже: свой классовый или же общенародный. Как разрешат они этот вопрос? Я не хочу пускаться в предсказания на этот счет. Замечу одно: отрицательное отношение кадетской партии к пропаганде в народе идеи созыва Учредительного Собрания наглядно показало бы всем, имеющим очи, что кадеты защищают общенародный интерес лишь до известного предела, лишь до тех пор, пока он не придет в столкновение с их классовым интересом, а в случае такого столкновения они принесут

первый интерес в жертву второму. Вот почему я полагаю, что «Речь» очень хорошо сделала бы, если бы

она как можно чаще напоминала своим читателям о том, «что еще рано заботиться о своих *классовых интересах* и что необходимо прежде всего обеспечить *общенародное дело,* нисколько не ограждаемое существующими лишь на бумаге правами». Если читатели «Речи» согласятся с этим, то они непременно должны будут высказаться за созыв Учредительного Собрания, потому что при нынешних наших условиях нет и не может быть другого средства сколько-нибудь серьезно «оградить общенародное дело». Ведь новая Дума может быть так же разогнана, как была разогнана старая. Ведь только представители *самодержавного народа* могут не бояться интриг реакционной камарильи.

Эта неоспоримая истина должна быть разъяснена всем русским гражданам. И разгон Думы чрезвычайно облегчил народу усвоение этой неоспоримой политической истины. А когда она будет им усвоена, тогда песенка реакционной камарильи будет окончательно спета.

Дружная, планомерная, неутомимая широкая пропаганда в народе и в армии идеи созыва Учредительного Собрания является единственным достойным ответом на разгон Государственной Думы. Кто откажется от этой идеи под тем или другим предлогом, тот даст ясно понять, что он в сущности и не ищет достойного ответа на действия г. Столыпина и К°, что он, хотя бы и скрепя сердце, примиряется с этими действиями, что он восстает против них только на словах, только для виду.

И тут не могут послужить смягчающими обстоятельствами никакие призывы к народу насчет отказа от уплаты податей и т. п. Кто зовет народ к сопротивлению, тот обязан разъяснить ему, во имя чего ему надо сопротивляться. А как разъяснят это народу авторы выборгского манифеста? На защиту каких прав зовут они его? Они сами прекрасно знают, что в настоящее время *политические права* нашего народа ровно ничем не отличаются от *политического бесправия* и что единственное *право,* которое стоит того, чтобы народ дорожил им, заклю-

чается в его «прирожденном» праве завоевания себе широких *писаных* прав. Но таких прав не даст ему Дума, деятельность которой в каждую минуту может быть приостановлена по капризу реакционной камарильи.

Сама по себе покойная Дума была ничто. Все ее политическое значение определялось тем, что она служила орудием политического воспитания нашего народа. Бойкот Думы был большой ошибкой только потому, Что он не давал воспользоваться этим орудием. Участие в Думе должно

было привести к тому, чтобы народное политическое сознание пошло дальше тех крайне узких пределов, которые были поставлены нашему «первому парламенту», к тому, чтобы это сознание доразвилось до мысли об Учредительном Собрании. *Разгон* Думы должен явиться таким же орудием политического воспитания народа, каким являлась до сих пор ее *деятельность.* Им необходимо воспользоваться для того, чтобы показать народу полную несостоятельность нынешней нашей «конституции». Но при нынешних наших условиях конституция, заслуживающая этого названия, может быть выработана только Учредительным Собранием. Вот почему пропаганда в народе и в армии идеи этого Собрания является теперь единственным действительным средством борьбы за политическую свободу.

Этим я не говорю, что враги реакции должны бойкотировать ту Думу, которую обещают нам созвать в феврале будущего года. Вовсе нет! Бойкот был и останется вредным для дела политического воспитания *народа.* Но отказываясь *от бойкота, как* от нецелесообразного приема борьбы, враги реакции должны самые выборы в будущую Думу сделать средством пропаганды идеи Учредительного Собрания. Только при этом условии участие в выборах даст для политического воспитания народа все то, что оно может дать.

Правительство г. Столыпина ликует по поводу того спокойствия с которым народ почти везде встретил разгон Думы. Оно так обрадовано этим спокойствием, что становится весьма щедрым на обещания: мы, дескать, будем либеральны, и сожаления о Думе лишатся всякого смысла. Но не говоря уже о том, что русские граждане прекрасно

знают цену правительственному либерализму, я спрошу: как представлял себе г. Столыпин возможный ответ народа на разгон Думы? Ждал ли он *немедленного восстания?* По-видимому, да. Но если он в самом деле ждал его, то он очень и очень ошибался. В настоящую минуту восстание могло бы быть только вспышкой народного негодования, бунтом который без труда задавили бы власти; *но нам не нужны бунты и вспышки: нам нужна победоносная революция.* А победоносную революцию надо еще подготовить целым рядом агитационных и организационных усилий. Теперь это понимают, как видно, даже те из революционеров, которые еще недавно смешивали вспышкопускательство, — как выражались у нас в семидесятых годах, — с революционным способом действий. И потому, что это понимают теперь даже эти отсталые сторонники свободы, дело революции стоит в настоящее время прочнее, чем когда бы то ни было.

Спокойствие нашего пролетариата указывает лишь на то, что в его среде *стихийность уступает место сознательности.* А это составляет первое условие успеха революции.

В крестьянстве, правда, сильна еще стихийность, и потому можно опасаться, что когда крестьянство даст себе отчет в том, что означает для него разгон Думы, то оно не останется спокойным. Но преждевременные крестьянские взрывы будут вредны для торжества революционного движения, и потому сознательные участники этого движения обязаны приложить все усилия к тому, чтобы столь отрадное для г. Столыпина спокойствие до поры до времени нарушалось как можно реже.

Итак, если народное спокойствие радует г. Столыпина, то мы постараемся продлить его радость. Мы позаботимся о том, чтобы спокойствие не было нарушено до тех пор, пока не будет обеспечено торжество революции.

В № 126 «Речи» описывается митинг, происходивший в слободе Покровской, Самарской губ., в воскресенье, 9 июля (ст. ст.), по поводу разгона Думы. На этом митинге слушатели кричали: «Нужно, чтобы было созвано Учредительное Собрание!», а ораторы советовали народу «ждать, что скажут о роспуске Думы Петербург и Москва, а пока ра-

зойтись и оставаться спокойными».

Спокойствие, которое рекомендовали народу покровские ораторы, будет не укреплять положение г. Столыпина, а ослаблять его, и нам нужно побольше такого спокойствия.

Как много еще нужно сделать нам в смысле пропаганды, агитации и организации, видно из того, что до сих пор существуют крупные промышленные центры, — напр., Иваново-Вознесенск, Донецкий, Брянский, — в которых наше влияние совсем еще не так сильно, как оно могло бы и должно было бы быть. В этих центрах еще сильна *черная сотня, т. е. слабо классовое самосознание пролетариата.* А как легко подвинуть его вперед, это показывают хотя бы следующие факты, сообщаемые бахмутским корреспондентом «Речи» (№ 125).

Указав на то, что теперь в Бахмутском уезде часто происходят большие рабочие собрания, г. корреспондент прибавляет:

«Открытое общение рабочих на митингах уже принесло плоды. Еще недавно славился своими черносотенцами и хулиганами Щербиновский рудник. Во время погромов этот рудник давал главные кадры погромщиков.

«Теперь рудник преобразился до неузнаваемости. Нет не только прежнего хулиганства, а, напротив, рабочие этого рудника сорганизовали из своей среды боевую дружину в 500 человек. Дружинники разбиты на две роты. В каждой роте — ротный командир и десять низших начальников. Дружина эта охраняет все собрания и митинги рабочих. Здесь же, в Щербиновке, рабочие устроили свои «рабочий народный суд», не желая иметь дело с официальными судебными институтами. Этот народный суд в Щербиновке функционирует довольно правильно».

При планомерной работе мы очень скоро поставим под революционное знамя даже самые отсталые слои пролетариата. А за ними пойдут крестьяне. Что и здесь «мы работаем,— когда работаем,— очень удачно это известно всем членам нашей партии и это видно из другой корреспонденции той же «Речи».

Описав митинги, устраиваемые в деревнях социалистами-революционерами и социал-демократами, нижегородский корреспондент этой

газеты указывает на совершающуюся в крестьянской среде организационную работу.

«После митингов идет организационная работа. Устраиваются своего рода деревенские политические клубы с партийной окраской, куда посылаются газеты всех направлений и книги, учреждается маленький «комитет» из 5—10—15, а е одном месте даже из 40 крестьян, руководящий работой. На время в таком кружке поселяется агитатор и ведет кружковую работу, разбив сочувствующих своей партии на отделы по 10—18 человек, занимаясь с ними в свободное время по программе своей партии. Особенно это хорошо оборудовано у социал-демократов. Крестьяне охотно прослушивают по 10—20 бесед, начинающихся с истории крепостного права, истории революции с окраской классовых противоречии, эксплуатации рабочих капиталистами, положения пролетариата, развития капитализма и кончая аграрным вопросом, социализмом и обзором программ всех партий.

«Нередко после нескольких кружковых бесед крестьяне требуют дискуссии, и тогда желание их исполняется, и где-либо в лесу выступают перед ними для состязания кадеты, эсеры и эсдеки.

«Все это имеет громадное политическое воспитательное значение для нашего крестьянства. Нередко на этих митингах можно видеть женщин и девушек.

«По окончании кружковых занятий крестьяне, сорганизовавшись в партийный, а большей частью беспартийный, просто демократический

коллектив, разделяют работу приезжих, сами агитируют и выступают на сельских сходах и разных скопищах народа.

«Нам известно, что у одной только социал-демократической партии работа велась за эти месяцы более чем в ста деревнях всех уездов».

Это уже весьма хорошо, а нужно, чтобы было еще гораздо лучше, нужно, чтобы вся крестьянская Россия подверглась такому воздействию нашей партии. Мы не можем победить, не сделав этого, а сделав это, мы *не можем не победить.*

Не можем не победить, если при этом будет соблюдено еще одно условие *систематическое воздействие на армию.* В брошюре о «Госу-

дарственной Думе», вышедшей не далее, как в 1905 г., т. П. Орловский писал (стр 18):

«Пусть дружно подымется народ, и солдаты перейдут на его сторону и пойдут против кровопийц». Такого легкомыслия нельзя было ожидать даже от легкомысленного т. П. Орловского. Войско уже затронуто революционной пропагандой, но пока еще все-таки не достаточно «дружно подняться» народу, чтобы оно перешло на его сторону. Нет, несмотря на несомненные успехи революционной пропаганды в армии, здесь нужна еще очень упорная революционная работа. Эта работа может быть облегчена содействием нам со стороны сознательных слоев населения, которые должны воспользоваться своими связями с войском, — такие связи имеются почти в каждой семье, потому что почти каждая семья поставляет на службу хоть одного солдата, — для воздействия на него в революционном смысле. Но эту работу все-таки необходимо сделать прежде, чем звать народ на бои. В противном случае мы сослужим службу не себе, а г. Столыпину и прочим «либералам» его оттенка. На Западе ни один социал-демократ не напишет того, что написал т П. Орловский, а у нас он гордо считает себя представителем передового течения в социал-демократии. Впрочем, я надеюсь, что теперь этот «передовой» человек и сам уже не решился бы повторить то, что с легким сердцем писал он в прошлом году. И во всяком случае несомненно что у нашего пролетариата достаточно здравого смысла, чтобы, как следует, оценить легкомыслие т. П. Орловского.

Пролетариат пойдет в бой не тогда, когда это удобно будет г. Столыпину, а лишь тогда, когда это удобно будет для него самого. А для него самого это удобно будет *только тогда,* когда революционное настроение овладеет всем народом и значительной частью войска. И дело, очевидно, идет к этому. Нужно только, чтобы «общество» поддержало

усилия революционеров. Если «общество» исполнит свою обязанность так, как, наверное, исполнят ее революционеры, то уже не долго придется нам ждать того времени, когда нынешнее наше «общее горе» станет для нас источником *общей радости.*

P. S. Эта статья была написана под непосредственным впечатлением разгона Государственной Думы, т. е., стало быть, еще до военных восстаний в Свеаборге, Кронштадте, Дашлагаре и т. д. и до всеобщей стачки, в значительной степени вызванной этими восстаниями. О значении этих восстаний и этой стачки я поговорю в следующем номере моего «Дневника», а теперь пока замечу, что все, что я знаю о них, еще более укрепляет меня в том взгляде, который высказан мною в этом номере: нам нужно не вспышкопускательство; вспышки только ослабляют нас; нам нужна победоносная революция, а к ней необходимо еще готовиться.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 7

АВГУСТ 1906 г.

Видение г. В. Кузьмина-Караваева

В № 117 «Двадцатого Века» г. В. Кузьмин-Караваев характеризует политическое положение, созданное у нас разгоном Думы.

Он говорит:

«Пока лозунг активных революционных действий и забастовок — протест против роспуска Думы. Но рядом с ним начинает слышаться и другой: Учредительное Собрание. Превозможет ли поколебленная идея конституционной монархии заманчивую мысль о полновластном Учредительном Собрании, которого нельзя ни распустить, «и разогнать?»

Наш почтенный автор «верит» и «надеется», что «превозможет». Почему «верит» и почему «надеется», это остается неразъясненным. Но, прочитав его статью, приходится признать, что вера и надежда, — принадлежащие, как известно, к числу самых главных христианских добродетелей, — совершенно необходимы г. В. Кузьмину-Караваеву для спокойствия духа. Если бы у него не было веры в то, что идея конституционной монархии «превозможет» идею Учредительного Собрания, то его нравственное состояние стало бы просто невыносимым, так как созыв Учредительного Собрания связывается в его представлении с настоящими ужасами. Вот посмотрите:

«...Полновластие коллективной мысли, при бесконечной розни политических и социальных течений, приведет в водоворот страстей,

усобицы, взаимной ненависти и резни...

«Но и лозунг «Учредительное Собрание» имеет ступень дальнейшую — может раздаться все покрывающее, бесформенное: «мы сами возьмем!»... Тогда обнажатся во всей наготе дикие, животные инстинкты человека-зверя, алчного, кровожадного, мстительного... Тогда пойдет Деревня на город, город на деревню... Тогда страна узнает тот абсолютизм самоопределяющейся силы, какому нет равного...

«Вот что виднеется в туманной дали в связи с роспуском Думы. А говорят: «Думу нельзя было не распустить — в ней раздавались грубые

слова по адресу министров». Или: «Она не считалась со всеми определениями основных законов». Или: «Она намеревалась провести принудительное отчуждение земель». Об этом ли теперь думать?»...

Говоря по правде, это несколько нескладно. То, что в видении г. Кузьмина-Караваева выступает, как результат «полновластия коллективной мысли», тождественно с тем, что является в нем «дальнейшем ступенью лозунга: Учредительное Собрание». И я не понимаю, почему эти две «ступени» видения отмежеваны одна от другой разделительным «но и». Однако не в том дело. Хотя это и нескладно, но ужасно: тут «виднеется» и водоворот страстей, и усобицы, и резня, и взаимная ненависть, и дикие инстинкты кровожадного человека-зверя. Словом, видение г. Кузьмина-Караваева гораздо страшнее самых страшных апокалиптических видений. Но отчего же все эти ужасы «виднеются» нашему автору? Единственно оттого, что он опасается, как бы не раздалось: «мы сами возьмем!» Это «мы сами возьмем» играет в его представлении роль ящика Пандоры, из которого на нас посыплются всякие беды. Отсюда следует, что спасение наше состоит, по мнению г. Кузьмина-Караваева, в том, чтобы мы не брали сами, а... дожидались, пока нам дадут то, что нам нужно. Это очень поучительный вывод.

Весь вопрос в том, как долго нам нужно будет ждать? Я боюсь, что очень долго...

Г-н В. Кузьмин-Караваев не хочет кровопролития, не хочет «резни». И это, разумеется, понятно. Но почему он думает, что созыв

Учредительного Собрания послужил бы сигналом для начала резни? Это уже совсем непонятно. Резня, к сожалению, уже начата и начата вовсе не теми, которые стремятся к созыву Учредительного Собрания Г-н Кузьмин-Караваев знает это не хуже меня. А если он знает, что резня уже началась, и если он серьезно хочет ее прекращения, то ему необходимо разобраться в вопросе о том, каким образом остановить тех людей, которые ее производят. Но именно в этом-то вопросе он и не разобрался. Он очень чувствительно пишет: «Мы надеемся, мы верим, что распущенная Дума останется для народа светлой точкой, что эта точка будет освещать его путь к новым выборам и к новой Думе и охранит идею демократической представительной монархии». В переводе на прозаический язык политики это значит, что г. Кузьмин-Караваев надеется на то, что народ не дойдет до мысли об Учредительном Собрании. Предположим, что его не обманет его надежда и что указанная мысль останется недоступной для народа. Этому можно радовался

с некоторых точек зрения; но в этом не может быть ничего отрадного для человека, умеющею сводить концы с концами в своих рассуждениях и искренне желающего прекращения «резни». Та «светлая точка», которую так красноречиво воспевает г. Кузьмин-Караваев, — т. е. Дума, — осветит путь к народному освобождению только в том случае, если она приведет народ к убеждению в полном бессилии нынешнего нашего «парламента» и в необходимости добиться *настоящей* конституции. Я «верю» и «надеюсь», что г. Кузьмин-Караваев не будет оспаривать эту очевидную истину. Но если народу необходимо добиться настоящей конституции, то как же сделать это? Неужели посредством чувствительных воззваний к людям, существенно заинтересованным в том, чтобы держать наш народ в политическом рабстве? Неужели г. Кузьмин-Караваев «верит» в силу таких воззваний и «надеется» на нее? Если да, то он забыл мораль басни «Кот и повар»:

> А я бы повару иному
> Велел на стенке зарубить,
> Там слов не тратить по
> пустому, Где можно власть
> употребить...

Ведь эта мораль вполне применима к нынешним нашим политическим отношениям: слова так же мало действуют на наше правительство, как действовали они на крыловского кота, который, как известно, слушал да ел. Нашим врагам деспотизма тоже необходимо «власть употребить». А «употребить власть» именно и значит в данном случае прибегнуть к тем действиям, которые в статье г. Кузьмина-Караваева характеризуются словами: «мы сами возьмем!» Но эти действия уже заранее повергают г. Кузьмина-Каравае-ва в невыносимый трепет. Именно эти действия «обнажат», по его мнению, «дикие, животные инстинкты человека-зверя, алчного, кровожадного, мстительного». Значит, он не может сочувствовать таким действиям и не может возлагать на них свои упования. А если — нет, то как же думает он прийти к своей политической цели? Как думает он осуществить свою «идею демократической представительной монархии»? На этот неизбежный вопрос он не дает ответа и не может дать его. И в этой невозможности ответить на этот неизбежный вопрос заключается весь смысл его статьи: эта статья обнаруживает полнейшую несостоятельность точки зрения тех людей, — в отличие от страшного и отвратительного «человека-зверя» назовем их хоть *людьми-ангелами,* — которые, с одной стороны, желают, чтобы народ освободился, а с другой — не хотят,

чтобы он сам взял свою свободу. Эти люди-ангелы стремятся сесть между двух стульев; но это — опасное упражнение, и они рискуют больно ушибиться.

История ясно говорит, что прочна только та свобода, которая была взята народами. Но г. Кузьмин-Караваев *боится* такой свободы. Нечего сказать, хорошо его свободолюбие!

И не наивно ли с его стороны обнаруживать столь изумительное свободолюбие после разгона Думы, т. е. в виду новых выборов? Или он думает, что избиратели будут не в состоянии оценить такое свободолюбие по его истинному достоинству?

В другой своей статье («Расправа», № 119 той же газеты) г. Кузьмин-Караваев высказывает по поводу программы г. Столыпина следующие справедливые соображения:

«На все семь месяцев — до 20 февраля — объявлено торжество законов и законности. Каких только законов и какой законности?

«Законы наши двух родов. Одни определяют правоотношение и в конечном результате применяются судом. Другие — узаконят произвол. И право земских начальников сажать в холодную или штрафовать, без преступления и без суда, основано на законе. И право министра внутренних дел ссылать, тоже без преступления и без суда, в Нарымский или Туруханский край. А при усиленном уже либеральном толковании — и право генерал-губернаторов сечь или сжигать постройки. Один генерал-губернатор даже обещал вешать без преступления — за неплатеж податей...»

Что верно, то верно! Но наш автор позабыл сказать нам, к какой из этих двух категорий принадлежат законы, определяющие права российского «парламента». Не к той ли, которая «узаконяет произвол» и потому никоим образом не может ужиться со свободой? Может быть, он «верит» и «надеется», что «произвол» добровольно уйдет из этой области нашего законодательства?

Нет, г. Кузьмин-Караваев!

Нынешнее положение нашей страны чрезвычайно тяжело во многих отношениях. Но оно хорошо в одном: оно учит наш народ пониманию той великой и неоспоримой политической истины, что его *политическое освобождение* должно *и может быть только его собственным делом.* А что народ хорошо усваивает эту великую и неоспоримую истину; что его вера в добрые намерения «произвола» быстро падает; что его надежда на отеческое попечение сверху быстро разрушается, об этом сам расскажет много интересного хотя бы весьма и весьма умеренный

кн. Е. Трубецкой, такими яркими красками изобразивший рост народного сознания в статье, направленной против министерства г. Столыпина и напечатанной в «Московском Еженедельнике»

Дорогая вам политическая идея вряд ли «превозможет». Вам и вашим единомышленникам остается лишь позаботиться о том, чтобы не остаться «за флагом». Все складывается так, что приходится *«леветь»* даже и людям-ангелам...

По поводу одного письма

Передо мной лежит письмо одного русского офицера о современном положении дел в нашей стране и о задачах революционной пропаганды в войске.

Я привожу здесь бо̀льшую часть этого письма, пользуясь любезным разрешением товарища, доставившего мне его. Читатель сам увидит, какую большую важность для дела свободы имеет практический вопрос, затронутый в этом письме.

«Сначала вкратце выскажу свои взгляды на то, что должно быть по-моему.

«Вся Россия разделилась на два лагеря: на друзей освобождения и на врагов реформ.

«Долго бюрократия изумленно и растерянно смотрела на неслыханное до сей поры у нас движение и пребывала в роли созерцательницы.

«Самодержавие русское, оставаясь таковым только номинально, ибо уже давно оно было ограничено кучкой бюрократов, наконец пошло на уступки народу; но уступки эти реально не выразились ни в чем, а только был дан ряд обещаний, при проведении которых в жизнь должна была начаться новая эпоха конституционной России.

«Этот ряд обещаний — манифест 17 октября: в нем без всяких гарантий обещаны права гражданина в виде свободы совести, слова, неприкосновенности личности, собраний и народного представительства, как законодательного учреждения.

«И вот из числа этих уступок еще ни одна пока не реализована, не проведена в жизнь. Амнистия — первое справедливое требование народа — амнистия всем пострадавшим от старого режима — не дана, а это служило бы доказательством искренности правительства. Общество требует для осуществления идеи народного представительства всеобщего избирательного права и прямых выборов, а в ответ ему — закон 7 декабря о расширении избирательного права.

«Но что же, собственно, об этом писать, когда все это известно, конечно, вам... не хуже, чем мне. А потому я оставлю в стороне настроение народа в период Государственной Думы, период временного

кабинета Витте. Одно можно сказать, что это был период сравнительно спокойный, выжидательный.

«Но события идут грозным ходом. Репрессии правительства, не считающиеся с мощной волной охватившего народ движения, только усиливают революционное движение. Сила пушек и штыков, военное положение, усиленная охрана, — все это беспомощно в борьбе с духом народа. Они не останавливают революции, а только ведут ее через кровь и трупы. Мне кажется, бюрократия должна или пойти на особые уступки, или продолжать войну с Россией и очутиться, в конце концов, в одиночестве, без союзников, кроме той кучки, которая давно уже объявила войну всем сознательным элементам страны, отстаивая не благо России, а свои теплые местечки и т. п.

«Последняя опора правительства — войско — скоро скажет свое слово, и тогда — конец всему и смерть старому режиму. Все волнения среди солдат, участившиеся теперь, дают ясно понять правительству, что «мы-де уже не хотим служить тебе, и на нашу силу ты уже не рассчитывай». Если бы вся армия сразу заявила свое нежелание служить бюрократии, то давно был бы покончен вопрос о спасении нашей страны. Революции, идущей снизу, мудрое правительство единственно может ответить революцией сверху. Эту мысль высказал еще Александр I.

«И вот в чем ошибка агитации в войсках: действовать на солдата помимо офицера. Для того, чтобы руководить войском, да еще в условиях исключительных, нужно и умение, и, главное, знание человеческих душ, разумное направление этой грозной силы и, пожалуй, что еще важнее, так это умение взять в руки, одухотворить эту толпу, потому что без внутренней спайки это и есть именно толпа в полном значении этого слова.

«Без предводителей эта вооруженная масса, движимая самыми низменными чувствами, которые обыкновенно охватывают взволнованных людей, как-то незаметно может обратиться в озверелую банду, которая сметет на своем пути все, не разбирая правого и виновного и, развратившись, станет настолько же опасна обществу, (насколько ранее нужно было ее вмешательство.

«А благодаря всеобщей ошибке: отчуждению офицерского класса,

признанию его бессознательным элементом общества, опричниной, —

войско возмущающееся остается без руководители. А этим пользуется правительство и действует на офицеров всеми высокими фразами о долге, чести, присяге, и те, видя себя отчужденными и зачумленными, озлобляются и становятся действительно зверями и сторонниками правительства. Быть может, они всей душою рады послужить родному делу, да вот страх и сомнение, как-то их, офицеров, примут в рядах борцов свободы, останавливает их.

«Войском же руководят или людей, ничего общего с ним не имеющие, или мальчики из тех же солдат, не научившиеся еще повиноваться, не только повелевать и держать в своих руках толпу. Вот почему и бывают курьезные факты, вроде асхабадского, где почти весь гарнизон шесть дней держатся крепко и не мог более, явился к корпусному командиру, выдал зачинщиков и молил чуть не на колетах прощения.

«Конечно, цель уже достигнута, этот гарнизон ясно доказал, что в нужный момент правительство уже не может на него рассчитывать, так как он ненадежен.

«Но полпобеды — не есть еще победа. И ее одинаково рано признавать и обществу, и правительству. Прежний режим еще не добит, с другой стороны — революция не остановлена.

«Как река не побежит в степь, так и пробудившееся чувство человеческих прав не обратится в молчание рабов. Рубикон перейден, alea jacta est — и нет возврата к прошлому. Правительство же только в этом прошлом ищет своих союзников и только там их находит. Все новое, верящее в будущее страны, если не против него, то во всяком случае и не за него.

«События перегоняют события, и трудно предсказать, что сегодняшние умеренные, раздраженные неумеренной ретивостью поборников старого режима, не двинутся сами вперед и задним числом, поняв ложность своего положения, не потребуют тех же прав к благу родной с граны.

«Стоит только посильнее кликнуть клич, как со всех сторон сейчас же отзовутся; надо склонить на свою сторону военачальников, и тогда

целые полки во главе со своими офицерами пойдут на бой за счастье и благо России. Зачем повторять ошибки? Ведь каждый солдат — тоже сын народа и только молчит или из страха, или стыда перед товарищами, а уничтожить это чувство, клянусь, никто не сможет так быстро и хорошо, как его же начальник. Ведь если бы солдат сообщался с народом, а то он отделен от него стеной, большой преградой. Надо же

дать возможность и заклейменным офицерам принять активное участие в борьбе за благо. Не надо унижать и озлоблять.

«Я потому много пишу об этом, что я сам офицер и чувствую на себе всю тяжесть позорного клейма».

Тут кое-что неточно. Так, например, период министерства Витте нельзя назвать спокойным. Но это незначительные частности. Важно то, что уважаемый автор письма *в общем* изображает современное положение дел не только *верно,* но и *ярко.* Он называет политику нашей бюрократии *войной* с *Россией.* Это сказано чрезвычайна удачно. Бюрократия в самом деле ведет жестокую войну с нашей родиной, и русские граждане могли бы сказать, — как говорили некогда в своих челобитных обыватели Московского государства, — что они страдают от бюрократических набегов «пуще, *чет* от *турок и от татар».* И в этой войне с Россией бюрократия опирается теперь *главнейшим образом на войско.* Автор письма справедливо говорит, что «если бы вся армия сразу заявила свое нежелание служить бюрократии, то давно уже быт бы покончен вопрос о спасении нашей страны». Но от *всей* армии, от армии в ее целом, подобного заявления ждать, разумеется, невозможно. Во-первых, в армии всегда найдутся элементы, готовые вести войну с Россией «не токмо за страх, но и за совесть». Автор письма, может быть, прочел в газете «Перелом» перепечатанный также в № 120 «Двадцатого Века» рассказ о том, как гг. офицеры Кавалергардского полка истязали А. С. Смирнову за сделанное ею ироническое замечание о слишком веселом настроении проезжавшей (28 июля ст. ст.) по Сергиевской улице части этого полка. Арестованная одним из кавалергардских офицеров, г-жа Смирнова была доставлена им в офицерское собрание на Захарьевской

улице, откуда ее, осыпав грубыми ругательствами, силой отвели на караульный двор, а там, — рассказывает брат пострадавшей, огласивший доблестный офицерский подвиг в газетах, — «там, по приказанию князя [1]), 7 солдат плетками нанесли моей сестре 25 ударов, искровавив ее; куски мяса отвисли на спине. Затем сестру с ругательствами выгнали» [2]). Само собой понятно, что истязавшие г. Смирнову джентльмены Кавалергардского полка навсегда останутся надежной опорой бюрократии в ее войне с Россией. Эти chevaliers sans peur ni reproche застрахованы от всякой политики... кроме «черносотен-

[1]) По-видимому, полкового командира.

[2]) Из № 25 газеты «Товарищ» видно, что «князь» приказал разостлать сено и приехавшим солдатам предложил «попользоваться девицей», но те отказались. Утонченный аристократ! Благородный воин!

ной» И такие рыцари без страха и упрека существуют, к сожалению, не в одном только Кавалергардском полку, хотя я уверен, что в «глубокой армии», на которую с таким презрением смотрят гвардейцы, процент подобных рыцарей гораздо ниже. Во-вторых, у армии никогда не будет такого органа, который мог бы явиться выразителем ее общего мнения, даже если бы такое мнение и могло сложиться. Но для избавления нашей страны от тяжкого и позорного ига бюрократии, для спасения России, как выражается автор письма, и нет надобности дожидаться *единодушного* заявления армии. Достаточно деятельного сочувствия свободе некоторой, — смотря по обстоятельствам, более или менее значительной, — части военнослужащих. А что значительная часть военнослужащих способна отказаться от участия в войне бюрократии с Россией, в этом решительно невозможно сомневаться. Если бы было иначе, то на нашу родину пришлось бы махнуть рукой...

По словам автора письма, правительство действует на офицеров высокими фразами «о долге, чести, присяге и т. д.». И всякий, знакомый с нашим военным бытом, знает, что это верно. Когда в душе офицера зарождается ненависть к деспотизму, он переживает обыкновенно мучительную драму, в основе которой лежит убеждение в том, что честь и присяга запрещают ему служение свободе. Но это

убеждение лишено всякого серьезного основания, и если оно так широко распространено в нашей офицерской среде, то это объясняется чуждым всякой критики отношением этой среды к «высоким фразам» правительства о долге и о чести.

Нужно только немного проанализировать содержание этих фраз, чтобы убедиться в полнейшей его несостоятельности.

Долг и честь великое дело. Человек, изменяющий своему долгу и лишенный чувства чести, достоин глубочайшего презрения совершенно независимо от того, что он носит: рабочую блузу, «штатский» пиджак или военный мундир. Но вопрос в том, *как надо понимать долг и честь.* А этот вопрос с особенной легкостью решается именно в интересующем нас случае. Скажу больше.

Если автор письма прав, когда говорит, что наша бюрократия ведет войну с Россией, то вопрос о долге и чести военнослужащих *уже решен. Долг и честь запрещают им участвовать в этой преступной, и позорной войне.* Наша бюрократия твердо убеждена, конечно, в том, что русское войско существует именно для того, чтобы воевать с Россией. Но гг. офицеры не обязаны разделять это ее убеждение. Напротив *они обязаны не разделять его.* Правда, они клянутся служить прави-

тельству. Но они клянутся также служить своей стране, *своему отечеству.* Как же быть, если интересы правительства приходят в противоречие с интересами отечества? На какую сторону должен стать военнослужащий «по долгу чести и присяги»? Ясно, на какую! Иисус говорил: «Не человек для субботы, а суббота для человека». Подобно этому надо сказать, что не страна существует для правительства, а правительство для страны. И если правительство вступает в воину со страною, то оно превращается в преступную организацию, в разбойничью шайку, *во внутреннего врага,* против которого должны ополчиться все благомыслящие граждане, и прежде всего те, которых страна вооружает на свои счет для своей защиты. Россия переживает теперь как раз такой момент. И именно потому военнослужащие нравственно обязаны подвергнуть строгому критическому пересмотру требования, предъявляемые им со стороны правительства во имя чести

и присяги. Эта обязанность до сих пор была исполняема, к сожалению, лишь немногими из них. Но события не ждут; кровь льется; разоренная и жестоко угнетенная страна болезненно стонет, и можно надеяться, что уже недалеко то время, когда на ее защиту во множестве поднимутся те, которые уже по самой своей профессии обязаны защищать ее.

Я знаю, что во всех частях войска найдутся господа, способные сочувствовать подвигам преторианцев Семеновского и Кавалергардского полков. Потому-то я и говорю, что вся армия в ее целом не пойдет против правительства. Но я знаю также, что во всех частях армии найдется много и много честных людей, которые не захотят, по выражению Рылеева, в роковое время позорить гражданина сан. А это только и нужно для победы нашей страны над воюющим с ней правительством. Дружные, планомерные усилия военных организаций, строго согласованные с действиями «вольных» борцов за свободу, очень быстро положат конец правительственному разбою.

Автор письма, как видно, хорошо понимает значение военных организаций и ту руководящую роль, которую мюли бы и должны были бы играть в них офицеры. Он отмечает нашу ошибку, состоящую в действии пропагандистов на солдат помимо офицеров, и жалуется на игнорирование офицерства партиями, борющимися за свободу, на «признание его бессознательным элементом общества, опричниной». Меня радует эта жалоба, как симптом, указывающий на то, что мыслящие представители нашего офицерства тяготятся ролью «опричников», навязываемой им правительством, и нетерпеливо стремятся к сближению со

сторонниками нового политического порядка. Но я не думаю, чтобы эта жалоба была основательна. Может быть, в прежнее время враги деспотизма и не отдавали себе ясного отчета в том, до какой степени им для успеха своего дела нужно заручиться сочувствием офицеров. Но теперь все понимают колоссальную важность такого сочувствия. Что же касается до мнения об офицерах, как об опричниках, то здесь необходимо различать две вещи: во-первых, собственно мнение о том, чем *может быть* офицерство; во-вторых, те суждения о нем, которые

высказывались и высказываются иногда под влиянием всем известных, печальных, но, к сожалению, слишком частых событий. В нашем обществе едва ли найдутся люди, серьезно держащиеся того, очевидно, несостоятельного, мнения, что под офицерским мундиром не может биться сердце, способное любить свободу. Кто же не помнит декабристов и кто же не чтит их памяти? А ведь между ними «штатские» составляли ничтожнейшее исключение! Но когда улицы наших городов орошаются кровью, проливаемой нашим же войском; когда это же «христолюбивое воинство» дотла разоряет наши села и деревни, подвергая их жителей неслыханным мучениям, тогда по адресу офицеров раздается много самых горьких упреков и самых тяжелых обвинений. И тут, под впечатлением минуты, иногда совсем забывают о том, что нельзя считать *всех* офицеров солидарными с теми воинами, которые являются палачами своей родной страны. Но пусть только автор письма вдумается в положение, создаваемое, например, «карательными» экспедициями военных отрядов. Он сам согласится тогда, что вполне понятны и вполне естественны упреки и обвинения, раздающиеся по поводу таких экспедиций. А наши антиеврейские погромы, во время которых войска, — а, *следовательно, и офицеры,* — играют роль «прикрытия» для озверевших пьяных хулиганов! Эти погромы подали повод ко множеству самых неблагоприятных суждений о нашем офицерстве. Но при данном положении дел такие суждения совершенно неизбежны. Их не будет только тогда, когда освободительная деятельность офицеров-граждан заставит позабыть о позорных подвигах офицеров-преторианцев и *офицеров-хулиганов.* Но как бы там ни было, а неоспоримо то, что ни один разумный человек не задастся целью «унижать и озлоблять» офицеров и что каждый разумный человек сделает все, от него зависящее, для того, чтобы «дать возможность и заклейменным офицерам принять активное участие в борьбе за благо». Я готов согласиться с тем, что, — по причинам, рассмотрение которых завело бы нас слишком далеко, — до сих пор мы работали больше в среде солдат,

чем в среде офицеров [1]). Согласен я и с тем, что привлечение

офицеров безусловно необходимо в интересах правильной деятельности наших военных организаций. Если, — как заметило недавно «Новое Время»,— наши военные бунты подавляются с *театральной легкостью,* то это обстоятельство в значительной степени объясняется тем, что восстающие солдаты не встречают надлежащей поддержки со стороны офицеров. Я думаю даже, что только участие офицеров е военных организациях положит конец этим бунтам, представляющим собою непланомерную и непроизводительную затрату сил, нужных для революции [2]). И я обращаю внимание нашего Центрального Комитета на большую ошибку, отмечаемую автором письма. Но при всем том я должен сделать очень существенную оговорку. Автор письма высказывает, по-моему, слишком мрачный взгляд на «толпу».

Он говорит: «Без предводителей эта вооруженная масса, движимая самыми низменными чувствами, которые обыкновенно охватывают взволнованных людей, как-то незаметно может обратиться в озверелую банду, которая сметет на своем пути все, не разбирая правого и виноватого».

Спора нет, и предводители нужны. Но взволнованных людей далеко не всегда охватывают *низменные чувства.* Я думаю, что чувства, которые наполняли сердца, например, восставших матросов *«Потемкина»,* были достойны всякого одобрения. Эти матросы искренне сочувствовали свободе и не только не предавались никаким зверствам над «вольными» людьми, «о чрезвычайно старательно,— *как нельзя* более старательно,— избегали всего того, что могло бы так или иначе повредить интересам населения. Правда, те же потемкинцы перебили некоторых своих офицеров. Но кто *вынудил* их сделать это? *Один из офицеров.* Правда и то, что поступки некоторых отдельных лиц из числа «взбунтовавшихся» нижних чинов бывали иногда очень жестоки. Еще недавно «Новое

---

[1]) Но и в солдатской среде наша работа была до сих пор непланомерна. У нас обращали преимущественное внимание на солдат специальных родов оружия: артиллеристов, саперов и т. д., а пехотой занимались мало. Но пока пехота будет *против* нас, до тех пор наши расчеты на победу останутся лишенными всякого основания. Тут мы тоже делаем ошибку, на которую несколько месяцев назад обратил мое внимание один товарищ из числа бывших пехотинцев. Роль, сыгранная енисейцами в Кронштадте, лишний раз показала мне, как прав был этот товарищ.

[2]) Резолюция нашего последнего съезда обращает внимание на необходимость

согласования деятельности военных организаций с общим ходом и задачами революционного движения.
184

Время» гремело против убийц старухи-матери офицера Врочинского в Кронштадте). Рептильный орган изображал убийц чуть не людоедами, и он был как будто прав. Но он забыл осведомиться, не было ли у нижних чинов, поднявших руку на престарелую Врочинскую, каких-нибудь особенных счетов с нею. Нижнему чину сплошь и рядом приходится больше терпеть от жены или матери начальника, чем от самого начальника. Автор письма, конечно, знает это не хуже меня. Я понимаю, что жестокость все-таки остается жестокостью. Но в том-то и беда, — большая, очень большая беда! — что при *нынешних* обстоятельствах такая жестокость иногда неизбежна, и неизбежна *не по вине нижних чинов.* На нижнего чина давит настоящее крепостное право со всеми его ужасами. Его обкрадывают, теснят; его личность жестоко оскорбляют на каждом шагу. Нижний чин терпит очень долго; а когда он, наконец, восстает, то он, как говорится, себя не помнит от обиды и гнева. Об этом ничего не сказало и не скажет нам «Новое Время». А это следует помнить, судя о действиях восстающих нижних чинов. Следует помнить также и о том, что крепостное право, держащее русского солдата и матроса под своим железным ярмом, теперь дает себя больнее чувствовать им, чем в «доброе старое время». Солдаты и матросы *теперь уже не те, что были прежде.* В них уже проснулось сознание своего человеческого достоинства. А у кого есть такое сознание, для того прямо невыносимы те унижения, которые приходится выносить у нас нижнему чину. Автор письма знает, каково живется у нас солдату. Пусть же он вообразит, что ему самому пришлось пережить *все* те оскорбления, которые приходится переживать солдатам, и пусть он окажет, положа руку на сердце, уверен ли он в том, что всегда сохранил бы самообладание и не испытал бы приступов неудержимого гнева. Действие равно противодействию. Крепостное право всегда вызывало кровавую месть не в одном только России.

Д-р Покровский писал недавно в «Военном Голосе», что «нервы солдат благодаря всему расшатаны в высшей степени». Мне сдается, что нервная расшатанность играет не последнюю роль в тех случаях,

когда восставший солдат становится жестоким. А где причина его нервной расшатанности? Она лежит отчасти в общих условиях русской жизни, а отчасти в том до крайности тяжелом и унизительном положении солдата, на которое я указываю и которое, конечно, объясняется е последнем счете теми же общими условиями. Чем больше чувство человеческого достоинства страдает у солдата благодаря всевозможным притеснениям

со стороны начальства, тем больше должны расшатываться солдатские нервы. Но развитие чувства собственного достоинства в солдате есть в то же время лучшая гарантия против «низменных чувств».

Я говорю это единственно потому, что я немного опасаюсь, не смотрит ли автор письма на нижнего чина так, как на него уже нельзя смотреть теперь, потому что теперь он несравненно более развит, чем был когда-то. Даже честные и свободомыслящие офицеры, не имеющие ни *малейшею* сходства с «дантистами», склонны иногда, по твердо установившейся традиции, смотреть на солдат, как на совершенно бессознательную массу. Но солдат — сын народа. Проникнув в народ, сознание проникает и в солдатские ряды. Излишне прибавлять, что этим сильно облегчается также воздействие на солдат со стороны офицеров-граждан.

Может быть, впрочем, я плохо понял автора письма. Тогда — тем лучше: тогда нам тем легче столковаться. А что столковаться полезно, что столковаться необходимо, это ясно само собой; слишком уже долго тянется преступная война бюрократии с нашим отечеством и слишком уже дорого обходится ему эта преступная война!

Если уважаемый автор письма захочет сделать мне какие-либо замечания или возражения, то он может быть уверен, что я с величайшим удовольствием напечатаю их в своем «Дневнике». Мне было бы очень приятно вступить в непосредственный обмен мыслями с офицерами-гражданами. Кроме того, я думаю, что таким офицерам давно уже пора возвысить свой голос и принять деятельное участие в обсуждении всех вопросов, касающихся пропаганды в войске. Тут им и книги в руки.

Надо ли отказываться?

Как видно, выборгское воззвание распространяется по всей России огромными массами. Не далее как в № 133 «Речи» я прочел, в корреспонденции из Н. Новгорода, что оно отпечатано там «социал-демократами в количестве 15 тысяч и разослано по деревням окружной организацией». И это, разумеется, очень хорошо. Было бы слишком печально, если бы вышло иначе, т. е. если бы деятельные противники нашего старого порядка не сумели дать широкое распространение своему протесту против разгона Думы. Я думаю также, что народ везде читает выборгское воззвание с большим сочувствием: за это ручается тот живой интерес, с которым он относился к Думе. Но у меня невольно возникает вопрос: *как повлияет это воззвание на дальнейший ход нашего освободительного движения?* Что под его влиянием народ еще лучше поймет, где его враг, и еще больше (возненавидит и без того уже ненавистную ему бюрократию, это не подлежит ни малейшему сомнению. Но что будет дальше?

Положим, что значительная часть, — скажем, *половина,* — населения последует тому совету, который дают ему подписавшие воззвание бывшие члены Думы, и откажется от исполнения воинской повинности. В этом году призвано будет около полумиллиона молодых людей. Стало быть, согласно нашему предположению, мы должны принять, что из этого числа около 250.000 ответят отказом на правительственный призыв. Это, конечно, доставит правительству не мало хлопот и затруднений. Но я думаю, что в последнем счете *это будет выгоднее делу реакции, чем делу свободы.* И я думаю так вот почему.

Молодые люди, которые в виде протеста против разгона Думы откажутся отбывать воинскую повинность, будут, очевидно, с полным сознанием относиться к своим гражданским обязанностям. Если бы эти сознательные молодые люди стали под знамена, то можно было бы с уверенностью ожидать, что они при случае отказались бы истреблять тех, кого правительство называет *внутренними врагами.*

Это уже было бы очень хорошо. Однако мы имеем право пойти дальше и предположить, что эти сознательные молодые люди не

только не захотели бы проливать кровь своих сограждан, но, — когда это оказалось бы нужным, — выступили бы *против угнетателей народа.* А это было бы еще лучше.

Теперь, когда исход нашей освободительной борьбы в такой большой, — *и все более возрастающей,* — степени зависит от настроения войска, нам надо дорожить наличностью в армии сознательного элемента, а не удалять из нее этот элемент. Удаление его было бы большой ошибкой.

Это как нельзя более ясно. Так же ясно и то, что в нынешнем году будет особенно высок процент сознательных между молодыми людьми, подлежащими призыву. События, пережитые Россией в течение последних шести месяцев, глубоко всколыхнули народное сознание. Крестьяне знают, *кто* помешал Думе заняться вопросом о земле, и они сумеют дать надлежащие наставления своим сыновьям, призываемым на военную службу. Этим настроением умов *нужно воспользоваться.*

И им еще *можно воспользоваться.* Центральные комитеты тех наших партий, которые хотят серьезно бороться за свободу, еще имеют время сговориться между собой и объяснить народу в новом воззвании, что хотя, конечно, служить нынешнему правительству значит упрочивать свое собственное рабство, но что отказываться от исполнения воинской повинности все-таки нет надобности, так как сознательный солдат может сослужить большую службу народному делу и должен сослужить ее. Воззвание, написанное в таком духе, совсем лишено будет характера *законности,* но оно укажет более короткий путь народному освобождению. А этого совершенно достаточно.

Я предлагаю Центральному Комитету нашей партии начать в этом смысле переговоры с центральными комитетами других партий. Он обязан сделать все, от него зависящее, для того, чтобы была исправлена тактическая ошибка, сделанная лицами, подписавшими выборгский манифест.

Мне представляется, что если бы наш Центральный Комитет взял на себя почин таких переговоров, то по существу дела он мог бы встретить оппозицию разве лишь со стороны тех непоследовательных людей, которые,— подобно г. Кузьмину-Караваеву, — с одной стороны,

хотят *политической свободы,* а с другой — боятся, что народ ее *«сам возьмет»...*

Краткие ответы

Е. В. Аничкову. Ваше интересное *«открытое письмо»* не напечатано до сих пор единственно потому, что, за недостатком времени, я, к сожалению, не мог ответить на задаваемые мне в нем вопросы. В следующем номере «Дневника», — который скоро выйдет, — я с величайшим удовольствием его напечатаю и там же на него отвечу.

Товарищам, доставившим мне ленинский «доклад» о *нашем* съезде. Я действительно не имел этого «доклада». Благодарю. Вы, разумеется, правы, предполагая, что Ленин придал происходившим на съезде прениям совершенно ложное освещение. В следующем номере «Дневника» я покажу это с помощью нескольких ярких примеров. Сделать это сейчас не могу по недостатку времени и места. Но неужели есть **читатели,** на которых может подействовать этот изумительный доклад?

Мое мнение об уместности нового съезда скажу в двух словах. Созывать новый съезд *теперь* значило бы тратить средства партии и ее время самым непроизводительным, — больше того: самым преступным образом. Но Ленин рассуждает не так. Он думает: почему не созвать новый съезд? Я ничего не потеряю, если опять останусь в *меньшинстве,* и много выиграю, — получу, наконец, столь желанную дирижерскую палочку,— если большинство окажется на моей стороне. Вот он и старается. Интересы пролетариата тут совершенно не при чем, и рабочие должны с негодованием отклонять всякие попытки преждевременного съезда: это шалости интеллигенции.

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

НОВЫЕ ПИСЬМА О ТАКТИКЕ И БЕСТАКТНОСТИ

Письмо первое

I

В то время, когда я делаю эти скромные заметки, в Гельсингфорсе заседает съезд партии народной свободы. Им очень интересуются не только в России, но и за границей. Да оно и неудивительно. Партия ка-

детов уже сыграла, — отчасти благодаря собственным заслугам, отчасти благодаря крупным тактическим ошибкам «левых партий», — чрезвычайно важную роль в общественной жизни России. В будущем ей тоже суждено играть очень немаловажную политическую роль. Поэтому решениями ее съезда не могут не интересоваться даже те, которые очень далеки от ее точки зрения. Не могу к ним отнестись безучастно и я, хотя не разделяю кадетской программы и не одобряю тактики. Прежде всего я отмечу то едва ли подлежащее сомнению обстоятельство, что делегаты Гельсингфорсского съезда не обнаружили большой уверенности насчет того, как настроено теперь население нашей страны. Корреспондент «Речи» говорит, что, «по сообщениям отдельных делегатов, настроение населения по местам весьма разнообразно». Иначе, конечно, и быть не могло. Но еще Козьма Прутков советовал искать в разнообразии единство. В какую сторону склоняется настроение, *преобладающее* теперь в народе? Этого, по-видимому, не выяснили себе делегаты, собравшиеся в Гельсингфорсе. А не составив себе ясного представления об этом, партия народной свободы вынуждена будет действовать в значительной степени ощупью, наугад, что, разумеется, невыгодно отразится на результатах ее действий. Почему она плохо выяснила себе современное настроение народа? Ответить на это не трудно: она не имеет. Достаточных связей с народом.

Я говорю это не затем, чтобы упрекать ее. Тут перед нами — не вина, а беда. Это большая беда; но от этой беды страдают не одни кадеты. Надо говорить прямо: партия пролетариата тоже не имеет всех тех связей с представляемым ею классом, которые она должна была бы

иметь в настоящее время. Это в значительной степени объясняется конечно, проклятыми «независящими» обстоятельствами. Но вопрос не в том, как объясняется это, а в том, как «избыть беду», как расширить связи с населением. Здесь не место рассматривать этот вопрос. Но уместно и полезно будет подчеркнуть здесь, что в интересах дальнейшего роста нашего освободительного движения все партии, участвующие в нем, должны всеми мерами стараться поставить

организацию своих сил на новую и несравненно более широкую основу. Я потому считаю полезным подчеркнуть это, что усвоение правильного взгляда на организационные задачи непременно будет содействовать также и развитию правильных тактических понятий. А по части тактики у всех у нас замечаются такие же большие нехватки, как и по части организации. Однако вернемся к Гельсингфорсскому съезду.

Вот что гласит тактическая резолюция, принятая съездом:

1) Съезд выражает одобрение деятельности парламентской фракции в Государствен-ной Думе, признавая, что деятельность эта соответствовала общей тактической директиве, данной на третьем партийном съезде.

2) Признавая политическое значение выборгского воззвания и выражая принципиаль-ное согласие с его содержанием, съезд одобряет действия парламентской фракции, взяв-шей на себя почин в составлении воззвания.

3) Съезд считает идею пассивного сопротивления, при условии его широкого и организованного применения, согласной с общими принципами тактики партии народной свободы и признает, что пассивное сопротивление может быть применяемо, как наибо-лее действительная форма противодействия тем актам, которые по существу являются посягательствами на права народного представительства.

4) Признавая широкое и организованное применение пассивного сопротивления как вообще, так в особенности в форме отказа от отбывания воинской повинности в призыв 1906 г., фактически неосуществимым, съезд не находит возможным рекомендовать немедленное и, по необходимости, частичное его проведение в жизнь. Вместе с тем съезд настаивает на необходимости широкого распространения, обоснования и укрепления идеи пассивного сопротивления в народном сознании.

5) Ближайшей задачей партии съезд признает установление теснейшей связи с населением, одинаково необходимой как для подготовки избирательной кампании, так и вообще для организации общественных сил.

6) Избирательной платформой партии при предстоящей кампании съезд считает необходимым сделать ответный адрес Государственной Думы на тронную речь, с теми дополнениями, которые вытекают из программы партии, и с обращением особого внимания на необходимость расширения законодательных и бюджетных прав Государственной Думы.

В этой резолюции прежде всего бросается в глаза один маленький, но весьма, можно сказать, занозистый недостаток: отсутствие словечка «но» в начале четвертого пункта. Третий пункт резолюции одобряет идею пассивного сопротивления и признает, что такое сопротивление может явиться наиболее действительной формой противодействия посягательству на права народного представительства. Четвертый же пункт находит такое сопротивление неосуществимым в настоящее время. Вот тут-то, кажется, и следовало бы поставить словечко «но», к которому можно было бы даже прибавить слова «к сожалению»: идея хороша, но, к сожалению, неосуществима. Вышло бы «круглее». Почему же не написали так авторы Гельсингфорсской резолюции? Этот вопрос кажется пустым. Но на самом деле тут скрывается важная и так сказать «государственная» причина, как выражается один из героев Гоголя.

Дело в том, что Гельсингфорс явился отрицанием Выборга. Депутаты, собравшиеся в Выборге после роспуска Думы, пригласили народ к пассивному сопротивлению. А делегаты, собравшиеся в Гельсингфорсе на четвертый съезд партии народной свободы, признали, что пассивное сопротивление теперь невозможно. Этим они отменили выборгский манифест и сделали это, насколько я знаю, даже не снесясь с другими партиями, депутаты которых поставили свои подписи под выборгским воззванием. Я не говорю, дурно это или хорошо; я только объясняю, зачем было пропущено словечко «но». А пропущено оно затем, чтобы позолотить пилюлю, подносимую Выборгу Гельсингфорсом, чтобы придать вид *утверждения* тому, что на самом деле является *отрицанием.* Благодаря этому ловкому литературному приему, четвертый пункт Гельсингфорсской резолюции приобретает такой вид, как будто он продолжает

«выражать одобрение», между тем как на самом деле им выражается порицание. Авторы резолюции тонкие люди! Они хорошо поняли, что пилюлю нужно золотить тем больше, чем неприятнее она на вкус. А на вкус она очень неприятна.

Я спрашиваю тонких авторов резолюции; что же осталось теперь от выборгского воззвания, «политическое» значение которого они так охотно признают во втором пункте? Осталось не более, как отвлечен-

ное соображение о том, что пассивное сопротивление иногда может оказаться и нужным, и полезным; но разве бывшие депутаты Думы съезжались в Выборг для таких отвлеченных соображений? Если бы это было так, то они были бы совершенно подобны тем немецким «fünfzig Professoren» 1848 года, которые, как известно «Vaterland verloren». Но к чести их надо сказать, что они съезжались туда не за этим: они хотели указать народу *практический* выход из положения, созданного разгоном Думы. Тонкая гельсигфорсская резолюция ласковыми словами говорит им теперь, что они такого выхода не нашли или, вернее, что они указали ошибочный выход. Это крайне печально, несмотря на утешительное отсутствие словечка «но».

Это тем печальнее, что выход в самом деле был найден плохой. Прямые налоги занимают в нашем бюджете ничтожное место. Поэтому отказ в уплате таких налогов был бы мало чувствителен для фиска. Организовать отказ в уплате косвенных налогов вообще и всегда чрезвычайна затруднительно. Стало быть, на его счет нечего и распространяться. Что же касается поставки рекрут, то я уже указывал в другом месте, что такая мера в настоящее время была бы не полезна, а вредна освободительному движению. Против этой мысли восставали многие из моих читателей; но, как это видно из газет, г. Милюков сообщил на Гельсингфорсском съезде, что некоторые крестьяне в своих письмах в ЦК партии народной свободы высказывали ту же мысль, что и я, и защищали ее теми же соображениями. Меня очень обрадовало это известие, так как оно показало мне, что эта мысль понимается теми, кому прежде всего нужно понять ее. Но если отказ от поставки рекрут вреден, а отказ от уплаты податей ничтожен по своему значению для фиска, то выборг-

ский манифест одобрять решительно не за что. И во всяком случае теперь, после Гельсингфорсской резолюции, от него осталось только та отвлеченная мысль, что пассивное сопротивление иногда может быть и полезным, и нужным. Но я уже заметил выше, что довольствоваться таким отвлеченным соображением при тогдашних обстоятельствах значило бы уподобиться людям, за которыми осталась в истории довольно нелестная репутация. Выборгское воззвание не сказало того, что оно могло и должно было сказать. Это не подлежит никакому сомнению. Авторы выборгского воззвания могли бы возразить мне, пожалуй, что я напрасно так презрительно отношусь к идее пассивного сопротивления, потому что ведь пассивным сопротивлением была бы и та массовая стачка, о которой рассуждали, например, немецкие социал-демократы, в прошлом году в Иене. И это верно. Но у немецких социал-демократов

эта идея была выражена «mit ein bischen andern Worten» (несколько иными словами).

В устах немецких социал-демократов, рассуждавших в Иене о массовой стачке, идея пассивного сопротивления не имела значения отвлеченного тезиса. Она являлась практической мерой, принятие которой откладывалось, правда, на неопределенное время, но вопрос о которой был освещен всем тем светом, какой только могла пролить на него социал-демократическая теория и практика. Делегаты, собравшиеся в Иене, ничего не скрывали от немецких рабочих. Они высказывали им, по выражению Лассаля, «то, что есть». И это высказывание само приобрело значение важного практического действия. Так ли поступили авторы выборгского манифеста? Нет, они поступили совершенно наоборот. Они высказали то, чего не было. Они заговорили о пассивном сопротивлении тогда, когда о нем говорить было неуместно. Это была ошибка. Почему они ее сделали? По очень простой причине. Потому что большинство депутатов, съехавшихся в Выборге, отказалось бы подписать манифест, ясно и определенно высказывавший «то, что есть». Потому что вывод, логически вытекающий из того, что было тогда, — и что есть теперь, — не укладывался и не укладывается на прокрустово ложе кадетской

программы. Эти люди, так охотно обвиняющие в узости политических представителей пролетариата, сами обнаружили такую узость, до которой никогда не доходили, да и не могут дойти сколько-нибудь мыслящие идеологи рабочего класса.

Узость нехороша именно тем, что она чрезвычайно ослабляет силу тех общественных групп и тех политических партий, которые ею отличаются. Узость, обнаруженная в рассматриваемом случае партией народной свободы, ослабила ее влияние на народную массу и тем самым уменьшила ее значение в деле борьбы за народную свободу. Это, конечно, тоже большая беда для кадетов; но это беда, которая вызвана не «независящими обстоятельствами», а собственной природой кадетской партии. *Такая* беда является в то же время и *виною.*

Вина партии народной свободы состоит в том, что она сама боится полного торжества этой свободы. Это она доказала своим; несчастным законопроектом о свободе собраний, и это же она доказывает своим отрицательным отношением к тому политическому требованию, осуществление которого впервые и целиком устранило бы зависимость народного представительства от капризов нашей реакционной партии. Читатель понимает, о чем я говорю. Подобно г. В. Кузьмину-Караваеву, кадеты боятся, — по крайней мере, боялись до сих пор, — что если бы

такое требование осуществилось, если бы судьба народного представительства стала зависеть только от воли народа, то это обстоятельство само явилось бы источником величайших бедствий. Кто заражен таким страхом, тому *нельзя* быть последовательным в борьбе за народную свободу, тот не смеет высказать «то, что есть». Чем заменил Гельсингфорсский съезд идею пассивного сопротивления? Ничем, потому что та платформа, которая по решению Гельсингфорсского съезда будет выставлена кадетской партией при новых выборах в Думу и в основу которой положен ответ старой Думы на тронную речь, не дает народу ни новых лозунгов, ни новых идей. Гельсингфорсский съезд ничего не сделал для того, чтобы выяснить народу политический смысл роспуска Думы. Это значит, что и он не захотел высказать «то, что есть». И, насколько я знаю, ни одна из их резолюций не указывает на то, что Дума может оказаться совсем не созванной, и ее говорит,

что надо будет делать в таком случае. Умалчивая об этом, Гельсингфорсский съезд вдвойне отказался высказать «то, что есть».

Мне ответят, что «довлеет дневи злоба его»; что в настоящее время подобная резолюция могла бы иметь лишь цену простого теоретического соображения. Так! Но есть теория и теория. «Теоретическое» указание на «то, что есть», принадлежало бы к числу тех теорий, которые, очевидно, имел в виду Фейербах, говоря: «Что такое теория? Это мысль, остающаяся в моей голове. Что такое практика? Это мысль, перешедшая из моей головы в головы массы». Теоретическое высказывание «того, что есть», имело бы значение практического действия огромной важности. Оно в значительной степени содействовало бы развитию политического самосознания народа и тем самым облегчило бы организацию оппозиционных сил народа, необходимость которой была отмечена в Гельсингфорсе, и организацию пассивного сопротивления, *идея* которого была *одобрена* на том же съезде. Неужели это не ясно?

Это, конечно, очень ясно. Но не менее ясна и та особенность нашего современного политического положения, благодаря которой вполне высказать «то, что есть», значит вплотную подойти к тому выводу, что кадетская партия должна коренным образом изменить и свою политическую программу, и свою тактику. Но именно этого-то она и не хочет. Кадеты очень искренно хотели бы разделаться с нашим старым порядкам. В своей борьбе с ним они апеллируют к массе, рекомендуя ей известные политические требования. Но, рекомендуя эти требования, они не могут не опасаться того, что масса станет слишком требовательна. И этим опасением дается предел тому, что может быть совершенно ими

в борьбе со старым порядком. И на этот предел непременно должны обратить внимание массы те люди, у которых нет оснований опасаться ее излишней требовательности.

II

Тут я спешу оговориться, боясь, как бы люди, только что упомянутые мною, не поторопились поймать меня на слове, поняв это слово превратным и поверхностным образом.

Во время высказать «то, что есть», — великое дело. Но, — как и всякое другое великое и даже малое дело, — его надо делать умеючи. Наши «левые партии» бойкотировали старую Думу именно на том основании, что они надеялись посредством бойкота высказать народу «то, что есть». Но бойкот вышел очень плохим средством такого высказывания.

Для того, чтобы высказать то, что есть, недостаточно произвести известные колебания воздуха, недостаточно произнести известные слова: *необходимо быть понятым теми, к кому обращаешься.* А народ, — т. е. главным образом крестьянин, — как раз и не понимал того, что хотели сказать «левые партии» своим бойкотом. Он принял деятельное участие в выборах, потому что горячо верил в Думу; а горячо верил в Думу он потому, что не сознавал бесправия нынешнего своего представительства. То, что хотели сказать ему об этом «левые партии» своим бойкотом, осталось в огромнейшем большинстве случаев совершенно недостаточным для его понимания. Что же нужно было сделать для того, чтобы выяснить ему эту необходимую политическую истину, для того, чтобы разбить его «конституционную иллюзию»? Нужно было дать ему *на опыте* убедиться в том, что иллюзия очень не похожа на действительность; нужно было принять все меры к тому, чтобы жизнь как можно скорее дала ему свой *предметный урок.* А это значит, что необходимо было участвовать как в выборах, так и в работах Думы. Только таким путем и можно было превратить Думу из орудия застоя, которое хотели выковать из нее наши охранители, в орудие прогресса. Когда Дума была распущена, первый предметный политический урок, даваемый жизнью русскому народу, был окончен; оставалось только вкратце резюмировать его для того, чтобы он лучше запечатлелся в памяти ученика. Это собственно и составляло задачу депутатов, съехавшихся в Выборг. Они плохо поняли и плохо решили свою задачу. И эту их ошибку должны были по мере сил исправить «левые партии». Они должны были разъяснить народу смысл полученного им политического урока. Будем надеяться, что они и сделали это, хотя бы только отчасти и, несмотря на ошибки, которых и они не

избежали. Политика не такая простая наука, какую можно было бы изучить в один урок. Если бы даже все партии, борющиеся с бюрократией, с полным уменьем взялись за разъяснение народу первого полученного им от жизни предметного урока, то и тогда этот смысл, наверное, остался бы непонятным для многочисленных слоев населения. Этим слоям, даже и тогда, нужен был бы *новый* предметный политический урок. Но на самом деле партии, борющиеся с бюрократией, довольно неумело разъясняли народу смысл первого урока. Поэтому тем серьезнее должны они отнестись к предстоящему теперь второму уроку. Другим« словами: тем деятельнее должны они готовиться к новым выборам и к тем случайностям, благодаря которым выборы могли бы совсем не состояться.

Некоторые мои товарищи пытались уличить меня в противоречии: «С одной стороны, — говорили они, — вы утверждаете, что Дума сама по себе не имеет значения, потому что ее права ничтожны; а с другой — вы настоятельно советуете ее поддерживать. Зачем же поддерживать бессильную Думу?» Я надеюсь, что теперь я достаточно популярно изложил свою мысль и что теперь меня поняли даже самые недогадливые из моих критиков. Мы были обязаны *высказать то, что есть.* Но для того, чтобы народ поверил нам, необходимо было, чтобы жизнь сперва *показала* ему, что мы говорим правду. Теперь это отчасти уже покачано ею. Но *только* отчасти. Поэтому мы и теперь не можем ограничиться одним высказыванием того, что есть, хотя высказать это теперь тоже необходимо и хотя очень плохо поступают те борцы за свободу, которые по тем или по другим соображениям уклоняются от высказывания. Ясно, громко и решительно высказывая «то, что есть», мы опять должны позаботиться о том, чтобы народ опять имел возможность на опыте проверить справедливость наших слов. Лишь при такой тактике может быть осуществлена в жизни формула: через Думу к несравненно более высокой форме народного представительства. Понятно ли это? Далее. Я наперед знаю, что на основании моего отзыва о выборгском воззвании и о Гельсингфорсском съезде проницательный читатель захочет уличить меня в противоречии. «Вы сами распространяетесь о кадетской половинчатости, — скажет он, — а между тем вы же сами советовали

поддерживать кадетскую Думу».

Я действительно советовал это. И если ошибался, то ошибался в хорошей компании. Маркс и Энгельс советовали рабочим в 1848 г. поддерживать буржуазию, поскольку она является передовою в своей борьбе со старым порядком. Но, говоря, что следует поддерживать буржуазию

в ее передовых стремлениях, Маркс и Энгельс тут же прибавляли, что следует бороться с буржуазией, поскольку она обнаруживает консервативные или реакционные стремления, сталкиваясь с пролетариатом. Я повторяю вслед за ними ту же мысль. И я смею думать, что с ней-то и заключается в данном случае «смысл философии всей». Кто этого не понимает, тот не понимает политики рабочего класса, *какой она должна быть в эпохи перехода от старого порядка к новому,* соответствующему новым капиталистическим отношениям производства. Кто не довольствуется такой политикой и старается заменить ее более «крайней», отказывая буржуазии во всякой поддержке и осуждая *все* ее стремления, тот этим самым осуждает и ее борьбу со старым порядком, т. е., значит, оказывает этому порядку драгоценную услугу. Конечно, чаще всего такие услуги оказываются невольно и бессознательно. Но ведь известно, что весь ад вымощен добрыми намерениями.

С другой стороны, кто, желая поддержать буржуазию в ее борьбе со старым порядком, стал бы умалчивать о том, что стремления рабочего класса даже и в этом случае далеко не покрываются ее стремлениями, тот обнаружил бы *оппортунизм,* затемняющий сознание рабочего класса, а следовательно, ослабляющий его силу в борьбе с тем же старым порядком. Таким образом, и такой человек тоже содействовал бы вымещению ада добрыми намерениями. В переходные эпохи, подобные переживаемой нами, все искусство политического представителя рабочего класса заключается в том, чтобы уметь миновать Сциллу *сектантства,* страдающего политическими галлюцинациями, и Харибду *оппортунизма,* отличающегося неизлечимой близорукостью. К сожалению, не легко дается такое искусство!

Чтобы усвоить его, надо отучить себя от тех приемов мышления, которые Энгельс так хорошо характеризовал когда-то, заклеймив их названием метафизических.

«Для метафизика вещи и их умственные образы, т. е. понятия, — говорит Энгельс, — суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Метафизик мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из: да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого. Для него вещь существует или не существует; для него предмет не может быть самим собой и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно. Исключает друг друга, причина и следствие также совершенно противоположны друг другу. Этот способ мышления кажется нам на первый

взгляд потому вполне верным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе между четырьмя стенами, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отваживается в дальний путь исследования. Точно так же и метафизическое миросозерцание, вполне верное и необходимое в известных, более или менее широких областях, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми оно становится односторонним, ограниченным, абстрактным, и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за предметами оно не видит их взаимной связи, за их бытием не видит их возникновения и исчезновения, за их покоем не видит их движения, — за деревьями не видит леса».

Те ошибки, которые делались русскими социал-демократами, скажем, в последнее десятилетие, вызывались именно тем, что они не умели рассматривать общественные явления в их взаимной связи, что за их бытием они не видели их возникновения и исчезновения, а за их покоем не видели их движения [1]). И если теперь многим из них так трудно понять, в чем должна заключаться пролетарская тактика, то это происходит опять-таки потому, что они мыслят, как метафизики. С этой застарелой болезнью бороться чрезвычайно трудно, — тем более

трудно, что она представляет собою далеко не «случайное» явление. Этой болезнью страдала радикальная интеллигенция всех экономически и политически неразвитых стран. Бебель сказал на прошлогоднем съезде немецкой социал-демократической партии в Иене, что когда он, будучи еще совсем молодым человеком, стал присматриваться к политической жизни, то его поразила великая политическая незрелость тех, которые постоянно говорили о революциях и хотели быть радикальными до са-

[1]) Но не одни мы мыслим метафизически. Значительная часть ошибок нынешних итальянских синдикалистов обусловливается метафизическим характером их мышления. На одном из заседаний происходившего в 1906 г. в Риме съезда итальянской социалистической партии синдикалист Леонэ сказал: «Партия представляет собою не фактор истории, а ее продукт». Как будто «продукт» не может стать, в свою очередь, фактором! Это заставляет вспомнить то замечание Энгельса, которое гласит, что «представления о причине и следствии имеют значение лишь в применении к отдельному явлению, но, рассматривая то же явление в его общей мировой связи, мы убеждаемся, что эти два представления соединяются и переходят в представление о всемирном взаимодействии, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что, теперь или здесь — следствие, то там или тогда будет причиной, и наоборот».

мой последней степени. Теперь Бебель «сделался старик седой», но он живо вспомнил бы свои молодые годы и испытал бы то же самое чувство удивления, если бы ему пришлось побеседовать, например, с нашими бывшими большевиками. Да и с одними ли большевиками? Неумение усвоить себе, — *а особенно применить к политике,* — тот метод мышления, который Энгельс, в противоположность метафизическому, назвал диалектическим, в большей или меньшей степени составляет наш общий недостаток, и благо точу, кто, сознав его, принимает меры к его устранению.

Мне возразят, пожалуй, что теперь уже не до того, чтобы принимать такие меры; что теперь надо *действовать.* Но в том-то и дело, что действие должно быть освещено правильной мыслью; в противном случае оно может стать самоубийственным. Учитесь у немцев. Заканчивая в Иене свой доклад о всеобщей стачке, Бебель сказал своим товарищам, что им прежде всего нужно как можно лучше усвоить себе дух научного социализма, который им следует изучать с гораздо большим рвением, чем ото делалось до сих пор. «Тогда, — говорил он, — не будет чудом, если мы в течение одного года удвоим число членов своих организаций, в значительной мере усилим

профессиональные союзы и увеличим число читателей наших периодических изданий на 50 или даже 100 процентов. Словом, тогда у партии явится такая сила, которая позволит ей смело смотреть в глаза самому грозному будущему». Это золотые слова. Такие люди, как Бебель, умеют проливать свет мысли на свои практические действия! Но много ли у нас людей, подобных Бебелю? А нужно было бы, чтобы их стало очень много, потому что наше положение и теперь уже не из легких, а будущее готовит нам новые и новые затруднения. Конечно, нельзя стать по желанию Бебелем или каким-либо другим выдающимся политическим деятелем. Но я говорю не о *тождестве,* а только о *подобии.* Небольшой треугольник может быть подобен одной из сторон пирамиды Хеопса, которая, как известно, больше всех других египетских пирамид. *Тождество* зависит не от нас, а для *подобия* каждый из нас может сделать очень много путем упорной работы над самим собою.

III

Но как бы там ни было, а вполне несомненно то, что нам необходимо *поддерживать* буржуазные партии в том случае, когда они обнаруживают передовые стремления, и *критиковать* их, когда их передовые стремления ослабевают и постепенно превращаются в свою собствен-

ную противоположность. Это — аксиома. Но недостаточно знать и помнить эту аксиому; нужно уметь обращаться с нею. А умеет обращаться с нею только тот, кто соображает, когда ему следует подчеркнуть ее первую половину (мы *поддерживаем* буржуазные партии и т. д.), и когда следует с особенным ударением произнести — вторую *(критиковать* и т. д.). Кто не обладает этим драгоценным умением, тот рискует попасть в неприятное положение изображаемого в народной сказке деревенского неудачника, который на похоронах пускался плясать, а на свадьбах пел вечную память. Этот несчастный неудачник имел самые хорошие побуждения; однако на деле из них не выходило ровно ничего, кроме неприятностей. Мне становится очень больно всякий раз, когда я замечаю в моих единомышленниках хотя

бы самое отдаленное сходство с этим добрым, но бестолковым парнем. Беспристрастие заставляет меня прибавить, что мои противники из лагеря большевиков застрахованы от целой половины сделанных им ошибок. Когда речь заходит о буржуазных партиях, «большевики» *всегда* поют вечную память. Но при настоящем положении дел эта своеобразная *«половинчатость»* ничего не поправляет. Вопреки своему страстному желанию, «большевики» все-таки не умеют принять полезное участие в похоронах нашего старого порядка, который одинаково гнетет всех нас, который давно уже отжил свое время и которому, по известному солдатскому выражению, давно уже отпускается паек на том свете.

Еще раз: поддерживать необходимо, но необходимо и критиковать. И притом поддерживать и критиковать не одних только кадетов. Возьмите так называемую трудовую партию, имеющую так много общего с нашими старыми знакомыми, «эсерами», и с новой народно-социалистической партией. «Трудовая» партия, конечно, «левее» кадетов, но по отношению к нам она, несомненно, стоит на *правой* стороне. В настоящую минуту мы должны с особенным вниманием *критиковать* ее, потому что в ближайшем будущем ей предстоит сыграть огромную роль и еще потому, что нам во многих и многих случаях нужно будет *поддерживать* ее всеми средствами, какие только имеются в нашем распоряжении. Если бы мы поддерживали ее, не разоблачая при этом тех особенностей, которые мешают ей стать на точку зрения пролетариата, то мы внесли бы вреднейшую путаницу в умы рабочих и сильно замедлили бы развитие их классового самосознания.

Скажу больше. Так как мы до сих пор недостаточно критиковали эту партию, — а это происходит оттого, что многие из нас охотнее занимались *фракционными распрями* и кружковой дипломатией, — то

вред отчасти уже принесен: путаница отчасти уже проникла в умы пролетариев.

Главная особенность «трудовиков» состоит, как известно, в том, что они отказываются встать на точку зрения какого-нибудь одного класса. Это, по их мнению, слишком *узко.* Они одновременно стоят на *трех* точках зрения: 1) на точке зрения *крестьянства;* 2) на точке

зрения *пролетариата;* 3) на точке зрения *интеллигенции.* Это действительно *широко.* К сожалению, для политического деятеля, — даже для широчайшего политического деятеля, — так же невозможно стоять сразу на трех точках зрения, как одному купцу, — даже наиболее размашистому по своей натуре, — нельзя сразу ехать в трех каретах. Как ни бейся, а приходится сесть в какую-нибудь одну. Весь вопрос только в том, в *какую* карету, т. е. в *каком направлении* она катится и должна катиться по неотвратимой силе вещей, по непреодолимой логике общественных отношений.

В какую же карету садятся наши «трудовики»? Они уверяют, что в карету труда. Но эта одна «словесность»: такой кареты не бывает. Сказать «труд» и не прибавить при этом, какой труд, значит просто-напросто не *сказать ничего.*

Что такое труд? Труд есть деятельность, в процессе которой человек совершает известное, нужное для нею, изменение в предметах, данных природой или приготовленных его предыдущей производительной деятельностью. Иначе и короче: труд есть целесообразная деятельность для производства потребительных стоимостей. Но это отвлеченное определение. Оно имеет в виду процесс труда лишь как *отношение между человеком и природой.* Между тем производительная деятельность человека, — производство потреби тельных стоимостей, — непременно предполагает наличность известных *отношений между людьми в самом процессе производства.* По неоспоримому замечанию Маркса, для того, чтобы производить, люди должны вступать между собою в известные отношения. Эти отношения Маркс назвал отношениями производства. Только внутри и через посредство этих отношений производства,— или иначе: производственных отношений, — совершается производительное воздействие человека на природу, т. е. тот процесс труда, который имеется в виду данным выше отвлеченным определением. Как целесообразное воздействие на природу, как процесс производства потребительных стоимостей, труд есть, по словам того же Маркса, вечное, естественное условие человеческой жизни. Он необходим при *всякой* форме общественной жизни и потому не характеризует собою *ни одной* из них.

«Как по вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее сеял, так из этого процесса не видно, при каких условиях он совершается: под кнутом ли жестокого надсмотрщика над рабами, или под жадным надзором капиталиста; не видно, кто им занимается: Цинцинат ли, возделывающий свои два югера, или же дикарь, убивающий камнем животное» [1]).

Маркс насмешливо прибавляет, что на этом в высшей степени логическом основании известный английский экономист, полковник Торренс, открыл в камне дикаря зачаток капитала. Если бы Маркс дожил до наших дней, то он мог бы сказать, кроме тою, что на том же удивительном логическом основании наши «трудовики», — а еще раньше их «эсеры», — отождествили крестьянина с рабочим и провозгласили себя партией *труда* вообще, независимо от тех общественных отношений, — от тех отношений производства, — при которых он совершается.

А между тем в *этих отношениях все дело.* Отношения производства определяют собою все общественное устройство. С изменением производственных отношений более или менее быстро изменяются все общественные отношения людей, а также и все *общественные стремления.*

Поэтому тот, кто упускает из виду отношения производства, лишает себя всякой возможности правильно понять ход общественного развития. Это и делали наши «трудовики», как это делали раньше их «эсеры», а теперь делают члены «народно-социали-стической партии». Но они и не видят нужды в понимании хода общественного развития. *Понимание* заменяется у них *доброй волей,* главной носительницей которой является в их представлении передовая *интеллигенция.* Место передовой интеллигенции в триаде: интеллигент, крестьянин, наемный рабочий, определяется именно тем, что «доброй воле» «передовых интеллигентов» предоставляется устранение из общественной жизни тех экономических противоречий, которыми изобилует программа трудовой партии.

В производственных отношениях все дело. *Наемный рабочий* трудится при одних производственных отношениях; *крестьянин,*— т. е. так называемый трудовой крестьянин, т. е. мелкий сельский

производитель, не прибегающий к покупке чужой рабочий силы, — трудится при совершенно других отношениях производства. Этим обусловливается глубокое различие их общественного положения, а следовательно, и их классовых интересов. Классовый интерес наемного рабочего заключается в том, чтобы устранить капиталистические производственные отношения, т. е. те отношения, при которых средства производства принадле-

[1]) «Das Kapital», I Band, 3. Auflage, p. 163.

жат одному классу лиц, живущему эксплуатацией производителей. Наемный рабочий не может не стремиться к устранению капиталистического способа производства. Фактически он восстает против капитализма даже тогда, когда еще разделяет буржуазные предрассудки. Крестьянин не может не стремиться к упрочению или к восстановлению тех производственных отношений, при которых земля и другие средства производства составляют частную собственность или находятся во владении мелкого производителя. Правда, наш,— точнее *великорусский,* — «трудовой» крестьянин восстает теперь против частной собственности на землю или более или менее энергично, более или менее сознательно требует «уравнительного землепользования». Но что же такое это землепользование, если не своеобразный, — вследствие своеобразных исторических условий,— способ обеспечить мелкому сельскому хозяину владение мелким земельным участком? Наемный рабочий — *новатор* по своему общественному положению; трудовой крестьянин — *консерватор* или даже *реакционер* в силу *своего* положения. В этом смысле Маркс и Энгельс и написали в своем Манифесте, что крестьянин, подобно мелкому промышленному производителю, стремится «повернуть назад колесо истории». Мы переживаем теперь тот в высшей степени замечательный и, можно сказать, до крайности редкий исторический момент, когда крестьянское стремление «повернуть назад колесо истории» становится источником общественного прогресса. Потому крестьянин и должен быть поддержан партией, представляющей интересы класса новаторов по преимуществу, класса наемных рабочих. Но он должен быть ею поддержан именно в той мере, в какой

историческая диалектика делает его стремление повернуть назад колесо истории фактором прогрессивного развития. И, поддерживая его, к нему необходимо относиться с критикой, потому что его стремления и теперь отличаются *двойственным характером.* А «трудовая партия» ограничивается простой *идеализацией* его стремлений и, погрузившись в туман идеализации, совершенно забывает, как мы видели, о том, что вопрос не в труде, а в том, при каких производственных отношениях труд совершается.

Нынешние идеологи «трудового» крестьянства,— преимущественно из лагеря «эсеров»,— напоминают христианских апологетов новейшего, «ученого» типа. Как эти апологеты следят за движением научной мысли, чтобы найти в нем материал для подкрепления своих совсем не научных догматов, так идеологи «трудового» крестьянства следят за литературой научного социализма, чтобы выудить из нее несколько цитат в подтвер-

ждение своих утопических взглядов. Особенное удовольствие доставляют им цитаты, выуженные из сочинений Маркса. Известно, что эти люди «тоже» марксисты, поскольку они надеются, что Маркс поможет им опровергнуть... Маркса. Так, они любят цитировать те строки «Капитала», из которых, — конечно, с невероятными натяжками, но без натяжек апологетам обойтись нельзя, — как будто выходит, что Маркс отождествлял общественное положение крестьянина с положением наемного рабочего. Кто хоть немного усвоил себе дух марксова учения, тот понимает, разумеется, что это пустяки. Для Маркса крестьянин, — т. е. *современный* крестьянин, работающий при условиях *товарного производства,* — есть мелкий производитель, соединяющий в своем лице рабочего, мелкого капиталиста и землевладельца [1]). Правда, Маркс говорит, что в капиталистическом обществе мелкий крестьянин, продавая свой продукт, часто получает не полную его стоимость,— которая равнялась бы сумме трех частей, соответствующих, в силу тройственного характера самого производителя, во-первых, *заработной плате,* во-вторых, *прибыли на капитал* и, в-третьих, *поземельной ренте,* — а только часть этой стоимости. Крайним пределом является здесь, по словам

Маркса, часть, соответствующая заработной плате [2]). Это все так. Но в интересующем нас вопросе это ровно ничего не доказывает.

Капиталист, не получающий прибыли на свой капитал, не может быть доволен своим положением. Он стремится изменить его. Но каким путем? Путем ли устранения капиталистических отношений производства? Вовсе нет! Бездоходности капиталистического предприятия далеко недостаточно для того, чтобы капиталист сделался социалистом. То же — и с землевладельцем. Если его поземельная рента падает, то он старается поднять ее теми или другими путями, но совсем не отказывается при эти отстаивать тот общественный порядок, при котором существуют частное землевладение и поземельная рента. Наконец, то же приходится оказать о «трудовом» крестьянине, совмещающем в своем лице рабочего, капиталиста и землевладельца. Если его давит конкурен-

[1]) «Als Schranke der Exploitation für den Parzellenbauer erscheint einerseits nicht der Durchschnittsprofit des Kapitals, soweit er kleiner Kapitalist ist, noch andererseits die Notwendigkeit einer Rente, soweit er Grundeigentümer ist». («Das Kapital», III. Band, 2. Teil, p. 339 — 340.) Вандервельд, который, кстати сказать, никогда не был марксистом, тоже признает, что в лице крестьянина рабочий совмещается с капиталистом и землевладельцем. («Le socialisme et l'agriculture», Bruxelles-Paris 1906, p. 6.)

[2]) «Das Kapital», p. 340.

ция, то он старается так или иначе ослабить ее гнет и установить такие отношения производства, благодаря которым на его долю доставалось бы, при распределении общественного дохода, полная стоимость его продукта.

Пример — Соединенные Штаты Северной Америки. Там много «трудовых» ферме-ров, и эти «трудовые» фермеры не мало терпят от господства крупного капитала. Вызывает ли в них это последнее обстоятельство склонность к социализму? Нисколько! «Трудовые» фермеры шли в Greenback Party; потом они шли в People's Party; каждая из этих партий готова была делать большие уступки пролетариату, поддержка которого была нужна ей для борьбы с крупным капиталом; но о социализме в программе этих партий не было и не могло быть речи; «трудовому» фермеру нужно было не *устранение капиталистических отношений производства, а только известное видоизменение их.* Правда, к популистам (к «народникам»,

к People's Party) принадлежали также и последователи Генри Джорджа, т. е. *сторонники национализации земли.* Но это только лишний раз показывает, что стремление к национализации земли прекрасно уживается с совершенно буржуазными тенденциями. И заметьте: каждая из названных мною двух партий привлекала к себе много рабочих. Но и это не устранило буржуазного характера этих партий. Напротив, примыкавшие к ним рабочие сами проникались буржуазным духом. Впрочем, это не совсем точно. Рабочие, примыкавшие к ним, не были социалистами, т. е., значит, и раньше стояли на точке зрения буржуазии. Поэтому их участие в названных партиях привело собственно не к тому, что они прониклись буржуазным духом, а к тому, что *затеплился процесс избавления их от влияния буржуазных идей,* процесс развития их классового самосознания, переход на точку зрения социализма. Стало быть, участие рабочих в мелкобуржуазных партиях было вредно для дела их собственного класса. Это факт, который очень полезно запомнить русским пролетариям.

В книге Вернера Зомбарта: «Warum gibt es in den Vereinigten Staaten keinen Sozial-ismus» есть интересная глава: «Die Flucht des Arbeiters in die Freiheit» В этой главе изоб-ражается то влияние, которое имели поземельные отношения Соединенных Штатов на развитие само-сознания американского пролетария. Существование на американском Западе «свободной земли», на которой могли возникать, — и во множе-стве возникали, — «трудовые» фермы, вело к тому, что человек «труда» мирился с капитализмом, убаюкиваемый тою мыслью, что он сам может перестать грудиться на предпринимателя и сделаться самостоятельным

производителем. Зомбарт говорит: «Значение того факта, что американский капитализм развился в стране с огромною площадью terra libera, вовсе не исчерпывается определением числа тех лиц, которые в течение данного времени избавились от капиталистической зависимости поселившись на казенных землях. Тут надо принять во внимание, что уже одно сознание того, что он всегда может сделаться свободным крестьянином, должно было сообщать американскому

рабочему то чувство уверенности и спокойствия, которое чуждо европейскому рабочему. Всякое зависимое положение легче переносить тогда, когда человек воображает (im Wahne lebt), что в крайности он может из него выйти! Само собою ясно, что отношение пролетариата к задачам будущего устройства хозяйственной жизни должно было вследствие этого принять совершенно своеобразный характер. Возможность выбрать между капитализмом и некапитализмом (т. е. положением «трудового» фермера. — *Г. П.*) превращала всякое возникающее неудовольствие против существующей хозяйственной системы из активного в пассивное и лишала резкости всякую антикапиталистическую агитацию» [1]).

Бегство рабочего на свободу и заключалось, по словам Зомбарта, в том, что он избавлялся от капиталистической зависимости, становясь «трудовым» фермером. Возможностью такого бегства в значительной степени объясняется, как думает Зомбарт, тот факт, что, несмотря на гигантское развитие капитализма в Соединенных Штатах, там до сих пор не было сколько-нибудь сильной социалистической партии. Но площадь свободных земель все больше и больше уменьшается, предохранительный клапан закрывается все плотнее и плотнее, и потому Зомбарт думает, что в недалеком времени мы увидим широкое развитие американского социализма.

Это очень поучительно для России. Площадь тех свободных земель, которые могли бы избавить нашего рабочего от капиталистической зависимости, была бы очень не велика даже в том случае, если бы к ней присоединились все земли, принадлежащие теперь помещикам. Стало быть, *фактически* бегство рабочего на свободу могло бы принять лишь весьма небольшие размеры. Но в устах «трудовиков» возможность этого бегства приобретает колоссальные размеры; она делается основным мотивом той колыбельной песенки, с помощью которой они убаюкивают бессознательных рабочих, препятствуя им с полной ясностью понять свое пролетарское положение, свои пролетарские задачи. В этом

[1]) См. назв. сочинение, стр. 140.

и состоит главное отличие «трудовиков» от социал-демократов.

Влияние одних замедляет развитие классового сознания пролетариата; влияние других ускоряет процесс этого развития, доказывая рабочему, что и после революции капитализм отнюдь не перестанет быть капитализмом, а бегство наемного рабочего «на свободу» чаще всего останется лишь довольно нескладною мечтою. Но ускорение непримиримо с замедлением: одно исключает другое. Поэтому «примирение» между этими двумя партиями останется совершенно невозможным до тех пор, пока одна из них не откажется от своей точки зрения. Надеяться на это пока нет никаких оснований.

Борьба между «трудовиками» и социал-демократами неизбежна. Нужно только позаботиться о том, чтобы она не помешала им «вместе бить» тех, кого они могут и должны бить вместе.

Чтобы наша критика «трудовой» программы не помешала нам «вместе бить», мы опять-таки должны помнить, что метафизическое мышление приводит к нелепым результатам. Те из нас, которые всегда рассуждают по формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого», скажут, пожалуй: «Если terra libera одним фактом своего существования замедляет развитие пролетарского сознания, то мы должны высказаться против ее образования». Но если бы они захотели последовать этому своему выводу на практике, то они превратились бы в консерваторов и должны были бы петь хвалебные гимны казацкой нагайке, внушающей крестьянам уважение к правам крупных землевладельцев. Нечего и говорить, что подобное превращение совсем нежелательно. Положение дел у нас теперь таково, что крестьянская «тяга к земле» непременно должна быть поддержана представителями сознательного пролетариата. Но поддерживать ее вовсе не значит относиться без критики ко всему тому, что сказали и могут еще сказать по ее поводу гг. «трудовики», эсеры» или члены «народно-социалистической партии».

IV

В приложении к «Речи» от 14 июля текущего года была напечатано интересное письмо на имя «членов Государственной Думы» от 150 крестьян Ставропольской губернии. Авторы письма рекомендовали Думе отстаивать следующую программу:

1) Разрушить средостение между государем и Государственной Думой. Пусть будет государь и Государственная Дума, и вы нам дадите и землю, и волю.

210

2) Отменить военное положение и установленную охрану.

3) Отменить смертную казнь.

4) Требуйте от правительства полную амнистию.

5) Осуществить манифест 17 октября 1905 г., пункт 9-й установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

6) Требуйте всеобщего права без исключения иноверцев и инородцев.

7) Требуйте отчуждать земли казенные, удельные, государственные, абинетские, монастырские, церковные и помещичьи, земли чтобы эти перешли в пользование крестьян, т. е. всему рабочему населению, потому что эти земли не должны быть отданы в пользование какому-либо одному лицу, которое ее сам не обрабатывает, а землей должен пользоваться весь рабочий народ, который сам своим трудом обрабатывает, он своей кровью приобрел себе эту землю, и доныне народ охраняет эти земли, А помещики отчуждали много земли от крестьян из крепостного права. А куда же девалась крестьянская земля? Овладели помещики, и называют ее своей собственной и неприкосновенной. Нет, неприкосновенная собственность не земля, а имущество разного рода, например, движимое имущество, товары разного рода, животные и всякая монета, это есть чужая и неприкосновенная собственность. Помещики скажут, землю, которою мы владеем, нам заслужили отцы и праотцы. Да, господа, действительно, это правда. Да почему же нам наши отцы и праотцы не заслужили, ведь и наши же отцы не меньше ваших крови пролили, и хотя бы они и заслужили, то правительство сказало бы: не имеете права пользоваться заслуженными отцовскими знаками, то также не имеют права пользоваться заслуженной отцовской землей. Надо солдатиков давать, надо границу держать, а ты откуда солдатиков

возьмешь, когда ты сам один душой живешь, а земли у тебя 200 — 300 десятин, а ведь от количества земли надо солдатиков давать» Программа эта в высшей степени характерна для настроения крестьянской массы. Она показывает, во-первых, в какой мере целесообразна «большевистская» тактика, направленная на немедленные «активные выступления» ради известных политических лозунгов (см. § 1 программы). Не менее ясно показывает она, до какой степени ошибаются те «трудовики» или «их братья — «эсеры» и члены народно-социалистической партии, — которые, позабыв о характерных для «трудового» крестьянина производственных отношениях, искренне готовы ото-

ждествить такого крестьянина с наемным рабочим. «Трудовые» авторы письма обеими ногами стоят на точке зрения «трудовиков»: они требуют, чтобы земли казенные, удельные, государственные, кабинетские, монастырские, церковные и помещичьи перешли в пользование всего рабочего населения, при чем «эти земли не должны быть отданы в пользование какому-либо одному лицу, которое ее само не обрабатывает, а землей должен пользоваться весь рабочий народ, который сам своим трудом обрабатывает, он своею кровью приобрел *себе* эту землю, и доныне народ охраняет эти земли». Вы видите, что «трудовой принцип» применяется тут как нельзя более последовательно. Под него подводится даже факт *завоевания земли* («рабочий народ своею кровью приобрел эту землю»), и уже последнее обстоятельство должно заставить нас усомниться в том, что логика этого знаменитого принципа ведет к *устранению,* а не к возникновению капиталистических отношений производства. И она в самом деле совсем не ведет к нему. «Нет, — говорят авторы письма, — неприкосновенная собственность не земля, а имущество разного рода, например, движимое имущество, товары разного рода, животные и всякая монета, это есть чужая и неприкосновенная собственность». Как видим, писавшие письмо русские «трудовые» крестьяне рассуждают подобно тем американским фермерам, которые, в своей оппозиции крупному капиталу, доходят до требования *национализации земли,* становятся последователями Генри Джорджа. Товары

и всякая «монета» составляют в их глазах «неприкосновенную собственность». Они — за товарное производство, а еще Маркс показал, что внутренняя логика *товарного* производства неизбежно ведет к возникновению *капиталистических* производственных отношений. И это легко понять. Если «трудовым принципом» можно освятить факт *завоевания* земли «рабочим народом», то нет ничего естественнее, как оправдывать, опираясь на него, *эксплуатацию чужого труда.* То, что создано моим трудом, принадлежит мне. Мне же принадлежит и то, что получено мною в обмен на продукт моего труда, например: «монета» («чужая и неприкосновенная собственность»). Но если мне принадлежит «монета», то мне же принадлежит и тот *товар* (тоже, как мы знаем, «неприкосновенная собственность»), который я получу в обмен на свою «монету». Если это так, — а ведь это вне всякого сомнения так, — то легко видеть, какие же социальные последствия явятся тогда, когда товаром, приобретаемым мною в обмен на мою «монету» и составляющим мою «неприкосновенную собственность», окажется *чужая рабочая сила:* я, «трудовой крестьянин», сяду верхом на моего брата — пролетария. А ведь осуще-

ствление программы «трудовиков» вовсе не обеспечивает нас от появления на рынке товара — рабочей силы. И ввиду этого совсем непонятно, каким же образом могут они отождествлять положение «трудового крестьянина» с положением наемного рабочего. Как могут они забывать о неумолимой внутренней логике товарного производства?

Они не забывают о ней; они просто-напросто отмахиваются от нее с помощью... интеллигенции. Как я уже сказал выше, интеллигенция потому и ставится ими в одну шеренгу с наемными рабочими и трудовым крестьянином, что они видят в ней чудодейственный социальный аппарат, способный, к общему удовольствию и в интересах справедливости, разрешить самые неразрешимые противоречия экономической жизни. Интеллигенция повлияет на «трудового крестьянина», она воспитает его в духе ассоциации, а воспитанный в таком духе «трудовой» крестьянин станет стремиться уже не к капитализму, а к социализму. Утопическая фантазия чрезвычайно легко оправляется со всевозможными экономическими трудностями.

Жаль только, что жизнь, в свою очередь, не считается с утопической фантазией. Ассоциации, довольно многочисленные теперь в среде западного крестьянства, конечно, приведут к *социализму,* но пройдя предварительно через *капиталистическую* фазу. Это признают теперь в западноевропейском социалистическом мире даже «критики Маркса», например, цитированный выше Э. Вандервельд.

Отмечу здесь еще, что письмо ставропольских «трудовых» крестьян очень хорошо подтверждает сказанное мною в другом месте об историческом происхождении нынешнего взгляда великорусских крестьян на поземельную собственность. «Господа» потому не имеют права на землю, что размеры их землевладения не соответствуют числу тех «солдатиков», которых они могут «давать» за нее государству. Это взгляд Московской Руси, лишь несколько видоизмененный под влиянием развития товарного производства. Я был совершенно прав, говоря, что когда крестьянин требует отобрания земли у помещиков, то он bona fide и не без исторического основания считает себя не революционером, а защитником и восстановителем старинных экономических основ нашего государственного быта. Он тоже стремится «повернуть назад колесо истории».

Теперь наша общественная жизнь так усложнилась, что если бы крестьянину удалось осуществить свое стремление, то этим самым он сообщил бы механизму поступательное, а не попятное движение. Но это уже вопрос другой, самое существование которого показывает, однако, что стремления современного русского крестьянства имеют *двойствен-*

ный характер и что, ввиду их двойственного характера, пролетариат не может сочув-ствовать ему без весьма пространных оговорок.

Критике этих стремлений препятствует туман, заволакивающий собою экономические представления «трудовиков». И чем больше сгущается этот вредный туман, тем более отрадный вид приобретает то ближайшее будущее, которое сулят «трудовики» «трудовым» крестьянам и наемным рабочим. Всякий, желающий заняться земледелием, получает земельный участок. Это очень хорошо. Но еще покойный Энгельгардт,— постоянный сотрудник тех «Отечественных

Записок», на страницах которых подвизался великий «теоретик» народничества, г. В. В., — весьма справедливо заметил, что землю есть нельзя, а надо ее обрабатывать; для обработки же нужны средства, которые, как уже известно, имеются далеко не у всякого, желающего «трудиться». Это очень плохо. Однако этим не надо смущаться: государство дает всякому, желающему «сесть на землю», средства, необходимые для «трудового» земледелия. Это опять очень хорошо. Но тут невольно вспоминается вопрос, который Санчо Панса задал некогда Дон Кихоту: «На какие деньги живут странствующие рыцари?» Этот прозаический вопрос поставил поэтического рыцаря в большое затруднение: он не предусмотрел его, занимаясь разработкой своих упоительных планов. Я думаю, что и «трудовики» затруднятся дать обстоятельный ответ на прозаический вопрос о том, откуда возьмет государство деньги для снабжения ими всякого, желающего взяться за «трудовое» земледелие.

Государство может дать гражданам только те средства, — вернее, только *часть* тех средств, — которые оно берет у них. Стало быть, средства, необходимые для поддержания «трудового» земледелия, придется добывать путем налогов. Кого же будет облагать государство? Крупных землевладельцев? Но после осуществления программы «трудовиков» от крупных землевладельцев останется лишь более или менее приятное воспоминание. Значит, придется обложить: *во-первых,* тех же «трудовых» *земледельцев; во-вто-рых,* лиц «трудящихся» в области промышленности и торговли. Что касается первых, то они могут помириться, — хотя я не уверен в том, что помирятся, — с налогом, берущим средства у людей, уже занятых земледелием, и дающим их тем лицам, которые только собираются «убежать на свободу». Если они помирятся с таким налогом, — в чем, повторяю, вполне позволительно усомниться,— то с этой стороны дело пойдет гладко. Земледельческая Россия составит нечто вроде гигантского общества взаимного страхования. Действительных и возможных земледельцев от неблагоприятных шансов

товарно-капиталистического производства. А что сказать о людях, занимающихся промышленным трудом? Обложат ли и их в пользу

«трудового» земледелия? И если да, то кого же именно? Одних ли «трудовых» предпринимателей [1]) или также и «трудовых» рабочих? Что касается капиталистов, то я готов головой выдать их «трудовикам». Но я боюсь, что с них много не возьмешь и что придется облагать наемных рабочих. А это уже опять плохо. Облагать *пролетария* для поддержки *мелкого самостоятельного производителя* значит совершать акт и несправедливый (а ведь «трудовики» так часто и так охотно апеллируют к справедливости!), и реакционный par excellence. И, разумеется, все представители сознательного пролетариата должны будут самым энергичным образом восстать против такого обложения.

Логика хороша везде, — даже и в несправедливости. Если облагать пролетария для поддержки мелкого самостоятельного производителя, то я не понимаю, почему надо облагать его только в интересах «трудового» земледельца, но не в интересах «трудового» сапожника, «трудового» портного, «трудового» булочника, «трудового» гробовщика и т. п., словом, почему не обложить пролетария также и в пользу всех мелких мещан промышленного труда? Почему не провозгласить, что справедливость требует, чтобы пролетарий, трудящийся на крупного буржуа, потрудился также и на мелких?

V

«Трудовики» очень милые люди: они возразят мне, добродушно улыбаясь: «пролетариев мы совсем избавим от налогов». И тут я опять вынужден буду воскликнуть: это очень хорошо! Но в таких вопросах одной доброты мало. Поэтому я спрошу: от каких налогов избавите вы, господа, пролетариев? Если от *прямых,* то это немного: сам г. Витте не ухитрился бы обложить прямым налогом пролетариев, как таковых. От *косвенных* же налогов очень трудно избавить пролетария е буржуазном государстве, и мы имеем полное право предположить, что «трудовая» партия не сумела бы, при данном состоянии производительных сил России, совсем уничтожить косвенные налоги даже в том случае, если бы она была у власти. При существовании же косвенных налогов пролета-

[1]) Термин «трудовой» оказывается иногда очень растяжимым. Несколько

месяцев тому назад одно весьма и весьма,— как сказал бы Гоголь, значительное лицо, в своем обращении к съезду доблестных российских дворян, назвало его съездом *«трудового дворянства».*

риат будет весьма серьезно заинтересован в том, чтобы государство не брало денег из его кармана для культивирования «трудового» сельскохозяйственного мещанства. А это значит, что осуществление того пункта программы «трудовиков», который обещает государственную помощь всем тем, которые захотели бы посвятить себя «трудовому» земледелию, грозит привести интересы «трудовых» земледельцев в непосредственное противоречие с интересами пролетариев. Идеологи пролетариата обязаны поставить это на вид рабочим.

Как ни верти программу «трудовиков» (а также и «эсеров», а также и народно-соци-алистической партии), ее мелкобуржуазная природа не может не броситься в глаза всякому логически мыслящему человеку, и по этому поводу я позволю себе сделать маленькую экскурсию в область истории русской литературы.

Славянофилы вели когда-то с западниками ожесточенный спор о том, каким путем должно пойти культурное развитие России. В эпоху Белинского, К. Аксакова, И. Тургенева, Хомякова опор этот имел чисто философский, отвлеченный характер. Но уже у И. Аксакова отвлеченные положения славянофильства в значительной степени переводятся на язык политической экономии и получают *буржуазный* оттенок. Городу, испорченно-му «гнилью» Запада, противопоставляется у него «село с его фабрикой и кустарными промыслами». Народники, которых тот же И. Аксаков очень метко называл непоследова-тельными *славянофилами,* продолжали противопоставление села городу, в котором они видели создание капиталистической культуры, но они уже поняли, что сельская фабрика есть такое же капиталистическое предприятие, как и городская. Поэтому они идеализировали, как представителей «народного» способа производства, крестьян и кустарей до «мастерков» включительно. Крупнобуржуазные тенденции И. Аксакова приняли у народников *мелкобуржуазный* характер [1]). Теоретики народничества были *идеологами мелкой буржуазии по преимуществу.* И такими же идеологами являются нынешние «эсеры»

и вожаки «народно-социалистической» партии. Разница между ними лишь в частностях, определяемых большею или меньшею примесью утопизма. Но по «нынешнему времени» даже и утопизм должен придать себе, по крайней мере, внешность научного социализма. Поэтому являются заимствования у теоретиков социал-демократии. Однако и тут дело не обходится без «закавык». У истинных теоретических представителей соц.-демократии удается раздобыть

[1]) Я разумею наших легальных народников, г. В. В. и К°.

в интересах апологетики очень мало: разве лишь несколько цитаток, неясно передающих ясное учение Маркса. Поэтому приходится обращаться к *правому* крылу социал-демократической партии, заимствовать премудрость у Бернштейна, Давида и братии. «Социалистические» идеологи нашей мелкой буржуазии выдают себя за крайних революционеров, а в теории, — особенно в аграрном вопросе, — хватаются за фалды социал-демократического оппортунизма. Какая злая ирония исторической судьбы!

Так закончился старый, великий спор славянофильства с западничеством. Нынешние представители западничества стали на точку зрения *рабочего класса,* нынешние представители народничества стали на точку зрения *мелкой буржуазии.* Пока славянофильские тенденции выражались языком Гегеля, в них оставалось чрезвычайно много неясного; когда же они стали подкрепляться доводами, заимствованными у Давида и Бернштейна, они стали прозрачны, как стекло. Нельзя не порадоваться столь большому прогрессу...

Но с нас довольно утопий! *Реакционные* же сугубо противны нам потому, что нам давно уже набила оскомину реакция во всех ее видах. Мы будем решительно отвергать все то реакционное прожектерство, которое гнездится в программах наших мелкобуржуазных партий. Но пусть их не вводит в заблуждение наша критика. Тем энергичнее будем мы поддерживать их там, где они явятся действительно передовыми в своей борьбе с бюрократией, с «последышами» поместного сословия и с прочими темными силами.

И чтобы доказать им наше расположение, я в заключение дам их

приверженцам дружеский совет: господа, помните, что «трудовой» крестьянин прежде всего *хозяйственный* человек. Г-н Петрункевич сообщил на Гельсингфорсском съезде, что «в ту самую ночь, когда в государственной типографии печатался указ о роспуске Государственной Думы, 40 человек крестьян, входящих в «трудовую» группу, с присоединением к ним 20 беспартийных крестьян, подписали протокол об образовании особой — крестьянской — группы, которая по своим взглядам гораздо ближе стояла к конституционно-демократи-ческой партии, чем к трудовой» [1]). Как вы думаете, господа, почему произошло это? Очевидно, *деревенские «трудовики»* пришли к тому заключению, что *«трудовики» «трудовой» партии* недостаточно *обстоятельный* народ. Caveant consules!

[1]) «Товарищ», № 74.

После мелкой буржуазии, — как той, которая в самом деле трудится в процессе производства, так и той, которая трудится, главным образом, над идеализацией этой последней, — естественно было бы перейти к тому пролетариату, с которым она хочет «родною счесться», — к тому пролетариату, над которым теперь происходит суд в Петербурге. Этот суд обнаружил в высшей степени интересные факты и вызвал некоторые в высшей степени замечательные и симптоматичные явления. Эти явления еще и еще раз показывают, что сознательные представители пролетариата должны и могут теперь вырваться из узких щелей *кружковщины* и пуститься в широкое море *массового движения.* Но — увы! — не все те, которые берут на себя представительство интересов пролетариата, отличаются сознательностью. То, что некоторые из них пишут теперь *против рабочего съезда,* не раз заставляло меня с горечью восклицать: да какие же это представители пролетариата?! Это так, междометия какие-то! Но о писаниях этого рода я поговорю частью в другом месте, а частью, может быть, и здесь, но в другой раз.

Письмо второе

Год тому назад умер наш «старый порядок», и родилась наша «конституция». Покойник отличался столь крупными свойствами, что искренно жалеть об его смерти не могли даже люди охранительного

образа мыслей; искренне пожалели о нем только те его «верные слуги», которым он приносил *непосредственную* материальную пользу, которые могли, благодаря царившему в нем бесправию, безнаказанно обирать «вверенное им» население. Российские *обыватели,* ставшие вдруг *гражданами,* преисполнились радости. Но известно, что радость их была непродолжительна, потому что новорожденная «конституция» очень скоро после своего появления на свет стала обнаруживать совершенно такие же крупные свойства, которые в высокой степени свойственны были ее почившему предшественнику, и даже гораздо более крупные. Тут повторилось то, что произошло по смерти царя Соломона. Помните Библию? «Тогда Иеровоам и все собрание израильтян пришли и говорили (новому царю) Ровоаму, и сказали:

«Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе.

«И сказал он им: пойдите и через три дня опять прийдите ко мне. И пошел народ».

Через три дня Ровоам, подчинившись влиянию молодых советчиков, «отвечал народу сурово».

«И говорил он по совету молодых людей и оказал: отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше: отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами».

Библейский рассказ поясняет: «ибо так суждено было господом»

Я не знаю, изрек ли кто-либо какое-нибудь «слово» по поводу чашей «конституции»; очень возможно, что «слово» было произнесено, например, Д. Треповым, сыном Федоровым, но, как бы то ни было, факт во всяком случае тот, что наша «конституция» оказалась много

свирепее нашего «старого порядка» и что если он наложил на нас тяжкое иго, то она увеличила иго наше; если он наказывал нас бичами, то она наказывает нас скорпионами.

Ровоамов либерализм, — как сказал бы г. Столыпин, — очень не понравился народу: «и разошелся Израиль по шатрам своим» и отложился от Ровоама. Словом, вышло совсем не так, как того хотели

«либеральные» советники Ровоама: сии жестоко ошиблись в расчете.

Не нравятся и русским гражданам те скорпионы, которыми наказывают их теперь наши «конституционные» министры. И они тоже «расходятся по шатрам своим» и принимают посильные меры к тому, чтобы избавиться от скорпионов. И весь вопрос заключается теперь в том, насколько целесообразными окажутся в свою очередь те меры, которые они придумывают в своих «шатрах».

В прошлый раз я говорил о мерах, придуманных на кадетском съезде в Гельсингфорсе. Теперь мне хочется поговорить о том, что могли бы и долины были бы делать люди, собирающиеся в «шатре» пролетариата.

Мне хочется говорить на основании того, что уже было сделано ими с того времени, когда скончался наш «старый порядок» и началась «конституционная» эра.

Что же собственно сделали они в течение этого, столь богатого событиями, года?

Сделано было не мало. К сожалению, далеко не все то, что они сделали, может быть одобрено с точки зрения защищаемых ими интересов. Выражусь решительнее, скажу откровенней и резче: они сделали много такого, чего они не должны были делать и чего они, наверное, не сделали бы, если бы умели сообразовать свои средства со своею целью. Это очень печальная истина, но это — истина, и ее необходимо высказать для пользы дела.

Маркс говорит в своей книге «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», что «революции пролетариата постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к по-видимому уже сделанному, чтобы еще раз начать сначала; жестоко, основательно осмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток». Эти слова относятся у Маркса к первым попыткам пролетариата добиться своего освобождения от гнета *капиталистических* отношений. Но их можно применить и к попыткам, совершаемым им там, где ему приходится,— как у нас в России, — выступать в качестве передового борца за политическую свободу. По крайней мере, ему

следовало бы, ему очень полезно было бы почаще подвергать беспощадной критике свои действия и жестокой насмешке — слабые стороны этих действий. Критиковать себя вообще очень полезно [1]).

Еще более полезна самокритика *для пролетариата, проходящего первые ступени своего развития.* Такой пролетариат решительно не может обойтись без услуг многочисленных «интеллигентов». Оказывая ему услуги, многочисленные «интеллигенты» приобретают решающее влияние на все его действия. *Тактика пролетариата на первых ступенях его развития всегда оказывается в сущности тактикой интеллигенции.* А эта тактика далеко не всегда соответствует тому, что составляет задачу рабочего класса, как такового. В этом отношении история Франции дает не мало поучительных примеров.

Уже к концу тридцатых годов прошлого века французское революционное движение было почти исключительно пролетарским. Но хотя оно и было таковым, приемы и тактика его участников имели в себе очень мало пролетарского. Эта тактика и эти приемы были тактикой и приемами *заговорщиков.* В чем же состоит отличительная черта такой тактики и таких приемов? Для характеристики их мне уже не раз случалось ссылаться на авторитетное свидетельство Энгельса, который жил во Франции в период, непосредственно предшествовавший февральской революции, и хорошо изучил психологию тогдашних французских заговорщиков. «Само собой понятно, — говорил Энгельс, — что заговорщики не ограничивались организациею революционного пролетариата; они стремились именно к тому, чтобы опередить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было налицо необходимых для нее условий». Так как не от них зависело создать эти пока еще отсутствовавшие условия, то для ускорения революционного процесса развития они направляли свои усилия в ту сторону, которая целиком зависела or их планомерного воздействия. Они сосредоточивали свое внимание на измышлении наилучшей *организации заговора.* Энгельс называет их алхимиками революции и прибавляет, что им свойственны были такая же путаница понятий и такая же ограниченность взглядов, какими отличались алхимики доброго старого времени. «Они старались делать

[1]) «Критики» Маркса оконфузились не тем, что они были *критиками,* а тем, что их критика была огромнейшим шагом назад в истории социалистической мысли. *Такая* критика восстает не против *слабых,* а против *сильных* сторон учения, вследствие чего она сама представляет слабую сторону и заслуживает жестокой насмешки.

открытия, которые должны были совершить революционные чудеса: взрывчатые снаряды, адские машины магической силы, восстания, которые должны были действовать тем сильнее и удивительнее, чем менее у них было разумного основания». Энгельс называет заговорщиков этого рода *офицерами уличных восстаний,* и они действительно были такими офицерами, причем, — надо сказать это к их чести, — они в большинстве случаев обнаруживали поистине геройскую храбрость. Но если бы храбрости достаточно было для победы над неприятелем, то было бы совершенно непонятно, почему терпят поражения в своих войнах с цивилизованными народами дикие племена, отличающиеся обыкновенно безупречным мужеством. Тайна их поражения заключается, как известно, в том, что их боевые силы бесконечно слабее вооруженной силы цивилизованных народов. Приблизительно таково же было отношение боевых сил французских заговорщиков к вооруженной силе того государства, с которым они боролись. Вот почему заговорщики, несмотря на весь свой героизм, были заранее осуждены на постоянные поражения. И эти их поражения были также и поражениями рабочего класса, потому что первоначально сознательные рабочие, как я уже сказал, выступали под руководством заговорщиков и целиком усваивали себе все их воззрения и все их привычки. И только под влиянием этих беспрерывных поражений в рабочем классе начало возникать смутное понимание того, что тактика заговорщиков для него совсем не подходит. Но зато, чем больше выяснялось это понимание, тем более падало влияние заговорщиков и тем более росло влияние тех тайных рабочих обществ, которые ставили себе целью не непосредственное восстание, а *организацию сил рабочего класса и развитие его самосознания.* И чем больше росло влияние рабочих обществ *этого рода,* тем неустойчивее становилось положение существовавшего тогда во Франции политического порядка, тем быстрее приближалась та революция, к которой так усердно и так безуспешно стремились самоотверженные, но неразумные алхимики революционного дела. Те

приемы борьбы и та тактика, на которые эти алхимики смотрели, как на измену революции, на самом деле составляли необходимое условие ее торжества.

Итак, на первых ступенях политического развития пролетариата самокритика необходима ему, в особенности для того, чтобы понять слабые стороны интеллигентской тактики. Чем скорее обнаруживается перед ним ее несостоятельность, тем более приближается он к победе.

222

События того года, который протек со времени приобретения российскими гражда-нами их своеобразной конституции, дали чрезвычайно много материала для суждения о том, в какой мере соответствовала у нас положению дел тактика людей, являвшихся представителями интересов пролетариата. В сторону такого суждения и должна быть направлена у нас *пролетарская самокритика.*

Главная отличительная черта тактики наших «интеллигентных» руководителей пролетариата состояла в том, что она далеко не соответствовала силам, находившимся в их распоряжении. Она целиком основывалась на страшном, невероятном преувеличении этих сил. В цитированной выше книге Маркс говорит, характеризуя французскую демократическую партию: «Никакая партия не преувеличивала в такой мере своих средств, как партия демократическая, и никакая другая партия не обольщала себя столь легкомысленно относительно своего настоящего положения, как она. Когда часть армии подала за нее свой голос, Гора уже вообразила, что армия поднимается за нее на мятеж». К сожалению, теперь приходится сказать, что в продолжение истекшего года никакая партия не преувеличивала в такой мере своих средств, как та, которая стояла на точке зрения интересов рабочего класса. Интересно, что даже по отношению *к армии* она, насколько это зависело от нее, повторила печальную ошибку старых французских демократов. На этот счет я мог бы привести не мало поучительных примеров, но я предполагаю их известными, а кто их не знает, тому я рекомендую книгу «Москва в декабре 1905 г.». (Москва, 1906 г.): она как нельзя лучше удовлетворит его любопытство. Я не стану заниматься здесь вопросом о том, почему российские социал-демократы,

— по крайней мере, в лице *некоторой своей части, — повторили ошибки* французских *буржуазных* демократов конца сороковых годов. Это завело бы меня слишком далеко. Я только скажу, что и там, и тут, и в среде французских *буржуазных* демократов указанного времени, и в среде российской *социальной* демократии, задавала тон *интеллигенция* и что в этом обстоятельстве и надо искать ответа на вопрос о том, почему произошло то, чего ожидать, казалось бы, вовсе не следовало, т. е. почему российские социал-демократы отчасти уподобились французским буржуазным демократам. Но пояснять это, распространяться об этом мне здесь невозможно, да и нет нужды. Для моей цели достаточно выяснить себе, чем обусловливался только что отмеченный мною коренной недостаток тактики наших социал-демократических интеллигентов. И тут я должен вернуться к психологии так метко

характеризованных Энгельсом французских офицеров уличных восстаний. Напомню читателю мимоходом, что эта была тоже психология интеллигенции по преимуществу, хотя между «офицерами» было много рабочих.

Мы уже знаем, что эти люди стремились «опередить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было налицо необходимых для нее условий». Но кто стремится опередить революционный процесс развития, тот, естественно, настраивает себя так, что лишается способности правильно оценить значение совершающихся перед его глазами событий. Он теряет политический «глазомер» и принимает за *окончание процесса* развития то, что на самом деле является *одной из промежуточных его фаз.* А кто теряет политический глазомер, тот, опять-таки весьма естественно, склоняется к преувеличению своих сил и средств.

Как происходит это в действительности, наглядно показывает история истекающего года. Очень многие из наших социал-демократов считали, как известно, нужным «бойкотировать» Думу. Как же защищали они свою точку зрения? Чтобы показать это, я сошлюсь на «большевика» П. Орловского, на которого мне однажды уже приходилось ссылаться.

П. Орловский напечатал в «Нашей Мысли» статью «Государственная Дума», резко критикуя тот закон, на основании которого Дума созывалась. У него выходило так, что раз этот закон неудовлетворителен, то не следует участвовать в выборах. И чтобы пояснить это, он утверждал, что народ требовал «созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права», а ему ответили сначала законом 6 августа, а потом очень мало изменившим дело законом 11 декабря. На эту аргументацию П. Орловского я еще в феврале 1906 г. возражал следующим образом.

«Если бы это было так, то наше участие в выборах в самом деле было бы совершенно излишне и даже очень вредно. Тогда можно было бы только удивляться тому, что народ, требовавший Учредительного Собрания, принимает участие в выборах в Думу. *Но ведь это не так.* П. Орловский принимает *свое желание за действительность.* Он хотел бы, чтобы весь народ требовал Учредительного Собрания, и ему начинает казаться, что весь народ в самом деле его требовал. Это *психологическая аберрация.* И на этой-то психологической аберрации строится тактика бойкота выборов. Судите же сами, может ли быть правильным Политическое действие, основанное на психологической аберрации.

224

«В действительности Учредительного Собрания требовал далеко не весь народ... И наша реакционная бюрократия делает все, от нее зависящее, для того, чтобы заставить народ потребовать Учредительного Собрания. И в народе все больше и больше развивается настроение, из которого может выйти такое требование. Но именно только *развивается.* Это целый процесс, и мы еще не в конце его: мы даже, пожалуй, еще не в середине, но мы можем значительно ускорить его своими действиями, к числу которых принадлежит и участие в выборах»...

Я беру эти строки из своей статьи о выборах в Думу. Когда появилась эта статья, она вызвала целый взрыв негодования среди единомышленников П. Орловского и, — это само собой разумеется, — среди наших «эсеров», имеющих со мною очень-очень старые литературные счеты. Один «эсеровский» публицист, — у которого еще

не зажил рубец от раны, нанесенной ему мною в опоре об аграрном вопросе, — ехидно обозвал меня *кадетообразным* социал-демократом. По свойственной мне кротости, я совсем не отозвался на эту последнюю выходку, заранее хорошо зная, что время с неотразимой ясностью обнаружит полную справедливость моих слов. И оно в самом деле обнаружило ее с неотразимой ясностью.

Я уже не говорю о том, что весною нынешнего года правильность моего отрицательного взгляда на «бойкот» была признана верховной инстанцией российской пролетарской партии; приговор этой инстанции кажется мало убедительным единомышленникам П. Орловскою; еще менее убедителен он,— как это само собою разумеется, — для гг. «эсеров». Но у меня есть другое, хотя и косвенное признание. Передо мною лежит брошюра «Роспуск Думы и задачи пролетариата», вышедшая из-под пера самых «твердокаменных большевиков». И в этой брошюре я, к удовольствию своему, нахожу следующие весьма значительные строки: «Народ, т. е. широкие массы населения, еще не дорос в массе своей до сознательной революционности к 1906 году. Сознание невыносимости самодержавия стало всеобщим, сознание негодности правительства чиновников — тоже, сознание необходимости народного представительства — тоже. Но непримиримости старой власти с *властным* народным представительством народ еще не мог сознать и прочувствовать. Ему нужен еще был, как оказалось, особый для этого опыт кадетской Думы» [1]).

[1]) Названная брошюра, стр. 2 - 3.

Итак, *«оказалось»,* что народу был нужен опыт кадетской Думы. А если опыт этот был нужен, то представители пролетариата должны были принять в нем участие. А если они должны были принять в нем участие, то им не следовало «бойкотировать» Думу. А если им не следовало «бойкотировать» Думу, то не прав был П. Орловский, советовавший «бойкотировать» ее, и прав был я, находивший «бойкот» большой политической ошибкой. Наконец, если не прав был П. Орловский, а прав был я, то справедливо было бы сознаться теперь: *«оказалось»,* что мы напрасно нападали на г. Плеханова; но «оказалось», что автор

цитируемой мною брошюры не захотел признаться в этом. Даже больше того: он не только умолчал об этом, но имел развязность утверждать, что правы были «большевики», единомышленники П. Орловского. А меня он отнес к числу «не очень стойких социал-демократов». Я не могу решить, чего собственно недостает этому, очевидно «стойкому» человеку: логики или чего другого.

Когда я высказал ту мысль, — бывшую, как «оказалось», справедливой, — что бойкот Думы составляет политическую ошибку, я опирался, главным образом, на то соображение, что самым надежным учителем массы является ее собственный опыт, которого никогда не заменят никакие прокламации и никакие резолюции. Я говорил, что убеждение в преобладающем значении опыта для дела политического воспитания массы в свою очередь опирается на материалистическое объяснение истории, основное положение которого гласит: не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. В своей полемике с единомышленниками П. Орловского я не раз повторял этот главный свой довод и, когда я повторял его, я знал, что в этом случае я остаюсь верным духу научного социализма. Но в то время у меня все-таки не было *осязательного* доказательства того, что я действительно верен ему. Теперь у меня есть такое доказательство:

В только что вышедшей книге «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere», вообще содержащей в себе много чрезвычайно интересного материала, находится несколько писем Энгельса, имеющих прямое отношение к социал-демократической тактике. И я с удовольствием вижу, что Энгельс говорил об этой тактике почти теми же самыми словами, какими говорил о них я в своем споре с большевиками. Вот, например, что писал Энгельс в январе 1887 г. г-же Вишневецкой, — американке, вышедшей замуж за русского эмигранта и пере-

ведшей на английский язык знаменитую книгу «Die Lage der arbeitenden Klassen in Eng-land», — о тогдашнем движении американского пролетариата:

«Американское движение, особенно в настоящий момент, лучше

всего видно с другого берега океана [1]). На месте его размеры скрадываются дачными дрязгами и местными распрями. Его рост может быть задержан только упрочением [2]) разногласий в виде сект. До известной степени это неизбежно, но чем меньше, тем лучше. И немцы [3]) должны как можно больше избегать этого. Наша теория есть учение о развитии, а не догма, которую можно выучить наизусть и повторять механически (Our theory is a theory of evolution, not a dogma to be learnt by heart and to be repeated mechanically). Чем меньше она будет навязываться американцам извне и чем более они испробуют ее на собственном опыте, — при содействии со стороны немцев, — тем глубже она войдет им в плоть и кровь. Когда мы весною 1848 г. вернулись в Германию, мы примкнули к демократической партии, видя в этом единственное средство приобрести влияние на рабочий класс (as the only possible means of gaining the ear of the working class); мы были самым передовым крылом этой партии, но все-таки ее крылом. Когда Маркс основывал Интернационал, он формулировал основные положения его устава таким образом, что все рабочие-социалисты (all working class socialists) того периода могли на них объединиться: последователи Прудона, Пьера Леру и даже более передовая часть английских тред-юнионов; и только благодаря такой широте формулировки Интернационал стал тем, чем он был: средством разложения и поглощения всех этих меленьких сект, за исключением анархистов, внезапное выступление которых в различных странах было лишь следствием сильной буржуазной реакции после Коммуны... Где мы были бы теперь, если бы в промежуток времени от 1864 до 1873 г. мы шли только

[1]) У нас, — да и не только у нас, — многие думают, что ясность политического взгляда уменьшается вместе с ростом географических расстоянии. Как видно, Энгельс не разделял этого взгляда, по крайней мере в применении к тогдашней Америке.

[2]) Consolidation: письмо писано по-английски.

[3]) Unter dem Beistand der Deutschen: здесь несколько строк написано по-немецки. Говоря о немцах, Энгельс имеет в виду немецких иммигрантов-социал-демократов, которые пытались вести в Америке социал-демократическую пропаганду, но имели тогда мало успеха именно потому, что плохо понимали важное значение опыта в деле воспитания масс. В своих письмах Энгельс не раз с упреком ставил им на вид это их непонимание.

с теми, которые открыто признавали нашу программу? Я думаю, вся наша практическая деятельность доказала, что мы можем идти вместе

с общим движением рабочего класса в каждой точке его пути, не покидая при этом нашей особенной позиции, не разрушая нашей организации и не скрывая ее. И я боюсь, что наши немецкие американцы сделают большую ошибку, поступая иначе» [1]).

В письме от 9 февраля того же года Энгельс говорит той же г-же Вишневецкой: «Неосновательно то ваше опасение, что в своем взгляде на американское движение я слишком подчинился влиянию Эвелинга [2]). Раз возникло национальное движение американского рабочего класса, независимое от немецкого, моя точка зрения была предписана мне фактами. Это великое национальное движение, каков бы ни был его первоначальный вид, есть действительная точка исхода в развитии американского рабочего класса; если немцы войдут в него, чтобы помогать ему или чтобы ускорять его движение в надлежащем направлении, то они могут сделать хорошее дело и сыграть решающую роль; если же станут держаться отдельно, то превратятся в догматическую секту (a dogmatic sect) и будут отодвинуты в сторону, как люди, не понимающие своих собственных принципов (as people, who do not understand their own principles). Г-жа Эвелинг [3]), видевшая, как действовал ее отец, прекрасно поняла это с самого начала, и если Эвелинг тоже понял это, то тем лучше. И все мои письма в Америку: к Зорге, к вам, к Эвелингам, с самого начала постоянно и постоянно повторяли этот взгляд [4]).

В июне того же года, в письме к Зорге, Энгельс пишет: «Die Massen lernen aber nur durch die Folgen ihrer eigenen Böcke» (Массы учатся только благодаря последствиям их собственных ошибок) [5]).

Я мог бы привести еще несколько подобных цитат, но уже и те выписки, которые сделаны мною, с неотразимою ясностью показывают, как хорошо умел Фридрих Энгельс применять к решению тактических вопросов ту социологическую теорему, что не мыш-ление определяет собою бытие, а бытие определяет собою мышление. «Массы учатся

[1]) Назв. соч., стр. 248 — 249.

[2]) Эдуарда Эвелинга, только что вернувшегося тогда из путешествия по Америке и решительно осуж-давшего тамошнюю тактику «немецких американцев».

[3]) Жена Эдуарда Эвелинга, Элеонора, младшая дочь Маркса.

[4]) Назв. соч., стр. 250 — 251.

[5]) Там же, стр. 272.

только благодаря последствиям их собственных ошибок», — в этом весь марксизм в его применении к тактике. Альтернатива, перед которой стояли, по словам Энгельса, в восьмидесятых годах прошлого века «немецкие американцы», была, как две капли воды, похожа на ту, перед которой стояли наши социал-демократы при начале нашего консти-туционного движения [1]): или они войдут в него, чтобы ускорять развитие в надлежащем направлении, и тем сделают хорошее дело и сыграют решающую роль; или же они, во имя своих доктринерских «лозунгов», станут держаться отдельно и, превратившись в догматическую секту, будут отодвинуты историей в сторону, как люда, не понимающие своих собственных принципов. Спор о том, «бойкотировать» Думу или «не бойкотировать», сводился к вопросу о том, на что следует решиться ввиду указанной альтернативы: принять ли участие в конституционном движении народной массы или же повернуться к нему спиною, объявив, — как это сделал Ленин весною 1906 г., — что Дума стоит не на большой дороге нашего освободительного движения. Наши идеологи пролетариата, — в своем тогдашнем большинстве, — предпочли повернуться спиною к движению того самого народа, который они хотели уверить в превосходстве своих политических «лозунгов». Этим они дали печальное доказательство того, что «не понимают своих собственных принципов». Они верили в чудодейственную силу ОБОИХ «лозунгов» и не подозревали, что признание народной массой справедливости этих «лозунгов» может явиться только «последствием этих ошибок», т. е. ее собственного политического опыта.

До какой степени эти идеологи повторяли ошибку французских буржуазных демокра-тов, т. е. преувеличивали свои силы, хорошо видно из того, как отнеслись многие из них к пресловутой «черной сотне». Они горели нетерпением вступить с нею в бой, отразить ее насилия силой. И в этом, разумеется, не было ровно ничего дурного. Напротив, энергичный отпор черной сотне там, оде си мог принять значительные размеры, — как это было, например, в Петербурге, — спасал честь российского пролетариата. Но, организуя отпор черной сотне, следовало спросить себя, из каких общественных элементов она

составляется. При мало-мальски внимательном отношении к предмету, немедленно выяснилось бы, что она состоит не только из лиц, материально заинтересованных в сохранении бесправия, но также и из лиц; *по-своему;*

[1]) Об «эсерах» я молчу: те всегда путают,— это уж так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят.

на свой дикий «манер», восстающих против нашего старого порядка.

Такими были бессознательные рабочие, особенно чернорабочие. Уже в начале нашей «конституционной» эры я отметил в одной из своих статей то в высшей степени важное обстоятельство, что некоторые черносотенные прокламации призывали народ «бить бар». Их авторы недурно знают психологию темных слоев нашего населения. И если они, заклятые враги всякой демократии, нашли нужным подстрекать народ против бар, то это показывает, что в числе людей, шедших за ними, было много таких, которые сами не чужды были демократических стремлений. Эти стремления принимали у них совершенно *нелепый, зверский вид;* но они, несомненно, были, и идеологи пролетариата могли и должны были опереться на них в своей борьбе с развращающим влиянием на этих людей черной сотни. Нужно было только *внести свет сознания в темные головы* черносотенцев-демократов, чернорабочих, своими действиями протестовавших против своего порабощения, но не умевших разобраться в том, *кто их враг и кто друг.* Попытки такого рода делались не один раз. И почти каждый раз, когда они делались, они увенчивались блестящим, часто невероятным успехом. Иногда происходили поистине чудеса, похожие на евангельские: слепые вдруг становились зрячими. И именно потому, что такие чудеса были возможны, необходимо было систематизировать просветительное воздействие сознательного пролетариата на черную сотню. В этом состояла одна из самых важных практических задач пролетарской партии в то время, когда скончался наш свирепый «старый порядок» и когда его еще более свирепая дочь, «конституция», стала апеллировать к народу, направляя его на «изменников», «жидов», «демократов» и т. п. Эта чрезвычайно важная практическая задача, к сожалению, не была решена во всей ее полноте. А не была она решена

потому, что далеко не все идеологи пролетариата понимали всю ее важность. Они преувеличивали силы, находившиеся в их распоряжении, и полагали, что одних этих сил вполне достаточно для осуществления их крайних политических «лозунгов».

То же — и с профессиональными союзами. Организация профессиональных союзов означает организацию сил пролетариата. Такая организация необходима везде, особенно же необходима она у нас в России, где пролетариат несет на своих плечах, — если не исключительно, то в ее большей части, — тяжесть освободительного движения. Чем многочисленнее будут профессиональные организации, создающиеся

в процессе этого движения, тем сильнее сделаются те позиции, которые займет пролетариат в обновленном обществе, избавившемся от пережитков «доброго старого времени». Правда, па пути к сознанию профессиональных союзов стояло много полицейских рогаток; но, сталкиваясь с ними, пролетариат все более и более убеждался бы в необходимости их полного разрушения и тем самым расширял бы свой политический кругозор, углублял бы свое классовое сознание, приобретал бы ясное понимание связи между экономикой, с одной стороны, и политикой, с другой. Организация профессиональных союзов, без всякого сомнения, тоже принадлежала к числу первостепенных практических задач, поставленных перед идеологами пролетариата октябрем прошлого года. Я не скажу, что идеолога пролетариата пренебрегли этой задачей. Нет. Они кое-что сделали для ее решения. Но они не сделал« всего того, что они могли и должны были сделать в интересах рабочего класса в частности и всего нашего освободительного движения вообще. Большинству их было не до того: они лихорадочно опешили *опередить революционный процесс развития;* они находили нужным предварительно осуществить свои политические «лозунги». Им и в голову не приходило, что осуществление этих лозунгов *предполагает* осуществление целого ряда *предварительных условий,* в числе которых первое место занимают организация сил пролетариата и воздействие его организованных, — т. е., стало быть, более или менее сознательных, —

сил на его бессознательный слой, поддающийся влиянию черносотенных агитаторов. Работа над организацией профессиональных союзов многим казалась скучной *прозой,* ненужной и неуместной тогда, когда для них стала, — как думали они, — легко доступной *поэзия* немедленной и полной победы над рыцарями кнута, палки и… погромов.

Когда я печатно указал на то, как важна теперь профессиональная проза, я получил от своих читателей не мало писем, в которых на разные лады и с большею или меньшею строгостью повторялся один и тот же припев: *наш теперь не* до *профессиональных союзов.* Дальнейшие события показали, как не правы были мои более или менее поэтические и строгие корреспонденты. Я вовсе не хочу доходить их теперь с их ошибкой. Но я считаю полезным отметить, что их ошибка тоже обуславливалась стремлением опередить революционный процесс развития страшным преувеличением своих собственных сил.

Еще бо̀льшие размеры принимало это стремление и это преувеличение в тех случаях, когда речь заходила о приемах *непосредственной* борьбы с старым порядкам. Один из подсудимых по делу Совета Рабо-

чих Депутатов, Бронштейн-Троцкий, сказал, поясняя смысл резолюции о вооруженном восстании, принятой в заседании Совета 28 ноября 1905 года:

«…Думал ли этот самый Совет, что готовиться к вооруженному восстанию, это значит — заготовить запасы оружия, разбить город на кварталы, сделать все то, что делают военные власти, когда они ожидают каких-либо беспорядков?

« — Нет!

«Готовиться к вооруженному восстанию, по нашему мнению, значит пропитывать сознание народных масс убеждением, что конфликт неизбежен, — что только сплоченной силой возможно достигнуть победы, что наступит решительный момент, когда необходимо будет дать отпор старому правительству.

«Вот сущность подготовки вооруженного восстания…

«Представление революции неразрывно связано с баррикадами. Но даже баррикады имеют чисто моральное значение. Они служат для

того, чтобы сплотить революционную массу, вселить в нее готовность к смерти и тем обеспечить победу.

«Восстание подготовлено, когда народ готов умирать за будущее благо» [1]).

Теоретически вопрос совсем не исчерпан этими словами Бронштейн-Троцкого. Можно не без основания утверждать даже, что они вносят в него некоторый новый элемент ошибки. Из них как будто выходит, что для падения иерихонских стен достаточно одного трубного звука. Но «по нонешнему времени» этот элемент ошибки положительно ничтожен в сравнении с ошибкой тех людей, которые так понимают восстание, как понимали его упомянутые мною выше французские заговорщики и упоминаемые Троцким карбонарии, — тех людей, которые помешались на революционной «технике» и стремятся в самом деле «разбивать город на кварталы» и совершать все то, что совершают военные власти, когда они ожидают каких-либо беспорядков. Такие люди являются уже настоящими алхимиками революции, а таких людей в 1906 г. было у нас, к сожалению, много. Воспитанные в сумраке революционной кружковщины; до мозга костей пропитанные застарелыми кружковыми предрассудками; совершенно не понимающие той «теории эволюции», под знамя которой они становятся; неизменно и неустанно превращающие эту *«теорию эволюции» в догму,* заучивае-

[1]) Цитирую по отчету о процессе, данному «Товарищем».

мую ими наизусть, — эти люди роковым образом осуждены на то, чтобы, идя в одну комнату, попадать в другую. Многие из них совершенно искренно преданы пролетариату, но они органически не способны понять ту тактику, которая предписывается пролетариату всем его общественным положением. Они представляют собою не будущее движения, а прошлое его; они не помогают пролетариату в его борьбе за лучшее будущее, а затрудняют эту борьбу…

И эти люди, как видно, совершенно неисправимы. Вот интересный образчик их политического глубокомыслия.

Читатель не забыл, надеюсь, признания, сделанного авторам брошюры «Роспуск Думы и задачи пролетариата». Этот автор сам

говорит, что народу еще *нужен был,* «как оказалось», *опыт кадетской Думы.* Но это признание «ни на столько» не поколебало его убеждения в правильности тактических взглядов бывших «большевиков». Он и теперь считает возможным, что события потребуют от него и его единомышленников «(назначения времени выступления». Он скромно прибавляет: «Если бы это оказалось так, то мы советовали бы назначить всероссийское выступление, забастовку и восстание, к концу лета или к началу осени, к середине или к концу августа» [1]). Его брошюра написана, по его собственному заявлению, *в июле:* в промежуток между роспуском Думы и свеаборгским восстанием. Я пишу о ней *в октябре* и не могу удержаться от улыбки сострадания, перечитывая совет назначить всероссийское выступление к середине или к концу августа. Покойный Энгельс очень удивился бы, увидев, что подобные советы могут давать люди, «пережившие двенадцатилетний возраст». Люди, способные давать такие советы, останутся политическими младенцами, хотя бы они прожили мафусаиловы годы. Но к голосу этих младенцев прислушивались и не переставали прислушиваться до сих пор; за ними идет не малая часть нашего сознательного пролетариата. А это уже не смех, а горе!

Почему автор брошюры «Роспуск Думы» полагал... в июле, что выступление возможно «к середине или к концу августа»? Потому что, по его мнению, «в сознание самого темного мужика стучится теперь обухом вбитая мысль: ни к чему Дума, *если нет власти у народа»* [2]). Он убежден, что политическое воспитание «самого темного мужика» уже закончено, что одного фактора роспуска первой Думы достаточно было для того, чтобы внести в совершенно неразвитую голову такого,

[1]) Стр. 15.
[2]) Стр. 5 — 6.

мужика *яркий свет* политического сознания. На этом убеждении и основывается его изумительное «к середине или к концу августа». *В нем все цело.* Если бы в сознание самого темного мужика в самом деле «стучалось» то, что слышится автору брошюры, то и в самом деле было бы ненужно, — потому что было бы слишком поздно, — толковать о Думе. Тогда следовало бы совершенно *отвергнуть ее, как* уже *превзойденную ступень.* Но на самом деле этого, конечно, нет и быть

не могло. Наш автор повторяет ту самую ошибку, которую сделал когда-то его единомышленник, П. Орловский, и которую он сам, этот наш изумительно легкомысленный автор, вынужден был, «как оказалось», признать ошибкой. Теперь, «как оказалось», живая жизнь объявила смешной, ребяческой ошибкой его собственное «к середине или к концу августа». Но он, разумеется, не смущается этим. Вместо августа он, наверное, поставил теперь какой-нибудь другой месяц и продолжает, как дятел, упорно долбить свой коротенький «лозунг». Этот алхимик революции не может не стремиться к ускорению общественного процесса развития: ведь он совершенно не понимает его хода.

И, заметьте, как странно, как неуклюже формулировал он главный довод, на котором основано «к середине или к концу августа»: «В сознание самого темного мужика стучится теперь обухом вбитая мысль: ни к чему Дума» и т. д. Но вбитая топором мысль, очевидно, *крепко вбита.* А между тем, «как оказалось», она еще только «стучится», т. е., стало быть, еще *вовсе не вбита.* А если она еще *не вбита,* то, стало быть, народное воспитание еще не закончено, и тогда, «к середине или к концу августа» выходит совершенно нелепым даже с точки зрения собственного рассуждения нашего автора. Но, повторяю, его не смутишь этим; он упрямо долбит свое, повергая наивных людей в изумление «твердостью» своего характера. Его позиция неизменна. Он верен себе, как барон фон Гринвальдус у Козьмы Пруткова:

Бароны воюют,
Бароны пируют;
Барон фон-
Гринвальдус, Сей
доблестный рыцарь,
Все в той же позицьи,
На камне сидит...

И пусть он сидит себе на камне: это для него самая подходящая «позицья», но наивные люди, поражающиеся твердостью его характера, берут его ребяческие «лозунги» всерьез. Правда, это тоже еще только

полбеды. Чего и ждать от наивных людей? Беда в том, что наивные люди влияют на некоторую часть пролетариата. Подчиняясь влиянию

людей этого рода, рабочие тем самым доказывают, что они еще не сознательные рабочие, т. е., что они еще не поняли тех условий, наличность которых необходима для решения пролетариатом своей политической задачи. Для русского рабочего наших дней *насмешливое отношение к заговорщическим наивностям есть начало всякой премудрости.*

Что в продолжение 1906 года идеологи пролетариата нередко увлекались такими «выступлениями», которые были неуместны и потому вредны при данном соотношении общественных сил, это в настоящее время едва ли нужно доказывать: убеждение в этом распространяется теперь так сильно в рядах названных идеологов, — по крайней мере, некоторой, более разумной их части, — что можно опасаться, как бы они, по нашему исконному обычаю, не ударились *в противоположную крайность,* т. е. как бы они не начали относить на счет заговорщических иллюзий такие (политические требования, которые подсказываются самим голосом жизни. Но странное дело: несмотря на эту естественную реакцию, даже здравомыслящие люда до сих пор избегают подчас говорить решительно там, где решительно говорить необходимо. Вот, например, что читаем мы в конце уже упомянутой мною выше книги: «Москва в декабре 1905 года»:

«Декабрьское выступление пролетариата, которому лишь пассивно сочувствовала масса буржуазного населения, выступление за свои собственные лозунга, не могло быть поддержано армией, и потому «стремление перевести всеобщую забастовку в вооруженное восстание» не могло увенчаться успехом и должно быть признано исторической ошибкой. Вместе с тем декабрьские дни показали, что каждая победа над народом, одержанная старым режимом, уменьшает его силы и увеличивает кадры борцов с ним и, следовательно, в конце концов, ведет к торжеству народа, к гибели проклятого строя насилия и гнета, нищеты и бесправия».

Здесь не сведены концы с концами. Если «историческая ошибка», совершенная в Москве в декабре прошлого года, уменьшила силы старого режима и увеличила кадры борцов с ним, то какая же это ошибка? А с другой стороны, данные, в изобилии собранные в той же книге, как нельзя более убедительно доказывают, что это была, в

самом деле, ошибка. Как же тут разобраться? Этого ниоткуда не видно. Авторы ничего не говорят об этом. А между тем дело ясно. Ошибка *врагов* старого режима вызвала целый ряд ошибок со стороны *защитников* этого

режима. Эти последние своим кровожадным варварством вызвали почти всеобщее неудовольствие и этим отчасти поправили дело. Но кровожадные варвары, наверное, остались бы кровожадными варварами даже и в том случае, если бы московские враги старого порядка не совершили своей исторической ошибки. И, конечно, кровожадные варвары не воздержались бы и в этом случае от *обнаружения* своего варварства: воздержанность, как известно, совсем не принадлежит к числу их добродетелей. И их варварство усиливало бы общественное неудовольствие, т. е., значит, по-своему приближало бы торжество свободы. *Плюс* продолжал бы оставаться *плюсом.* Но *минуса,* которым является всякая историческая ошибка, не было бы налицо в предполагаемом мною случае, а, следовательно, алгебраическая сумма была бы больше, т. е. гибель старого порядка была бы ближе, чем теперь, после того, как совершилась ошибка. Вот это-то и не оттенено в названной мною крайне интересной книге, а в этом *«смысл философии всей».* Иначе не было бы никакой надобности воздерживаться от исторических ошибок, которые, впрочем, как я уже заметил выше, перестали бы тогда быть ошибками, *превратившись в свою собственную противоположность.* Подводя итог всему сказанному, можно утверждать вот что: Все те немногочисленные и более или менее непоправимые промахи, которые сделаны были идеологами пролетариата в продолжение 1906 года, объясняются преувеличением своих сил со стороны этих идеологов, стремлением опередить революционный процесс развития. Чтобы избежать в будущем повторения подобных ошибок, необходимо устранить эту общую причину, необходимо проникнуться тем убеждением, что стремление опередить исторический процесс развития не может привести ни к чему, кроме частых и жестоких поражений.

Но стремление опередить исторический процесс развития в свою очередь обусловливается привычками интеллигентского мышления.

Пока идеолога пролетариата не выйдут из узких пределов своей интеллигентской кружковщины, под влиянием которой они лишаются всякого политического глазомера, до тех пор указанные мною ошибки будут неизбежны, хотя, благодаря суровым урокам жизни, и примут другой вид. Совершенно избавит нас от подобных ошибок только рост политической *самодеятельности* пролетариата. Развитие самодеятельности пролетариата — вот к чему сводится политическое завещание истекающего года. Рабочий съезд, о котором все чаще и чаще говорит теперь наша периодическая печать, составляет одно из самых первых и самых необходимых условий такого развития. Он необходим. И он состоится,

как бы громко ни кричала против него интеллигентская кружковщина. Суженого конем не объедешь.

Революционная кружковщина,— «люди старого поведения»,— как сказал бы Н. Н. Златовратский, — отчасти боятся его. Но что касается возможности рабочего съезда, то тут можно оказать одно: препятствий для него много; но и не такие препятствия побеждались у нас людьми, знающими, чего они хотят, «умеющими» стремиться к своей цели. А насчет опасений, вызываемых съездом, я скажу, что интеллигентская кружковщина приходит с ними *слишком поздно.* Она, эта кружковщина, которая никогда не могла понять учение Маркса, как теорию эволюции, а всегда понимала ее, как застывшую догму; она, которая никогда не умела опереться ни на что, кроме такой догмы, заученной ею наизусть и механически повторяемой; она, вся духовная история которой есть непрерывный переход от одного вида непонимания современного социализма к другому, — она, абстрактная и неумелая, боится, что рабочие, собравшись на съезд, не сумеют правильно понять свои классовые интересы. Она воображает, что долг чести заставляет ее продолжать свою роль гувернантки пролетариата. Эта бесплодная старая дева не видит, что пролетариат перерос ее на целую голову. Сна этого не видит, потому что не хочет видеть, и только потому, что не хочет. А между тем это бьет в глаза: все, что делает пролетарская масса, обнаруживает замечательную зрелость ее политического сознания; все, что делает около этой массы

интеллигентская кружковщина, показывает, что эта последняя со своим «старым порядком» отстала от хода событий чуть не на двадцать лет.

Пора, пора оставить «старое поведение»! И оставить целиком, без поворота. Никакими заплатами тут не поможешь. О «старом поведении» приходится сказать приблизительно так, как сказал у Гоголя портной Петрович о старой шинели Акакия Акакиевича:

«Нет, ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте себе из нее онучек, потому что чулок не греет... шинель уж, видно, вам придется новую делать».

Но я не могу здесь распространяться о съезде, потому что мне пора кончать. Притом же съезд — не единственная злоба нашего дня. Другой его злобой являются теперь выборы в Думу.

Кто верит «в середину или в конец августа», для того эти выборы не могут иметь значения. В сознание такого человека стучится теперь, как и в прошлый раз, обухом вбитая мысль: «ни к чему Дума» и т. д.

Если такой человек и найдет полезным принять участие в выборах, то он все-таки не сумеет к ним отнестись с точки зрения «теории эволюции», а непременно взглянет на них с точки зрения той догмы, в которую он превратил эту теорию и которую он повторяет на память. Но кто понял, что «к середине или к концу августа» есть лишь каникулярная фантазия размечтавшегося «на травке» гимназиста; кто сознает, что стремление опередить историю несовместимо с ее материалистическим объяснением; кто уяснил себе это объяснение и умеет правильно применять его к решению задач, которые ставятся на очередь процессом современной эволюции в России, тому нет надобности доказывать, что предстоящие выборы имеют колоссальную, решающую важность. И тот знает, что, готовясь принять участие в них, идеологи пролетариата должны *решительно освободиться от всякого доктринерства.* Они покрыли бы себя всесветным и несмываемым позорам, если бы их доктринерство оказало хотя бы самомалейшую услугу реакции.

Тут прежде всего надо правильно разрешить следующие практические вопросы: могут ли названные идеолога вступать в избирательные

соглашения с другими политическими партиями? На этот вопрос одни отвечают, что могут, но только с «трудовиками» и с их братьями «эсерами»; другие находят, что вступать в такие соглашения совсем не следует. Лично я думаю, что, (приступая к решению этого вопроса, следует вспомнить правило Бебеля: «В интересах дела я готов вступить в соглашение с самим чертом и даже с его бабушкой». Этими немногими словами Бебель прекрасно показал, что он как нельзя более чужд сектантской догмы и обеими ногами твердо стоит на почве марксовой теории эволюции.

В избирательные соглашения вступать не только можно, но и *должно,* если этого требует интерес дела. В чем же теперь состоит главнейший интерес его? В том, чтобы нанести возможно более жестокое поражение реакции, которая, с своей стороны, организуется, строится в ряды и готовится пойти на приступ. Стало быть, избирательные соглашения обязательны для идеологов пролетариата всюду, где это необходимо для победы над реакцией. Раз признана правильность этого вывода, — а не признать ее невозможно, — то я не вижу, почему в соглашениях следует ограничиваться «трудовиками» и «эсерами». Тут тоже необходимо избегать всякого доктринерства, туч тоже надо руководствоваться принципом целесообразности.

Иные говорят, что соглашения будут затемнять классовое самосознание пролетариата. Но, во-первых, победа реакции на предстоящих

выборах поставила бы развитию пролетарского самосознания такие препятствия, больше которых и придумать невозможно. Во-вторых разве соглашение непременно должно вредить самосознанию пролетариата? По-моему, все зависит здесь от того, *какой характер придать соглашению и как мотивировать его перед избирателями.* При правильной мотивировке соглашения, оно могло бы послужить для пролетариата we источником предрассудков, а высшей школой тактики, из которой он вынес бы умение глядеть на события с точки зрения много раз уже упомянутой мной «теории эволюции», а не с точки зрения окостенелой догмы. Кто не способен дать такую мотивировку, тот пусть пеняет на себя, а не на соглашение. Тут можно

сказать латинской пословицей: non est culpa vini, sed culpa bibentis (виновато не вино, а пьющие).

Амстердамская резолюция? Эмиль Вандервельд не без остроумия пишет: «Откровенно признаюсь, что мне будет все равно, если освободительное движение в России победит, хотя бы и вопреки амстердамской резолюции» [1]). Но Вандервельд был противником этой резолюции. Естественно, что он не упустил случая остроумно пошутить по ее поводу. На самом же деле она имеет в виду совсем не те соглашения, о каких могла бы пойти речь теперь у нас в России. Амстердамский съезд самым решительным образом отверг «ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику в таком направлении, чтобы на место завоевания политической власти путем победы над нашими противниками поставить политику уступок существующему порядку». Отсюда следует, что поступил бы вопреки амстердамской резолюции тот, кто вошел бы в избирательные соглашения *с целью уступок существующему порядку.* А у нас идет теперь речь о таких соглашениях, которые представляли бы собою не уступку существующему порядку, а новое усилие в борьбе с ним.

Далее. Что понимает амстердамская резолюция под существующим порядком? Это видно из следующих строк: «Последствием такой ревизионистской тактики было бы превращение партии, ставящей себе целью возможно быстрое преобразование существующего буржуазного общества в общество социалистическое, — а потому революционной в лучшем смысле слова, — в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества»

[1]) См. «мнения» иностранных социалистов: «Современная жизнь», 1906 г., ноябрь.

Ведь это же ясно! Амстердамская резолюция имеет в виду переход буржуазного общества в социалистическое. А у нас разве речь идет о таком переходе? Нет! О таком переходе говорят только анархисты, «максималисты» и несколько «эсеров» из самых бестолковых. Отсюда еще раз следует, что амстердамская резолюция запрещает не те соглашения, о которых спорят у нас теперь. Амстердамскую резолюцию тоже не следует превращать в сектантскую догму, сна тоже основана

на «теории эволюции».

Но если это так, то почему же ссылались на амстердамскую резолюцию некоторые участники Стокгольмского съезда? Если это так, то амстердамская резолюция не имеет вообще никакого отношения к нашим делам?

Извините, имеет!

Амстердамская резолюция говорит, что «социал-демократия, согласно резолюции Каутского на Международном социалистическом конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества».

Далее она отвергает «всякое стремление затушевать существующие классовые противоречия, чтобы облегчить сотрудничество с буржуазными партиями». *И в этом все дело.* Для нас, русских, das ist des Pudels Kern.

Помните, что участие в правительственной власти в рамках буржуазного общества предосудительно. Помните, что, когда вы мечтаете об участии во «временной»... власти, вы грешите помышлением против амстердамской резолюции.

Помните, — и это особенно важно для нас в настоящую минуту, — что, если вы, желая облегчить себе избирательные соглашения с буржуазными партиями, вздумаете затушевывать существующие теперь классовые противоречия, то вы согрешите помышлением, словом и делом против амстердамской резолюции.

Не затушевывайте противоречий, обнаруживайте их, — поскольку вы способны на это, — со всем жаром убеждения; но умейте показать, что *именно в интересах дальнейшего развития этих прогрессивных* по своему *существу противоречий необходимо поразить реакцию, не отступая перед нужными для этой цели избирательными соглашениями.* Вот только и всего. И сим победиши!

Но обязательны именно только соглашения, а не блок. Блок, представляющий собою соглашение, возведенное в высшую степень, обязывает вас на гораздо более продолжительное время и предписывает вам

систематическое приспособление вашей деятельности к деятельности буржуазных партий. Блок запрещает вам идти *врозь,* между тем как

вам нужно лишь «вместе бить» или, вернее, *вместе ударить.*

Какие же соглашения? При перебаллотировках?

Из полемики Мартова с «Речью» выяснилось, что наш закон перебаллотировок не до-пускает. Поэтому необходимы *предвыборные соглашения.* Но так как речь идет о соглашениях, а не о блоке, то не следует выставлять одну *какую-нибудь общую формулу.* Приняв в принципе положительное решение вопроса, мы должны на практике осуществлять его, применяясь к местным условиям, «от *случая к случаю».* В некоторых местах соглашения, наверное, окажутся совершенно излишними. Так, например, было бы не только ненужно, но и прямо преступно, входить в соглашении с кадетами в рабочих куриях [1]). (При блоке такая гибкая тактика оказалась бы невозможной). Но там, где соглашение полезно в интересах дела, там надо соглашаться «с самим чертом и даже с его бабушкой», там доктринерство было бы хуже измены!

[1]) Да и с «эсерами» тут надо соглашаться лишь, когда совсем нельзя обойтись без этого.

Письмо третье

Если у вас на столе лежит кусок сахару и если вы замечаете на этом куске характерные следы мышиных зубов, то вы, не колеблясь, говорите: «мыши обгрызли». А между тем на самом-то деле его грызла, может быть, только одна мышь. Имеете ли вы право ставить *целое* на место *части?* Да, имеете, потому что если ваш кусок грызла, по случайным обстоятельствам, только одна мышь, то при тех же обстоятельствах всякая другая мышь поступила бы совершенно так же, т. е. принялась бы грызть ваш сахар. А если бы не все мыши поступали, при данных обстоятельствах, одинаково; если бы существовали, скажем, две породы мышей, одна из которых любила бы сахар, а другая питала бы к нему отвращение, то уже неправильно было бы сваливать на *мышей вообще* то, что способны делать только *мыши известной породы.*

Так ли это? Мне думается, что так. И думается мне также, что с этим согласится всякий человек, не лишенный дара логического мышления, хотя бы он и принадлежал к либералам, кадетам и «критикам Маркса». Но вот что странно: человек, принадлежащий к либералам,

кадетам или «критикам Маркса», охотно признает неоспоримой изложенную мною истину во всех других случаях, кроме тех, где речь идет о «крайних партиях». Тут он всегда будет склонен приписывать «крайним партиям» вообще то, что в действительности свойственно только одной из них. Тут *у* него — «род недуга». И, по правде сказать, это довольно неприятный и неудобный род. Им причиняется очень много самой вредной путаницы понятий.

Вот свежий пример. Известно, что осенью 1905 и весною 1906 г. большая часть наших социал-демократов стояла за бойкот Государственной Думы. Не менее известно и то, что другая, — в то время, правда, значительно меньшая, — их часть уже тогда была *против бойкота.* Потом эта значительно меньшая часть стала значительно большей частью. Уже в начале мая Российская Социал-Демократическая

Рабочая Партия официально признала, что не следует бойкотировать Государственную Думу. Это обстоятельство было, конечно, своевременно отмечено нашими *левыми* (называю их так в отличие от *крайних левых).* Но, отмечая его, наши левые по большей части ограничились рассуждениями на ту тему, что вот, мол, «жизнь научила наших социал-демократов; жизнь показала им» и т. п. Они забывали прибавить, что и в среде социал-демократов были люди, которым не нужно было дорого стоящих уроков жизни для того, чтобы понять полную несостоятельность тактики бойкота. Выходило так, что сахар обгрызли мыши, хотя некоторая часть мышей не только его не грызла, но и не могла грызть.

Мне скажут, что такое различение совсем не важно. Но я позволю себе не согласиться с этим.

Оно было бы не важно, если бы дело сводилось к вопросу о том, кто из членов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и когда именно сказал: «э!» Это вопрос, неважный до смешного. Но дело вовсе не в нем. Оно вот в чем.

Когда сваливают на мышей то, что сделано одной мышью, тогда принимают меры для истребления в данном месте всей вообще мышиной породы. Когда приписывают всем социал-демократам ошибки,

сделанные только одной частью их, тогда кидают камень в огород «ортодоксии»: все, дескать, она виновата. А это, во-первых, раздражает тех «ортодоксов», которые ошибки не делали; во-вторых,— и это главное, — подобная «тактика» побуждает людей, склонных к «ортодоксии», но плохо понимающих, в чем она состоит, упорствовать в своей ошибке. Им кажется, что сознаться в этой ошибке значит изменить «ортодоксии». И вот они фанатически отстаивают неправильный способ действий, хотя в глубине души они и сами, может быть, чувствуют, что жизнь идет не так, как они ожидали. Надо помочь этим людям выйти на верный путь, а не загораживать от них этот путь вздорными предрассудками.

Недавно, в № 104 «Товарища», г. Жидкий, в статье «Странички жизни», характеризуя снова наступающую у нас политическую весну, — по его словам, «в России весна осенью бывает», — писал: «Недаром зазвучал со всех сторон, как боевой рог, настойчивый призыв к объединению. Ошибки, поражения учат сильнее успеха. А позади осталось много подобных уроков. Гордая изолированность, пренебрежение помощью близких со-юзников, книжные, непримиримые теории» подмятые обвалами жизни, — все это окупилось тяжкой ценой. И много

уже трезвых, властных голосов раздается по левому флангу русской жизни: «Единение, единение, всеобщая организация».

Спора нет, *«единение»,* обставленное надлежащими условиями и не переходящее *в слияние,* — прекрасная вещь. И оно, несомненно, может очень сильно содействовать наступлению «весны». Но при чем тут «книжные, непримиримые теории, подмятые обвалами жизни», — это совершенно непостижимо. Г-н Жилкин думает, как видно, что если были такие люди, которые ни за что не хотели «единения», то виноваты в этом «книжные, непримиримые теории», и что если теперь «крайние левые» обнаруживают склонность к «единению», то это объясняется тем, что они вырвались из-под влияния теорий, «подмятых обвалами жизни». Но это только показывает, насколько он сам «беззаботен» насчет «книжных теорий».

А вот еще. В *№* 206 «Речи» г. М. Фридман поместил рецензию на

книгу Парвуса «Россия и революция». В этой рецензии он, по собственному признанию, «резко» говорит о «суздальской социал-демократической картине политических отношений России, списанной с Франции и Германии, где действие происходило и происходит (какое же это действие? — *Г. П.*) при очень отличных экономических и социальных условиях». По словам г. М. Фридмана, «именно эти предрассудки залепляли глаза русским социал-демократам « не позволяли понять истинной природы ни русского либерализма, ни крестьянского движения». Дело, как видит читатель, — совсем дрянь. Но далее наш автор несколько смягчает краски в нарисованной им «картине». Он говорит:

«Стоит сравнить мнения Парвуса с известными взглядами Плеханова и тем, что говорят ныне некоторые из меньшевиков, имеющие смелость показаться «буржуазными кадетами». *Поворот немалый!* Очевидно, жизнь многому научила».

Итак, «известные взгляды Плеханова» и рассуждения некоторых «меньшевиков» свидетельствуют о том, что в среде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии произошел «поворот немалый», хотя, по мнению автора, и недостаточно радикальный. Но спрашивается: когда же именно произошел этот «немалый поворот»? Насколько я знаю, «известные взгляды Плеханова» сложились очень давно и, во всяком случае, значительно раньше, чем началась публицистическая деятельность Парвуса. И Плеханов был не один. «Известно», что его «известные взгляды» разделялись и П. Б. Аксельродом, и В. И. Засулич, и Ортодоксом — автором недавно вышедшего сборника пре-

красных философских статей, и еще некоторыми другими видными деятелями российской социал-демократии. Далее, из слов самого г. М. Фридмана видно, что эти «известные взгляды» имеют очень мало общего с «суздальской картиной политических отношений России». Но если все это так, то выходит, что г. М. Фридман совершенно напрасно именует эту картину *социал-демократической* картиной. Выходит, что если она и в самом деле писана социал-демократами, то социал-демократами особой школы, придерживающейся суздальской

эстетики, которая совсем не похожа на взгляды старейших членов российской социал-демократии. А отсюда следует, что если уж говорить о «повороте немалом», то надо изобразить его так, как он произошел в действительности. В действительности же произошло приблизительно следующее.

«Известные взгляды Плеханова» и вообще группы «Освобождение Труда», явившейся первой в России носительницей социал-демократических идей, были правильны, по крайней мере в тактическом отношении,— говоря это, я становлюсь на точку зрения г. рецензента; — в. течение некоторого времени эти взгляды считались правильными в российской социал-демократической среде. Но потом, по мере того, как эта среда расширялась, к ним стали относиться «критически». Представители вероятно «известного» и г. М. Фридману «экономического» направления объявили их устарелыми. На защиту этих, будто бы устарелых, взглядов ополчились «политики», сгруппировавшиеся вокруг «Зари» и «Искры». Но и «политики» довольно плохо усвоили их себе; их писания часто весьма значительно расходились, — особенно в том, что касалось *тактики,* точнее было бы сказать: *стратегии* партии, — с тем, что не переставала проповедовать группа «Освобождение Труда» в продолжение всего своего существования. Этим вызывалось не мало прений, далеко не всегда выходивших наружу. Тем не менее, достаточно прочесть политические статьи Плеханова в «Заре», чтобы видеть, что во время появления этих статей тактические взгляды вышеназванной группы являлись, так оказать, официальны-ми взглядами «политиков». Но чем дольше действовала притягательная сила российской социал-демократии, тем больше примыкало к ней людей, мало подготовленных к усвое-нию правильных тактических понятий; на этих людей и поспешили опереться те из главных представителей «политического» направления, которые и стали на сторону группы «Освобождение Труда» в ее борьбе с «экономистами»! но на самом деле являлись скорее бланкистами, чем марксистами, «от

них же первый» был «известный» Н. Ленин. Само собою разумеется, что ленинский бланкизм обнаружился во всей полноте далеко не сразу. В течение довольно продолжительного времени он имел вид

марксизма, — правда, весьма одностороннего и «куцего», но все же подающего надежды на дальнейшее развитие в надлежащую сторону.

И в течение всего этого времени люди, видевшие его слабые стороны, нравственно *обязаны были* не воевать с ним, а по мере возможности способствовать такому его развитию. Тут приходилось следовать пословице: худой мир лучше доброй ссоры. Когда всякая надежда на благодетельные последствия «худого мира» была потеряна; когда Ленин и его ближайшие единомышленники оказались неисправимыми заговорщиками, тогда «добрая ссора» сделалась, в свою очередь, обязательной. Но тогда дала почувствовать себя та истина, которую высказал Маркс, если не ошибаюсь, в одном из своих писем к Зорге: при массовом движении программа передовых представителей данного класса определяется положением этого класса; там же, где движение имеет кружковой характер, всегда есть возможность сгруппировать известное количество лиц вокруг какой угодно программы [1]). Для Ленина такая группировка облегчалась двумя очень важными обстоятельствами. Во-первых, он оставлял в стороне собственно программные вопросы, выражая свою природу заговорщика лишь в своих тактических построениях [2]). Свою бланкистскую контрабанду он проносил под флагом самой строгой «ортодоксии». Это успокаивало марксистскую совесть тех его сторонников, которые, плохо разбираясь в вопросе о том, какою именно должна быть тактика марксистов, в то же время хотели остаться верными Марксу. Во-вторых, пульс нашей общественной жиз-ни бился все сильнее и сильнее, вследствие чего начинали кружиться даже и такие голо-вы, в которых было несравненно более света, нежели в ограниченных головах энергичных, но очень мало развитых людей, *подобранных* Лениным к своей тактике. Г-н М. Фридман приводит в своей рецензии те слова Парвуса, которыми этот последний пыта-ется оправдать свои недавние политические ошибки. Парвус поэтически называет себя арфой, на которой играл ураган революции. Он говорит, что его и людей, разделявших его ил-

[1]) Ручаюсь только за смысл, а не за букву, так как в настоящую минуту у меня нет под руками книги, содержащей в себе переписку Маркса с Зорге.

2) Теперь это уже изменилось, так как аграрная программа Ленина, по его собственному признанию, приурочена к его заговорщицким мечтаниям о «захвате

власти».

люзии, толкали надвигавшиеся тяжелые массы, и что тот, кто ведет массы, должен быть впереди их. Это, разумеется, одна «словесность» Смысл того, что говорит здесь Парвус, можно передать, несколько изменяя известную французскую фразу: ils sont nos chefs, donc ils doivent nous suivre (они наши вожди, поэтому они должны за нами следовать). Парвус не хочет «suivre», он считает себя обязанным идти «впереди». Однако «впереди» или назади, а *вожаки* все-таки оказываются *ведомыми.* Но если *вожак* обязан быть *ведо-мым,* то мать-природа, в интересах экономии, могла бы дать ему только способность *говорить* (кричать: «вперед, братцы, ура!» и т. д.), в способности же *мыслить* ему нет надобности. Я уверен, что воспетый севастопольской солдатской песней генерал Реад, «спросту поведший свой отряд прямо к мосту», свято исполнил свою обязанность идти впереди своих людей, но ничего хорошего из этого все-таки не вышло, да и не могло выйти. Марксисты говорят: наши стремления являются сознательным выражением бес-сознательного процесса развития. И это совершенно верно в той мере, в какой они правильно понимают этот бессознательный процесс. Но чтобы правильно понять его, недостаточно идти «впереди» всех иллюзий массы. Наоборот! *Нужно уметь критико-вать эти иллюзии и нужно иметь гражданское мужество не оставлять светильник критики под спудом.* Вот в чем первая обязанность вождя. Я полагаю, что Парвус лучше сделал бы, если бы прямо сознался в своей ошибке. Он ошибся не один: ошиблись мно-гие, почти все. Но о Парвусе я здесь распространяться не стану. Я сослался на него един-ственно затем, чтобы напомнить на его примере, что лихорадочное биение общественно-го пульса могло ввести в заблуждение даже и сильные головы. Тем легче попадали в ошибку головы менее сильные. Наличные силы движения преувеличивались до такой степени, что всякие напоминания о благоразумии стали казаться признаком «отстало-сти». Нечего и говорить, что такое настроение умов было как нельзя более благоприятно для распространения в среде наших идеологов пролетариата взглядов Реада-Ленина, вся тактическая мудрость которого без

остатка исчерпывается лаконическим возгласом: «ну-тка, на ура!». Дело дошло до того, что даже люди, понимавшие несостоятельность этой тактической мудрости, не всегда решались восставать против нее, опасаясь обвинений в оппортунизме. Дальше этого идти было невозможно, и это было кульминационным пун-ктом развития нашего «большевизма». Но если иерихонские стены пали, по свидетель-ству Библии, от трубного звука, то препятствия, отдаляющие торжество освободитель-

ного движения в России, не были устранены треском революционной фразеологии. Они очень скоро дали почувствовать свою силу и показали несостоятельность тактики, характеризующейся реадовским «на ура!» Даже «большевики» увидели себя вынужден-ными внести в эту тактику некоторые поправки, что, впрочем, не мешало им повторять с самою комическою «твердостью характера»: «события показали, что мы были правы». Началось отрезвление, которому мы и обязаны тем, что «большевики» стали de facto «меньшевиками». Этот процесс отрезвления еще далеко не закончен. Очень возможно, что, благодаря тем или другим «новым фактам», он на время приостановится или даже вернется к точке своего исхода. Но такие остановки и возвраты не должны смущать никого. Неоспоримо то, что поскольку ход нашей общественной жизни будет вынуждать наших идеологов пролетариата к усвоению правильных приемов политического мышления, — а *он не может не делать это,* — постольку туман революционной фразеологии будет рассеиваться, и шансы «большевиков» будут таять, «яко тает воск от лица огня». Это неизбежно, как смерть. И те отдельные факты, которые приветствуются теперь нашими либералами, кадетами и трудовиками, и бернштейнианцами, являются лишь ласточками, возвещающими о перемене времени года. Но напрасно думают господа либералы, кадеты и проч., что эти ласточки возвещают также крушение ненавистной им «ортодоксии». Совершенно наоборот! Они возвещают *возвращение к ортодоксии,* торжество тех «известных взглядов Плеханова», которые сложились и проповедовались уже в ту довольно отдаленную теперь эпоху, когда папеньки многих из нынешних «большевиков» и «меньшевиков» еще только начинали

ухаживать за их маменьками. «Большевики» кричат, конечно, что эти «известные взгляды» не имеют ничего общего с «ортодоксией». Но, во-первых, не далее как во время издания «Зари» и «старой» «Искры» взгляды эти признавались вполне «ортодоксальными» «самим» Лениным. А, во-вторых, скажите нам, господа трудовики, бернштейнианцы, кадеты и проч. и проч., почему это вы, расходящиеся с «большевиками» в столь многом, сходитесь с ними во взгляде на марксистскую «ортодоксию»? Почту вы думаете, что «ортодоксальная» марксистская тактика совпадает с тактикой севастопольского генерала Реада? Я скажу вам — почему: потому, что вы смотрите на эту тактику, как и *вообще* на марксизм, сквозь призму непреодолимого предубеждения; потому что для правильного понимания марксизма вам нужно было бы отказаться от целого Ряда будто бы критических положений, позволяющих вам участвовать

в освободительном движении, оставаясь в то же время на буржуазной точке зрения; словом, потому, что вы слишком *узки* для понимания марксизма, а не потому, что, — как вы охотно утверждаете это, — он слишком узок для того, чтобы им могли «удовлетвориться» люди широкого размаха мысли. «Критика Маркса» была во всем мире, а у нас в особенности, попыткой сделать марксово учение удобоваримым для буржуазных голов. Эта попытка ровно ни к чему путному не привела, вследствие чего те наши «критики», которые способны были логически мыслить, «веселыми ногами» пошли «от марксизма к идеализму». И когда теперь передовому идеологу нашей буржуазии, — это не значит «буржуй», господа, *прошу заметить:* я не «ругаюсь», а просто употребляю возможно более точную социологическую терминологию, — когда передовому идеологу этого общественного класса приходится теперь говорить о марксизме, он самым искренним образом представляет его себе чем-то до последней степени тупым, односторонним и узким. А когда он слышит от марксиста слово, кажущееся ему разумным, он, опять-таки без всякого лицемерия, восклицает: «Давно пора! Вы сами видите теперь, что ваша теория противоречит жизни».

Это было бы смешно, если бы не было вредно. А вредно это, — как я

уже сказал, — тем, что мешает некоторым, менее даровитым от природы или просто менее образованным, идеологам пролетариата понять, что недостаточно всегда говорить и действовать наперекор буржуазии, чтобы остаться верным Марксу и явиться дельным защитнике« интересов пролетариата. Если бы наши, — скажем для краткости, — кадетские публицисты ясно представляли себе тот *практический* вред, который приносят эти камешки, кидаемые ими в «ортодоксальный» огород, то они, вероятно, перестали бы кидать их; но — увы! — этот, повторяю, *практический* вред совершенно ускользает от их духовных взоров. Тут *практический* предрассудок затемняет ясность их *политического* понимания; *«догма» мешает расчету!*

Я говорю: догма. Не подумайте, господа, что, употребляя это выражение, я хочу вернуть вам один из тех многочисленных упреков в догматизме, которые вы так охотно посылаете по нашему адресу. Ничего подобного'! Я пользуюсь словам *догма* потому, что оно в самом деле, совершенно независимо от каких бы то ни было полемических соображений, должно быть употреблено здесь.

Учение Маркса есть та «непримиримая теория», в которой лучше, полнее, стройнее, нежели в какой бы то ни было другой, выразилась

непримиримость интересов рабочего класса с интересами буржуазии. Этим обстоятельством одинаково хорошо объясняются и тактические промахи «недозрелых умов» нашего марксизма, и неуместные выходки против «ортодоксии» наших, — выразимся так опять для краткости,— кадетов.

Пораженные тою ясностью, с которой учение Маркса обнаруживает непримиримость интересов пролетариата с интересами буржуазии, «недозрелые умы» российского марксизма раз навсегда поворачиваются спиною ко всему тому, что носит на себе печать буржуазности, и даже не подозревают, что историческим лейтмотивом нынешнего нашего освободительного движения является не борьба пролетариата с буржуазией, предполагающая существование новейшего буржуазного общества, с соответствующими ему политическими учреждениями, а одновременная и е значительной степени совместная

борьба классов, характеризующих собою это новейшее буржуазное общество, с разнородными пережитками старого «порядка, выросшего на основе совсем иных экономических отношений. Одна из частных истин марксизма ослепляет ум неразвитого «марксиста» и мешает ему понять *диалектический,* т. е. следовательно, исторический характер марксистского миросозерцания.

А что происходит в головах публицистов, названных нами, кратокости ради, кадетски-ми? В интересующем нас случае в них происходит следующее.

Та же частная истина марксизма, о которой я недавно говорил и которая своим ярким светом ослепляет «недозрелые умы» некоторых представителей пролетариата, представляется публицистам указанного разряда, как одно из тех теоретических положений, которые беспощадно разоблачают тщету всех попыток установить «социальный мир» там, где по неумолимой логике вещей неизбежна социальная война. А так как публицисты этого разряда не могут не тяготеть к «социальному миру», то неудивительно, что они недоброжелательно относятся к учению, так хорошо обосновывающему эту неприятную частную истину. Но это еще не все. Марксизм очень презрительно относится ко всем тем идеологическим привескам, которыми украшается стремление к «социальному миру». Путешествие к «святым местам» идеализма с точки зрения Маркса представляется рядом непростительных логических промахов. Это обстоятельство еще более увеличивает недоброжелательное отношение кадетского публициста к марксистской «ортодоксии». И вот он начинает страдать той же психологической

аберрацией, которой страдают «недозрелые умы» российского марксизма. Он теряет всякую историческую перспективу. Он забывает о том, что у нас в России речь идет теперь не о диктатуре пролетариата, а о возможно более плодотворной борьбе этого класса, — рядом с *другими классами новейшего происхождения,* — против добуржуазного порядка; он не может скрыть свое крайне недружелюбное отношение к теории, считающей такую диктатуру неизбежной при известных исторических условиях; он усиливается кольнуть ее даже при самом

неудобном случае и относит на ее счет даже те тактические ошибки, которые прежде всего являются преступлением против нее самой. Словом, его суждения о *настоящем* крайне запутываются тем, что он предвещает насчет будущего. Классовый инстинкт сбивает в нем с толку классовый рассудок. И, надо сказать правду, классовый инстинкт в нем гораздо сильнее, нежели в социал-демократических недорослях ленинского пошиба. Между тем как эти последние равнодушны к теории, а когда интересуются ею, то с изумительной легкостью усваивают себе в философии, в морали, в эстетике, и т. д. нездоровые плоды буржуазного декаданса, передовые идеологи нашей буржуазии умеют чрезвычайно хорошо разобраться в том, какой вид *«сознания»* соответствует и какой не соответствует данному, определенному историей виду буржуазного *«бытия».* Передовой идеолог нашей буржуазии отнюдь не беззаботен по части теории, нет! К большой чести его надо оказать, что он в этом отношении напоминает собою тех вернувшихся ив вавилонского плена иудеев, которые, одной рукой отбиваясь от неприятелей, другою возводили здание своего храма. И это, конечно, показывает, что он хорошо служит тому классу, служить которому он взялся. Но факт тот, что именно увлечение этой постройкой храма буржуазной идеологии заставляет его вносить страшную *путаницу* в понимание той марксистской идеологии, правильное истолкование которой является в настоящее время, можно сказать, *политическою необходимостью.* Еще раз: в отношении к марксистской идеологии голос классового инстинкта заглушает в нем голос политического рассудка.

В лагере передовых идеологов нашей буржуазии я не вижу ни одного человека, обладающего из ряду вон выходящими теоретическими способностями. Но между ними, без сомнения, есть умные и образованные люди. С литературой социализма они знакомы несравненно лучше, нежели были знакомы с нею наши народники и субъективисты, выезжавшие больше на экономической «самобытности» России. Что

же мешает им понять «ортодоксальный» марксизм? Я не знаю другого препятствия, кро-ме ограниченности, — «узости», в которой они так

часто обвиняют нас, — их *массовой* точки зрения.

В самом деле, познакомьтесь с деятельностью Маркса в Международном Товариществе Рабочих, и вы увидите, что тактика великого основателя современного научного социализма не имела ничего, ровнехонько ничего, общего с тою тактикой части наших «эсдеков», которую столь многие, столь охотно и столь несправедливо относят теперь на счет марксистской «ортодоксии»; прочтите недавно опубликованные письма Энгельса к Зорге, и вы опять увидите, что тактика наших бланкистов, облыжно именующих себя марксистами, так же похожа на тактику Маркса и Энгельса, как жалкие произведения наших суздальских «живописцев» похожи на картины, написанные кистью Рафаэля или Леонардо да Винчи. Я не знаю, что сказал бы суздальский «художник», увидев произведения названных мною великих мастеров. Но я убежден, что любой из наших «большевиков» объявил бы *изменнической* тактику Маркса и Энгельса... если бы только, разумеется, он имел нравственное мужество высказаться о ней откровенно. Достоевский, устами одного из братьев Карамазовых, оказал когда-то, что если бы Христос опять сошел на землю, то он опять был бы распят — и на этот уже раз христианами. Я с полнейшим убеждением утверждаю, что если бы Маркс и Энгельс выступили инкогнито на одном из тех собраний, на которых блещут своим революционным красноречием наши «большевики», то их освистали бы за их «умеренность» и объявили бы «кадетообразными марксистами», а, — под сердитую руку, — и просто «кадетами». В этом, к сожалению, нельзя сомневаться. Но ведь это жалкое, хотя в то же время и досадное ребячество! С какой же стати вписывать его в «débet» марксистской «ортодоксии»? Где же здравый смысл? Где правда?

Тому назад лет тридцать с хвостиком, кто-то, кажется Н. Михайловский, писал, что если Дарвин говорит: «борьба за существование», а «дарвиненок», услышав это, выбегает на улицу и хватает за горло первого встречного, то винить в таком происшествии Дарвина значит грешить против самой элементарной справедливости. Не то ли же самое с Марксом? Не грешит ли против самой элементарной справедливости тот, кто ставит в вину его *учению* те многочисленные

тактические, — да и не одни тактические, — ошибки, которые были сделаны и делаются людьми, легкомысленно называющими себя его у*чениками?*

252

Какова должна быть в России тактика правоверных последователей Маркса? «Большевики» развязно отвечают: «совершенно такова, как наша». И этот их ответ вполне подтверждается публицистами кадетского толка: «Да, — глубокомысленно вторят они, — правоверная марксистская тактика, в самом деле, не может быть иною». Но тут я решительно протестую и, кроме всех доводов, приведенных выше, привожу доказательство ad hominem.

В ноябрьской книжке 1906 г. «Современной Жизни» было напечатано мнение Поля Лафарга о том, как должна вести себя в настоящее время российская рабочая партия. Как это известно всякому, даже не обучавшемуся в семинарии, Поль Лафарг принадлежит к числу самых «ортодоксальных» последователей Маркса и Энгельса. Что же говорит он? И похоже ли то, чтò он говорит, на то, что кричат, — они именно кричат, а не говорят,— наши «большевики»? Нет, ни капельки не похоже!

А в декабрьской книжке напечатано, между прочим, мнение о том же предмете Жюля Гэда. Насчет Гэда опять-таки всякому, даже не обучавшемуся в семинарии, известно, что он — такой правоверный марксист, каких не много. Что же говорит Жюль Гэд? И похоже ли то, что он говорит, на то, что вопили и вопиют наши «большевики»? Опять нет! Опять ни капельки не похоже!

Вот потрудитесь послушать.

«Я с отчаянием видел, — пишет Ж. Гэд, — как мои товарищи сперва бойкотировали Думу, а потом проявляли к ней равнодушное отношение под тем предлогом, что она не проводит нашей программы, тогда как это первое народное представительство, как бы ни было оно изуродовано, становилось необходимым революционным центром, дававшим возможность всем оппозиционным силам сплотиться против «старого режима», отказывающегося сойти со сцены, и повести на него общую атаку с лозунгом: «Да здравствует Дума!»

Вы видите, что здесь говорится нечто прямо противоположное тому,

что считали «правоверным» наши «большевики». Вы видите, что тактика этих людей доводила правоверного Гэда до «отчаяния». Это уже очень недурно. Но слушайте дальше.

«Поэтому я с величайшей радостью вижу, что наши друзья изменили свой взгляд и намерены участвовать в выборах, видя в Думе то, чем она в действительности будет: каков бы ни был ее состав, она явится могущественным боевым орудием против старого режима».

253

Переводя это на наш жаргон, можно сказать, что Ж. Гэд с величайшей радостью увидел, что партия отказалась от тактики «большевиков» и приняла тактику «меньшевиков». Но если Ж. Гэд готов одобрить тактику этих последних, то он требует от нее ясности и последовательности. Он не боится быть заподозренным в оппортунизме, как боятся этого некоторые «меньшевистские» дипломаты. Нет, не такой он человек, не из такого теста сделан! «И в особенности не надо бояться, — прибавляет он, — входить в открытые соглашения с так называемыми у вас кадетами в тех случаях, когда понадобится разрушить ту или иную основу старого порядка. Какое нам дело до того, что пули [1]) будут пущены не из наших ружей, лишь бы они метили в нашу цель и разили то, что нам надо поразить!».

Ну, а как же быть с амстердамской резолюцией? Ведь она запрещает соглашение с непролетарскими партиями.

«Если вы будете держаться этой естественно-необходимой тактики, — отвечает знаменитый французский «ортодокс», — то будет с вами, а не против вас амстердамская резолюция, которая, запрещая и называя изменой всякое сотрудничество с буржуазией, обладающей политической властью..., повелевает, наоборот, употребить все средства для того, чтобы покончить со всеми формами абсолютизма и создать таким образам тот режим, в котором эта власть должна быть и будет завоевана рабочим классом».

Вот оно как! Не смущается даже и амстердамской резолюцией! Совсем кадет! Вот только насчет диктатуры пролетариата у него вышло не по-кадетски. Да он, должно быть, упомянул о ней просто так, для отвода глаз или по старой дурной привычке; что бы он там ни говорил об этой диктатуре, а все-таки сейчас видно, что от настоящей-

то «ортодоксии» он уже далеко отклонился.

Так что ли? Или, может быть, теперь уже ясно, что совсем не так? Ясно, может быть, что настоящая-то «ортодоксия» говорит вовсе не тем языком, каким кричат наши псевдомарксисты ленинского толка? А если ясно, то надо перестать обвинять «ортодоксию» в том, в чем виновато лишь явное непонимание «ортодоксии». Пора усвоить себе ту простую мысль, что партия пролетариата у нас, как и во всем мире, может довести до максимума полезность своей политической

[1]) Для успокоения нервных читателей из числа подписчиков «России» спешу заметить, что «пули» надо понимать в переносном смысле.

работы *только* в том случае, если она пойдет под знаменем «ортодоксального» марксизма.

Я знаю, как трудно освоиться с этой простой мыслью нашим кадетским публицистам. Но что же делать? Надо привыкать!

Это в общем нашем интересе, господа; в интересе того общего напора на наш старый порядок, о котором говорит Ж. Гэд. Зачем вам сразу гнаться за двумя зайцами, рискуя упустить обоих? Зачем вам возводить неправильные обвинения на ортодоксию там, где вы правильно отмечаете наши политические ошибки? Не лучше ли установить здесь разделение труда? Не лучше ли предоставить критику «ортодоксии» вашим теоретикам, — вроде лиц, группировавшихся вокруг «Полярной Звезды» г. П. Струве, — лиц, которые во всяком случае лучше подготовлены для этого дела, чем ваш средний публицист? И не лучше ли вашим средним публицистам вовсе прекратить всякие «кивания» в сторону правоверного марксизма, ставя политические вопросы исключительно только на *конкретную почву политического расчета?* Право же, лучше!

«Ортодоксы» не боятся теоретических споров, — всем известно, что это очень горячие спорщики, — но они очень хорошо видят (и удивляются, как не замечаете этого вы), что если их *практические* соглашения с вами должны быть обусловлены предварительным *теоретическим* соглашением, то они *никогда* не будут иметь места. А между тем они нужны для успеха нашего общего дела.

Написав эти строки, я прочитал в № 212 «Речи» статью А. С. Изгоева «Конституционализм и социализм». Эта статья может

служить прекрасной иллюстрацией к тому, что сказано мною о неуместных «киваниях» кадетских публицистов в сторону марксизма.

Г-н Изгоев говорит: «У нас в России до конца семидесятых годов почти безраздельно господствовал утопический социализм под видом «народничества», отрицавший, конечно, конституцию, западноевропейские основы жизни и проч. С конца восьмидесятых годов началось выступление научного социализма сперва в теории, затем на практике. Но, развившись более в интеллигентной среде, чем в рабочей, наш новейший социализм при-нял разнообразные формы, в которых причудливо сплетались марксизм с утопизмом, бланкизмом, эволюционизмом, анархизмом, анархическим синдикализмом и проч.».

Утопический социализм, господствовавший в России до конца семидесятых годов, не умел правильно решить политический вопрос, это справедливо. И чем более собирается материалов для идейной

истории русской интеллигенции семидесятых годов, тем очевиднее становится, что с политическим вопросом не умели тогда у нас справиться даже такие люди, которые считали политическую борьбу самой насущной задачей освободительного движения. Это звучит парадоксам, но это именно так. Напечатанная в «Былом» статья Николадзе об освобождении Чернышевского показывает это с неотразимой убедительностью. Научный социализм, «выступление» которого началось у нас в восьмидесятых годах [1]), имел все данные для решения политического вопроса,— «научные социалисты,— говорит г. Изгоев,— отлично понимают, что без парламентаризма социализм невозможен», — но правильному пониманию этого решения нашими социалистами помешало то обстоятельство, что они принадлежали «более» к интеллигентной среде. В нашем новейшем социализме марксизм причудливо сплелся, по словам г. Изгоева, с разными видами утопического социализма. Это, к сожалению, тоже верно по отношению ко многим и многим из наших «марксистов». Но что же из этого следует? Казалось бы, что ввиду этого следовало желать, чтобы научный социализм поскорее восторжествовал у нас над утопическим. Г-н Изгоев именно этого и хочет. Но при этом он спешит сделать одно существенное различение. Он заявляет, что в самом научном

социализме есть примесь утопии, которая «иногда» создавала возможность противополагать конституционализм и парламентаризм социализму. В научном социализме Маркса *и* его ближайших последователей «революционные и эволюционные элементы были тесно смешаны друг с другом, не переставая враждовать под общей крышей». К счастью, дальнейшее движение социализма «вело к все большему и большему выделению эволюционных элементов учения, которые с каждым годом усиливались, несмотря на то, что фразеология осталась прежняя, революци-онная. Поведение Бебеля на Маннгеймском конгрессе по вопросу о всеобщей стачке — только один из сотни эпизодов, характеризующих его течение».

Я не стану возвращаться здесь к оценке поведения Бебеля в Маннгейме. Я подробно высказался о нем в статье, написанной под непосредственным впечатлением Маннгеймского съезда. Я только попрошу читателя заметить, в чем видит г. Изгоев главный отличительный признак научного социализма. Он видит его в отсутствии революционного элемента. Это не более, как старое, давно избитое и потому давно оставленное даже анархистами *противопоставление революции эволюции.* Как будто не ясно до очевидности, что эволюция *не исключает* революций, а подготовляет их. Но г. Изгоев этого знать не хочет: ему подавай такой социализм, в котором совсем не было бы слышно революционного «канупера». Только такой социализм он и согласен признать научным. Короче сказать, научный социализм, это — не социализм Маркса и Энгельса, а социализм г. Бернштейна. И когда г. Изгоев и его единомышленники желают успеха в России научному социализму, это значит, что они желают успеха социализму г. Бернштейна.

---

[1]) Г-н Изгоев относит его «выступление» *к концу* восьмидесятых годов, но это неверно: оно началось уже в 1883 году.

Это, конечно, их дело. Я совсем не думаю посягать на свободу их симпатий. Но я опять говорю им: господа, в этом случае голос инстинкта заглушает в вас голос рассудка и справедливости. Припомним факты. В своем знаменитом «Манифесте» Маркс и Энгельс насмехаются над теми «истинными» немецкими социалистами, которые бестактно нападали на буржуазный

конституционализм. Авторы «Манифеста» называли этих будто бы истинных социалистов невольными защитниками старого порядка. «Манифест» был, как известно, написан в самом начале 1848 года. Потом, после мартовских событий, Маркс и Энгельс, вернувшись в Германию, примыкают к *демократической партии,* на что Энгельс указывал, много лет спустя, — в письме к Зорге, — как на шаг, совершенно правильный в тактическом отношении. Что скажете вы об этом? Вы скажете, вероятно, что тут Маркс и Энгельс повели себя, как истинные эволюционисты. Но я отвечу вам, что тот же, столь любезный вам, г. Бернштейн считает эпоху сороковых годов как раз тем временем, когда революционные элементы преобладали в миросозерцании Маркса и Энгельса над эволюционными. Выходит, что это преобладание не помешало основателям научного социализма держаться той тактики, которая *на вашем языке* называется *эволюционной.* Да и как бы оно могло помешать этому, когда и все-то противопоставле-ние революции эволюции не выдерживает даже и самой снисходительной научной критики?

Существуют доктринеры революционизма. Наших проповедников «эволюционной» тактики, поминутно шпыняющих «ортодоксальный» марксизм, приходится признать *доктринерами антиреволюционизма.*

Какой из двух видов доктринерства привлекательнее? Это — как кому. Но факт тот, что на практике антиреволюционное доктринерство нисколько не менее вредно, нежели революционное. В самом деле,

возьмите хотя бы статью г. Изгоева. Написана она, вероятно, с хорошей целью пояснить русским марксистам, что только утопический социализм может быть враждебен конституционализму. И я взялся за чтение этой статьи с не менее похвальной целью почерпнуть в ней новые доводы в пользу соглашения «крайних левых» с «левыми». Значит, у нас обоих были самые мирные намерения, а кончилось дело спором. Это уже нецелесообразно.

Г-н Изгоев волен повторять избитые рассуждения г. Бернштейна на тему о двух элементах в учении Маркса. Никто ему этого в вину не поставит, а иные найдут, может быть, что это «очень оригинально» и свидетельствует о наличности критического элемента в миросозер-

цании самого г. Изгоева. Но к чему заниматься этой «критической» жвачкой в передовых статьях политической газеты, имеющей в настоящее время совсем другие задачи? В переживаемое нами время публицистам этой газеты следовало бы не поддаваться искушениям антиреволюционного доктринерства.

Надо считаться с фактами. А факты говорят, что во имя так называемого критического социализма идеологи российского пролетариата ни за что не пойдут ни на какие соглашения с «левыми». Если вы хотите таких соглашений, то докажите, что их требует правильно понятая «ортодоксия», и тогда вы можете быть уверены, что ваши доводы не пропадут бесследно. Дурно это или хорошо — я здесь рассматривать этого не стану. Но действительность такова, и вам, «реальным политикам», полезно считаться с нею.

Г-н Изгоев находит, что «в полемике наших партийных социалистов против конституционалистов-демократов главную роль играют не ясно сознанные реальные интересы, а споры кружков, претензии различных литературных групп. Этим объясняются и раздоры, разъедающие наши социалистические партии, в которых чуть ли не на каждого солдата приходится по одному генералу».

Это строго. Но пусть скажет г. Изгоев: чем объясняется полемика наших «конституционалистов-демократов» против социалистов? Только желанием сообщить этим последним более правильные тактические взгляды? Нет, не только этим! Если бы это было так, то гг. конституционалисты-демократы не считали бы своим долгом постоянно «кивать» на «ортодоксальный» марксизм. Они очень легко поняли бы тогда, что это не только ненужно, но прямо вредно.

А что «претензии различных литературных групп» вызывают иногда чрезвычайно много совершенно излишних споров — это верно.

За примером недалеко ходить. Когда в «Товарище» появилось письмо Плеханова к сознательным рабочим, то г-жа Кускова очень обрадовалась этому обстоятельству, так как, по ее словам, «они» («мы») всегда проповедовали то же самое, что сказано в письме. И вообще почти каждый раз, когда в среде «эсдеков» обнаруживается критическое отношение к своей собственной деятельности, «они» восклицают:

«победихом! победихом!» Тактические вопросы интересуют их, как видно, главным образом, с точки зрения их «литературных» и иных «претензий». Нет ничего легче, как показать, что претензии эти не основательны. Но об этом не стоит спорить в то время, когда над головами всех друзей свободы занесена дубина черной сотни. Теперь положительно не до того. Теперь надо долбить и долбить, что ни «левым», ни «крайним левым» нечего бояться таких соглашений, в которых они, не делая друг другу решительно никаких принципиальных уступок, могли бы сочетать свои усилия там, где это нужно и для тех, и для других, нужно для всей России!

Такие соглашения теперь вопрос дня. Горе тем, которые откажутся от них ради тех или других доктринерских соображений. В политике нет более тяжелого и в то же время более постыдного, более жалкого и смешного греха, нежели доктринерство. Это — грех слабых.

Письмо четвертое

Что у кого болит, тот о том и говорит. У нас «болит» наша тактика; неудивительно поэтому, что я часто возвращаюсь к тактическим вопросам. Ведь так много зависит от их правильного решения. Будь у нас в «дни свободы» правильные тактические понятия, наше дело обстояло бы несравненно лучше, нежели оно обстоит теперь. Но где же искать правильного решения тактических вопросов? Очевидно, и здесь должен существовать известный метод, при надлежащем употреблении которого мы могли бы открыть истину.

Какой же это метод?

По-моему — тот самый, которым мы вообще пользуемся при разработке различных сторон нашего миросозерцания, — это *диалектический метод.*

Но и диалектический метод может быть понимаем, — а следовательно и применяем, — различно. Идеалистическая диалектика Платона или Гегеля — далеко не то же самое, что материалистическая диалектика Маркса.

Маркс следующим образом характеризует различие между этими двумя видами диалектики:

«Для Гегеля логический процесс, превращающийся у него, под име-

нем идеи, в самостоятельного субъекта, есть демиург действительности, которая составляет только его внешнее проявление. Для меня же, как раз наоборот, идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное» [1]).

По поводу этой характеристики диалектического метода наговорено было «критиками Маркса» много вздору. Один из них, — доктор Конрад Шмидт, — утверждал, например, с видом глубочайшего глубокомыслия, что считать идеальное переработкой и переводом материального значит объяснять духовную природу человека «материей и силой». В другом ме-

[1]) «Das Kapital», Vorwort zur 2. Auflage, p. X, XI.

сте я возразил ему на это, что если я перевожу какое-нибудь произведение с русского на французский, то это отнюдь не означает, что свойства французского языка объясняются свойствами русского [1]). Но здесь мне совершенно не нужно вдаваться в философский спор об отношении «идеального» к «материальному». Я веду беседу с читателем, стоящим на точке зрения Маркса и не уклонившимся от нее ни под влиянием глубокомысленного доктора К. Шмидта, ни под влиянием еще более глубокомысленного г. Богданова. Я разговариваю с марксистом, не фальсифицированным «критикой». А такому марксисту, — надо сознаться, таких мало, — естественно считать правильными философские основы своего собственного миросозерцания. Стало быть, мы можем, не подвергая пересмотру («Revision») эти основы, сосредоточить свое внимание на том, что говорит дальше Маркс о своей материалистической диалектике.

«В своем мистифицированном виде, — продолжает он, — диалектика была немец-кой модой, потому что она оправдывала, по-видимому, существующий порядок вещей. В своем рациональном виде она неприятна буржуазии и ее теоретикам, потому что она, объясняя существующее, объясняет также его отрицание и его неизбежное уничтожение; потому что она рассматривает каждую данную форму в ходе движения, т. е., стало быть, с преходящей стороны; потому что она не останавливается ни перед чем, будучи критической и революционной по своему существу» [2]).

На первый взгляд эта характеристика материалистической диалектики представляется как нельзя более далекой от тех тактических вопросов, которые волнуют нас в настоящее время. Но вдумайтесь в нее внимательнее, и вы увидите, что это большая ошибка.

В самом деле, материалистическая диалектика, рассматривающая каждую данную форму с ее преходящей стороны, имеет ту особенность, что она не только *отрицает,* но и *объясняет,* и притом объясняет не только существование данной формы, подвергающейся отрицанию, но и само это отрицание. Отрицание, не умеющее оправдать себя перед верховным судилищем диалектики, оказывается, признается лишенным всякого основания. Это чрезвычайно важно как в теоретическом, так и в практическом отношении. Но это еще не все. Чем может быть оправдано, объяснено отрицание перед судилищем диалектики? Так как мы имеем дело с *материалистической* диалектикой, то очевидно, что объяс-

[1]) «Критика наших критиков», стр. 231. [Сочинения, т. XI, стр. 135]
[2]) *Маркс,* назв. соч., те же стр.

нения надо искать не в *«идеальном»,* которое есть перевод и переделка в человеческой голове «материального», а именно в этом последнем. То «материальное», к которому приходится апеллировать при объяснении отрицания данного общественного порядка, называется общественной экономией. Материалистическое объяснение истории заключается, как в формуле, крайне сжатой, но чрезвычайно точной, в приведенной мною характеристике материалистической диалектики. Замечу мимоходом, что из этого видно, как умны те люди, которые признают материалистическое объяснение истории, но отвергают материалистическую диалектику.

Пойдем дальше. Человек, умеющий объяснить существующее, умеет также опреде-лить, — по крайней мере, имеет наилучший метод для того, чтобы определить, — в какой мере это существующее *уже* созрело и в какой мере оно еще не созрело для погибели. А это, разумеется, не может остаться без влияния на его *практическую* деятельность: к тому, что еще *не созрело* для погибели, такой человек по необходимости, — я имею в виду *логическую* необходимость,

которой подчиняются, однако, только *последовательные* люди, — будет относиться иначе, нежели к тому, что уже созрело для нее. Из одного места «Анти-Дюринга» видно, что Энгельс представлял себе исторический путь каждого данного общественного класса в виде кривой линии, состоящей из двух частей, восходящей и нисходящей. Пока данный класс находится в восходящей части кривой своего исторического движения, он играет прогрессивную роль в общественном развитии, и тогда всякий тот, кто стремится так или иначе задержать его стремление вперед, сам играет волей-неволей, сознательно или бессознательно, роль *реакционера.* И это одинаково верно как в применении к общественной *экономии,* так и в применении к *политике.* Иначе, впрочем, не могло бы и быть ввиду той тесной причинной связи, которая существует, по учению Маркса, между производственными отношениями всякого данного общества, с одной стороны, и его политической «надстройкой» — с другой.

Возьмем пример из области экономии. Стоя на точке зрения диалектического материализма, Маркс и Энгельс, — *в противоположность буржуазным экономистам,* — изучали капитализм именно «в ходе движения, т. е., стало быть, с преходящей стороны». Объяснив существование капитализма, они тем самым объяснили его отрицание и его неизбежное падение. И это их объяснение неизбежного падения капитализма легло, как известно, в основу их отношения к движению класса, долженствующего со временем устранить капитализм, т. е. современного

рабочего класса. Но именно потому, что они *объяснили существование капитализма,* они поняли ту прогрессивную роль, которую он, играя в истории, и, — *в противоположность социалистам-утопистам,* — объявили *реакционными* все попытки *остановить* или хотя бы только *замедлить* развитие капитализма.

На партийном съезде германской социал-демократии в Бреславле (1895 г.) Бебель сказал, что когда ему приходится рассматривать то или другое практическое требование, то он прежде всего спрашивает себя, не помешало ли бы его осуществление развитию капитализма, и если обнаруживается, что оно действительно помешало бы ему, то ом

высказывается *против* такого требования. Говоря это, Бебель был верным учеником Маркса.

Но подобное отношение к капитализму понятно только тем людям, которые сумели, — хотя, может быть, только в этой области, — подняться до диалектической точки зрения. Людям же, придерживающимся той точки зрения, которая у Гегеля, а после Гегеля у Энгельса и Маркса, называлась *метафизической,* дело представляется совершенно в другом виде. Метафизик рассуждает по формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого». Эта формула исключает всякие соображения об условиях места и времени; она не знает оттенков. Капитализм *или* хорош, *или* дурен. Если он хорош, то его надо насаждать всеми мерами, а потому надо идти в услужение к капиталистическим эксплуататорам. Если он вреден, то его надо решительно устранять всеми средствами, включая сюда и те, которые увековечивают существование старых, докапиталистических «устоев». Это старая песня, хорошо знакомая у нас читателям, помнящим наши споры с народниками. Я до сих пор не могу удержаться от веселого смеха, когда вспоминаю, как покойный С. Н. Кривенко писал, что в современной нам деревне последовательный марксист должен сделаться кабатчиком. Я смею льстить себя тою надеждой, что бо̀льшая часть моих читателей понимает теперь, как сильно ошибался только что названный мною враг капитализма. Значит, я могу и не останавливаться дольше на этом примере.

Теперь возьмем пример из области политики. Метафизик, твердящий, что капитализм *или* хорош, *или* дурен и что поэтому надо *или* насаждать его, *или* мешать его развитию, остается вполне верным себе, когда опасается политического торжества буржуазии. Ведь если капитализм *или* хорош, *или* дурен, то и политическое господство буржуазии *или.* хорошо, *или* дурно. Если оно хорошо, то надо самому держаться буржуазной политики, а если оно дурно, то нужно не допускать поли-

тического пришествия буржуазии, хотя бы для этого пришлось увековечить, — точнее говоря, продлить на неопределенное время, — существование старых, докапиталистических форм политических

отношений. Такой вывод делали иногда «истинные», осмеянные в «Манифесте Коммунистической Партии», немецкие социалисты сороковых годов; такой же вывод делали у нас народники типа г. В. В. и субъективисты типа Ник. Михайловского. Что я не клевещу на этого последнего, видно, между прочим, из напечатанной в «Былом» статьи г. Николадзе «Освобождение Чернышевского». Это — в своем роде страшная статья, показывающая, до каких диких выводов доходили несомненно честные и по-своему умные люди, не умея возвыситься до диалектической точки зрения на общественную жизнь.

С другой стороны, у нас в восьмидесятых годах были люди, — гг. В. Бурцев, И. Добровольский, В. Дебагорий-Мокриевич, — которые, решив, что торжество буржуазного порядка было бы большим шагом вперед для России, делали отсюда тот вывод, что русские идеологи пролетариата должны «на время» слиться с либералами. Это была дополнительная ошибка к той, которую делали Михайловский и наши народники: и те, и другие, и народники с Михайловским, и г. В. Бурцев со своими единомышленниками, рассуждали по формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого».

Не так рассуждали основатели научного социализма. В политике, — совершенно так же, как и в экономии, — они объясняли буржуазный режим с его преходящей стороны. Объясняя его существование, они тем самым объясняли и его отрицание, его неизбежное падение. Но тем же самым они объясняли и ту прогрессивную роль, которую он сыграл, — или, как в Германии сороковых годов, только должен был сыграть, — заместив собою «старый порядок», выросший на почве отживших экономических отношений. Вот почему они осмеивали в своем «Манифесте» немецких «истинных» социалистов, в своей простоте полагавших, что если буржуазному политическому режиму суждено со временем исчезнуть, то ему незачем и появляться. Социалисты этой категории представлялись авторам «Манифеста» *реакционерами,* а их литература — *вредной, «развращающей литературой».* Маркс и Энгельс находили, что пролетариат должен идти рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в своей борьбе со старым порядком.

Если «истинные» социалисты, рассуждая по формуле: «да — да, нет

— нет», приходили к тому убеждению, что ввиду противоречия *экономических* интересов буржуазии и пролетариата у этих двух клас-

сов не может быть общих *политических* интересов, даже в период перехода от добур-жуазного политического режима к буржуазному, то К. Гейнцен и его друзья, в свою очередь, находили, что в указанный исторический период пролетариату совсем нет надобности выделяться в особую политическую партию. Такое выделение представлялось им, — как представлялось оно у нас гг. Бурцеву, И. Добровольскому и проч., — вредным для дела свободы, и потому они жестоко нападали на Маркса и Энгельса за их деятельность в этом направлении.

Само собою разумеется, что здесь совершенно неуместно было бы распространяться об этой полемике. Но полезно будет указать здесь на то, как определял Маркс собствен-но *логические* промахи К. Гейнцена.

По словам Маркса, К. Гейнцен принадлежал к числу представителей того «здравого смысла», который не желает портить свои природные дарования изучением философии и других премудростей и который обнаруживает свою вульгарность своей полной логической беспомощностью. Там, где ему удается заметить *различие* между предметами, он не видит их *единства,* — т. е. *сходства,* — а там, где он видит их *единство,* он упускает их *различие.* Выражая это известной русской поговоркой, мы могли бы сказать, что там, где этому вульгарному «здравому смыслу» удается вытащить хвост, у него вязнет нос, и наоборот.

Эта, — правда, не весьма лестная, — аттестация может быть с полным основанием применена ко многим и многим из тех, которые рассуждают теперь в нашем отечестве о тактике пролетариата. Есть у нас и теперь категория людей, утверждающих, что в России названному классу еще не пришло время выступать в политике отдельно от буржуазии. Люди этой категории видят *сходство* между предметами и не замечают их *различия.* Другие люди, считающие себя большими радикалами, настаивают не только на том, чтобы пролетариат выступал в политике *отдельно* от буржуазии, — тут они правы, — но также и на том, чтобы он не входил в политические сношения с нею

даже и для борьбы со «старым порядком». Тут они ошибаются. Этим людям удается подметить, — вернее, запомнить со слов других — *различие* между предметами, но у них не хватает силы ума для того, чтобы одновременно с этим выяснить себе и *сходство* в положении этих предметов. У одних вязнет нос, у других — хвост. Кто лучше? Я, право, не знаю. Должно быть, и те, и другие лучше. Но, во всяком случае, несомненно то, что ни те, ни другие не доросли до точки зрения диалектического материализма. И недаром, — к слову сказать, — и те, и другие, когда им случается заняться философией, одинаково охотно устраняют эту точку

зрения, как «устарелую», заменяя диалектический материализм — одни кантовским критицизмом, другие маховским эмпириомонизмом и т. д.

Для наглядности, вот маленькая вырезка из «Товарища» (№ 133):

«Нам сообщают из Парижа:

«После опубликования в «Товарище» *письма Гэда, в* котором он решительно высказался за соглашение с либерально-демократической оппозицией в предстоящих выборах, один видный большевик послал Гэду телеграмму следующего содержания: «Поражен вашим письмом, столь несовместимым с принципами борьбы классов». Большевик не верил подлинности письма Гэда и просил его подтвердить принадлежность ему письма телеграммой. Гэд ответил: «Обязанность социалиста — бороться против абсолютизма. Если нельзя выставить кандидата своего класса, — надо входить в коалицию».

«И ты, Брут!»

Что один более или менее «видный большевик» посылал телеграмму Гэду, выражая ему свое крайнее удивление по поводу его письма, это мне было известно из другого источника, но мне не был сообщен подлинный текст телеграммы более или менее «видного большевика», и я не могу сказать, совершенно ли точно передан этот текст в «Товарище». Однако нам и не нужна здесь *«буква»* телеграммы; нам достаточно знать ее *мысль,* ее «дух». А мысль ее передана верно. И в лице ее автора, более или менее «видного большевика», перед нами стоит весьма интересный экземпляр породы людей, органически

неспособный усвоить себе ту, в сущности, крайне простую мысль, что два данных предмета могут быть и различны, и сходны между собою и что в наше переходное время тактика российского пролетариата должна была насквозь пропитана именно этой мыслью. Столь простая мысль все-таки слишком сложна для «природного дарования» людей этой породы. Они знают только свое «или — или»: или сходство, или различие; или борьба классов, или соглашения; что сверх того, то от лукавого. Им и в голову не приходит, что в переходные эпохи соглашения могут быть необходимы в интересах *дальнейшего развития той же борьбы классов.* Я уверен, что когда наш более или менее «видный большевик» получил телеграмму Ж. Гэда, указывавшего ему на прямую и неоспоримую «обязанность социалиста», то он с грустью решил, что сам основатель французской рабочей партии заболел оппортунизмом. Бедный «видный большевик»! Он, право же, трогателен в своей святой простоте!

Но как ни трогателен этот российский представитель вульгарного «здравого смысла», надо все-таки помнить, что его понятие об оппор-

тунизме, — довольно-таки распространенное в рядах российских эсдеков, — могло быть естественным для социалистов «времен Очакова и покоренья Крыма», но является самой несомненной контрабандой в голове человека, именующего себя последователем Маркса.

С точки зрения социалиста давно прошедшего времени вопрос о том, кто оппортунист, а кто радикал, решался до последней степени просто. Если формулой: «да — да, нет — нет» исчерпываются все логические возможности, то легко видеть, что к радикалам нужно причислить того, кто, усвоив себе, скажем, принцип борьбы классов, настойчиво требует, чтобы борьба между двумя данными классами продолжалась даже тогда, когда им обоим было бы выгоднее согласиться между собою для совместного *нападения на какого-нибудь третьего противника,* препятствующего свободе движений каждого из них. *Или* борьба классов, *или* примирение классов, т. е. измена принципу борьбы. Вот почему вышеупомянутый более или менее «видный большевик» по-своему *должен* считать меня и Гэда оппортунистами; вот почему он по-своему имел полное *право*

самодовольно воскликнуть, подобно тому, как восклицал фарисей в иерусалимском храме: «Благодарю тебя, господи, за то, что ты создал меня не похожим на этих людей, а уподобил меня радикальному Ленину». У «видного большевика» своя логика. Но после всего вышесказанного ясно, что *его* логика совершенно неудовлетворительна. Ясно, стало быть, что и суждения, опирающиеся на эту логику, не только не могут решить интересующий нас вопрос, но *непременно должны его запутывать.*

А как обстоит дело с точки зрения последователя современного научного социализма? На первый взгляд оно представляется здесь более *сложным,* но в сущности оно значительно *упрощается* уже по одному тому, что диалектический метод научного социализма легко справляется с трудностями, непреодолимыми для вульгарного «здравого смысла».

Если материалистическая диалектика рассматривает все явления с их преходящей стороны; если она, объясняя эти явления, объясняет также и их отрицание; если она ни перед чем не останавливается и ни перед чем не склоняется, то отсюда следует, что радикален только тот, кто вполне верен ее духу, т. е. только тот, кто сам не склоняется ни перед чем старым, отживающим свой век; кто понимает смысл исторического движения и ясно видит его конечную цель. Оппортунистом же, напротив, является тот, кто не имеет достаточно *нравственной* силы для того, чтобы разорвать с отживающим, или достаточно умственной силы для того, чтобы понять, что старое в самом деле отжило свое

время. Само собою разумеется, что такой человек будет сравнительно равнодушен к конечной цели движения; ему иногда будет прямо неприятно говорить о ней, так как напоминание о ней тревожит защитников отживающего, с которыми ему не хотелось бы разойтись окончательно. Психология оппортуниста, это — психология г. Э. Бернштейна, который взялся за «пересмотр» теории Маркса, придя к тому убеждению, что старый марксизм *запугивает буржуазию.* Г-н Э. Бернштейн захотел убедить, по крайней мере некоторые слои этого класса, в том, что современное рабочее движение совсем не так

сильно, как они думают, угрожает их материальным и их идеологическим интересам: «их религии, их патриотизму» и т. д. [1]). Вот почему г. Э. Бернштейн принялся доказывать, что в нынешнем капиталистическом обществе число собственников растет не только относительно, но и абсолютно; вот почему он стал осуждать всякие толки о диктатуре пролетариата; вот почему он стал «критиковать» материализм и т. д., и т. д. Все это его настроение прекрасно выразилось в том, что конечная цель современного западноевропейского рабочего движения потеряла в его глазах всякую цену: «движение — все, конечная цель — ничто», объявил он. Но если конечная *цель* — ничто, то и *движение* утрачивает всякий смысл: оно становится движением с закрытыми глазами, движением ощупью, движением наудачу. Когда человеком овладевает такое настроение, ему, разумеется, тошно всякое напоминание о ни перед чем не склоняющейся материалистической диалектике. И недаром г. Э. Бернштейн, взявшись за «пересмотр» теории Маркса, стал усердно предупреждать своих читателей против опасностей того, что он называет *логикой противоречий.*

Теперь мы знаем один признак, характеризующий мышление человека, верного духу материалистической диалектики. Такой человек ни на одну минуту не упускает из виду конечной цели движения и всякую Форму, всякий факт, всякий шаг в своей собственной деятельности оценивает по принципу ее скорейшего достижения: *лучше всего то, что* скорее *всего ведет к ней; хуже всего то, что нагромождает наибольшие препятствия на пути к ее достижению.* Это один из основных принципов его тактики.

Но, заметьте, — только один. И этим одни« принципом далеко еще не определяется ее характер. Этот характер определяется им до такой

[1]) «Исторический материализм», перевод Л. Канцель. СПБ. 1901, стр. 248 — 249.

был ничтожен по своей политической стоимости. И так же ничтожна теперь политическая стоимость радикализма утопистов. На практике этот мнимый радикализм нередко приносит огромный вред делу и потому играет не *прогрессивную, а реакционную роль.*

Последователь научного социализма, если только он хочет быть

верен самому себе, должен относиться с большим недоверием к ходячим мнениям о радикализме того или другого направления в политике, того или другого общественного деятеля, того или другого приема борьбы. Не все то золото, что блестит, и не все то радикально, что имеет радикальную внешность. Еще недавно г. Э. Бернштейн утверждал, что германской социал-демократии следует внести массовые демонстрации в число употребляемых ею теперь приемов политического действия А Каутский и Бебель оспаривали это мнение, они находили демонстрации неуместными в настоящее время. Что же значит ли это, что Каутский и Бебель поменялись местом с г. Бернштейном? Что теперь они стали оппортунистами, а Бернштейн опять вернулся к радикализму? Так, что ли? Да вовсе же нет! Предлагая радикальное средство политической борьбы, Бернштейн ни на йоту не изменил своему оппортунизму, точно так же, как Бебель и Каутский ни на йоту не изменили своему радикализму, отвергая это радикальное средство. И германские социал-демократы очень хорошо понимали это; а у нас некоторые эсдеки огорчались тем, что левое крыло германской социал-демократии дало оппортунисту г. Бернштейну побить рекорд в радикализме. То-то наивность!

В голове утописта мирно уживаются самые непримиримые противоречия. Сегодня он скажет вместе с вами, что в политике самым радикальным нужно признать то средство, которое скорее всех других ведет к цели. А завтра он будет рассматривать средства совершенно *независимо от их целесообразности;* завтра он совсем позабудет, — ровно никогда и не слыхивал! — что значение всякого данного средства *относительно* и что нет такого средства, которое было бы хорошо салю *по себе,* хорошо *безусловно,* а не только потому, что оно быстро и верно ведет к конечной цели. И только потому, что мышление утописта исполнено противоречий, только потому, что оно не прошло через закаляющую школу диалектики, возможны такие факты, — повторяющиеся у нас чуть не ежедневно, — что какое-нибудь отдельное средство борьбы, скажем хоть демонстрации, берется вне всякой связи с общим ходом движения и признается более или менее радикальным по сравнению *с другим, тоже отдельно взятым средством,* например, хоть с насиль-

ственными действиями. И тот, кто отклоняет средство, признанное наиболее радикальным при таком нелепом методе оценки, считается радикалом, а тот, кто отвергает его, объявляется умеренным и иногда... — это уже верх комизма! — сам сознает себя умеренным и в глубине души страдает от сознания этой своей, «вынужденной обстоятельствами», умеренности. Я вряд ли кончил бы когда-нибудь, если бы стал перечислять ошибки, сделанные нашими крайними левыми благодаря такому в корне ошибочному, — *метафизическому,* как сказали бы Маркс и Энгельс, — способу оценки различных приемов борьбы. Эти ошибки многочисленны, как звезды на небе, как песчинки на берегу моря...

Диалектика рассматривает вещи и явления в их взаимной связи, а не в их отдельности. А когда то или иное *средство* борьбы рассматривается не в его отдельности, а в его взаимной связи с другими *средствами* и, — это главное, — в его соответствии с *целью,* тогда сплошь да рядом обнаруживается, что средство, представляющееся радикальным при его рассмотрении в отдельности, *вредит* делу, *замедляет* достижение цели и должно быть отброшено не потому, что оно будто бы радикально, — нет и не может быть такого средства, которое было бы радикально или умеренно само по себе, — а просто-напросто потому, что оно нелепо, как всякое средство, противное цели; и вот почему чрезвычайно смешны те люди, — в их числе встречается много весьма ученых профессоров разных общественных наук, — которые глубокомысленно повествуют, что к концу своей жизни Маркс и Энгельс стали гораздо умереннее, нежели они были в начале своей политической карьеры. На самом деле изменились не Маркс и Энгельс, а те условия, при которых им приходилось действовать, и это изменение условий необходимым образом привело к изменению приемов борьбы.

Основатели *научного* социализма недаром боролись с социализмом *утопическим,* — который ко времени их выступления все более и более отживал свой век и потому все более и более утрачивал свои *сильные стороны* и все более и более давал чувствовать свои *коренные недостатки,* — недаром они прошли закаляющую школу политической

философии Гегеля; они органически неспособны были рассматривать приемы своей борьбы иначе, как в их взаимной связи и в их отношении к конечной цели.

С этой стороны, — конечно, только с этой, — германские эсдеки несравненно лучше усвоили себе дух научного социализма, нежели наши российские. Скажите сколько-нибудь толковому немецкому эсдеку, что его партии следовало бы прибегнуть к вооруженному восстанию;

сти прибегают в своем деле решительно все толковые, опытные и искренние люди, не софистицированные интеллигентным доктринерством. Вспомните рассказ «Набег» графа Л. Толстого. Капитан Хлопов говорит:

— Вот в тридцать втором году был тут тоже неслужащий какой-то, из испанцев, кажется. Два похода с нами ходил, в синем плаще, в каком-то.... таки ухлопали молодца. Здесь, батюшка, никого не удивишь.

— Что, он храбрый был? — спрашивает лицо, от имени которого ведется рассказ.

А бог его знает: все, бывало, впереди ездит; где перестрелка, там и он.

Так, стало быть, храбрый, — сказало то же лицо.

Нет, это не значит храбрый, что суется туда, где его не спрашивают.

Что же вы называете храбрым?

Храбрый? Храбрый? — повторил капитан с видом человека, которому в первый раз представляется подобный вопрос: — *храбрый тот, который ведет себя, как следует,* — сказал он, подумав немного [1]).

Старый кавказский служака тоже, как видите, не имел привычки рассматривать военные подвиги с абсолютной точки зрения. Они имели в его глазах лишь относительное значение; он оценивал их с точки зрения цели: *храбрый тот, который ведет себя, как следует.* Как далеко ушла бы теперь наша пролетарская партия, если бы ее офицеры больше походили на капитана Хлопова, чем на испанца в синем плаще!

Доктринерское, т. е. метафизическое отношение к приемам по-

литической борьбы, едва ли не ярче всего сказалось у нас в страхе об избирательных соглашениях. Избирательные соглашения, — как и всякие другие политические действия, — могут быть нужны, могут быть полезны и могут быть вредны. Тут все определяется обстоятельствами времени и места. Поэтому и решать вопрос о соглашениях нужно было именно с точки зрения обстоятельств переживаемого нами момента. Но у нас значительная часть споривших ухитрилась облечь и этот вопрос метафизическим термином. Спорили не о том, полезны или вредны избирательные соглашения в смысле скорейшего достижения цели, а о том, оппортунисты или не оппортунисты те эсдеки, которые их предлагают. Неудивительно, что самые *радикальные* представители западноевропейского социализма, — напомню письмо Ж. Гэда, — *радикально* разошлись в этом случае с теми, которые у нас мнят себя наиболее радикальными

[1]) Курсив в подлиннике.

представителями социал-демократического учения. Радикалы западноевропейского социализма хорошо знают, при каких конкретных условиях выработалась их радикальная тактика; им и в голову не приходит, что эта тактика может считаться радикальной независимо от условий времени и места. А наши «радикалы» именно этого-то и не понимают, вследствие чего они и являются радикалами не на самом деле, а только в своем собственном воображении и только по недомыслию.

Об избирательных соглашениях я здесь больше распространяться не буду: смею надеяться, что мой взгляд на них уже достаточно известен читателю, но я считаю не бесполезным отметить следующее весьма немаловажное обстоятельство.

До сих пор доктринерство эсдеков считалось главным препятствием для сплочения всех противников нашего старого порядка. И за это на их головы сыпалось много упреков и обвинений. Я вовсе не хочу утверждать, что эти упреки и обвинения лишены были основания. Напротив, я сам только что упрекал наших эсдеков в метафизическом отношении к вопросам тактики. Я с сожалением предвижу, что такое

их отношение к этим вопросам еще приведет их ко многим ошибкам в новой Думе, как оно уже привело их ко многим ошибкам в эпоху выборов в первую Думу и во время ее существования. Но правда прежде всего. Как бы ни были велики грехи наших эсдеков, факт тот, что теперь большинство их все-таки обнаружило готовность войти в соглашения, но что «партия народной свободы» совсем не обрадовалась этой их готовности. *Это надо запомнить.* У «партии народной свободы» были, конечно, на это свои основания. Она руководствовалась вполне определенным политическим расчетом, и она имела полное право руководствоваться им. Но если ее расчет не оправдается, если несговорчивость кадетов повредит делу свободы, то и ответственность за это должна пасть именно на них и ни на кого другого. Правда прежде всего.

Сознаюсь откровенно: когда я увидел из «Речи», как далеко заходит и какой характер имеет кадетская несговорчивость, я сказал себе: дело плохо; теперь, пожалуй, даже и те эсдеки, которые раньше склонялись к соглашениям, в свою очередь утратят всякую склонность к ним. Я и до сих пор не уверен в том, что кадетская тактика не имела, по крайней мере отчасти, такого действия. А в нем, разумеется, ничего полезного нет и быть не может.

Каждая партия, трезво смотрящая на политические вопросы, рассматривает всякие соглашения с точки зрения своих собственных задач и своих собственных интересов, а не с точки зрения возвышенности

чувств той партии, с которой она заключает тот или иной договор. Что тактика, усвоенная теперь кадетами, не делает им большой чести, это очевидно. *Но тем хуже для них.* Недалеко то время, когда им придется вкусить от горьких плодов этой тактики, и эсдеки со своей стороны и могут, и должны содействовать скорейшему наступлению этого времени. Некоторые резолюции последнего кадетского съезда указывают на то, что «партия народной свободы» желала бы пустить корни в рабочей среде. Тут эсдеки обязаны дать им суровый отпор, и тут правдивые указания на свойства кадетской тактики несомненно будут способствовать развитию самосознания русских рабочих. Тут

надо, чтобы кадеты получили полностью все то, что им следует. Но, во-первых, и тут нужны не истерические крики о негодности буржуазии, а совершенно определенные действия кадетской партии. А во-вторых, если в политике очень не мешает воздать каждому «по делам его», то надо воздавать, конечно, так, чтобы от этого не пострадали те, которые никакого воздаяния не заслуживают, и, наоборот, чтобы прежде всего пострадали те, которые по справедливости должны пострадать раньше всех других. Но если бы эсдеки вздумали теперь воздавать кадетам, отказываясь поддержать их там, где приходится сделать выбор между ними и реакционерами, то это явилось бы ничем не заслуженной наградой для этих последних и в то же время ничем не заслуженным наказанием для... пролетариата; ведь ясно же, что отсутствие политической свободы тяжелее всего отражается именно на интересах этого класса: буржуазия гораздо легче его приспособляется к положению, создаваемому деспотизмом. Это должны были бы знать теперь даже дети. Ну, а если победа реакционеров тяжелее всего отразилась бы на интересах рабочего класса, то идеологи этого класса были бы вреднейшими для него безумцами, если бы, раздраженные излишней «трезвенностью» кадетов, они вздумали наказывать их, *косвенно* поддерживая, — о *прямой* поддержке, разумеется, не может быть и речи, — черную сотню. Полусвобода лучше деспотизма, потому что дает бо̀льшую возможность добиться полной свободы. В *политике* только неисправимые романтики могут всегда твердить вместе с ибсеновским Брантом: *«все или ничего».* Иногда, довольно редко, полезно бывает последовать и этой формуле. Но несравненно чаще она закрывает дорогу к цели тем, которые за нее держатся. Когда эти строки увидят свет, тогда дело избирательных соглашений будет, плохо или хорошо, решено самою жизнью. Ввиду этого мне могли бы, пожалуй, заметить, что излишне было и писать теперь в его защиту, но это совсем не так. Ошибочный взгляд на соглашения лежит

в самой большой глубине наших тактических принципов. Вот почему полезно было рассмотреть этот ошибочный взгляд при свете основных положений марксизма. Такое его рассмотрение затрагивает целый ряд

других предрассудков, от которых мы, к сожалению, далеко еще не отделались.

Теперь многие эсдеки начинают поговаривать о том, что необходимо «разбить пассивность пролетариата и сделать его опять центром общенародного движения». Это очень похвальное намерение, но осуществить его не так-то легко. *Разбить пассивность* гораздо труднее, чем *бесплодно растратить активность.* А бесплодной растрате активности русского рабочего класса очень сильно способствовали изумительные тактические понятия весьма значительной части наших эсдеков. Увы! «дни свободы» были в этом отношении также *днями безумного мотовства.*

Теперь, я думаю, с этим согласны многие из тогдашних мотов. И многие из них готовы, я думаю, от всего сердца повторить слова песни:

Эх, кабы Волга-матушка вспять побежала! Кабы можно, братцы, начать жить сначала!..

Но начать жить сначала невозможно. Остается, значит, только *жить разумнее в будущем.*

От серьезного очень недалеко до смешного. Споры об избирательных соглашениях ознаменовались некоторыми комическими эпизодами, из которых я напомню читателю следующий. Г-н В. Богучарский, в статье «К вопросу о «полновластной Думе», как избирательном лозунге», советует перечитать одно знаменитое письмо комитета партии «Народной Воли». «Какие скромные требования! — с пафосом восклицает он. — А между тем, кто скажет, что авторы письма отступили хоть на одну йоту от социалистической программы своей партии? Но, в том-то и дело, что то были люди замечательного идеалистического разумения. Недаром Маркс и Энгельс, ознакомившись с содержанием письма, назвали авторов его «людьми с государственной складкой ума». Глубоко-верная аттестация!» («Товарищ», № 135).

Скромность, — что и говорить! — всегда заслуживает всякой похвалы. Но скром-ность скромности рознь; посмотрим, до чего доходила скромность авторов письма. Они выставляли два следующих требования:

«1) Общая амнистия по всем политическим преступлениям

прошлого времени…

«2) Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями» [1]).

Второе требование, как две капли воды, похоже на требование полновластной Думы. А между тем это требование не нравится г. В. Богучарскому. Я отнюдь не виню его за это. Напротив, я нахожу, что он в *известном смысле* достоин всякой похвалы. Но как же быть с «замечательным политическим разумением»? Как быть с «государственной складкой ума»? That is the question!

Как видно, один из редакторов «Былого» довольно основательно позабыл *«былое».* Вот так «пассаж»! Надо надеяться, что память скоро опять вернется к г. В, Богучарскому, а то ведь это ужасно неудобно!

Чем-чем другим, а чудаками долго не оскудеет русская земля. Но «по нынешнему времени» чудаками долго заниматься не приходится. Оставим чудака-редактора в покое и вернемся к серьезным темам.

Недавно Юрий Ларин выпустил брошюру под многообещающим заголовком: «Широкая рабочая партия и рабочий съезд». Брошюра снабжена двумя эпиграфами: «1) Каждый шаг действительного рабочего движения важнее дюжины программ (Либкнехт); 2) Смелость, смелость и смелость (Дантон)». Эпиграфы ничего — недурны. Правда, слова насчет «действительного шага рабочего движения» принадлежат не Либкнехту, а Марксу, но это частность. Важно то, что Ю. Ларин делает в своей брошюре такое практическое предложение, которое совершенно неприемлемо. Он является сторонником «здорового реализма европейской социал-демократии» (стр. 15). С этим я от души его поздравляю. Но мне хотелось бы, чтобы он несколько лучше выяснил себе, в чем именно этот реализм заключается.

Ю. Ларин убежден, что эсдеки могут работать в одной партии с эсерами. Он говорит: «Мы можем смотреть на эсерство, как на аграрный оппортунизм в широкой русской социал-демократии, но по самому характеру своему широкое рабочее движение не может быть в наши дни без оппортунистической струи. Чем шире его захват, чем

больше его роль, тем больше группирует оно вокруг себя надежды всех униженных и обиженных, и тем более новые их потоки приливают к рабочей партии... Поэтому отсутствие оппортунистической струи

[1]) Литература партии «Народной Воли», стр. 907.

в общем потоке социалистического движения в наши дни свидетельствовало бы лишь об его относительной слабости. А по всем условиям экономического строения России у нас оппортунизм, конечно, должен принять форму оппортунизма аграрного, как он стал министериалистским в радикальной Франции или фабианским в Англии с ее культом права» (стр. 46).

Допустим, что все это так, хотя тут и не все так. Но известно ли нашему автору то знаменитое положение Гегеля, что количественные различия, постепенно накопляясь, переходят в качественные? В западных партиях разногласия между марксистами и оппортунистами, бесспорно, принимают подчас очень большие размеры. Но никогда и ни в какой из этих партий разногласия эти не были так велики, как разногласия между русскими эсдеками, с одной стороны, и русскими эсерами — с другой. Пусть Ю. Ларин укажет мне хоть одного западноевропейского оппортуниста, который был бы в принципе против политического развития своей страны. Я такого не знаю. А наши эсеры были, — и, по-видимому, остались до сих пор, — принципиальными противниками капитализма. И с этой стороны они были не оппортунистами, а прямо-таки *экономическими реакционерами.* Это именно и есть тот пункт, в котором количество переходит в качество; с оппортунистом можно ужиться в одной партии, с экономическим реакционером — никогда, ни за что и ни под каким видом. Ведь, вступая в одну партию с людьми этого образа мыслей, надо вступать в нее не с целью «обойти» своих будущих товарищей, а с твердым намерением честно исполнить принимаемые на себя обязательства. (Конечно, и Ю. Ларин не иначе представляет себе такое вступление). К числу же обязательств, которые пришлось бы принять на себя в этом случае, принадлежит, — как это само собою разумеется, — и обязательство подчиняться решениям большинства. Предположим теперь, что экономические реакционеры оказались в

большинстве и постановили, что рабочая партия должна принять все зависящие от нее меры для того, чтобы задержать развитие русского капитализма. Как будет чувствовать себя Ю. Ларин? (Я предполагаю, что он один из первых вступит в одну партию с экономическими реакционерами). Что касается до меня, то я не подчинился бы такому решению даже в том случае, если бы за него высказались все жители земного шара, поддержанные всеми обитателями планеты Марс. А если я не подчинюсь такому решению, то, стало быть, мне нечего и вступать в обязательные отношения к таким людям, которые могли бы принять его.

Ю. Ларин возразит мне, что отрицательное отношение к капитализму есть не более, как *мнение* наших эсеров. Он вообще не придает большого значения различию во мнениях.

«Каковы бы ни были *мнения* социалистов-революционеров насчет исторического материализма и насаждения социализма через русскую общину путем кооперации, — говорит он, — *на деле* они почти столько же стоят на почве международной социал-демократии, вернее, с такими же шатаниями, как и русские социал-демократы. Вспомним мнения о бойкоте выборов, с одной стороны, о блоке с кадетами — с другой. Мы не видим, чем это лучше на практике хотя бы социал-революционного терроризма. Мы не видим далее, чем «поправки» г. Богданова к основам марксистской философии или «поправки» г. Нежданова к основе экономического учения Маркса, — теории прибавочной стоимости, — лучше «поправок» тов. (?) Чернова к аграрным взглядам Каутского относительно значения кооперации. Можно быть не вполне последовательными марксистами, как тт. Чернов, Богданов и Нежданов, и в то же время идти практически в рядах широкой классовой партии с пользой для дела» (стр. 47).

Я совсем не собирался делать комплименты г. Богданову и держусь крайне низкого мнения как об его философских способностях вообще, так и об его «поправках» к Марксу в частности; но когда я вижу, что Ю. Ларин ставит его на одну доску с г. Черновым, у меня невольно вырывается крик горячего протеста. Г-н Чернов — *не вполне последовательный марксист!* Ну и шутник же Ю. Ларин!

Нужно окончательно потерять всякий интерес ко всякого рода «мнениям», чтобы, нимало сумняшеся, окрестить г. Чернова марксистом, — хотя бы и непоследовательным. И я боюсь, что Ю. Ларин спасается от дождя в воду: ему надоело *доктринерство,* и потому он сделался равнодушным ко всякой *доктрине.* Но интерес к *доктрине* и увлечение *доктриной* вовсе не равносильно *доктринерству.* Неужели Ю. Ларин не заметил, что, — например, в рядах наших эсдеков, — *Доктринерство* почти всегда шло рука об руку с полной беззаботностью насчет *доктрины.* Ю. Ларин хочет вышибать клин клином. Но этим ничего не поправишь. Идеологи нашего пролетариата потому и не выбрались до сих пор на правильный путь, что они никак не могли разделаться с вреднейшей привычкой *бросаться из одной крайности в другую.* А эта привычка в свою очередь поддерживается в них беззаботностью насчет «мнений». Можно представить себе, какая темнота воцарилась бы в их головах, если бы они поверили Ю. Ларину в том, что г. Чер-

нов есть все-таки марксист, но только непоследовательный [1]). Не стану я вдаваться здесь и в рассуждения на тему о том, чтò хуже — бойкот Думы или террор. Я только спрошу Ю. Ларина, думает ли он, что можно соединить терроризм с широкой рабочей партией? По-моему, одно исключает другое.

Что русло русского рабочего движения должно быть расширено, это теперь едва ли нужно и доказывать; это сознают теперь у нас все толковые марксисты; что рабочий съезд будет очень сильно способствовать такому расширению — это тоже должно считаться не подлежащим сомнению. Но во имя *широты* не надо становиться *расплывчатым.* Это было бы огромной ошибкой. Маркс и Энгельс такой ошибки не делали Когда они принимались содействовать расширению русла рабочего движения, они умели миновать и Сциллу, и Харибду. Ссылка Ю. Ларина на Международное Товарищество Рабочих неубедительна, во-первых, потому, что к началу шестидесятых годов ни одна социалистическая школа и ни одна рабочая организация на Западе не мечтала о том, чтобы остановить развитие капитализма, а во-вторых, еще и потому, что Международное Товарищество было

товариществом рабочих, наши же эсеры хотят опираться не только на рабочих, но и на «трудовых» *крестьян,* т. е. придать движению совершенно новый характер.

В этом письме я уже приводил интересное письмо, написанное в январе 1887 г. Энгельсом г-же Вишневецкой. Теперь я опять сошлюсь на него и посоветую Ю. Ларину обратить на него серьезное внимание.

«Я думаю, — писал Энгельс, — вся наша практическая деятельность доказала, что мы можем идти вместе с общим движением рабочего класса в каждой точке его пути, не покидая при этом нашей особенной позиции, не разрушая нашей организации и не скрывая ее. И я боюсь, что наши американские товарищи сделают большую ошибку, поступая иначе».

Ю. Ларин тоже сделает большую ошибку, поступая иначе, хотя ошибка его будет прямо противоположна той, которой опасался Энгельс.

---

[1]) О Нежданове я не говорю, ибо не знаю, как именно он «поправил» марксову теорию прибавочной стоимости. Хороший человек Нежданов, а, — вот поди ты! — «без этого» не может: нет — нет, да и придумает «поправку»! Это у него болезнь, которую можно назвать *критическим запоем.*

Письмо пятое

В настоящую минуту, когда я берусь за перо, чтобы писать эти заметки, в нашей печати не прекращаются толки о предвыборных партийных соглашениях. Но когда эта книжка выйдет в свет, эти толки прекратятся по той простой причине, что утратят всякое практическое значение: как бы ни ответила жизнь на вопрос о соглашениях, рассуждать об этом вопросе будет слишком поздно. Вот почему я и считаю лишним рассуждать здесь о нем. Но я нахожу нужным подвести итог некоторым из рассуждений, уже высказанным о нем в печати. Эти рассуждения ценны как материал для освещения тактических задач.

И прежде всего я вижу себя вынужденным сказать несколько слов о том, как принят был некий «алгебраический знак», предложенный мною нашим сторонникам свободы. Его судьба кажется мне довольно поучительной.

Мой «знак», насколько я знаю, ниоткуда не встретил ни поддержки, ни одобрения, хотя бы только платонического. Бедный «алге-

браический знак»! Но чем же навлек он на себя эту общую немилость? Давайте разбираться, читатель.

Древняя латинская мудрость гласит, что когда двое говорят одно и то же, это — не одно и то же. Эта старая истина получила новое подтверждение в истории похода против «алгебраического знака». «Левые» публицисты, — я пока умалчиваю о *крайних* левых, — возражали против него одно и то же. Но это было не одно и то же. Как в известном сновидении египетского царедворца тощие коровы явились вместе с тучными, так в походе против «алгебраического знака» *наивные* публицисты выступили рядом с публицистами, *хорошо знавшими,* — по известному немецкому выражению, — где *башмак жал им ногу.*

Среди наивных публицистов самым выдающимся представляется мне почтенный публицист «Всемирного Вестника», г. Solus. В декабрьской книжке названного журнала он писал:

«Обращаясь к мнениям Г. В. Плеханова по существу, мы не можем не выразить удивления, как такой опытный публицист, такой дальнозоркий и проницательный человек, как Плеханов, мог допустить ошибку, против которой всегда боролся каждый сознательный социал-демократ,— ошибку общих мест и туманных формул. Прошло, давно миновало то прекрасное времечко, когда разные партии довольствовались в своих программах красиво и хитросплетенными фразами. Благо, свобода, порядок, общее счастье, равенство, благосостояние края, интересы нации, честь национального флага, — все это красивые побрякушки, которые перестали уже удовлетворять обывателя, давно проявившего большую умственную пытливость и склонность искать за пышно-цветными фразами более реальное содержание или, как говорит Плеханов, определенную арифметическую величину. В этом смысле крупную заслугу именно социал-демократии составляет тот факт, что она научила отчетливо мыслить, что она расслоила понятия, вскрыла их классовое содержание и их подлинный объем. Именно своими привычками мыслить отчетливо, конкретно, своим уменьем выяснить классовую основу каждой программы, каждой партийной формулы, социал-

демократия приучает анализировать партийные программы. Наше главное препятствие для взаимного понимания и отчетливого мышления именно в том и состоит, что *слово* всегда является алгебраической формулой с разным арифметическим содержанием для каждого класса, профессии и даже для отдельного лица».

Эта выписка несколько длинна, но зато очень богата содержанием. Посмотрите, в самом деле, до чего договорился наш почтенный автор! Слово есть алгебраический знак, имеющий различное содержание для каждого отдельного класса и даже для каждого отдельного лица. И в этом — «наше главное препятствие». Очень хорошо! Но как же быть? Как устранить препятствие? По-видимому, для этого нет другого средства, кроме отказа от «слов», т. е. вообще от членораздельной речи. Но наш автор вряд ли и сам одобрит столь радикальное устранение «нашего главного препятствия». Он окажет нам: «Членораздельную речь сохраните, а от алгебры откажитесь, раз навсегда заменив ее арифметикой». Но такое различие кажется нам недостаточно отчетливым: ведь *«слово всегда является алгебраической формулой»,* стало быть, избежать употребления алгебраических знаков можно *только путем полного отказа от употребления слов.* Еще раз: как же быть? Чем пособить горю? Скажите, г. Solus!

283

Я не знаю, пробовал ли мой почтенный оппонент объясняться с кем-нибудь без «слов», но сильно сомневаюсь в этом. Если он в самом деле попробует сделать это, то увидит, что устранение «нашего главного препятствия для взаимного понимании» выдвинет на пути к «пониманию» целый ряд еще более «главных» препятствий. И тогда он, надо надеяться, придет к тому убеждению, что без алгебры ни в деле мышления, ни в практической жизни обойтись совершенно невозможно даже людям, «не обучающимся в семинарии». Г-н Solus предупреждает меня от «ошибки общих мест». Я очень благодарен ему за это предупреждение; но я все-таки вынужден спросить его, думает ли он, что алгебраический знак *всегда* равносилен общему месту? По-видимому, он думает именно так; он привел длинный ряд слов, лишенных, по его мнению, всякого определенного содержания: интересы нации, честь национального флага, общее счастье,

равенство, свобода, порядок и т. д. Но, во-первых, мой алгебраический знак отличается гораздо большею определенностью содержания, а во-вторых, даже и в длинном ряду г. Solus'a можно найти такие алгебраические знаки, которые при данных исторических условиях получили от жизни, нисколько не изменив своей *формы,* весьма конкретное *содержание.* Когда, после июньских дней 1848 г., политические партии, представлявшие собою интересы господствующих во Франции классов, шли вместе под «знаком» *порядка,* тогда этот знак мог бы принять за «общее место» только человек, ровно ничего не понимавший во внутренних отношениях названной мною страны. И заметьте, что этот «знак» нисколько не мешал каждой из указанных партий в отдельности стремиться к осуществлению именно своих требований, к постановке в общем «знаке» именно своих арифметических величин на место букв, как известно, употребляемых в алгебре. А теперь, когда германский канцлер во время выборов приглашал консерваторов объединиться с национал-либералами под общим «знаком» борьбы с социальной демократией,— думает ли г. Solus, что Бюлов впал в «ошибку общих мест и туманных формул»? Как бы не так! И сам германский канцлер, и консерваторы, и национал-либералы, и социал-демократы, — все прекрасно понимали, что алгебраический знак, выдвигаемый германским канцлером, *имеет вполне конкретный смысл.* Правда, в устах консерваторов этот смысл получил бы иное истолкование, нежели в устах национал-либералов; каждая из этих партий старалась бы внести в общую алгебраическую формулу свое собственное арифметическое содержание. Но это совершенно неизбежное при партийных коалициях обстоятельство не мешало этой формуле явиться отнюдь не *«туманной»* угрозой по

адресу рабочих. Г-н Solus не любит общих мест и говорит то, что Базаров назвал бы *обратным общим местом.* Он радуется тому, что обыватель «проявляет теперь большую умственную пытливость», а его собственная умственная пытливость, к сожалению, не простирается до того, чтобы спросить себя: могут ли успехи *анализа* сделать ненужным употребление *синтеза?* Он ставит мне на вид, — с похвальной целью

заставить меня одуматься,— заслугу социал-демократии, состоящую в более точном анализе политических понятий. Но разве «алгебра» препятствует отчетливому мышлению? Разве она мешает определению чьего-нибудь подлинного объема? Разве она затрудняет понимание классового содержания политических стремлений различных общественных классов? Ничуть не бывало! Это может утверждать только человек, сам не привыкший к «отчетливому мышлению» и не умеющий определить «подлинный объем» того, что он высказывает. Политическая алгебра не только не затрудняет, а, напротив, *предполагает* точное определение тех требований различных партий, общее содержание которых выражается в известной алгебраической формуле. И сделать такое определение вовсе не так трудно, как думает г. Solus. Оно делается сплошь да радом.

Г-н Solus хотел бы знать «классовую основу» предложенного мною алгебраического знака. Я охотно иду к нему на помощь.

Дело вот в чем. По отношению к нашему старому, докапиталистическому, — и в очень значительной степени азиатскому, — порядку и буржуазия, и пролетариат являются *новыми* классами, полный расцвет которых возможен *только* при полном устранении всех остатков отжившего строя. С *этой стороны* интересы обоих классов не противоположны, а сходны между собою. Правда, *сходство* это никогда не простирается до *тождества:* буржуазия несравненно легче уживается с пережитками старого порядка, нежели пролетариат. Пример — германская буржуазия; другой и более близкий к нам пример — наша русская крупная промышленная и торговая буржуазия, совсем не обнаруживающая желания вступать в решительную борьбу с нашим старым порядком. Она сама является представительницей нового, она своею деятельностью разрушает экономическую основу старого порядка, но она умеет торговаться и не без основания рассчитывает, что ей выгоднее без большого шума поладить («грех пополам») с защитниками старины, нежели входить в ту или иную политическую сделку с таким рьяным и беспокойным новатором, каким уже успел заявить себя пролетариат. Однако крупная промышленная и торговая буржуазия представляет собою только один, —

сильный и влиятельный, но сравнительно малочисленный, — слой буржуазного класса. Рядом с ней в пределах той же социальной категории существуют *другие* слои: средняя и мелкая буржуазия. Состав этих двух слоев крайне разнообразен. Но факт тот, что этим слоям по большей части гораздо труднее ужиться с пережитками старого порядка *и* что их положение, — их интересы, г. Solus!, — толкает их на более решительную борьбу за торжество нового порядка. *Как далеко пойдут* они в этом направлении, это зависит от данных историей условий. Но *поскольку они идут, постольку* они являются попутчиками пролетариата и *постольку* их политические требования могут быть объединены в одну формулу с его требованиями. Всеобщее избирательное право, — по четырехчленной формуле; спешу прибавить это, чтобы Степанов не обвинил меня в измене, — свобода слова, печати и т. д.; народный суверенитет, народоправие и т. д. и т. д., — каждая из этих формул *может* явиться «алгебраическим знаком», объединяющим требования сознательного пролетариата и известной части буржуазии. Я подчеркнул слово: *может,* потому что переход этой возможности в действительность зависит от обстоятельств: в одной стране и при одних исторических условиях он совершится; в другой стране и при других условиях не совершится. Но как бы там ни было, самая возможность его показывает, что могут быть такие «алгебраические знаки», которыми выражаются весьма определенные требования нескольких весьма определенных классов или слоев. Весь вопрос в том, *верно ли* выражаются эти требования в данном, скажем, предложенном мною, «алгебраическом знаке». Но это вопрос, который может быть решен только путем опыта.

Итак, мой «алгебраический знак», — если бы он был принят, — имел бы в основе некоторые общие требования пролетариата, с одной стороны, и некоторых слоев буржуазии — с другой. Вот вам и классовая основа, г. Solus! Мой «алгебраический знак» не был принят ни левыми, ни крайними левыми. Я очень сожалею об этом обстоятельстве. Но я совсем не могу принять его за довод против «алгебраических знаков».

Г-н Solus склонен принимать такие «знаки» за «красивые побря-

кушки». Вследствие этого он, вероятно, очень удивится, когда я скажу ему, что *мои* «знак» был отвергнут левыми по причине совершенно противоположного свойства: они увидели в нем слишком определенное, но неприятное для них требование. Почему не понравился мой знак крайним левым, об этом мы поговорим ниже, но что левые оттолкнули его вовсе не по той причине, что он показался им недостаточно определен-

ным, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Они отвернулись от него потому, что узнали в нем «псевдоним» одного весьма конкретного, но неприятного для них требования, т. е., стало быть, только потому, что определенность этого требования имела неприятный для них оттенок.

А почему его оттенок неприятен для них? И это нетрудно объяснить: потому, что идея, обозначаемая предложенным мною знаком, угрожает экономическим интересам некоторой части кадетской партии.

Народ недаром называется у Гоббса *puer robustus, sed malitiosus.* Он, конечно, не лишен своих понятий о справедливости; но его справедливость в некоторых отношениях сильно расходится с кадетскою. Возьмем аграрный вопрос. Кадеты признали принцип принудительного отчуждения. И это было очень хорошо, и когда реакция ополчилась на них *за это,* народ должен был выразить им свое сочувствие. Но отчуждение отчуждению рознь. На каких условиях должны быть отчуждены помещичьи земли? Кадеты говорят: на условиях справедливого денежного вознаграждения. А puer robustüs, sed malitiosus возражает: «Я нахожу несправедливым платить деньги за то, что всегда было моим». Это именно и есть тот пункт, в котором кадетское понятие о справедливости наиболее расходится с народным понятием о том же предмете. Что будет, если puer robustus, sed malitiosus получит политическую возможность осуществить свое понятие о справедливо-сти? Произойдет то, что кадетское понятие о справедливости останется неосуществлен-ным. В переводе на язык политической экономии это значит: будут нарушены экономи-ческие интересы землевладельцев, входящих в кадетскую партию. На это

никогда не согласятся эти землевладельцы. Мало того. Они всегда будут относиться с опасением и даже с недоброжелательством ко всякому требованию, намекающему им, — а главное народу, — на возможность такого нарушения их экономических интересов. Они всегда будут против всякого требования, заключающего в себе подобные «арифметические величины». И, — вопреки тому, что думают на этот счет гг. наивные публицисты, — они тем решительнее будут восставать против таких требований, чем яснее, чем определеннее будет выражено заключающееся в них «арифметическое» содержание. Именно поэтому землевладельцы, входящие в состав кадетской партии, *должны* были отвергнуть и мой «знак». Партии же народной свободы оставалось при этом одно из двух: *или* принять «знак», несмотря на неудовольствие входящих в ее состав землевладельцев, ко-торые в таком случае могли бы выйти из нее и примкнуть к партии мирного обновления, *или* объявить «знак» продуктом

утопической фантазии и тем лишний раз показать своим членам — землевладельцам, что от ее торжества не пострадают их экономические интересы. Она предпочла последнее. Об этом можно жалеть; этому можно радоваться. Но как тот, кто станет жалеть об этом, так и тот, кто этому обрадуется, должен понять, что кадетская партия оттолкнула от себя «утопический» знак вовсе не за его «туманность». А этого-то и не могут понять некоторые наивные публицисты à la г. Solus.

Меня спросят, конечно: зачем же вы предложили «знак», неприемлемый для наиболее влиятельной из левых партий?

На это я отвечу, что, как уже сказано мною выше, только посредством опыта можно решить вопрос о том, как далеко пойдут в данное время промежуточные слои населения в своей борьбе за новые порядки. Правда, иногда можно *предвидеть* результаты опыта, и я совсем не хочу утверждать, что я не предвидел их в занимающем нас случае. Но мое *предвидение* не могло иметь значения *довода* в глазах *массы избирателей.* Избиратели имеют полное право не доверять дальновидности того или другого лица [1]).

Теперь же они имеют дело уже *не с предположением, а с фактом.* Всякий согласится с тем, что факты гораздо убедительнее предположений. Значит, опыт, сделанный мною, содействовал развитию политического сознания избирателей, т. е. содействовал разви-тию у них той самой силы политического анализа, за судьбу которой опасался наивный г. Solus.

Я полагаю, что подобный опыт был полезен, особенно в виду тех избирательных соглашений, идею которых я отстаивал. Мы твердим: «врозь идти, вместе бить». Ввиду этого избиратель может спросить и, вероятно, не раз спрашивал себя и других: «Да почему же только бить вместе? Зачем нужно врозь идти?» В ответ на это ему нередко говорят, что и в самом деле вместе идти было бы несравненно лучше, но что этому мешают некие узкие догматики, неизвестно почему желающие идти врозь. И избиратель нередко удовлетворяется таким ответом и начинает коситься на «узких догматиков». А теперь дело принимает другой оборот.

[1]) Притом же постороннему лицу и нельзя было предвидеть, какое течение кадетской партии восторжествует по вопросу о соглашениях. Левое ее крыло, — кадетские «меньшевики», — не согласились бы, конечно, принять мой «знак» *в моей его интерпретации,* но он все-таки не вызвал бы в них столько раздражения, как в г. Ленине, виноват, в г. П. Милюкове и его **бл**ижайших единомышленниках.

Теперь оказывается, что «узкие догматики» совсем ее «причинны»: они предлагали кадетам сделать вместе часть политического пути, а те не захотели. Почему не захотели? Потому, что известный экономический интерес заставляет их опасаться известного политического права. Значит, дело-то именно в этом их экономическом интересе и других, ему подобных. Когда это становится ясным, тогда избиратель, — не *имеющий основания отстаивать указанный экономический интерес или сочувствовать людям, его отстаивающим,* в свою очередь отворачивается от людей, отворачивающихся от народного права по соображениям совсем не «широкого» свойства. Кто же выигрывает от этого? Кто теряет? Сообразить не трудно.

И это сейчас же сообразили совсем уже не наивные вожаки партии народной свободы. Они поняли, что история со «знаком» *может* подви-нуть влево симпатии избирателя. Этим объясняется, во-первых, тот

факт, что они с большим раздражением обрушились на «знак»; во-вторых, то обстоятельство, что они нашли нужным показать себя более сговорчивыми по вопросу о соглашениях, в сущности до конца оставав-шихся нежелательными для них. Они стали опасаться, как бы не наступила теперь *их* очередь выслушивать упреки в узости и наслаждаться удобствами изолированного положения. Только изумительная политическая незрелость гг. «большевиков» выводила их из затруднения, давая им возможность по-прежнему взваливать вину на «непримиримость» эсдеков. И кадеты очень ловко воспользовались этой возможностью. Они распространя-лись о «непримиримости» партии эсдеков, как будто эта партия состояла исключительно из одних «большевиков» и как будто ее ЦК вместе со многими ее провинциальными организациями не высказался за соглашения [1]).

Что избиратель не относился равнодушно ни к вопросу о соглашениях, ни к вопросу о том, *что мешает* соглашениям, видно, между прочим, из напечатанного в № 161 «Товарища» отчета о предвыборном собрании 7 января в театре Неметти. После речи г. П. Милюкова из

[1]) Надо прибавить, что мой «знак» вызвал нарекания не только со стороны кадетов. Я сейчас прочитал в № 10 «Речи» отчет о докладе М. М. Ковалевского в Юридическом обществе на тему: «Полновластие и свобода». В отчете сказано, что ученый профессор объявил мой знак научным монстром, «так как парламент вовсе не исключает контроля или монарха, или палаты лордов, или сената». Странный довод! Ведь верхняя палата сама есть часть парламента. Но по всему видно, что отчет составлен до последней степени неудачно; поэтому я не считаю возможным на его основании

разных концов залы ему задавали вопрос: «А почему вы не говорили о соглашениях?» По окончании собрания «публика долго не расходится, отдельные группы окружают конституционалистов-демократов и взволнованно начинают их убеждать заключить соглашение. А из рядов к эстраде несутся возгласы: «соглашение, соглашение, соглашение!» Неравнодушен к вопросам о соглашениях был и московский избиратель. Это показала анкета, предпринятая газетой «Век». Отвечая на вопрос о соглашениях, некоторые избиратели сопровождали свои ответы соображениями весьма недвусмысленного свойства: «Интересы народа требуют не разровненной борьбы и вражды между собой, а чтобы в противовес врагу была выставлена

общая сила». «Считаю настоятельно необходимым вопросом, решающим судьбу выборов, — а следовательно, и судьбу всего освободительного движения, — возможно полное объединение всех оппозиционных партий. И только за блок я со спокойной совестью буду голосовать»... «Чтобы не разбить голосов, необходимо присоединение и кадетов». Но избирателю становилось, — может быть впервые, — ясным, что неустойчивее всех на самом-то деле именно кадеты, которых многие привыкли считать чуждыми всякой узости политических понятий. Поэтому избиратель старался уговорить их: «Уступчивость кадетов послужит на благо родине». Другой избиратель уже не уговаривает, а горячо упрекает: «Кадеты, не срамите Россию!» и т. д.

А харьковский избиратель, по-видимому, нашел бесполезным не только уговоры, но даже и упреки. Он просто перешел на сторону крайних левых, так, по крайней мере, сообщает «Товарищ». Вот какое известие встретил я на этот счет в № 162 названной газеты:

«В Харькове вопрос о соглашениях принципиально решен давно в утвердительном смысле. Но практически он встречает противодействие со стороны кадетов. Для решения вопроса о кандидатах было созвано информационное бюро ив представителей социал-демократов, Бунда, социал-революционеров, кадетов, группы еврейских избирателей и

возражать М. М. Ковалевскому. Замечу только, что он взял очень щекотливую тему. В результате ее всесторонней разработки может оказаться не то, что полновластие несогласно со свободой, а то, что свобода класса, представляемого в политике некоторыми партиями, а в науке многими из нынешних ученых, несовместима с полновластием, — а следовательно, и с полной свободой, — народа. Class against mass! (класс против массы). Повторяю, очень щекотливая эта тема, напрасно вы за нее беретесь, г. М. Ковалевский. Ой, не ходи, Грицю, ты на вечерницю!

союзов — приказчиков, печатников, железнодорожников, крестьянского и «общественных деятелей». Все эти организации и союзы, кроме кадетов, решили поддерживать кандидатуру популярного в городе социал-демократа. Кадеты предложили своего кандидата. Но против него энергично протестовали приказчики, так как, будучи посредником во время конфликта между приказчиками и хозяевами, он явно стал на сторону хозяев. Рабочие тоже заявили, что

они такое лицо поддерживать не станут.

«Социал-демократы предложили, чтобы вопрос о депутате был решен самими выборщиками, но кадеты, зная, что выборщики будут левее их, от этого предложения отказались.

«Кадеты заявили уже о своем отказе от соглашений, но им придется уступить, ибо социал-демократам удалось сгруппировать вокруг себя все демократические элементы общества».

Что же выходит? Выходит как будто совсем не то, чего боялись гг. «большевики»: соглашения не только не затемняли политического сознания избирателей, а, напротив, способствовали его дальнейшем эволюции. Впрочем, я совсем не беру на себя ручательства за безошибочность напечатанного в «Товарище» сообщения из Харькова тут, как и везде, возможна была фактическая ошибка. Дальнейшие события покажут, может быть, что политическое сознание харьковских избирателей не так сильно подвинулось налево, как это показалось автору сообщения. Но делю не в этом. Оно — в том, что вопрос о соглашениях, в том конкретном виде, который он принял у нас в половине января наступившего года, — когда я пишу эти строки, — принял у нас такой вид, который неоспоримо способствовал, *в большей или меньшей степени,* развитию политического сознания избирателя в названном направлении. А это обстоятельство ясно показывает, какой тактики следует держаться тем, которые хотят, чтобы избиратель продолжал дальше подвигаться в своем политическом развитии.

Несколько лет тому назад в литературе русских эсдеков проводилась та мысль, что партии, представляющей интересы рабочего класса, должна принадлежать *гегемония в нашем* освободительном движении. Потом пришло такое время, когда, казалось бы, представился великолепный случай дать этой мысли практическое осуществление. Но осуществлялась она довольно странным образом. Люди, разделявшие ее, сами отстаивающие идею о гегемонии, повели себя совершенно так, как купец у Г. И. Успенского («Маленькие недостатки механизма»). Этот воинственный служитель «торгового капитала», вступив в бой

с тащившими его в участок дворниками и плотниками, почувствовал, что ему «вступило в кулак железное расположение духа», и начал так усердно раздавать направо и налево «лещей, судаков и окуней», что через несколько мгновений вокруг него «распространилось пространство», а сам он стоял на площади один, «вроде, как Минин-Пожарский». Наши гегемоны тоже очень скоро «распространили вокруг себя пространство» и тоже уподобились «Минину-Пожарскому», так что вместо гегемонии получилось что-то вроде чемберленовской splendid isolation (великолепного изолирования). Я не стану повторять здесь, что эта splendid isolation не принесла пользы никому, кроме врагов освободительного движения вообще и пролетариата в частности, — я говорил это уже не один раз. Здесь я только замечу, что тактика соглашений вела у нас к совершенно обратным результатам: вместо «пространства» вокруг наиболее передовой партии распространялась чрезвычайно выгодная для нее и для всего освободительного движения атмосфера сочувствия. И этот чрезвычайно выгодный результат достигался вовсе не тем, что передовая партия будто бы «спрятала в карман свои принципы», а тем, что она, *тактично выдвигая на вид эти принципы,* обнаруживала непоследовательность и половинчатость своих конкуренток и к тому же ога делала это так, что, оспаривая у нее сочувствие избирателя, ее менее передовые конкурентки видели себя вынужденными подвигаться влево. Стало быть, вместо splendid isolation получилась, — вернее сказать: *получилась бы, если бы такая тактика применялась последовательно и в широких размерах,* — настоящая гегемония; а вместо вредного для дела уменьшения общей суммы сил, боровшихся с пережитками старины, *получилось бы полезное и безусловно необходимое для победы приращение этих сил. Все* это, вместе взятое, и составляет то, чего мы должны требовать от разумной тактики. И в этом смысле можно оказать, что опыт избирательных соглашений,— *даже несмотря на то, что он далеко не был сделан в надлежащих размерах,*— уже дал нам хороший тактический урок [1]).

Я оказал, что передовая партия должна быть *тактичной* при выдвигании на вид своих принципов. Можно было бы думать, что это само

[1]) Эти строки были уже написаны, когда я прочитал в № 69 «Товарища»

следующие строки г. Тана: «Если бы левые были дружны, они могли бы заставить кадетов потесниться на половину позиции, но левые распались на части и ссорятся между собою, а кадеты потирают руки и спрашивают с невинной улыбкой: «Кому же именно мы должны уступить место?» Такое уже счастье кадетам: им особенно много помогают, — справа и слева, — как раз
292

собою разумеется и что человек, высказывающий такое соображение не имеет нужды оговариваться. Но, к сожалению, это не так. Известные *псевдокрайние* элементы до такой степени сжились с *бестактностью,* что считают ее как бы необходимой принадлежностью радикального образа мыслей. Они закричат: «Ага! Он говорит о тактичности. Это лучшее доказательство его оппортунизма!» И такие крики смутят, пожалуй, — как смущали уже не один раз, — кое-кого из тех людей, которым по всем законам, божеским и человеческим, следовало бы придерживаться моей точки зрения. Поэтому объяснюсь.

Под тактичностью в данном случае я понимаю осторожность, точнее, систематичность или, если хотите, педагогичность в изложении перед неподготовленным слушателем некоторых идей, могущих оттолкнуть его при бессистемном, бестактном изложении. Необходимость педагогичности этого рода превосходно понимали наиболее передовые общественные деятели во Франции конца XVIII века. Они сурово осуждали бестактность в пропаганде и в агитации. И одним из самых сильных обвинений против жирондистов была именно бестактность, которая, по мнению людей, о которых я говорю, запугивала народную массу и толкала ее в объятия реакции. Некоторые историки говорят, что это было незаслуженное обвинение. Но как бы там ни было, а неоспоримо то, что противники жирондистов считали бестактность в пропаганде и в агитации серьезным грехом против дела свободы. Они хотели, чтобы в тогдашнее бурное время каждая передовая идея, выдвинутая перед народной массой, явилась *обобщением уже пережитого этой массой политического опыта.* Они полагали, что когда этого условия нет налицо, когда передовая идея не выражает собою уже пережитого народом политического опыта, тогда она играет роль *пугала* и потому не только не ускоряет развития народного сознания, а, наоборот, замедляет его. Вследствие этого они заботились не столько о том, чтобы как можно скорее, громче и полнее повторить перед массой свой политический символ веры,

сколько о том, чтобы способствовать приобретению массой, посредством ее собственного действия, необходимого политического опыта. И именно потому им удалось чрезвычайно быстро воспи-

---

те, которые воображают себя их самыми непримиримыми врагами. Ошибки правых меня, разумеется, не огорчают. Но что касается левых, то не могу не заметить, что их ошибкам гг. кадеты в значительной степени обязаны своим влиятельным положением (тем, что могли забраться в спальный вагон, как сказал бы г. Алексеев). Если бы не левые, то не прошел бы кадетам даром их отказ от соглашений в Петербурге... Неразумие хуже злой воли!»

тать массу, и именно потому у них должны учиться политической педагогике передовые люди нашего времени. Морис недаром назвал их тактику маяком, к которому должны обращаться, во время общественных бурь, взоры передовых новаторов всех последую-щих поколений.

Противники жирондистов были людьми дела, а не людьми слова, что не мешало, впрочем, некоторым из них обладать замечательным красноречием, и не трудно представить себе, с каким презрением посмотрели бы эти могучие люди великого дела на наших «большевиков», воображающих, что радикализм состоит в беспрерывном повторении известного катехизиса от начала до конца и от конца до начала. Они приняли бы их за воскресших brissotins [1]), а вернее, просто за попугаев. Только люди, отличающиеся наивностью этих несчастных «большевиков» или, — что в этом случае все равно — г. Solus'a могут думать, что при распространении политических идей не следует прибегать к употреблению «алгебраических знаков». На самом деле, иногда бывает в высшей степени полезно выдвинуть перед массой известный алгебраический знак, предоставляя ей самой, на основании собственного опыта, заменить алгебраические буквы определенными арифметическими величинами. Кто отрицает это, тот не понимает психологии массы. Эта психология есть психология людей, которые еще только совершают свое воспитание, которые еще только *зреют* для усвоения известных идей. Таким людям сплошь да рядом кажется неясным то, что представляется вполне определенным *зрелому* человеку. И наоборот: то, что *зрелому* человеку представляется неудовлетворительным по своей неопределенности, является более удовлетворительным для умов, еще *нуждающихся в*

воспитании. Поэтому в деле пропаганды и агитации вопрос о том, что лучше, алгебра или арифметика, решается далеко не так просто, как это думает г. Solus. Иногда «алгебраический знак» дает «серому» слушателю несравненно больше, нежели определенная арифметическая величина. И это неудивительно: ведь в политике наши «арифметические величины» часто гораздо более отвлеченны, нежели «алгебраические знаки».

Я утверждаю, что наша народная масса далеко еще не достигла той степени политического развития, на которой уже нет нужды в «алгебре», поэтому я и не боюсь алгебры. Надо пользоваться ее знаками, не опасаясь того, что̀ окажет по этому поводу тот или другой

[1]) Последователей Бриссо, жирондистов.

сторонник «большевистской», — если можно так выразиться, — тактики.

Эти последние строки я позволю себе рекомендовать вниманию Ф. И. Дана и Н. И. И — ского. Этот последний недавно сказал в «Современном Мире» несколько слов в защиту моего «знака». Я благодарю его за это. Но его защита состояла в том, что он поспешил заменить мой знак известной, — имеющей прочную репутацию, — арифметической величиною. По-моему, это было напрасно. По примеру французских деятелей конца прошлого века я стою за употребление алгебры, и защитить меня можно, — если вообще можно, — только одним путем: показав, что «алгебра» в самом деле необходима именно для более скорого наступления царства «арифметики». Но мне думается, Н. И. И — ский пока еще и сам побаивается этой мысли, находя ее небезопасной тактической ересью.

Такою же ересью считает ее, по-видимому, и Ф. И. Дан. Он хорошо определил задачи второй Думы. Одно плохо: он, как видно, не считает нужным употребление «алгебраических знаков». Это заблуждение. Без «алгебры» пока еще обойтись нельзя. Обратно тому, что происходит в школах, народная мысль начинает именно с алгебры, так что в течение некоторого времени арифметика остается достоянием кружков или, — и это, конечно, лучший случай, — известных, наиболее передовых слоев населения. Наша народная масса, —

рассматриваемая в том ее целом, от которого и зависит в последнем счете решение великих исторических вопросов, — еще не перешла из алгебраического класса в арифметический. *Эту истину необходимо сознать и запомнить, ибо только на ней может основываться правильная тактика.* Но пусть извинит меня Ф. И. Дан: мне сдается, что о« до сих пор не отделался от страха перед тем, что скажет «большевистская» Марья Алексеевна. А между тем *пренебрежительное отношение к отзывам этой, очень крикливой, но совершенно пустой, дамы есть начало всякой тактической премудрости.*

Если бы Ф. И. Дан и его единомышленники поменьше считались с отзывами о них Марьи Алексеевны, то их тактика, — и теперь уже неизмеримо более разумная, нежели тактика гг. «большевиков», — окончательно сделалась бы достойной серьезной рабочей партии. Но когда это будет, я не знаю, а пока не наступило это желанное время, единомышленники Ф. И. Дана не перестанут очень и очень много терять оттого, что они не хотят быть последовательными; оттого, что они продолжают служить и богу, и мамоне, и эсдековскому разуму, и анархо-социалистическому неразумию.

Я позволю себе думать, что именно только вследствие этой, достойной сожаления, двойственности они не захотели решительно высказаться в пользу моего «алгебраиче-ского знака»...

Что касается гг. «большевиков», то о них можно сказать кратко: *не ведают, что творят.* Рассуждать с ними об «алгебре» значит даром терять время; чтобы столковаться с ними, надо превратиться в органчик, неизменно наигрывающий коротенькую серию «активных выступлений», а у меня на это нет никакой охоты. Я охотно предоставляю им величать меня оппортунистом или даже реакционером; французы говорят: On est toujours le réactionnaire de quelqu'un. (Всегда окажешься реакционером по отношению к кому-нибудь.) И это, вообще говоря, правильно. Но в каждом данном случае надо опросить себя: кто этот quelqu'un — понимающий дело человек или пошехонец, заблудившийся в трех стенах?

При всей своей несерьезности, «большевистские» пошехонцы очень

любят ссылаться на серьезных людей, будто бы одобряющих их пошехонскую «тактику». В самое последнее время они ухватились за фалды Каутского, который своими статьями о перспективах нашего освободительного движения будто бы показал несостоятельность моих тактических взглядов. И хотя я раз навсегда покинул всякую надежду переубедить гг. «большевиков», но мне все-таки приходится остановиться на их аргументации, чтобы обнаружить перед читателем ее поистине *«крайнюю»* слабость.

В предисловии к русскому переводу Каутского один из их публицистов называет «неумными» те вопросы насчет современного положения в России, с которыми я обратился к вожакам западного рабочего движения. «Каутский, — пишет анонимный публицист, — в сущности, ответил на плехановские вопросы тем, что *отбросил* плехановскую постановку вопроса (вопросов? — *Г. П.*); Каутский ответил Плеханову тем, что *исправил* плехановскую постановку вопроса (однако, чтò же собственно он сделал: «отбросил» или только «исправил»? — *Г. П.*). Критика плехановской постановки вопроса, данная Каутским, вышла при этом тем убийственнее, чем мягче и осторожнее поправлял он инициатора анкеты». Далее, цитируя слова Каутского: «Мы хорошо поступим, если усвоим себе ту мысль, что мы стоим перед совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон», — автор предисловия злорадно восклицает: «Это не в бровь, а в глаз, против плехановского вопроса: буржуазная ли революция у нас по общему ее характеру (!) или социалистическая? Это — старый шаблон, говорит Каутский. Нельзя так ставить вопроса, это

не по-марксистски». Так излагают Каутского мои противники. Излагают они его плохо. Но допустим, что они изложили его хорошо. Посмотрит, что выйдет.

Итак, Каутский попал не в бровь, а в глаз *против* моей постановки вопроса. Это так сказано, что не знаешь, чей же собственно глаз пострадал при этом: мой или глаз, принадлежащий «моей» постановке вопроса? Но дело-то в том, что постановка вопроса, *«против»* которой Каутский попал будто бы «в глаз», *совсем не моя постановка.* Это по-

становка, с которой к нам давно приставали анархисты, народовольцы тихомировского толка, эсеры, а в последнее время рожденные эсерами максималисты. Они упрекали нас в том, что мы миримся с буржуазным характером тех результатов, которых мы ждем от нашего освободительного движения. Они утверждали, что особенности русского экономического строя делают возможным скачок в социализм или, — как думали наиболее рассудительные из них, — в область, не далекую от социализма. А мы называли их за это утопистами. Чтобы не далеко ходить, я напомню хотя бы то, как отвечала на эту, будто бы мою, постановку вопроса так называемая гг. «большевиками» *старая* «Искра», решительно утверждавшая: «Россия переживает *буржуазный переворот*» Теперь я спрашиваю автора предисловия: как же быть с этим мнением *старой* «Искры», в которой, как известно, принимал деятельное участие «товарищ» Ленин? Считать или не считать это мнение *шаблонным?* Не помнящий родства автор предисловия уже прокричал что называется благим матом: «Это мнение шаблонно». Но он прокричал так, очевидно, только потому, что его зычный крик «попадает не в бровь, а в глаз против» того ответа, который давал на *анархическую* «постановку вопроса», между прочим, и большевистский «сам». Может быть, наш автор теперь несколько одумается...

Итак, «постановка вопроса» не моя, а *анархическая.* Повторил я ее, — каюсь, — потому, что наперед предвидел *общий смысл* тех ответов, которые она вызовет. Я наперед знал, что *ответы будут не анархические.* И когда я, читая ответы, видел, что отвечавшие удивлялись, — иногда, например, Э. Вандервельд, даже как будто не без некоторого раздражения, — тому, что им задают подобные вопросы, я радовался, находя, что мое предвидение блестяще оправдалось. Конечно, мне могут сказать, что, отвергая преувеличенные надежды анархистов, авторы ответов не разделяют в то же время и взгляда *старой* «Искры» на *буржуазный* характер интересующего нас общественного движения. Письма *жоресиста* Э. Мильо и *марксиста* Каутского как будто сходятся в отри-

цательном отношении к этому взгляду. И это единомыслие *жоресиста*

и *марксиста* как будто придает особый вес отрицанию взгляда старой «Искры». Но надо понять, в *каком смысле* отрицается ими этот взгляд, которого я держался, кстати заметить, еще с 1883 г. С этой стороны очень важно письмо Мильо и столь же важны статьи Каутского.

В чем же дело? В каком смысле считает Каутский шаблонным то мнение, что мы переживаем теперь буржуазный кризис? На это, вслед за Каутским, отвечает нам само разбираемое мною предисловие: «Ибо, — говорится в нем, — буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения в России». А сам Каутский объясняет: «В ней пролетариат не является более простым придатком и орудием буржуазии, как это было во время буржуазных революций, а самостоятельным классом с самостоятельными революционными целями» (стр. 29). Вот оно что! Вот в каком смысле считает Каутский «шаблонным» мнение о буржуазном характере переживаемого нами кризиса, но это не имеет никакого отношения к будто бы моей, а на самом деле анархической, «постановке вопроса» о том, можем ли мы ждать торжества социализма как непосредственного результата нынешнего нашего освободительного движения. «Против» этой постановки вопроса Каутский говорит, что нынешний кризис «может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства на основе частной собственности на землю и этим вырыть между пролетариатом и имущей частью сельского населения такую же пропасть, какая существует уже в Западной Европе». И отсюда он делает тот вывод, что невозможно ожидать от нынешнего движения социалистических результатов в деревне [1]). О городе, — т. е. о промышленности, — разумеется, нечего и говорить: ясно, что ближайшее будущее принадлежит там буржуазии. И по этому поводу я тоже не имею ни малейшего основания расходиться с Каутским: все это я высказал еще в «Наших разногласиях». Ведь за это на меня и нападали анархисты и те «социалисты», которые более или менее поддаются влиянию их образа мыслей. Но что же отсюда следует? Следует то, что «шаблоны» шаблонами, а кризис-то мы переживаем *все-таки буржуазный,* и что напрасно подняли свой гусиный

[1]) Замечу одно: муниципализация земли сильно затруднила бы,— хотя и не сделала бы невозможным, — возникновение у нас крепкого крестьянства на основе

частной поземельной собственности. Но это, конечно, не остановило бы развития в деревне капитализма, так что общий вывод остается неизменным.

крик гг. «большевики». Чему обрадовались безграмотные противники? Должно быть, тому, что ровно ничего не поняли *ни в чьей* «постановке вопроса».

До чего доходит святая простота этих людей, видно из того, что они преподносят мне то мнение Каутского, что главная роль в нынешнем нашем движении принадлежит не буржуазии, а пролетариату. Ввиду этого мне остается только порекомендовать их вниманию мои сочинения, относящиеся еще к восьмидесятым годам прошлого века; — они увидят из них, в какое время и при каких обстоятельствах была высказана мною эта мысль, казавшаяся чем-то вроде сумасшедшего бреда нашим староверам народнического и субъективного толков.

Мои противники приписывают мне такое рассуждение: если кризис, переживаемый Россией, имеет буржуазный характер, то надо поддерживать буржуазию. — Этим рассуждением они объясняют мой «оппортунизм», — давно уже открытый и проклятый анархистами, — и этому же рассуждению противопоставляют они замечание Каутского о шаблонах. Но это рассуждение, — чрезвычайно сильно напоминающее логику покойного С. Н. Кривенко, находившего, что я и мои единомышленники должны сделаться кабатчиками, — целиком придумано ими, моими даровитыми противниками. Я рассуждаю совсем иначе. Я совсем не говорю, что рабочий класс должен кого-нибудь поддерживать. Или, чтобы выразиться точнее, я говорю, что он может и должен поддерживать только те классы и партии, деятельность которых так или иначе облегчает его собственное дело. Он не придаток, — я уже двадцать четыре года доказываю это, — а *самоцель.* И он должен пользоваться другими классами и партиями как средством. В этом смысле я и писал недавно, что было бы ошибкой с его стороны, если бы он не захотел использовать для своих целей кадетское стремление к полусвободе [1]): он не должен *служить,* он должен *пользоваться.* Если это одно и то же, то капиталисты — неизменные слуги рабочих, потому что они неизменно пользуются ими для создания прибавочной стоимости. Но это слишком сложно для моих оппонентов. Они в таких тонкостях не разбираются, у них — если

партия буржуазная, то не надо и пользоваться ею: отойди от зла, сотвори благо. Так всегда рассуждали анархисты.

Они изображают дело так, как будто они нашли наконец авторитетного писателя, разошедшегося со мною по вопросу о *соглашениях-*

[1]) Достижение его целей выгодно в то же время огромной массе населения. Но об этом здесь нет нужды распространяться.

Посмотрим, однако, что же собственно говорит Каутский об этом вопросе.

«Совместное действие с либералами, — читаем мы на стр. 31-й русского перевода его статей, — допустимо лишь в такой форме и в тех местах, где это не помешает совместному действию с крестьянством». Это правильно. Но разве я предлагал такое соглашение, которое могло бы помешать этому совместному действию? Где? Когда?

Спрашиваю еще раз: чему же обрадовались мои противники? И теперь я, кажется, начинаю догадываться, в чем дело. Слушайте. По мнению этих господ, коренная разница между моим «методом» и «методом Каутского» выступает с особенной рельефностью, когда мы читаем у этого последнего вот эти строки: «Думать, что все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-напросто действовать вместе, чтобы добиться победы, значит иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося». Но эти строки, будто бы обнаруживающие различие наших «методов», могут только радовать меня: ведь я с давних пор доказываю, что таким классам решительно невозможно «просто действовать вместе»; ведь я всегда отстаивал принцип: «врозь идти, вместе бить». Я предложил избирательные соглашения *в силу* этого принципа, *на его основе, в его пределах.* И если *это* предложение означает желание «перебежать» к либералам, то по той же логике отказ от соглашений должен означать желание перебежать к октябристам или даже к черной сотне.

Но Каутский, разумеется, совершенно чужд этой логике; как в том, так и в другом случае мы уже знаем, что и он не против совместного действия с либералами, *поскольку это действие заключается в известные пределы.*

Дальше. «Каутский показывает, что в ходе революции победа может достаться социал-демократической партии и что эта партия *должна*

внушать своим сторонникам уверенность в победе... Смешные потуги Плеханова «подвести» задачи нашей революции «под амстердамскую резолюцию» выступают особенно комично наряду с простым и ясным положением Каутского: «Нельзя успешно бороться, если наперед отказываться от победы» (стр. 5).

Погодите, господин хороший, тут вы опять путаете, и тут производимая вами путаница выступает «с особенной рельефностью».

По какому поводу я заговорил об амстердамской резолюции? По тому, что эту резолюцию могли бы, пожалуй, истолковывать в смысле, *осуждающем предложенные мною избирательные соглашения.* Я именно

думал, что под нее нельзя «подвести», — как выражаются мои противники, употребляя почему-то вносные знаки, — нынешние русские общественно-политические отношения. И когда я напоминал о ней тем, кому я ставил свои вопросы, я — опять каюсь! — ждал, что мне ответят: «Да помилуйте! Ведь амстердамская резолюция имеет в виду условия, совершенно не похожие на ваши». Так мне, собственно говоря, и ответили, при чем резче и определеннее всех других ответил Жюль Гэд, которого тт. большевики, вероятно, тоже считают теперь «перебежчиком». Откуда же вы, хороший господи«, взяли мои «потуги»?

Если «потуги» были на самом деле и если они «смешны», то разве в одном смысле: в том, что я в некоторых своих статьях *показывал* то, чего и *доказывать не нужно,* т. е. опять-таки то, что амстердамская резолюция осуждает соглашения, происходящие при условиях, *совершенно не похожих на наши русские.*

Далее. Доказывая *невозможность* «подвести» и проч., я писал, между прочим, что с точки зрения амстердамской резолюции можно было бы обсуждать *только* вопрос об участии представителей рабочего класса в *буржуазном,* — или в *мелкобуржуазном* правительстве, — и *этот* вопрос, сказал я, амстердамская резолюция решает отрицательно, но такой вопрос может возникнуть именно только тогда, когда сметены будут *с* исторической сцены нынешние наши отношения; теперь же амстердамская резолюция предписывает нам нечто совсем иное. Мое

замечание об участии в буржуазном правительстве было сделано мимоходом, и если гг. «большевики» усмотрели в нем *главное* содержание моих «потуг», то это дает мне повод думать, что мои «смешные» потуги не столько их *«смешили»,* сколько *беспокоили.* Этим предложением хорошо объясняется, кстати, и тот факт, что мои противники с таким, можно сказать, судорожным усилием схватились за фалды Каутского.

Что касается мнения этого последнего насчет того, что для борьбы нужна уверенность в победе, то, разумеется, я не буду, — да, впрочем, и никто не будет, — оспаривать это. Все дело в том, чтобы не внушать борющемуся уверенности в такой победе, которая невозможна по условиям места и времени. А, кроме того, нужно еще условиться насчет того, чтò считать победой. По-моему, тот захват власти, о котором мечтают гг. большевики, только на поверхностный взгляд означал бы собою *победу,* а на самом деле был бы началом жестокого *поражения.* И это, мое отношение к вопросу вполне сходится с тем, что думал Энгельс о крайней невыгодности положения того класса, в руки которого политическая власть попала прежде, чем созрели экономические условия,

необходимые для его торжества. При наличности этого отрицательного условия такому классу *выгоднее оставаться в оппозиции.* Так думаю я вслед за Энгельсом [1]). Я не думаю, чтобы мой друг Каутский далеко разошелся со мною в этом случае: в интересующих нас статьях его мнение выражено слишком неопределенно, чтобы можно было составить себе о нем точное понятие. Но, если бы, — что, повторяю, кажется мне маловероятным, — он согласился с гг. «большевиками», то я, в свою очередь, не согласился бы с ним, как не согласился в 1900 г. по вопросу о Мильеране. Мне это было бы тяжело, но я думаю, что события оправдали бы меня, как уже оправдали они мою критику парижской резолюции Каутского.

Правда, у нас пока еще нет оснований думать, что скоро могут явиться те события, которые решили бы этот спор. Они, конечно, «возможны, но лишь в более или менее отдаленном будущем». И тут, как

мне кажется, Каутский не совсем правильно определяет нынешнее соотношение наших общественных сил. Он верно указывает, *в каком направлении* совершается политическое развитие нашего крестьянина. Но он преувеличивает *быстроту* этого развития. А преувеличивая *его быстроту,* он, по необходимости, создает себе не вполне точное представление об *его влиянии на другие партии.* Иностранные читатели Каутского могут, пожалуй, подумать, что кадеты *уже стали,* консервативной партией, между тем как правильнее пока считать,— как я назвал их, — партией народной полусвободы. Впрочем, в одном месте Каутский как будто и сам говорит об отказе кадетов от борьбы с пережитками нашей старины лишь как о *будущем результате* развития крестьянского сознания. Если именно здесь надо искать правильного выражения его мысли, то я по существу с ним согласен, и разномыслие между нами возможно, стало быть, *только в оттенках,* при чем и эта возможность обусловливается, по-моему, только тем, что, рассуждая о ходе развития сознательности в русском крестьянстве, я чаще вспоминаю русскую поговорку: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Но все это частности. Главное же то, что если бы в двух последних пунктах Каутский и оказался ближе к гг. «большевикам», то необходимо помнить, что два пункта еще не обозначают всего и что гг. «большевики» все-таки совершенно напрасно цепляются за фалды Каутского. Им лучше было бы «родными счесться» с анархо-социалистам Эрве, не-

[1]) Напомню об его письме к Филиппу Турати. Мне уже не раз приходилось ссылаться на это письмо.

давно обрушившимся с целым рядом поистине «большевистских» упреков на партию, к которой принадлежит Каутский, за «оппортунизм», будто бы проявленный ею в своем избирательном манифесте. Недаром же в среде гг. большевиков растут и крепнут симпатии к анархо-социалистическому синдикализму. Если бог даст нам веку, то мы, я думаю, скоро будем присутствовать при весьма интересных превращениях некоторых наших мнимых ортодоксов марксизма в истинных ортодоксов анархо-социализма.

В заключении замечу вот что. Каутский говорит, что со временем между имущей частью нашего сельского населения и рабочим классом явится такая же пропасть, какая существует теперь между ними на Западе. Это очень верно. Но Каутский забыл прибавить, что уже *теперь* экономические интересы русского крестьянства,— заметьте: так называемого *трудового* крестьянства, — во многом расходятся с интересами пролетариата. И это обстоятельство необходимо иметь в виду при решении того, упомянутого выше, политического вопроса, по которому, может быть, существует некоторое разногласие между мною и Каутским.

Вот наглядный пример. Указ 9 января, несомненно, идет вразрез с нынешними интересами «трудового» крестьянства, если не везде, то в очень многих местностях нашей страны. Поэтому «трудовое» крестьянство не может не желать его безусловной отмены. А какова может быть позиция пролетариата в этом чрезвычайно важном теперь вопросе? Чтобы судить об этом, я приглашаю вас обдумать следующий факт.

«Тамбовская Газета» сообщает об одном из первых случаев фактического осуществления нового закона об общине.

В селе Бокине, Покровской волости, Тамбовского уезда, на сельском сходе обсуждался вопрос по существу поданного одним из домохозяев-общественников заявления об указании участков земли на предмет укрепления ее в собственность.

Сход категорически отказался от удовлетворения требования, о чем составил приговор, мотивируя отказ просто нежеланием подчиниться требованию желающего выделиться из общества домохозяина, находя удовлетворение требования для общества неудобным ввиду того, что желающих найдется много, преимущественно из бедных хозяев к лиц, не занимающихся земледелием и не живущих в обществе. Между тем, «общинное владение желательно сохранить: 1) с целью препятствования к отчуждению надельной земли, 2) для удобства пастбища скота на парах и ржищах и 3) потому, что разделить землю на отдельные

участки невозможно уравнительно, ибо земля разная и много ее совсем неудобной, а чересполосицы признаются неосуществимыми

ввиду системы переделов на новые души».

Вы видите, какая «подоплека» обнаружилась в одном из первых же случаев осуществления нового указа об общине: сход села Бокина нашел, что интересы сельской бедноты расходятся с интересами «трудовых» хозяев. Я уверен, что этого не ожидали наши бюрократы, само собою разумеется, заботившиеся вовсе не о бедноте. Но, — насколько можно судить, прислушиваясь к голосу нашей прогрессивной печати всевозможных оттенков, — этого не ожидали и наши противники бюрократов. Эти последние, противопоставляя интересы выделяющихся крестьян интересам общины, всегда давали понять читателям, что выдел может быть желателен и выгоден только той части сельского населения, которая менее всего может привлекать к себе сочувствие нашей демократии [1]). В этом же смысле высказался и хороший знаток аграрного вопроса П. П. Маслов («Современный Мир», за декабрь 1906 г., статья: «Разрушение общины»), который, однако, в своей собственной книге об аграрном вопросе мог бы найти очень ясное указание на возможность той комбинации интересов, которая дала себе знать в селе Бокине. Мы там читаем:

«С точки зрения интересов зажиточных групп крестьян гораздо выгоднее наделение землею крестьянских общин, называемое некоторыми «социализацией земли». При общинном землевладении, лишенном тех административных пут, которыми связывается теперь община, при развитии производительных сил в крестьянских хозяйствах, мобилизация земли из одних рук в другие значительно легче, так как не требуется капитальной затраты на покупку земли. Но с точки зрения интересов беднейших групп деревенского населения положение вещей является ничуть не более желательным; несомненно, пролетарские элементы деревни будут вытеснены из «свободной» общины и ничего не получат, так как не будут иметь своего хозяйства [2]). Этот серьезный и скромный человек имеет, — подите же вы! — слабость возвещать в своих сочинениях по аграрному вопросу, что до него все исследователи стояли на отвлеченной точке зрения, а вот он, П. П. Маслов, все это поправил. Несмотря на

[1]) Так смотрят, кажется, и заграничные идеологи пролетариата; см. статью Леона

Рэми в «L'Humanité» № 1019.

[2]) «Аграрный вопрос в России», 3-е издание, стр. 456 — 457. Я уже в «Наших разногласиях» доказывал возможность наступления такого момента, когда уничтожение общины будет выгодно именно «деревенской бедноте»

столь преувеличенно лестное мнение П. П. Маслова о трудах П. П. Маслова [1]), П. П. Маслов уже и в книге своей ухитрился встать на довольно отвлеченную тачку зрения. Достаточно сказать, что он рассматривал в ней эволюцию форм нашего крестьянского землевладения независимо от развития нашего государственного хозяйства, имевшего на нее огромное и очень недурно выясненное в науке влияние. В статье же: «Разрушение общины» отвлеченный характер рассуждений П. П. Маслова дошел до крайности. И это очень жаль, потому что его мнение может многих ввести в ошибку. Только Лосицкий рассуждает об указе 9 января как будто конкретнее, но я, к сожалению, не имею под руками всех его статей, и мне не совсем ясны его выводы. Как бы там, однако, ни было, но поддерживать *«трудовых крестьян»* в их борьбе с *«бедными хозяевами»* нам не пристало. Я, разумеется, не говорю, что мы должны рукоплескать закону о разрушении общины. Против этого закона прежде всего говорит его канцелярское происхождение. Вопросы, касающиеся насущных интересов народа, должны решаться народным представительством. Но в понятии «народ» объединяются весьма различные классы и слои населения с далеко не одинаковыми интересами.

Нелепо было бы затушевывать это. Преступно было бы игнорировать интересы «бедных хозяев», этих деревенских пролетариев. Необходимо принять все меры к тому, чтобы они громко заявили о *своих требованиях.* Только опираясь на *эти* требования, можно выработать правильное отношение к закону 9 января, и следует поспешить с выяснением,— я хочу сказать: с организованным, систематическим и всесторонним выяснением, — этих требований: время не терпит [2]).

---

[1]) Говорю — *преувеличенно* лестное, потому что здесь П. П. Маслов повинен именно только *в преувеличении.* А что его труды заслуживают похвалы, это я и сам всегда находил.

[2]) Уже по окончании этой статьи я прочитал следующее известие:

«Крестьянские постановления. «Новь» сообщает, что крестьяне села Костамы, Костромской губернии, Галицкого уезда на сельском сходе постановили лишить пользования землей всех крестьян, которые не живут в деревне и не обрабатывают земли сами. Рассматривая новый закон об уничтожении общин, сход признал, что

это новый повод для закабаления крестьян, и для вражды между ними. Приговор представлен земскому начальнику» («Речь», № 16.)

По существу это постановление однозначно с тем, которое принято было в Бокине. Оно тоже идет вразрез с интересами крестьян-пролетариев.

Письмо шестое

(Посвящается нашим социал-демократическим депутатам)

У нас вошло в обычай говорить о «нашей революции». Но это выражение, — «наша революция», — можно употреблять только в известном смысле. *Наша революция еще не совершилась.* Лучшим доказательством этому служит тот факт, что власть до сих пор находится в руках гг. Столыпиных, Каульбарсов, Ренненкампфов и проч. поистине... «истинно русских» людей. Мы еще далеко не пережили нашего 10 августа, а наши Бастилии, взятые в октябре 1905 г., опять переполнены заключенными. Наша революция еще не совершилась. *Она только совершается,* — вернее сказать, — *она только готовится.* И как всегда бывает в тех случаях, когда готовится революция, силы *друзей* старого порядка с каждым днем убывают, а силы его *врагов* с каждым днем увеличиваются. Правда, по мере *того,* как предстоящая русская революция обнаруживает свое глубокое содержание, против нее обращаются и будут обращаться один за другим некоторые элементы, прежде ей сочувствовавшие или даже принимавшие активное участие в освободительной борьбе. Это неизбежно. Но этим не надо смущаться. Отталкивая от себя *некоторых,* революция привлекает *многих;* лишаясь поддержки *со* стороны *различных слоев высших классов,* она вовлекает в движение *народную массу.* Ее приход больше ее расхода. Оттого-то и растут ежедневно силы врагов старого порядка; оттого-то и тают ежедневно, «яко тает воск от лица огня», силы его друзей. Если бы было иначе, если бы Расход был больше прихода, тогда нельзя было бы и говорить о тол1, что у нас готовится *революция,* а тогда надо было бы говорить о том, что у нас готовится *реставрация,* полное восстановление старого порядка, как он существовал до 17 октября 1905 года. И тогда этого процесса восстановления старого порядка не остановили бы никакие ссылки на манифест 17 октября и никакие указания на лояльность наших конституционных «реаль-политиков».

Раз начавшись, попятное общественное движение остановилось бы, — на более или менее продолжительное время, — лишь тогда, когда борющиеся между собою общественные силы пришли бы в более или менее устойчивое равновесие.

Наша революция еще не совершилась. Она только готовится.

Ее силы растут прямо пропорционально вовлечению в движение широкой массы. Она совершится тогда, когда ее силы окажутся больше, нежели силы реакции. Когда это будет? Мы не знаем, но мы видим и нам следует постоянно иметь в виду вот что. В настоящее время сила сопротивления государства, — даже полицейского государства, всегда значительно ослабляемого недоверием к нему со стороны «обывателей»,— несравненно больше, нежели была она прежде, например, в эпоху Великой французской революции.

Поэтому теперь, чтобы преодолеть силу сопротивления государства, необходимо выдвинуть на историческую сцену гораздо бо̀льшую и гораздо более сознательную, гораздо лучше организованную массу, нежели это нужно было прежде. А для того, чтобы масса приняла деятельное, сознательное участие в движении, для того, чтобы она стала организовываться для участия в нем, необходимо, чтобы она увидела в нем выражение ее собственных насущных интересов; необходимо, чтобы она смотрела на его торжество как на необходимое условие ее собственной жизни. Но чем лучше выражаются в данном движении насущные интересы народной массы, тем оно *демократичнее.*

Значит, уже один тот факт, что чрезвычайно увеличилась сила сопротивления государства, делает необходимым все большее и большее изменение характера освободительной борьбы со старым порядком в сторону *демократизма.* А это служит новым доказательством того, что старый, — всегда бывший в сущности олигархическим, — либерализм отжил свое время. Победоносная борьба со старым порядком возможна у нас только под знаменем демократии.

И вот почему наши кадеты, несмотря на все свое отвращение к утопизму, сами являются политическими утопистами.

Боясь слишком решительного выступления народа на политическую сцену, они стремятся установить и упрочить у нас парламентский

режим с помощью таких сил, которых совершенно недостаточно для достижения этой цели. Они питают утопическую надежду на то, что им удастся *заговорить* старый «прижим» до смерти. И они не только сами питают эту утопическую надежду. Они хотят убедить народ в том, что в ней нет ровно ничего несбыточного. В этом, а не в чем-нибудь другом, за-

ключается главный грех кадетской партии. И по мере того, как в головы русских граждан будет проникать сознание этого ее греха, кадеты будут отходить на задний план, уступая честь и место «более левым» направлениям. Может быть, уже недалеко то время, когда они, — делающие теперь оппозицию *правительству,* перейдут в число тех, которые делают оппозицию *революции.*

Может быть, недалеко это время.

Но пока оно все-таки еще не пришло, и нет ошибки более смешной и более грубой, чем та, которую делают наши «большевики», воображающие, что они приближают это время своими криками о необходимости «активных выступлений». Совершенно наоборот!

Бестолковые крики и бестолковые выступления «большевиков» вливают много свежей крови в жилы кадетской партии. Этого не видят только слепорожденные.

Возьмем хотя пресловутый бойкот первой Думы. Сами кадеты признают теперь, что он увеличил силу и влияние их партии. (См., например, передовую статью в № 35 «Речи»).

А это значит, что «большевики» шли в одну комнату, а попали в другую. Не умея обосновать свою тактику на правильной оценке соотношения общественных сил, они, подобно всем утопистам, часто достигают своей деятельностью результатов, прямо противоположных тем, к которым они стремятся.

Чем был плох бойкот? В чем состоял главный промах его сторонников? Они предполагали *созревшим* то, что пока еще только *зреет* и созреванию чего можно и должно было содействовать, между прочим, и участием в выборах. Я говорил это с самого начала, а теперь в этом вряд ли сомневаются и сами бывшие сторонники бойкота. Автор брошюры «Роспуск Думы и задачи пролетариата», как я уже выше ука-

зывал, пишет:

«Народ, т. е. широкие массы населения, еще не дорос в массе своей до сознательной революционности в 1906 году... Сознание невыносимости самодержания стало всеобщим, сознание негодности народного представительства — тоже [1]). Но непримиримости старой власти с *властным* народным представительством народ еще не мог сознать и почувствовать. Ему нужен еще был, как оказалось, особый опыт для этого, опыт кадетской Думы. Наш лозунг... оказался верным, но жизнь вела

[1]) Автор хочет, по-видимому, сказать — нынешнего *безвластною* представительства.

к нему более долгим и запутанным путем, чем мы в состоянии были предвидеть».

Это — очень характерное признание, показывающее к тому же, до какой степени автор цитированной мною брошюры неспособен, - в своем качестве «видного» большевика, — сделать надлежащий вывод из своих собственных посылок. Он не понимает, — или не хочет понять,— что *«лозунги»* имеют прежде всего *тактические* значение и что *тактика, основанная на ошибочном представления о степени сознательности народной массы, есть прежде всего ошибочная тактика.* Наш автор хотел бы превратить в похвалу себе даже сознание в своей ошибке. И, именно благодаря такой *неискренности* своего отношения к своим ошибкам, эти люди ничему из них не научаются и по-прежнему оказываются «не в состоянии предвидеть» те условия, которые необходимы для успеха их дела. Если сегодня автор брошюры видит себя вынужденным признать на своем странном языке, что *широкие массы еще не доросли в массе* до той степени сознательности, которая необходима для того, чтобы можно было вести их в решительную битву, то это нисколько не исправляет застарелых привычек его мысли, и он завтра же опять зычным голосом кричит: «Нутка, на ура!» И так же мало научаются чему-нибудь из своих старых ошибок его читатели и последователи. Так, недавно г. Петр Ал., — см. «Сборник первый», ст. «Перед новой Думой», — высказал следующие соображения: «И режим либеральной буржуазии не может осуществить основных требований революции.

Крупнейшие из этих требований не по плечу либеральному режиму: буржуазия никогда не решится отстаивать и проводить такие меры, как безвозмездная передача всей земли крестьянам, отмена косвенных налогов, отказ от уплаты по займам, уничтожение постоянной армии и проч.

«Таким образом, если бы в ходе революции либералы и очутились у власти, то революция не была бы удовлетворена, — было бы обнаружено лишь политическое банкротство либерализма» (стр. 29 — 30).

Г-н Петр Ал. — враг кадетов. Поэтому, казалось бы, что он *должен желать,* чтобы они как можно скорее очутились у власти и чтобы, таким образом, «обнаружилось» их банкротство. Но г. Петр Ал. рассуждает иначе. «Ввиду этого, — говорит он, — социал-демократии и революционному пролетариату нет никакой надобности оказывать свое содействие тому, чтобы либералы поскорее заменили собой черносотенную клику Столыпина и Гурко в министерских креслах» (стр. 30). Логично такое рассуждение было бы *только* в том случае, если бы наш

автор был не *врагом, а другом* кадетов, стремящимся во что бы то ни стало *отсрочить* их банкротство. Но людям, подобным нашему автору, закон логики не писан. Поэтому г. Петр. Ал., рекомендуя пролетариату такую тактику по отношению к кадетам, которая *отсрочила бы их банкротство,* воображает себя крайним радикалом в социал-демокра-тии и дает такой совет представителям нашей партии в Думе:

«Если Дума опять будет состоять в большинстве своем из либералов и они опять выставят требование назначения ответственного министерства, то противодействовать осуществлению этого требования социал-демократия, конечно, не будет (Ну еще бы! Ведь за такое *«противодействие»* можно было бы удостоиться получения ордена от неответственного перед народом правительства! — *Г. П.*),— она постарается только использовать этот факт в интересах пролетариата и революции!» (стр. 30). *Как* «использовать», об этом, к сожалению, ничего не говорит г. Петр Ал.; но зато он предлагает «в противовес (sic!) требованию ответственного министерства по-прежнему выдвинуть

идею образования революционного исполнительного комитета из думской левой, связанного с местными революционными организациями» (та же стр.).

Если бы социал-демократические депутаты выставили бы какое-нибудь требование в *«противовес»* требованию ответственного министерства, то они поступили бы «в противовес» своей прямой *обязанности,* как представителей народа. Неответственное министерство есть насмешка над народным представительством, и социал-демократические депутаты *обязаны* протестовать против этой насмешки по меньшей мере так же энергично, как и депутаты, принадлежащие к буржуазным и мелкобуржуазным партиям. Их усилия должны быть направлены не к тому, чтобы найти какой-нибудь *противовес* этому требованию, а к тому, чтобы *поддержать его огромным весом представляемого ими класса.*

Поступать иначе значило бы отклонять от себя симпатии народной массы и направлять эти симпатии в сторону буржуазной оппозиции, т. е. опять-таки оказывать услугу той кадетской партии, которую г. Петр Ал. хотел бы сжить со свету. Вот что значит усердие не по разуму!

Одно из двух. Или быстро увеличивающиеся силы революции *уже т*еперь переросли силы правительства, и в таком случае требование ответственного министерства может и должно послужить сигналом для

решительного боя с реакцией, или же сила революции еще не переросла силы сопротивления государства, и тогда решительный бой еще *не* уместен; но и тогда названное требование должно быть поддержано как прекрасное воспитательное средство, развивающее политическое сознание народа и тем самым подготовляющее его для победоносного боя и будущем.

Стало быть, и в том, и в другом случае социал-демократические депутаты *не могут не сделать указанное требование своим* в интересах народа, в интересах революции.

Но со стороны социал-демократических депутатов всякий *самообман* по вопросу о нынешнем соотношении общественных сил был бы преступен, потому что он был бы в то же время *обманом пролетариата, обманом всех тех элементов населения, которые,* — как это показали

последние выборы, — *все более и более густыми рядами собираются вокруг пролетарского знамени.* Наша революция еще только готовится. Ее силы быстро растут; силы реакции быстро убывают. Роковым образом приближается тот момент, когда революция станет сильнее реакции, когда решительный бой сделается не только возможным, но нравственно обязательным для всех искренних врагов старого порядка. Роковое приближение этого, для всех нас желанного, момента могло бы быть замедлено, — *и замедлено на очень долгое время!* — только неразумием тех революционеров, которые, подобно нашим «большевикам», хотели бы принять бой в такое время, когда силы революции еще превышаются силами реакции и когда такой бой принес бы победу правительству.

Если тактика бойкота была выгодна *кадетам,* то тактика, рекомендуемая теперь г. Петром Ал. нашей фракции в Думе, была бы выгодна *«истинно-русским людям».*

Г. Петр Ал. и его единомышленники опять, идя в одну комнату, недалеки от того, чтобы попасть в другую.

Вот оно усердие не по разуму!

Бывают такие исторические моменты, когда неразумное усердие хуже равнодушия, хуже измены. Не многого стоит революционер, не умеющий владеть собою.

Историк римского государства, завоевавшего весь цивилизованный мир, сочувственно описывает поступок того римского полководца, который казнил собственного сына за то, что тот преждевременно вступил в битву с неприятелем. Нетерпеливый юноша разбил атакованный им неприятельский отряд, но его неосторожность грозила принести

страшное поражение всей римской армии, и его сурово осудил поседевший в боях воин.

А как отнесся бы этот воин к нашим «большевистским» вождям, за которыми числятся пока одни только поражения, но которые, тем не менее, вопят свое неизменное «нутка, на ура!», совершенно не «предвидя» условий, необходимых для победы?

Неужели так трудно понять, что нам *невыгодно* вступать теперь же в решительный бой? Что нам нужно теперь избегать его, предоставляя

неприятелю тратить свои последние силы в напрасных, компрометирующих его попытках изменить свое положение к лучшему одним решительным усилием? Неужели неправда, что,— как я уже писал в своих письмах «О тактике и бестактности», — нам нужно продолжать поджаривать нашу матушку-бюрократию на медленном огне всенародной агитации? Что касается реакционеров, то они, по-видимому, хорошо понимают, до какой степени это верно, и они были бы как нельзя более благодарны нашей думской фракции, если бы та, — следуя мудрому совету г. Петра Ал., — дала им возможность атаковать революцию при таких условиях, которые были бы крайне невыгодны для этой последней. Под влиянием новых выборов г. Меньшевиков писал в «Новом Времени»:

«Прежде я говорил, что правительство бесспорно сильнее смуты, но что если дать последней время разрастись, если ждать, когда пропаганда всосется в армию и в деревенские массы, то отношение сил изменится. Я предсказывал, что такая перемена отношений может произойти через два, три года. С тех *пор прошел год, и дело пропаганды существенно подвинулось, как доказывают выборы.*

«Правительство и сейчас еще достаточно сильно, чтобы разгромить всякое восстание, но, может быть, оно уже накануне того дня, когда это будет трудно. Как степной пожар, — с каждым пропущенным часом задача гасить революцию все труднее».

Какой вывод следует из того, что говорит здесь г. Меньшиков? Сам он умозаключает отсюда, что правительству следует крепко подумать, прежде чем решиться идти напролом. Но я не знаю, искренни ли эти его слова и не сказаны ли они единственно для того, чтобы скрыть ту мысль, что «напролом» необходимо идти именно теперь, а иначе будет поздно. Во всяком случае, в наших «сферах» найдется не мало людей, которые сумеют прийти к этой мысли и без помощи г. Меньшикова. С них будет достаточно того, что он правильно указал им на положение дел.

Силы революции с каждым днем растут; силы реакции с каждым днем убывают. Вви-ду этого идти «напролом» выгодно пока только реакционерам.

Революционеры же должны сделать все, от них зависящее, для того, чтобы правительство, решившись идти «напролом», не имело даже и внешности правоты; чтобы оно не могло сказать стране: «Меня вынудила к этому крайняя левая!» Нет, если уж пойдет оно «напролом», то надо, чтобы все видели, что оно поступило так единственно потому, что не уважает прав народа, и только в интересах реставрации. Лишь тогда последствия такой его тактики обрушатся на его собственную голову. Пусть же социал-демократиче-ские депутаты позаботятся о том, чтобы каким-нибудь неосторожным шагом не нанести ущерба делу революции.

Caveant!..

Письмо седьмое

В иностранной печати ходят очень недвусмысленные слухи о тол, что «сферы» собираются распустить Думу. В то же время судьба, очевидно, не благоприятствует Думе: то пожар в ее стенах начнется, то потолок обвалится. Это плохие знаки. Поэтому естественно возникает вопрос: а что, если разгонят? И этим вопросом пора заняться, чтобы события опять не застали врасплох тех, которые гордо называют свою деятельность сознательным выражением бессознательного исторического процесса. Сознательность обязывает...

Мне скажут, пожалуй, что этим вопросом уже занимались во время предвыборной агитации как на собраниях, так и в печати. На это я отвечу, что хотя им, в самом деле, занимались в то время, но отвечали на него неудовлетворительно. На собраниях и в печати говорили тогда приблизительно то же, что писал и, — вероятно, — говорил С. Н. Юрин: «вторую Думу не распустят так, как распустили первую, если она будет опираться на организованный народ». («На очереди» № 2, фельетон.) Я спрашиваю, почему же не распустят в этом случае? И я не нахожу ответа в фельетоне С. Н. Юрина. Словам, приведенным мною и напечатанным в подлиннике курсивом, предшествует у С. Н. Юрина такое соображение:

«Пусть каждый депутат народа в Думе чувствует, что за ним стоит вне Думы организованная народная сила, пусть, выходя на думскую трибуну, он будет излагать не свои догадки и пожелания, а

несомненную волю народа, выраженную в тысячах наказов, приговоров, резолюций народных собраний, крестьянских сходов. И тогда неисполнение требований Думы будет отказом народу».

Это соображение было бы убедительным только в том случае, если бы мы думали, что наше правительство не захочет «отказать на-

роду». Но имеем ли мы какое-нибудь основание думать это? Ясно, что ровно никакого основания для этого у нас нет и быть не может. Напротив, у нас есть полное основание думать, что наше правительство нимало не постеснится «отказать народу» всякий раз, когда оно будет в состоянии сделать это без слишком невыгодных для себя последствий.

Стало быть, в этом все дело: второй Думы не разгонят так, как разогнали первую, если правительство будет видеть, что разгон новой Думы повлечет за собой невыгодные для него последствия.

По всей вероятности, Юрин хотел сказать именно это. И тогда он, конечно, прав. Но для того, чтобы эта его мысль могла быть признана удовлетворительным ответом на вопрос: а что, если разгонят? — необходимо связать ее с целым рядом других мыслей.

Мы говорим: правительство не разгонит Думы, если оно увидит, что ему невыгодно сделать это. Но тут возникают два новых вопроса: во-первых, что значит — невыгодно? Во-вторых, а что, если оно не увидит, не поймет невыгоды того положения, в которое его поставит новый разгон Думы?

Легко заметить, что эти два вопроса неразрывно связаны между собою. В самом деле, если правительство не поймет невыгоды того положения, в которое его поставит новый разгон Думы, то оно не постеснится «отказать народу», т. е. разогнать его представителей. И эта ошибка должна будет повлечь за собою невыгодные для него последствия. Каковы же они будут? Каковы они могут быть?

Это должен обдумать всякий тот, кого интересует судьба нашего освободительного движения.

Вооруженное восстание народа? Тотчас после разгона первой Думы один политический младенец, — в выше цитированной брошюре «Роспуск Думы и задача пролетариата», — советовал назначить воору-

женное восстание в начале июля или в конце августа. Очень может быть, что он опять обнаружит такую же решительность и опять назначит определенный срок для вооруженного восстания. Этому младенцу самый вопрос о том, что делать в случае нового разгона Думы, покажется, пожалуй, неуместным. Но между людьми, вышедшими из детского возраста, не много найдется таких, которые считали бы возможным в «текущий момент» победоносное восстание народа. Всякая попытка восстания окончилась бы неудачей, а всякая неудача непременно изменила бы к лучшему то невыгодное положение, в которое поставит себя правительство новым разгоном Думы.

315

Мысль о восстании в *«текущий момент»* должна быть решительно отвергнута.

Всеобщая стачка? Я не знаю, пошел ли бы пролетариат на всеобщую стачку в интересующем нас случае. Но если бы и пошел, то необходимо помнить, что всеобщая стачка тоже может окончиться неудачей. Этим я хочу сказать, что если и начнется всеобщая стачка, то это еще не значит, что она непременно приведет к капитуляции правительства: может быть, — приведет, а может, и нет.

Что же будет, если всеобщая стачка кончится неудачей или если в момент разгона новой Думы пролетариат скажет себе и другим: удачная всеобщая стачка теперь невозможна, а неудачная была бы выгодна только правительству; поэтому нечего и начинать всеобщую стачку?

Очень вероятно, что, разогнав Думу, правительство изменит избирательный закон и таким образом обеспечит себе, наконец, победу на новых выборах.

Чем ответим мы на его coup d'état? Террористы скажут: террором. Но мы не террористы.

Еще раз: что же делать? Если *ничего,* то где же будут те вредные для правительства последствия, которые поведет за собою новый разгон Думы? Неужели правительству достаточно решиться на coup d'état, чтобы остановить поток освободительного движения?

О, нет, ce serait trop beau, как говорят французы.

Потоку освободительного движения можно ставить весьма различные преграды, но остановить его нельзя по той простой причине, что его существование обусловливается наличностью многих, самых насущных, общественных нужд. Пока эти нужды существуют, не прекратится и поток освободительного движения, а эти нужды перестанут существовать только тогда, когда исчезнет то, что пытаются отстоять реакционеры, замышляющие coup d'état.

Стало быть, нам нечего отчаиваться даже в том случае, если мы не в состоянии будем ответить на coup d'état каким-нибудь удачным «активным выступлением». Жизнь возьмет свое.

Каким образом? К этому сводится для нас теперь весь вопрос. Уяснив себе тот процесс, который приведет к удовлетворению настоятельных требований жизни, мы тем самым уясним себе, что нам останется делать, если в момент разгона Думы народ окажется недостаточно сильным для того, чтобы воспротивиться coup d'état.

Каким же образом добьется жизнь удовлетворения своих насущных требований?

316

Очевидно, что она может добиться этого лишь посредством увеличения *сил народа.*

А в чем состоят силы народа? В его *сознательности и организованности.*

Значит, тут и надо искать ответа на все вообще происки реакционеров и, в частности, на coup d'état.

Если и в момент coup d'état окажутся невозможными серьезные «активные выступления», то у нас все-таки останется то, что важнее всего: возможность способствовать скорейшему наступлению того времени, когда разогнанными окажутся те, которые теперь разгоняют.

И чем лучше мы воспользуемся этою возможностью, тем убийственнее будет наш ответ на coup d'état.

Само собою разумеется, что было бы очень хорошо, если бы за Думой стояла организованная сила народа. Но, во-первых, такой силы еще *нет* налицо, а во-вторых, *она явится* только тогда, когда народ сумеет взглянуть на Думу с правильной точки зрения. Пока у него нет такого уменья, напрасно и ждать от него поддержки Думы.

Дело вот в чем. История приучила нашу народную массу к политической *пассивности.* Наша народная масса привыкла ждать помощи сверху: то от небесного царя, то от сфер, правящих на земле. И эта привычка отразилась даже на отношении массы к некоторым новым явлениям нашей общественной жизни, казалось бы, прежде всего требующим *самостоятельности* от тех, кто им сочувствует. Во время знаменитой ростовской (на Дону) стачки 1902 г. в местный социал-демократический комитет, — сразу сделавшийся известным, — стали поступать *прошения,* как будто он представлял какое-то новое *«присутствие»,* отличающееся от старых тем, что в нем заседает *доброе* начальство. Подобные же прошения поступали и в Совет Рабочих Депутатов. Наконец, характер таких же прошений, адресуемых к новому, доброму начальству, имели и очень многие из тех заявлений, с которыми обращалась к первой Думе народная масса. Народ приветствовал Думу, надеясь, что она *явится для него источником силы* в борьбе с его вековыми невзгодами. Он в числе своих, пока еще чрезвычайно многочисленных, бессознательных слоев не понимал того, что *он сам должен послужить источником силы для Думы.* Поэтому он не шелохнулся, когда Дума была разогнана. Кадеты указывали на это обстоятельство как на лишний повод в пользу их тактики. «Где был ваш народ во время разгона первой Думы?», — восклицали они на недавних предвыборных собраниях, обращаясь к нашим ораторам, с пафосом, достойным лучшего

дела. На самом деле, это обстоятельство, разумеется, ровно ничего не говорит в пользу кадетов. Народ не вступился за Думу потому, что не понимал, какого рода должно быть его отношение к ней. Отсюда следует тот вывод, что ему необходимо выяснить это, а вовсе не тот, что в основу выяснения должна быть положена кадетская боязнь народовластия. Читатели еще не забыли, как решительно высказалась «партия» народной свободы» против полновластного народного представительства, которым только и может быть обеспечена народная свобода. Главная отличительная черта кадетской партии состоит вовсе не в том, что она считает революцию невозможной *в настоящую минуту,* — в настоящую минуту революция в самом деле

невозможна, — а в том, что она вообще стремится избежать революции, почему и отрицает революционную идею полновластного народного представительства. Поэтому единственным, — и единственно действительным, — способом борьбы с «кадетской» опасностью является тот, который был бы в то же время и самым естественным и действительным способом борьбы с опасностью, грозящей со стороны нашей *черносотенной бюрократии:* систематическое, непрерывное и неустанное распространение в массе идеи полновластного народного представительства. И тут нам было бы очень легко разоблачить кадетскую софистику.

Вот, например, в № 18 «Речи» г. А. Изгоев говорит: «Надо открыто признать, что судьба Думы в настоящее время в руках министерства и от его воли зависит ее существование. Через три-четыре месяца, когда своей законодательной работой Дума приобрела бы авторитет в стране, положение могло бы стать иным. Но будут ли в ее распоряжении эти три-четыре месяца? Заколдованный круг, из которого нет выхода. Выход не в улице, — «организованной» или «неорганизованной»,— выход был бы в том случае, если бы у власти стояли люди, проникнутые действительным патриотизмом, обладающие государственным разумом, способные заглянуть на несколько лет вперед». Это значит, что положение наше перестало бы быть безвыходным только в том случае, если бы «у власти стояли люди», готовые из патриотизма передать власть в руки кадетов. Указать *такой* выход значит не указать *ровно никакого.* И это чувствует сам г. Изгоев; он продолжает: «Еще раз можно закрыть ворота Таврического дворца, расставить стражу и приклеить к стенам белое объявление. Но что будет дальше? На сколько времени хватит этих методов управления? Англичане и американцы не будут держать пари и на пять лет»... Но почему же не будут? Уж не потому ли, что через пять лет у власти окажутся люди, готовые от нее

отречься ради прекрасных плаз кадетской партии? Как бы не так [1]). Тут произойдет нечто *другое,* и вот в сторону этого-то *другого* и должны быть натравлены усилия тех, которые хотят и *умеют* разоблачать кадетскую половинчатость. А направить свои усилия в

сторону этого *другого* значит прежде всего выяснить народу, во-первых, чем *является* его нынешнее представительство и, во-вторых, *чем оно должно быть.* Выяснить же это можно не «митинговым способом», не «сногсшибательными» резолюциями в Думе или на собраниях, а систематической работой над пробуждением народного сознания, — работой, которая чрезвычайно облегчалась бы всем тем, что происходит или произойдет *в Думе или с Думой.*

Когда принесет желанные плоды эта работа? — Не знаю. Но я знаю, что она безусловно необходима для того, чтобы у нас было *настоящее* народное представительство.

И начать ее надо как можно скорее. Время не терпит. И когда она будет начата в значительных размерах, нас не застанет врасплох никакой сюрприз справа, никакое coup d'état.

На coup d'état мы, может быть, ответим, а может быть, и не ответим «активным выступлением». Это частность, зависящая от обстоятельств, при которых произойдет coup d'état. Важно то, что, какое бы ни приняли мы решение, мы, принимая его, будем сообразоваться с ходом указанной и во всяком случае безусловно необходимой работы. Активные выступления будут желательны лишь в той мере, в какой они будут способствовать ее успеху, потому что именно в ней должен состоять наш главный и безусловно необходимый ответ на coup d'état.

Невыгодные для правительства последствия coup d'état будут заключаться главным образом в том, что новый разгон Думы послужит ярким доказательством справедливости того, чтò мы будем говорить народу о нынешнем жалком состоянии его представительства. А чем скорее народ убедится в справедливости этого, тем ближе будет торжество нашей идеи.

Звать народ в бой в такое время, когда он не готов к бою, могут только глупцы или провокаторы.

---

[1]) Несколько дальше сам г. Изгоев говорит: «Требовать патриотизма у бюрократии едва ли остроумно». Что верно, то верно! Но этими словами г. Изгоев осуждает основную тактическую идею своей партии. Странно, что он этого совсем не заметил.

Принципиально отвергать всякую мысль, что все «образуется» без боя, могут только филистеры или те, *которые имеют основание бояться народной победы.*

Революционеры должны систематически подготовлять народ к победоносному бою.

А чтобы приготовляться к бою, народ, повторяю, должен знать: 1) что такое его нынешнее представительство; 2) чем оно должно быть.

«Aussprechen, was ist», — *высказать народу, что есть, — осветить перед ним ярким светом идею народовластия, — вот в чем заключается теперь первая и главная обязанность революционеров.*

Но высказать это надо так, чтобы народ услышал и понял революционеров. А для этого необходимо избегать революционной фразы и псевдореволюционной торопливости. Самые простые и ясные тактические соображения говорят за то, что за высказывание того, что есть, должны взяться *не члены Думы* [1]), а те сознательные элементы народа, которые должны будить бессознательных, разъясняя им смысл того, что совершается в Думе, и, приглашая прозревших открывать глаза тем, которые еще не видят, но которые могут увидеть и должны увидеть, если только суждено освободиться российскому народу.

Для деятельности социал-демократической партии открывается здесь обширнейшее поле. Но, чтобы с успехом возделать его, нужно понять историческое значение *масс* и отказаться от заговорщицких иллюзий.

P. S. У нас мыслят схемами и потому любят «конкретные указания». Даю таковое. У нас толкуют теперь об издании политической газеты для крестьянства. Было бы очень желательно, чтобы эта газета постаралась простым языком *высказать* простому читателю *то, что есть;* чтобы она объяснила ему:

1) *Что такое Дума.*
2) *Чем она должна быть.*
3) *Что препятствует ей стать и*
4) *как устранить то, что мешает стать тем, чем она должна быть.*

[1]) Для людей, не совсем лишенных такта, это само собою разумеется, и я не вижу надобности распространяться об этом после того, что сказано было мною в конце шестого письма: «По поводу новой Думы».

Такая газета явилась бы могучим орудием в борьбе со всякими «опасностями». Но понятно, что это только одно из орудий; одновременно с ним должны употребляться и многие другие. Тут пригодились бы и митинга, поскольку удавалось бы их устраивать. Правда, имея в

виду указанную мною задачу, пришлось бы говорить на митингах не так, как большей частью говорят на них теперь; но это частность, на которой я остановлюсь в другой статье.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 8

СЕНТЯБРЬ 1908 г.

О чрезвычайном партийном съезде

(Открытое письмо к товарищам)

В этом письме я обращаюсь к сознательным рабочим, входящим в нашу партийную организацию, и к тем принадлежащим к той же организации «интеллигентам», которые в самом деле стоят на точке зрения рабочего класса. Я надеюсь, что эти мои, — единственные настоящие, — товарищи »поймут мои побуждения и признают справедливость моих доводов.

С 1867 г. в Англии каждою осенью собирается съезд представителей рабочих союзов (трэд-юнионов). Этот съезд продолжается неделю, которую организованные английские рабочие так и называют *неделей съезда* (congress week). Германская социал-демократия собирается на съезд тоже *один раз в год,* и ее съезд продолжается тоже *не более одной недели.* Ежегодные съезды французских социалистов и французских «синдикатов» заканчиваются в несколько дней. Приблизительно столько же времени длятся австрийские съезды и т. д.

Съезды нашей партии, — которые, по нынешнему ее уставу, должны быть ежегодными, — продолжаются *от трех недель до одного месяца.*

Это значит, *что съезды отнимают у нее, по крайней мере, втрое больше времени, чем у любой западной партии.*

Но это еще не все. При наших политических условиях нам по необходимости приходится тратить на организацию своих съездов относительно гораздо больше средств, чем социал-демократическим партиям и профессиональным союзам свободных стран.

Стало быть, мы посвящаем своим партийным съездам абсолютно больше времени и относительно больше средств, чем все наши западноевропейские товарищи [1]).

[1]) Впрочем, и не одни западноевропейские. Сказанное мною о Западной Европе

относится также к Северной Америке и Австралии.
324

За вычетом времени и средств, затрачиваемых на съезды, у нас остается, стало быть, абсолютно меньше времени и относительно меньше средств для пропаганды, агитации и организации в массе, чем у западных партий и союзов.

И это показывает, что работоспособность нашей партии значительно ниже, чем работоспособность западных партий. После нашего второго съезда Пауль Зингер опросил меня, встретившись со мною в Брюсселе: «А сколько времени продолжался этот съезд?» — Около месяца, — ответил я. Сангвинический Зингер громко расхохотался. «Да этак вы должны были все перессориться», заметил он. — Почему же? — «Просто от нервного переутомления». Надо заметить, что Зингер тогда еще ничего не знал о происшедшем на этом съезде расколе.

А нам следовало бы быть более экономными, чем западные партии и союзы, по отношению к времени и к средствам, так как нам приходится работать при гораздо более тяжелых условиях и так как наша масса, можно сказать сразу пробуждающаяся от многовекового сна, предъявляет относительно больший, — гораздо, несравненно больший,— опрос на пропагандистов, агитаторов и организаторов.

Но и того, чтò мы тратим на съезды в смысле времени и средств, кажется мало некоторым членам нашей партии.

От последнего нашего съезда нас отделяет едва только несколько месяцев, а они уже требуют нового, чрезвычайного съезда. Как будто у нас нет другого дела, кроме поездок на съезды! И это теперь, когда политическое положение нашей страны крайне серьезно и когда, благодаря многим тактическим ошибкам, сделанным нами, наша партия, — надо иметь мужество открыто признать это, — совсем не стоит на той высоте, на которой она должна была бы и могла бы стоять к великой пользе для пролетариата и для всей России! Нечего сказать, хорошо придумали наши охотники до съездов!

Если наша партия не лишена сознания своей обязанности перед пролетариатом и перед всей страной, — которой она должна прелагать путь к политической свободе, — то она огромным большинством

отвергнет неразумное предложение о созыве чрезвычайного съезда.

«Но,— возразят мне сторонники этого неразумного предложения, — мы хотим созвания чрезвычайного съезда именно потому, что его требуют интересы партии, именно по той причине, что он облегчит ей выполнение ее обязанности перед пролетариатом и перед всей страною».

На это я отвечу, что это возражение может показаться убедительным только таким людям, которые или очень наивны от природы, или же совсем незнакомы с нашими «внутренними делами».

Эти «внутренние дела» совсем не отрадны. Уже в продолжение нескольких лет у нас происходит борьба между двумя фракциями, которые сначала, — в эпоху второго съезда, — расходились между собою лишь по некоторым организационным вопросам, но между которыми в настоящее время лежат, подобно глубочайшему рву, самые серьезные тактические и даже программные разногласия. Я не стану касаться здесь вопроса о том, какая из двух борющихся между собою фракций права, какая — ошибается. Я уже не раз весьма определенно высказывался на этот счет. Здесь я замечу только, что при наличности этой борьбы между двумя фракциями, отделенными одна от другой глубочайшими разногласиями, частые партийные съезды решительно не могут приносить нам даже и ту небольшую долю пользы, которую они могли бы принести при условии внутрипартийного мира, условии, которое, к сожалению, останется несбыточною мечтою, по крайней мере до тех пор, пока судьбы российской социал-демократической *рабочей* партии останутся в руках *«интеллигентов».*

Стыдно сказать это во всеуслышание, а грех утаить это от рабочих: между «интеллигентами» есть слишком много людей, с головою ушедших в междуфракционные распри. Такие люди только и думают о том, как бы доставить торжество своей фракции, как бы сделать ее «лозунги» официальными лозунгами *партии.* Такие-то люди и требуют теперь созыва чрезвычайного партийного съезда.

Известно, что на нашем последнем партийном съезде бывшие *«большевики»* оказались е *меньшинстве.* Это им не понравилось. И вот они добиваются нового съезда в расчете на то, что большинство

голосов на нем, может быть, как-нибудь окажется на их стороне. Если этот расчет не оправдается, то они ничего не потеряют, а если о« окажется верным, то они выиграют то, что окажутся «у власти». Так рассуждают они.

Само собою разумеется, что во всякой современной партии всякое меньшинство,— не отрицающее партийной программы и подчиняющееся партийному уставу, — имеет полное, неоспоримое право стремиться к тому, чтобы доставить торжество своим *фракционным* взглядам. *Но оно не должно злоупотреблять этим полным и несомненным своим правом.* А оно злоупотребляет им, если оно больше энергии употре-

бляет на борьбу с партийным большинством, нежели на борьбу за достижение общепартийных целей. Когда дело принимает такой оборот, тогда силы партии парализуются внутренней борьбою, и тогда даже раскол оказывается для нее гораздо выгоднее слишком *дорого стоящего* единства, потому что он освобождает часть ее сил, употреблявшихся прежде на внутреннюю борьбу, и дает ей возможность употребить эту часть на *положительную* работу.

Состояние нашей партии очень недалеко от этого. Внутренняя борьба парализует ее силы, и я не знаю, когда она перестанет парализовать их. Требование созыва нового съезда, идущее от наших бывших «большевиков», является лишь одним из многочисленных и ясных доказательств того, что эти товарищи готовы приносить общепартийный интерес в жертву интересу своей фракции.

Впрочем, беспристрастие требует более точного выражения. В своем увлечении внутрипартийной борьбой, эти товарищи дошли до того, что победа над бывшими «меньшевиками» стала представляться им самым насущным *партийным* интересом. Поэтому они и стремятся к ней, не спрашивая себя о том, во что обошлась бы партии их победа, если бы даже она и была возможной. Я помню, что однажды, в эпоху формального раскола в нашей партии, Ленин стал уверять меня в том, что он сам всей душой хочет объединения с «меньшевиками». «Верю, — ответил я ему, — но вы так же стремитесь к объединению с ними, как голодный человек стремится к объединению с куском хлеба: вы

хотите съесть их». И это была правда. И это осталось правдой до сих пор. Ленин и его единомышленники очень хотели бы мира с бывшими «меньшевиками», но мира — под тем непременным условием, чтобы эта фракция перестала существовать, как таковая. Пока эта цель останется не достигнутою, — а она никогда не будет достигнута, — *«миролюбивый»* Ленин останется крайне *воинственным* и готов будет хоть каждый месяц созывать чрезвычайные съезды в надежде на то, что один из них доставит ему, наконец, знаменитую «дирижерскую палочку».

Мы еще до сих пор не имеем протоколов последнего съезда, так что партия не знает хорошенько, почему этот съезд принял именно те, а не другие резолюции. Казалось бы, надо было дать ей хоть бы то время, которое ей потребуется для приобретения себе этого *необходимого* сведения. Но когда речь идет о «дирижерской палочке», тогда Ленину очень не терпится. Что же общего с серьезным делом могут иметь съезды, созываемые при таких условиях?

Но партия *обязана* заниматься серьезным делом, и было бы для нее большим позором, если бы она не поняла, почему Ленин и его единомышленники требуют теперь созыва нового съезда. Я потому говорю о большом позоре, что средства, находящиеся в нашем распоряжении, принадлежат, можно сказать, не *нам одним.* В самом деле, ведь мы чуть не каждый месяц громко взываем к пролетариату обоих полушарий: «окажите нам материальную поддержку!» И всемирный пролетариат, по мере возможности, оказывает нам такую поддержку, он собирает для нас свои «рабочие гроши». А мы? Мы будем брать эти гроши, выработанные тяжелым трудом честных, мозолистых рук, и... и будем тратить их на организацию съездов, нужных лишь для взаимной борьбы из-за «дирижерской палочки»?! Это позор в полном смысле слова.

Нет, товарищи, такая позорная трата наших средств не должна иметь место уже по одному тому, что она была бы насмешкой над нашими западными братьями, почти преступлением перед ними. Эти братья поддерживают нас совсем не для того, чтобы мы проводили свое время в междуфракционных распрях. Перед нами — целая гора

самой серьезной и самой неотложной положительной работы, которой мы и обязаны посвятить все свое внимание. Пора, давно пора оставить «интеллигентские» шалости, привычкой к которым наградила нас наша старая, — вынужденная обстоятельствами, но тем не менее крайне вредная, — *кружковщина.*

Нам надо все решительнее и решительнее выходить на путь широкого массового движения. В интересах же этого движения нам нужно думать сейчас не о таких съездах, на которых снова и снова возобновлялся бы спор из-за «палочки» [1]). Такие съезды хуже, надоедливее и бессодержательнее сказки о белом бычке. Нам нужны съезды, которые способны были бы сообщить новый размах движению пролетариата. На первый раз нам нужно было бы как можно скорее добиться созвания того *«рабочего съезда»,* счастливая мысль о котором была выдвинута П. Б. Аксельродом. Это одна из самых важных практических задач, над решением которых должны теперь трудиться сознательные рабочие и «интеллигенты», в самом деле стоящие на точке зрения рабочего класса.

Весь ваш *Г. Плеханов.*

---

[1]) Право, пора бы воспеть эту «палочку», как воспета в стихах и в музыке знаменитая «нагаечка».

P. S. Один товарищ заметил мне, когда я прочитал ему это письмо, что предложение о созыве чрезвычайного съезда поддерживается также польскими социал-демократами. По этому поводу я считаю нужным здесь же прямо сказать, что я нисколько не сомневаюсь в серьезности мотивов, заставляющих наших новых товарищей — поляков — поддерживать это предложение. Но я думаю, что эти товарищи смотрят в этом случае исключительно со своей местной точки зрения. Если бы они знали, какой вред принесет чрезвычайный съезд нам, «россиянам», то они первые же решительно высказались бы против его созыва. Вот почему мне очень хотелось бы, чтобы наши польские товарищи вдумались в это мое письмо.

Г. П.

СТАТЬИ ИЗ «ТОВАРИЩА»

Открытое письмо к сознательным рабочим

Товарищи! Приближаются выборы во вторую Думу. От исхода этих выборов в значительной степени будет зависеть дело политической свободы в России. Если правительству удастся провести в новую Думу большинство *своих* людей или, по крайней мере, таких, которые готовы помириться с ним за небольшие уступки, тогда очень многие скажут, что оно было право в своей борьбе с первой Думой; тогда многие поверят сказке о том, что русский народ не желает политической свободы. И тогда у правительства явятся новые, гораздо более могучие средства для борьбы с нашим освободительным движением.

Оно знает это и потому напрягает все свои силы для борьбы на выборах. И надо иметь в виду, что его готовы поддержать теперь такие слои населения, которые еще недавно относились к нему с полным недоверием. Эти слои — крупная буржуазия, испугавшаяся «преувеличенных» требований пролетариата, и более или менее крупные землевладельцы, испугавшиеся крестьянского аграрного движения. С этой стороны дело политической свободы обстоит теперь хуже, чем оно обстояло год тому назад. Правда, с другой стороны, несомненно и то, что реакционная политика правительства все более и более раскрывает глаза даже самым отсталым слоям народной массы. Но народ не организован, а правительство организовано. Поэтому положение правительства гораздо выгоднее, нежели положение народа.

Борьба с организованным противником невозможна без организации. Поэтому организация наших сил составляет нашу первую задачу. Но этого мало. На войне необходимо *маневрировать.* Нам нужно поставить свои силы в такую обстановку, при которой они могли бы нанести противнику наибольший урон. А чтобы мы могли достигнуть этой цели, нам следует помнить, что кроме нашей партии, — *партии пролетариата,* — в России существуют еще и другие партии, готовые бороться за политическую свободу. Эти партии не идут так далеко вперед, как партия пролетариата, но они все-таки идут вперед, и *по-*

скольку они идут вперед, *постольку* мы должны их поддерживать в своих собственных интересах: поддерживая их, мы увеличиваем действие наших собственных сил. Это надо помнить всегда и везде.

А особенно нужно будет помнить это во время выборов в новую Думу. Если мы будем относиться ко всем *непролетарским* партиям, как к таким партиям, торжество которых *одинаково* вредно для пролетариата, то мы сделаем *непоправимую тактическую ошибку.* Мы будем способствовать *поражению* тех, которые могли бы поддержать нас, и *торжеству* тех, от которых мы не дождемся ровно ничего, кроме кнута и палки. Поступать так — значит вредить самим себе, изменять своему собственному делу.

На выборах мы должны действовать с величайшей осмотрительностью. Там, где нельзя сомневаться в том, что нам удастся провести *своего собственного кандидата,* мы можем и должны действовать *независимо* от других партий. Там же, где мы не можем быть уверены в победе нашего кандидата, мы *обязаны войти в соглашение с другими партиями, желающими бороться с нашим старым порядком.* Если мы не войдем в такое соглашение, то произойдет самая вредная путаница: провалится на выборах, скажем, кадет, а пройдет, скажем, «октябрист» или даже черносотенец. Правительству только того и надо. Оно от всей души будет радоваться нашей ошибке. И мы не только повредим своему делу; мы покроем себя стыдом в глазах всех мыслящих и честных людей в России и за границей.

Товарищи! Приближается важная, решительная минута. От нашей тактики будет зависеть торжество или поражение правительства. Постараемся же сделать ее как можно более мудрой. А политическая мудрость требует от нас того, чтобы мы охотно шли на соглашения с непролетарскими партиями во всех тех случаях, когда это необходимо для победы над реакцией.

Мы не имеем права поступать иначе. Кто во имя ложно понимаемой *«непримиримости»* не захочет в указанных случаях войти в соглашение с оппозиционными непролетарскими партиями, *тот на деле поддержит правительство, т. е. поступит так, как поступают враги свободы.*

Я считаю своей гражданской обязанностью сказать вам все это

ввиду приближающихся выборов.

Г. Плеханов.

Гласный ответ одному из читателей «Товарища»

Один читатель «Товарища», принадлежащий, как он говорит, к демократии, но не считающий себя «ни буржуа, ни социал-демократом», обратился ко мне письменно с двумя следующими вопросами.

На какой стадии выборов должны, по-моему, произойти избирательные соглашения?

Какова могла бы быть, по-моему, общая избирательная платформа левых и крайних левых партий?

Я предпочитаю ответить открытым письмом.

ad 1. Так как у нас нет перебаллотировок, то соглашения должны иметь место на первой стадии; иначе они явятся хорошей горчицей после скверного ужина.

ad 2. На второй вопрос нет и не может быть другого ответа, кроме этих двух слов:

Полновластная Дума!

Это — общая формула, в которую каждая партия будет на место *алгебраических* знаков ставить желательные ей определенные *арифметические* (величины. Кадеты не могут представлять себе полновластную Думу так, как долины представлять ее себе социал-демократы. Но и тем, и другим *нужна* полновластная Дума. Поэтому и те, и другие обязаны бороться за нее.

И заметьте, что именно потому, что эта общая формула в своем алгебраическом виде совершенно точно выражает самую насущную теперь, — и для «левых», и для «крайних левых», — политическую задачу, она даст возможность и тем, и другим сохранить *всю полноту* всех остальных своих политических и социальных требований. Становясь на ее точку зрения, вовсе нет надобности предварительно «урезать» эти остальные требования. Нет надобности потому, что полновластное народное представительство *само есть предварительное*

условие осуществления всех остальных политических и социальных

требований всех передовых партий. *Без него* ни одно из них не осуществится. *Когда оно будет налицо,* тогда начнется борьба за подстановку в общую алгебраическую формулу определенных арифметических величин, и тогда левые партии станут в боевой порядок против крайних левых. Но теперь у нас вместо полновластной Думы есть пока только полновластный г. Столыпин. Поэтому теперь и левые, и крайние левые партии *обязаны вместе выступать* против тех, которые не хотят полновластного, а, пожалуй, и вовсе никакого народного представительства. Это ясно, как дважды два четыре.

Надеюсь, что мой почтенный корреспондент найдет мои ответы достаточно определенными.

Теперь я хочу сказать два слова своим товарищам, социал-демократам.

Товарищи! В некоторых местах у нас до сих пор заметно колебание. Некоторые из нас все как будто опасаются соглашений, но опасаться нужно теперь одного: *того, что доктринерство крайних партий поможет реакционерам вонзить свой нож в сердце нашей несчастной страны.* Это будет действительно страшной ошибкой со стороны крайних партий.

Ввиду этого я позволю себе повторить здесь то, что я говорил в другом месте.

В политике нет более тяжелого и в то же время более смешного, более жалкого греха, нежели доктринерство. *Это грех слабых.*

Г. Плеханов.

Пора объясниться

(Письмо в редакцию)

Моя статья, — письмо на тему о такой избирательной платформе, которая дала бы возможность выразить в одной общей алгебраической формуле («полновластная Дума») нынешние политические стремления наших левых и крайних левых партий, — не понравилась главному органу кадетов «Речи». Само собою разумеется, что я очень сожалею об этом.

Но чем же собственно недовольна «Речь»?

Она находит, что нельзя на выборах оперировать алгебраическим

знаком, скрывающим за собой «две взаимно исключающие друг друга арифметические величины». И эту свою мысль она поясняет так:

«Полновластная Дума» — этот термин уже был использован, и притом был использован партийно, в противоположность пониманию задач Думы партией народной свободы. Мало того, именно пропаганда идеи «полновластной Думы» *и* оказалась тем предлогом, который дал разгону Думы некоторую внешнюю видимость законности. Таким образом, с точки зрения партии народной свободы, если есть какой-либо лозунг, употребления которого надо избегать, как не только двусмысленного, но и крайне опасного, то это именно есть лозунг «полновластной Думы».

«Действительно, партия народной свободы этого лозунга никогда и не употребляет. Ее понимание способа, каким Дума могла бы применять ту власть, на которую она способна, очень хорошо известно. Партия народной свободы требовала осуществления власти не Думой, превращенной во временное правительство, а думским министерством, опирающемся на доверие большинства народных представителей. Такая постановка не только не заключала в себе ничего фантастического, но одно время была близка к практическому осуществлению».

336

Спрашивается: почему же главный орган кадетской партии полагает, что предложенный мною «алгебраический знак» скрывает за собою такие арифметические величины, которые ее только исключают *друг друга,* но и делают это *взаимно.* (Это должно быть сильнее, хотя мне сдается, что исключать друг друга нельзя иначе, как взаимно.)

Откровенно говорю: я этого совершенно не понимаю.

Два человека едут вместе из Москвы по николаевской линии. Один из них высаживается в Твери, а другой продолжает путь до Петербурга. Им, может быть, выгоднее было бы, по той или по другой причине, обоим доехать до Северной Пальмиры.

И тот, кто едет в Петербург, будет, пожалуй, претендовать на своего бывшего спутника: «Вот, мол, какой байбак; дальше Твери его не затащишь!» Но значит ли это, что их дороги исключают одна другую *просто* или даже — *«взаимно».* Кажется, что нет. Кажется, что не

значит. Дорога одна и та же: николаевская линия; только у одного «конечная цель» лежит гораздо ближе, чем у другого. Вот только и всего. Взаимного же исключения тут и быть не может.

То же и с Думой. Партия народной свободы требует «осуществления власти... *думским министерством,* опирающимся на доверие большинства народных представителей». По мнению «Речи», это очень хорошо; по моему же мнению, это так относится к тому, что мне кажется хорошим, как расстояние от Москвы до Твери относится к расстоянию от Москвы до Петербурга. «Об этом можно спорить», — как любил говорить когда-то один из моих литературных противников, но «взаимно исключать друг друга», кажется, нет основания: ведь люди моего образа мыслей не *могут быть* против «думского министерства»; ведь «думское министерство» *заключается в их политических стремлениях, как часть заключается в целом;* неужели «Речь» этого не понимает? А если понимает, то «по какому случаю шум»?

Человек, едущий в Тверь, *только* в одном случае имел бы основание открещиваться от человека, решившегося ехать до самого Петербурга: если бы он опасался, что тот так или иначе помешает ему скоро и благополучно добраться до Твери. И это, по-видимому, как раз тот случай, который мы имеем перед нами.

«Речи» вообще не нравится идея народа, известным образом настроенного и обладающего «всей полнотой власти» [1]). Потому-то

[1]) См. в цитируемой мною здесь передовой статье № 226 второй столбец второй страницы.

она и хочет не единовластной, а только полувластной Думы. И ей неприятно входить даже и в самые кратковременные соглашения с людьми, отстаивающими идею народного полновластия; она боится, что такие соглашения, при всей своей кратковременности, могут увеличить силу распространения опасной, — с ее точки зрения, — идеи. А кроме того, она просто-напросто испугалась тех упреков в союзе с «бомбистами», с «революционерами» и т. д., которые стала посылать по адресу кадетской партии реакционная печать, со своей стороны сильно испугавшаяся возможных соглашений левых с крайними левыми. И вот главный орган кадетов не только спешит «отречься от сатаны», и вот он не только торопится «дунуть на него и плюнуть», не

он с «серьезным» видом приглашает «сатану» отречься от собственных дел, плюнуть и дунуть на самого себя. Он, разумеется, не ждет при этом, что «сатана» примет его предложение. Ему нужно только кое-кого успокоить, кое у кого отнять повод для новых упреков. В редакции «Речи» заседают «тонкие» политики!

Но как ни «тонка» политика «Речи», несомненно то, что соглашения кадетской партии с крайними левыми будут сильно затруднены ею. И если от этого пострадает дело свободы, — «где тонко, там и рвется», — если от этого выиграют те, которые хотели бы править Россией, заглушая, по некрасовскому выражению, «стоны рабов лестью да свистом бичей», то винить в этом нужно будет не доктринерство крайних левых, а «трезвенность» просто левых.

Это должна знать российская демократия; это должна знать демократия всего цивилизованного мира.

«Речь» приписывает всем приверженцам идеи единовластной Думы намерение «взорвать» ту Думу, в которую будут скоро выбирать депутатов. На каком основании она делает это, — мне совершенно неизвестно. Я безусловный сторонник полновластной Думы, но я считаю *преступным* взрывать нынешнее наше народное представительство. Я полагаю, что «взорвать» будущую Думу захотят черносотенцы, но мы «не из их числа».

Правда, — нечего греха таить, — в среде российских эсдеков есть люди, смотрящие на наше участие в предстоящих выборах с точки зрения довольно-таки «несуразной». Но кто же не знает, что нынешнее *большинство* «эсдеков» совершенно не разделяет тактических взглядов людей, подобных, скажем, какому-нибудь Степанову? Почему «Речь» валит в одну кучу всех сторонников думского полновластия?

Ей как будто хочется думать, что настоящий, «заправский», эсдек органически не может пойти в политическом развитии дальше Степанова. Но это объясняется лишь ее пристрастным отношением к предмету.

«Речь» говорит, как мы видели, что ее постановка вопроса «одно время была близка к практическому осуществлению». В переводе на более ясный язык это означает, что партия думского *полувластия* одно

время была близка к *полновластию.* Мы охотно верим этому. Но, во-первых, это вовсе не довод против моей платформы; а во-вторых, я позволю себе скромно заметить, что указываемое «Речью» происшествие не осталось, к сожалению, без влияния на ее литературные приемы: она заговаривает подчас тоном «Правительственного Вестника». И этого совсем нельзя одобрить. Ведь как-никак, а партия думского полувластия все-таки находится пока, — я допускаю, что *только* пока, — в положении того человека, который «пять верст до Москвы не доехал». Спора нет, расстояние, отделявшее путешественника от первопрестольного града, было очень невелико. Но ведь он все-таки еще не москвич...

«Речь» сочла нужным напомнить мне, что я был против «знаменитого (?!) парижского соглашения ноября 1904 г.». Не таюсь — был. «Речь» говорит, что я сделал это по принципу. Что верно, то верно. Я руководился тогда, — как и всегда, *принципом целесообразности.* «Знаменитое» парижское соглашение казалось мне нецелесообразным. И я до сих пор считаю его таковым по многим причинам. «Об этом можно спорить»,— как говаривал когда-то один из моих,— ныне покойных, — литературных противников. Но каким образом это изменяет положение вопроса о соглашениях, интересующих нас в настоящую минуту? Опять не понимаю!

Теперь мне хочется поставить на вид своим товарищам-рабочим следующее соображение.

Что партия, так решительно отстаивающая идею думского *полувластия,* должна была бы, по-настоящему, называть себя партией народной *полусвободы,* это ясно, как день. И не менее ясно то, что такая партия не может быть выразительницей пролетарских интересов. Поэтому, когда эта партия вздумает вступить с социал-демократией в борьбу за влияние на рабочий класс, вы обязаны беспощадно обнаруживать ее половинчатый характер. Но не забывайте, товарищи сознательные рабочие, что исполнение этой обязанности не должно мешать вам исполнить *другую* вашу столь же несомненную обязан-

ность: *обязанность использовать кадетское стремление к народной полусвободе, как одно из средств достижения народной свободы.* И

ввиду этой последней обязанности вы должны идти на избирательные соглашения с кадетами там, где это нужно для борьбы с реакцией, и там, где они не побоятся вступить с вами в такие соглашения, несмотря на то, что вы прямо и открыто заявите себя сторонниками *полновластной Думы.* Всякая другая тактика была бы вредной и антиреволюционной. Я знаю, что товарищи, предпочитающие черносотенную Думу кадетской, — такие... чудаки, к сожалению, встречаются между нами, — имеют добрые намерения. Но говорят, что *весь ад вымощен самыми лучшими намерениями.* Хотя в «писании» ничего не сказано на этот счет, однако я сильно склонен думать, что это правда.

Новая погудка на старый лад

В № 316 «Товарища» г. Б. Авилов поместил статью «О выборах в третью Думу».

Статья направлена против высказанного Л. Мартовым мнения о том, что «левые партии» должны участвовать в этих выборах. И хотя доводы г. Б. Авилова очень слабы, но они *по-своему* в высшей степени характерны. Их не должен оставлять без внимания никто из тех, которые интересуются «левыми партиями».

Возражая Л. Мартову, г. Авилов проявляет между прочим отрадную уверенность в том, что безучастное отношение народа к выборам обусловливается не утомлением его, а... «отчаянием, которое может родить новый подъем». Но на чем же основывается эта отрадная уверенность?

Это — увы! — остается тайной г. Б. Авилова, ибо он не говорит об этом ни единого слова. *Он рассказывает, но не доказывает.* Постараемся же своими собственными силами пополнить этот пробел в его аргументации.

Помните ли вы, читатель, что говорили наши бойкотисты во время выборов в первую Думу? Я хорошо помню это. Они говорили, что народ не питает никаких «конституционных иллюзий» насчет Думы; что он требует созыва представительного учреждения, имеющего совершенно иной характер, и что, вследствие этого, участие в выборах является не только излишним, но и вредным, — некоторые говорили даже — *изменническим,* — действием.

Спрашивается, была ли эта уверенность бойкотистов оправдана последующими событиями?

Нет, совсем не была.

Последующие события ясно показали, что у народа было, напротив, *очень много* «конституционных иллюзий» насчет первой Думы.

Это признали после ее разгона даже многие бойкотисты.

В брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» один из самых «видных» публицистов так называемого у нас «большевистского» на-

правления, писал, что «народ, т. е. широкие массы населения, еще не дорос в массе (sic!) своей»... в 1906 году!., до тех идей, которые приписывали ему бойкотисты; что «ему нужен еще был, оказалось, опыт кадетской Думы». Другими словами, это значит, что люди, бойкотировавшие первую Думу, совершенно неправильно представляли себе народную психологию.

На этом и основывалась их отрадная уверенность в близости такого «подъема», который сметет Думу, поставив на ее место иное представительное собрание. Все дело заключалось здесь, стало быть, в такой психологической аберрации, благодаря которой *желательное* принималось и объявлялось за *существующее.*

Это не малая ошибка. Но сознание этой ошибки не сделало их, — по крайней мере самых «твердокаменных» из них, — более осмотрительными. Только что сознавшись в своей ошибке, автор названной брошюры спешит уверить своих читателей, что после роспуска первой Думы «в сознание самого темного мужика стучится теперь обухом вбитая мысль: ни к чему Дума, если» и проч., и проч. Ввиду этого автор назначал «к середине или к концу августа» некоторое «выступление», не имеющее ничего общего с выборной агитацией. *Желательное* опять принималось за *существующее.* И на этой психологической аберрации опять строилась целая политическая перспектива.

Я не знаю, научился ли чему-нибудь, — и если да, то чему именно, — цитированный мною автор из опыта *второй* Думы. Может быть, он теперь уже настолько подвинулся вперед, что аргументация г. Б. Авилова и ему покажется слабой.

Но зато сам г. Авилов остается вполне верен *методу выдавания*

желательного за существующее. Именно этот метод и вселил в него ту отрадную уверенность, что равнодушие значительной части нашего населения к предстоящим выборам в третью Думу знаменует собою возможность нового «подъема».

Впрочем, справедливость заставляет меня признать, что у г. Б. Авилова этот старый и давно уже знакомый нам метод принял отчасти новый вид.

Прежние бойкотисты ссылались на *поднятое настроение* народа и на зрелость его политического сознания.

Г-н Б. Авилов ссылается на... *народное отчаяние.* Это по крайней мере неожиданно. И вот почему я называю его погудку новой, хотя гудит-то он на старый лад, принимая за действительность свои собственгые пожелания и смотря сверху вниз на всех тех, которые не делают

вместе с ним такой ошибки. Допустим, однако, что г. Б. Авилов прав и что народ в самом деле обнаруживает теперь не политическое утомление, а политическое отчаяние. Следует ли отсюда, — т. е. из наличности отчаяния, — возможность «рождения» нового подъема?

В этом весь вопрос.

А вопрос этот решается далеко не так просто, как это кажется г. Б. Авилову.

«Отчаяние» «отчаянию» рознь. А что, если население «отчаялось» не только насчет Думы, но и вообще насчет народного представительства? Ведь тогда оживет вера в старых богов, так сильно поколебавшаяся под влиянием событий последнего пятилетия. Г-ну Б. Авилову, как видно, и в голову не приходит это соображение. Но что оно не совсем лишено основания, за это ручаются именно те наивные иллюзии, которые связывались с представлением о Думе в головах многих и многих русских обывателей. Эти обыватели, — т. е. главным образом, хотя и не исключительно, крестьяне, — смотрели на Думу, как на что-то вроде нового «барина», который все «рассудит» немедленно по своем приезде.

В своей полной политической неразвитости они совсем не понимали того, что не парламент служит источником силы для народа, а народ

— для парламента. И теперь, когда обнаружилось, что новый «барин» пока еще ничего «рассудить» не в состоянии, они поворачиваются к нему спиною и уже не интересуются тем, какая судьба ждет его в будущем.

Такого рода «отчаяние» выгодно только для черной сотни, которая, кажется, до известной степени и рассчитывает на него в своих политических планах.

Конечно, противоречия нашей общественно-политической жизни рано или поздно непременно выведут даже и отсталую часть народа из тупого переулка «отчаяния» по отношению к идее народного представительства. Но *когда* выведут? Нам нужно, чтобы это произошло не «поздно», а «рано», — как можно раньше,— и именно потому мы должны сделать все, от нас зависящее, для того, чтобы вновь оживить интерес народа к Думе и побудить его активно участвовать в выборах. Это участие необходимо для него как новая школа, как новый опыт, который яснее, чем когда-нибудь обнаружит перед ним связь нынешней нашей *«экономики»* с нынешней нашей *«политикой».*

Г-н Б. Авилов заметит мне, по всей вероятности, что я не понимаю нынешнего настроения народа и что нынешнее народное «отчаяние»

проникнуто светом политической сознательности. Но, говоря так, он только лишний раз докажет свою собственную *неутомимость,* свою собственную неизменную готовность повторять старую ошибку бойкотистов, принимая *желательное* за *существующее.*

Упрекнет он меня, пожалуй, также и в *маловерии.* У нас уже давно так повелось, что чем легковернее и легкомысленнее рассуждает человек, тем охотнее принимают его за «крайнего» и самого надежного защитника интересов «трудящегося народа» вообще и интересов пролетариата в частности. Но лично мне политическое легкомыслие никогда не казалось политической заслугой. Я разошелся с нашими «большевиками» как раз потому, что всегда считал себя обязанным отличать желательное от существующего. И если г. Б. Авилов насмешливо спрашивает: не слишком ли господа «воспитатели» недооценивают воспитанность масс? — то я отвечу ему другим вопросом: не слишком ли господа бойкотисты преувеличивают

эту воспитанность? А на этот счет опыт прежних лет не оставляет, как мы видели, решительно никакого сомнения: господа бойкотисты до сих пор постоянно преувеличивали ее самым ребяческим образом. В этом заключалась их коренная ошибка, наложившая свою печать на всю их тактику.

Прошу заметить вот что: мне, разумеется, и в голову не приходит сомневаться в том, что *некоторая часть нашего населения* сделала надлежащий политический вывод из того, что произошло с первыми двумя Думами. Рискуя навлечь на себя упрек в пристрастии к парадоксам, я скажу даже, что если *некоторая часть* нашего населения осталась, *по-видимому,* равнодушной ввиду разгона второй Думы, то это произошло единственно потому, что она слишком хорошо понимала нынешнее наше политическое положение, нынешнее соотношение наших политических сил. Но *часть не есть целое.* И часть, которую я имею в виду, *недостаточно велика для того, чтобы решить судьбу целого.* Ось де закавыка! Но эта часть может влиять на целое, развивая его политическое сознание и *тем уменьшая расстояние, отделяющее его от нее.*

В этом смысле участие в выборах не только полезно, но прямо необходимо, и мы не исполним своей прямой гражданской обязанности, если откажемся от него. Пора, давно уже пора понять нам, что идея бойкота — это,— как выражается Бэкон по другому, конечно, поводу,— бесплодная девственница, посвятившая себя богу.

Беспорядочное отступление

Спорить с г. Б. Авиловым — невеселое занятие. Но назвался груздем — полезай в кузов. Мне приходится возразить на его статью «Вынужденный ответ», напечатанную в № 330 «Товарища».

Г-н Авилов утверждает, что я «искажаю его точку зрения». В чем же состоит это мое искажение его точки?

Г-н Б. Авилов говорит: «По словам г. Плеханова, я проявляю отрадную уверенность в том, что безучастное отношение к выборам обусловливается не утомлением, а отчаянием; у меня было сказано, что «в безучастном отношении *сапом по себе* еще нет симптома политического утомления. Если можно говорить об утомлении, то на

основании других признаков».

Так говорит г. Б. Авилов. Но я напомню ему вот эти его строки:

«Первая и вторая Думы не достигли никакого успеха; разумеется, от третьей Думы ничего хорошего ожидать нельзя. Это сознают теперь широкие массы населения, которые недавно еще верили, что, авось, Дума даст что-нибудь, хоть немного облегчит их положение. Отсюда — наблюдающееся повсеместно безучастное отношение к новым выборам. Оно совершенно естественно, и в нем, самом по себе, нет еще симптома политического утомления. Скорее, это — разочарование в «конституционных иллюзиях» и отчаяние, которое может родить новый подъем».

В этих строках, как видит читатель, заключается не *только то, что хочет теперь видеть в них мой противник.* В них, действительно, есть указания на то, что безучастное отношение к Думе само по себе еще не знаменует утомления, но в них есть еще — и об этом совсем неожиданно позабыл теперь г. Авилов — то утверждение, что равнодушие к третьей Думе есть, «скорее», разочарование и отчаяние, которое может родить новый подъем.

Но ведь я именно и осмеивал эту,— теперь позабытую г. Авиловым. — надежду на отчаяние. И я, конечно, был прав, ибо смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно. А г. Авилов говорит теперь, что

я «искажаю» его точку зрения, что я утверждаю то, чего не было. Это очень неловко. Мой противник не только отступает, но и покидает часть своей артиллерии. Это называется отступить в беспорядке.

Но это еще не все. В приведенных и подчеркнутых мною для беспамятного г. Авилова строках содержится еще и некоторое категорическое утверждение, относящееся к тому, что будто бы хорошо сознают теперь массы. По поводу этого утверждения я заметил г. Б. Авилову, что «масса» могла «разочароваться» не только в нынешней нашей конституции, но и в идее представительного правления вообще, и что от этого последнего разочарования, отрадного только для черной сотни, очень далеко до нового подъема.

На это г. Б. Авилов сумел мне возразить лишь упреком в искажении

его точки зрения: он и тут отступил в беспорядке.

Далее, г. Б. Авилов, — в своей статье «К выборам в третью Думу»,— задавался между прочим вопросом о том, не слишком ли гг. «воспитатели» недооценивают воспитанность масс. Все вообще содержание этой статьи г. Б. Авилова, равно как, в частности, и вышеуказанная мною надежда его на отчаяние, показывали, что, по его мнению, масса воспитана гораздо больше, «чем это думают ее воспитатели». Тут я сейчас же узнал давно знакомую мне старую утопическую погудку и упрекнул г. Б. Авилова в том, что он, подобно всем своим утопическим единомышленникам, принимает желательное за существующее. Где же тут искажение точки?

Г-н Б. Авилов горделиво намекает на то, что он судит о России «не из прекрасного далека». Но это — ошибка, иллюзия, обман. Г-н Б. Авилов судит о русских делах именно из далека, хотя, — здесь он прав, — не из прекрасного. Г-н Б. Авилов — утопист. А точка зрения утописта находится на таком далеком расстоянии от действительности, которое превышает не только все *географические* расстояния, но даже и значительную часть *астрономических...*

Неосновательные опасения

Недавно г. Кизеветтер упрекнул нашу социал-демократическую партию в том, что она даже теперь, когда реакция грозит искоренить всякие освободительные тенденции, ставит себе целью борьбу не с этой, не знающей никакого удержа реакцией, а с кадетами. Основательность этого своего упрека г. Кизеветтер подтверждал указанием на избирательную платформу социал-демократической партии. И он давал понять свободомыслящему российскому «обывателю», что нерасчетливо было бы поддерживать на выборах такую партию, которая не сознает своей первой обязанности перед страною.

Я далек от мысли защищать нашу избирательную платформу. Я нахожу, что она неудачно написана. Скажу больше, выражусь яснее. По-моему, она не только *написана неудачно,* но, — и это, конечно, главное, — *плохо продумана.* И я отдаю себе полный отчет в том, что, говоря это, я отнюдь не делаю комплимента нашей партии: плохо про-

думанная и неудачно написанная избирательная платформа, это — такой промах, который доказывает, что у нас в партии не все обстоит благополучно. Но, нисколько не желая замалчивать эти отрицательные явления, я думаю, однако, что дело обстоит далеко не так плохо, как это мог бы подумать иной «обыватель», прочитав статью г. Кизеветтера и ознакомившись с недостатками нашей избирательной платформы.

У нас не только света в окошке, что наша неудачная избирательная платформа. У нас есть традиция международного пролетариата; у нас есть пример нашего гениального учителя. Мне думается, что этот пример должен бы быть одинаково, — или почти одинаково, — убедительным для всех нас.

Мне уже приходилось ссылаться на этот пример по другому поводу. Но думаю, что не вредно будет сослаться на него еще раз.

Когда-то Карл Гейнцен сделал немецким коммунистам упрек, подобный тому, который делает нашей партии г. Кизеветтер. Он сказал, что немецкие коммунисты борются не столько с феодальной реакцией,

сколько с либеральной буржуазией. Дело было в 1847 г., т. е. когда еще не был подавлен старый, многоголовый немецкий абсолютизм. На упрек г. Гейнцена Маркс отвечал следующими, в высшей степени поучительными словами:

«Немецкие рабочие прекрасно знают не только то, что буржуазия должна будет сделать им более значительные уступки, чем абсолютизм, но и то, что она против своей воли создает, в интересах собственной промышленности и торговли, почву для сплочения рабочего класса; сплочение же рабочих есть первое условие их победы».

Само собою понятно, что когда Маркс писал: «Немецкие рабочие прекрасно знают», то он хотел собственно сказать: *сознательные, передовые* немецкие рабочие. В России наших дней отношение числа таких рабочих к общей массе пролетариата не меньше, а, наверное, больше, нежели оно было в Германии конца сороковых годов. И я спрашиваю этих передовых российских рабочих: известно ли *им* теперь то, что, по словам Маркса, так хорошо знали *германские*

рабочие шестьдесят лет тому назад? Знают ли они, что у них нет решительно никакого основания предпочитать грубый гнет старого порядка непосредственному господству буржуазии? Знают ли они, что буржуазия против своей воли создает почву для сплочения пролетариата и что она вынуждена будет сделать им более значительные уступки, чем абсолютизм? Короче, знают ли они, что победа либеральной буржуазии над старым порядком приближает их собственное торжество над либеральной буржуазией? Если им известно все это, — а я думаю, что это не могло остаться неизвестным для них, — то их тактика во время выборов намечается сама собою: они должны, как страшной ошибки и как величайшего позора, избегать всякого такого шага, который ослабил бы позиции либеральной буржуазии в ее борьбе со старым порядком...

Кто сознал эту простую, ясную и неоспоримую истину, того не собьет с толку даже самая неудачная избирательная платформа; ни логические промахи, ни неуклонная, доктринерская фразеология подобной платформы не помешают ему остаться верным духу современного научного социализма, традициям международного пролетариата.

Простота и ясность этой неоспоримой истины позволяют надеяться, что в надлежащую минуту она озарит своим ярким светом даже самые закоснелые в тупом доктринерстве умы; даже такие умы делаются более доступными для правильных взглядов, когда уже нельзя ограничиваться фракционными раздорами и «подсиживаниями», а приходится делать живое дело и брать на себя огромную политическую ответственность.

348

Кто из нас не содрогнется перед мыслью о том, что он может оказать услугу черной сотне? Но если бы такая надежда и не оправдалась, если бы доктринеры оказались неисправимыми, то и тогда еще нельзя было бы считать потерянным дело правильной тактики. Верно то, что людей, способных понять вышеуказанную, простую и ясную истину, в нашей среде гораздо больше, нежели неисправимых доктринеров. Их особенно много в среде рабочих, не зараженных фракционным фанатизмом. И эти люди спасут положение вопреки доктринерам. На этих

людей *дух нашего учения* будет иметь более сильное влияние, нежели *буква* той или иной резолюции или вообще того или другого партийного документа. И вот почему я, нимало не скрывая от себя недостатков нашей избирательной платформы, считаю себя в праве назвать неосновательными опасения г. Кизеветтера. Партия российского пролетариата не позабудет своей обязанности. Каковы бы ни были некоторые ее элементы, она не может явиться и, конечно, не явится пособницей черной сотни.

Симптоматическая ошибка

В последнее время в наших передовых кругах раздавалось мною жалоб на общий упадок настроения. И надо признать, что жалобы эти в большинстве случаев были совершенно основательны. Упадок настроения у нас действительно замечается. Его симптомы весьма разнообразны и иногда неожиданны. Но едва ли не самым неожиданным и не самым ярким симптомом упадка нашего общественного настроения является факт напечатания нашими оппозиционными органами статьи гр. Л. Н. Толстого «Не убий никого».

Не то, разумеется; удивляет меня, что наши оппозиционные органы нашли справедливой мысль, что убивать никого не следует. Эта мысль, — предоставляющая собою, по выражению гр. Л. Н. Толстого, *подтверждение,* а, по-моему, самое простое *повторение* весьма древнего *«закона»,*— сама по себе совершенно правильна. Но эта сама по себе совершенно правильная и очень, очень древняя мысль до сих пор еще везде далека от своего осуществления, — и особенно далека она от него в России, которая, как это энергично говорит гр. Л. Н. Толстой, «стонет от ужаса перед не перестающими и все возрастающими в числе и по дерзости убийствами». Стало быть, вопрос не в том, правильна ли сама по себе эта очень, очень древняя мысль, а в том, *где лежат препятствия, мешающие ее осуществлению, и какими средствами могут быть устранены эти препятствия?* На этот же вполне естественный и совершенно неизбежный вопрос гр. Л. Н. Толстой дает такой ответ, который заключает в себе, *между прочим,* полное осуждение всего нашего освободительного движения. Кто

согласится с графом, тот по необходимости, — если только он умеет думать логично и поступать согласно своим убеждениям, т. е. если он умный и честный человек, — сделается *врагом* этого движения. Врагом не à la Крушеван. Нет! Беспристрастный граф подвергает не менее строгому осуждению и гг. Крушеванов. Но это нисколько не улучшает дела. Припомните хотя бы только вот эти строки из статьи «Не убий никого»: «Так что большинство людей, действующих

теперь в России под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности, руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями».

В этих строках гг. Крушеваны поставлены на одну доску с участниками освободительного движения, и вся наша освободительная борьба, — тяжелая, роковая борьба, — объявляется плодом «эгоистических, животных побуждений». Более строгого приговора не выносили нашему освободительному движению даже и самые злые его враги из лагеря крайних правых. Напротив, люди этого лагеря не раз вынуждены были, строго осуждая *поступки* участников освободительного движения, признать нравственную чистоту *побуждений,* вызывавших эти поступки. Гр. Л. Н. Толстой пошел в этом случае дальше крайних правых. Я нисколько не удивляюсь этому. Я думаю, что его точка зрения и не позволяет ему отнестись к нашему освободительному движению иначе, нежели он относится. И во всяком случае, для меня совсем не ново это его отношение: оно высказывалось им уже не один раз, и еще совсем недавно он очень ярко выразил его в своем произведении «Божеское и человеческое». Я давно знаю, что гр. Л. Н. Толстой — *«толстовец»,* и я прекрасно понимаю, что всякий истинный «толстовец» не может не быть врагом движения, подобного тому, которое совершается теперь в нашей стране: всякое *сектантство имеет свою логику.* И я вовсе не хочу оспаривать здесь «толстовство»; я не хочу доказывать, что его логика несостоятельна. Кто же из нас, сторонников освободительного движения, этого не знает?

Я хочу лишь выразить свое удивление по поводу того, что статья гр. Л. И. Толстого была напечатана оппозиционными газетами и к тому

же напечатана без всяких возражений. Вышло, как в «Овсяном киселе» Жуковского: «Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо». Но, право же, господа, благодарить графа было решительно не за что!

Что автор «Войны и мира» есть великий писатель русской земли, что русская земля имеет право гордиться им и обязана любить его; что самый факт появления в нашей многострадальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за ее лучшее будущее,— все это так, все это верно, все это неоспоримо. Но великий писатель русской земли *велик как художник,* а *вовсе не как сектант.* Его сектантство свидетельствует не *об его величии, а об его слабости,* т. е. о крайней ограниченности его общественных взглядов. И чем больше мы любим и чтим великого художника, тем прискорбнее для нас его сектантские

заблуждения. А чем прискорбнее для нас его сектантские заблуждения, тем меньше у нас поводов для выставления их напоказ с тем почтительно-молчаливым приседанием, с которым наши оппозиционные органы напечатали статью «Не убий никого».

Я очень понимаю Сима и Иафета, о которых Библия говорит, что они «взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом, и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего». Но мне осталось бы только пожать плечами, если бы я узнал из Библии, что Сим и Иафет не только не покрыли наготы отца своего, но в своем почтительном отношении к ней приняли меры к тому, чтобы она была видима всем и каждому. Amour oblige.

Мне скажут: «Ведь это был юбилей». А я отвечу: так что же из этого? Вообразите Белинского, ко дню какого-нибудь юбилея Гоголя получающего «Выбранные места из переписки с друзьями» вместе с благосклонным разрешением от автора напечатать их в «Современнике». Воспользовался ли бы «неистовый Виссарион» этим благосклонным разрешением? Я полагаю, что — нет. Но если бы и воспользовался, то уже, наверное, не для того, чтобы ограничиться почтительным молчанием по поводу этого произведения. А ведь как любил Белинский Гоголя! Но, любя Гоголя, он знал, что любовь

обязывает, и чем больше любил он автора «Мертвых душ», тем большим негодованием закипело его сердце при появлении «Выбранных мест». И это благородное негодование было так сильно, что его не заглушили бы никакие соображения ни о каких юбилеях. Неужели редакции наших оппозиционных органов думают, что Белинский был бы в таком случае неправ и что ему следовало бы отнестись к «Выбранным местам» так, как они отнеслись теперь к юбилейному произведению графа Л. Н. Толстого?

Или, может быть, они думают, что взгляды, выраженные Гоголем в его «Выбранных местах», не похожи на те, под влиянием которых гр. Л. Н. Толстой обрушился теперь на наше освободительное движение? Но это маловероятно, так как слишком уже очевидно, что, несмотря на значительные различия в частностях их взглядов, и Гоголь, и Толстой являются в сущности жертвой одной и той же психологической аберрации. Это одинаковая психологическая аберрация сделала их судьбу одинаково и глубоко трагичной. Они жадно искали *живого духа,* но нашли только *мертвую букву,* и во имя мертвой буквы осудили современные им освободительные течения. В день юбилея Толстого нужно было не книксены делать перед приговорами, произносимыми им под влиянием овладевшей им, — и, по-видимому, совершенно неизлечимой,—

болезни, а предложить читателю подумать о том, какими общественными условиями вызвана была эта болезнь у двух «великих писателей русской земли», к которым нужно причислить еще страдавшего тем же недугом Достоевского. На эту тему можно было бы написать несколько вполне правдивых и весьма поучительных страниц, которые способствовали бы *прояснению* нашего общественного сознания, между тем как книксены, которые предпочла наша оппозиционная печать, явились фактом, способствующим его *затемнению.*

Наша оппозиционная печать, конечно, не задавалась целью затемнения освободительного сознания. Было бы слишком несправедливо подозревать ее в этом. Но тогда почему же она предпочла книксены? Мне кажется, что тут возможно только одно объяснение: она считала, что полезно повторить заповедь: не *убий,* ввиду нынешнего нашего

политического положения. Однако не трудно видеть, что такое соображение было ошибочно.

К кому обратился гр. Толстой со своею заповедью? Он сам отвечает на этот вопрос: К революционерам и к правительству. Но кто же те «революционеры», которым гр. Толстой кинул упрек в убийстве? Уж не те ли «экспроприаторы», которые своими действиями только компрометируют наше освободительное движение перед общественным мнением России и Запада? «Экспроприаторы» заслуживают самого строгого осуждения. И это строгое осуждение должно быть высказано ясно и недвусмысленно. Щадить «экспроприаторов» значит изменять делу свободы, которому они приносят такой страшный вред; но наша оппозиционная печать очень ошиблась, если она в самом деле вообразила, что на «экспроприаторов» можно хоть немного подействовать повторением шестой заповеди. Я, конечно, не спорю: и между «экспроприаторами» есть люди, способные понять, как сильно они заблуждаются и до какой степени нужно, чтобы они как можно скорее отказались от своих страшно вредных и поистине позорных действии. Но для того, чтобы подействовать на *этих* людей, нужно было бы подойти к ним совсем не с теми доводами, которые нашел и мог найти гр. Толстой в своем сектантском миросозерцании. Отличительная черта этого миросозерцания состоит в том, что человек, которому оно свойственно, совсем не умеет взглянуть на жизнь и нужды окружающего его общества с *исторической точки зрения* и потому оказывается решительно неспособным понять *исторические задачи своего времени.* А на честные, хотя и страшно заблуждающиеся элементы в среде «экспроприаторов» можно было бы повлиять единственно указанием на то, как сильно мешают их

действия решению этих исторических задач и как энергично должен восставать всякий серьезный деятель против «экспроприаторских» разбоев. С ними ничего не поделаешь простым повторением шестой заповеди.

Стало быть, с этой стороны предполагаемая и единственная вероятная цель нашей оппозиционной печали не могла быть достигнута.

А другая сторона? Сторона реакции? Может быть, статья гр. Толстого могла повлиять хоть на некоторых из ее власть имущих представителей и тем спасти хоть несколько человеческих жизней, в таком изобилии приносимых теперь на алтарь «успокоения страны»?

Самому гр. Толстому было, разумеется, вполне позволительно рассчитывать на подобный результат его проповеди. Повторяю, всякое сектантство имеет свою логику. Но наша оппозиционная пресса должна была понимать, что такой расчет не имеет под собой решительно никакого основания. Она должна была помнить мораль крыловской басни «Кот и повар». И она, конечно, подшила мораль этой басни. Почему же она поступила несогласно с этой моралью? Мне думается, что вот почему. Чтобы поступать согласно с этой моралью, нужно обладать если не «властью», то хоть уверенностью в том, что «власть» можно приобрести. А кто начинает сомневаться в такой возможности, тот поневоле обнаруживает склонность к «трате слов», хотя собственно рассудком-то он и понимает, что это совсем пустое занятие: ведь у него, кроме слов, ничего не остается.

Ошибка, сделанная нашими оппозиционными органами, почтительно поместившими на своих столбцах статью гр. Толстого, заключающую в себе хулу на все наше освободительное движение, может быть объяснена только соображениями этого рода. И именно потому, что она может быть объяснена только соображениями этого рода, я называю ее *симптоматической ошибкой.* Это симптом упадка настроения. Такие симптомы особенно прискорбны ввиду происходящих теперь выборов в третью Думу.

О моем согласии с г. Кизеветтером

В передовой статье № 216 «Речи» по поводу моей статьи «Неосновательные опасения» («Товарищ», № 369) высказаны мысли, побуждающие меня взяться за перо для нижеследующего объяснения.

Изложив *некоторую часть* содержания моей статьи, «Речь» в заключение восклицает:

«Вот какая картина! Вождь партии публично выступает против партийной платформы и соглашается с своим политическим противником, что по этой платформе выбирать было бы опасно». («Речь», пере-

довая № 216).

Картина действительно замечательная. Жаль только, что художник, ее писавший, слишком отклонился от той действительности, которую он хотел, — или делал вид, что хотел, — изобразить.

Я нахожу, что наша избирательная платформа не только плохо написана, — это бы еще не беда — scriptores nascuntur! — но и плохо продумана, что гораздо хуже. И я не считал ни позволительным, ни нужным скрывать своего мнения от читателя, интересующегося нашими партийными делами. Далее я признавал, что факт появления плохой избирательной платформы указывает на не вполне благополучное внутреннее состояние нашей партии. На это внутреннее неблагополучие я и прежде указывал не один раз, и о нем, конечно, все знают. *Но я вовсе не согласен с г. Кизеветтером в том, что выбирать по нашей платформе было бы опасно,* или, выражаясь точнее, *что избиратель сделает ошибку,* подав *свой голос за нашу партию.* Как раз наоборот! Опираясь на некоторые, к сожалению, несомненные недостатки нашей последней избирательной платформы, г. Кизеветтер говорил избирателю: «Поддерживать социал-демократов опасно». А я возражал ему перед лицом того же избирателя: «Опасности нет, опасения г. Кизеветтера неосновательны. В борьбе с реакцией наша партия *все-таки* исполнит свою прямую обязанность. За это ручаются все традиции международного пролетариата. За это ручается весь дух ее учения, который в момент серьезной опасности)

наверное, окажется сильнее *буквы* данного партийного документа». Если г. Кизеветтер находит теперь, что я прав, то я очень рад. Но тогда и картину надо писать совсем в другом смысле. Надо сказать, что вот, мол, г. Кизеветтер опасался, а статья г. Плеханова рассеяла его опасения и теперь он думает, что избиратель может с совершенно спокойной совестью подать свой голос за социал-демократа. Это была бы интересная картина. Но — увы! — я сильно опасаюсь, что у художников-реалистов,— о художниках, обладающих *слишком пылкой фантазией я* здесь не говорю, — пока еще нет решительно никакого повода для писания такой картины. Мне сдается, что согласия между мною и г. Кизеветтером нет теперь, как не было его и прежде.

Я нахожу необходимым указать на это потому, что статья «Речи» могла бы, пожалуй, смутить некоторых, несовершеннолетних в политике, людей. И мне очень жаль, что эта статья дошла до меня только теперь, т. е. несколькими днями после того, как она *могла бы* дойти. У нас в России с людьми, несовершеннолетними в политике, шутить нельзя; они у нас нередко делают историю, хотя, надо сознаться, они прескверно ее делают.

Возможно ли это?

В № 225 «Киевской Мысли», в отделе *«Из жизни партий»,* перепечатаны из «Руси» следующие строки: «На состоявшемся общерайонном большевистском собрании московских социал-демократических организаций в первую очередь был поставлен вопрос об отношении партии к кооперативному движению. После долгих прений собрание постановило: объявить бойкот всем кооперативным организациям и вести агитацию среди рабочих против таковых».

Прочитав эти поистине удивительные строки, я стал следить, не попадется ли где-нибудь в печати их опровержение. Но до сих пор я никакого опровержения не встретил. Поневоле приходится думать, что сообщенное «Русью» известие справедливо. Но известие это так... невероятно, что верить ему все-таки очень не хочется, и я печатно ставлю вопрос:

Возможно ли это?

Я, конечно, очень хорошо знаю, что наши «большевики» далеко не блестящие тактики. Мне, конечно, известно много их жестоких промахов по части отношения к «беспартийным» рабочим организациям. Я знаю, например, что они не всегда признавали важность профессиональных союзов, хотя бы в той мере, в какой они признают ее теперь. Я хорошо помню брошюру весьма «видного» большевика Н. Ленина «Две тактики», в конце которой находится высоко-комическое рассуждение об «экономизме» меньшевиков, будто бы льстящих неразвитым массам, и об их будто бы сходстве с ДОВОЛЬНО известным германским деятелем 1848 года Стефаном Борном, настоящую фамилию которого: *Буттермильх,* наш почтенный автор, по непростительному незнанию, наивно перевел словами: *кислое молоко* [1]). Не забыл я, раз-

умеется, и резко отрицательного отношения «большевиков» к идее ра-

[1]) См. об этом в № 108 «Искры» статейку: «Как Ленин углубил Энгельса».

бочего съезда. Но дойти до того, чтобы объявить «бойкот» всем кооперативным организациям и вести агитацию среди рабочих против них», — это, воля ваша, чересчур даже и для «большевиков», и я советовал бы их московским представителям или опровергнуть сообщенное «Русью» известие, или же во всеуслышание объяснить, *чем и как вызвано было их невероятное постановление,* заставляющее вспоминать о трагикомических усилиях помпадура Угрюм-Бурчеева запрудить реку.

В настоящее время отношение международного пролетариата к кооперативным организациям, — т. е., собственно, к потребительным товариществам, о которых, по-видимому, и говорится в вышеприведенном сообщении «Руси», — настолько выяснилось, что, кажется, и у нас в России никаким серьезным недоразумениям на этот счет не должно быть места. Само собой понятно, что кооперативные товарищества не разрешают «социального вопроса», но они могут и должны явиться факторам, *облегчающим* движение пролетариата к его великой исторической цели. И уже по одному этому сознательные представители пролетариев *не имеют права* «бойкотировать» эти товарищества. Если между рабочими распространяются неправильные, преувеличенные взгляды на возможную роль кооперации в освободительном движении пролетариата, если, например, проповедники кооперативной идеи утверждают, что «организация потребления», — как выражались когда-то немецкие анархо-социалисты, — служит самым надежным средством освобождения наемного труда от ига капитала, то с этим необходимо энергично бороться. *Весь вопрос в том, как вести борьбу.* Повернуться спиной к своему противнику совсем не значит опровергнуть его, а «бойкотировать» кооперативные товарищества, так быстро распространяющиеся теперь в среде нашего пролетариата, именно и значило бы повернуться спиной к тем, которые захотели бы распространять между рабочими неправильные взгляды на вопрос о кооперации. В результате «радикальной» политики бойкота явилось

бы то, что наибольшее влияние на организующихся в потребительные товарищества рабочих приобрели бы именно те люди, которые своею проповедью не *разъясняют* сознание рабочих, а *затемняют* его. И опять «большевики» попали бы в противоречие со своею собственною целью; опять они, идя в одну комнату, попали бы, по своему досадному обыкновению, в другую. Зачем это нужно?

Наконец, что это собственно значит: *бойкотировать* потребительные товарищества? Не делать у них никаких покупок? Систематически иметь дело только с враждебными этим товариществам лавочниками? Но если это так, — заметьте, я говорю: *если* это так; я не

утверждаю, я *спрашиваю:* если это так,— то ведь это же прямо ужасно! Такая, с позволения сказать, тактика совершенно недостойна людей, поставивших себе целью развитие «самосознания рабочих». Эта «тактика» имеет слишком печальное сходство с тактикой тех несчастных, совершенно неразвитых или до разврата задавленных нуждою людей, которых немцы называют штрейкбрехерами. О «большевики», большевики!

То правда, что для процветания потребительных товариществ необходимы известные политические условия, пока еще отсутствующие в России. Но ведь те же, — пока еще отсутствующие у нас, — условия необходимы и для процветания профессиональных союзов, а профессиональные союзы, *несмотря на это,* все-таки *уже стали* крупным фактором развития нашего рабочего класса. Об этом стоит подумать

Так как ошибка, подобная той, которую «Русь» приписала московским «большевикам», повредила бы не одним «большевикам», а всему рабочему движению, то никто из нас не может отнестись равнодушно к известию об их новой тактической ошибке. Вот почему было бы очень желательно, чтобы московские «большевики» печатно ответили мне, верно ли это невероятное известие?

Возможно ли это?

Слово принадлежит «меньшевикам»!

(Открытое письмо к моим единомышленникам в партии)

Я принужден обратиться к вам с вопросом, имеющим огромную

важность не лично для меня, а для всех нас.

Вопрос этот относится к тому выводу, который делают наши враги из факта принятия «большевистскими» голосами ЦК неодобрительной резолюции по поводу моей статьи «Неосновательные опасения».

Прошу вас заметить, что я хочу говорить с вами именно об этих выводах, а не о самой резолюции.

Сама по себе резолюция эта не заставила бы меня взяться за перо. Как и все резолюции, принимаемые нашими «большевиками», она, конечно, не только неудачно написана, но и плохо продумана! Однако каждый имеет право неудачно писать и плохо думать. Не нужно только злоупотреблять этим правом. А резолюция en question в подобном злоупотреблении мною совсем не замечена.

Она объявляет мою статью вредной для партии. Такое мнение очень огорчило бы меня, если бы его высказали люди, собственные произведения и собственная деятельность которых кажутся мне полезными. Но я считаю произведения и деятельность «большевиков», поскольку в них обнаруживаются отличительные черты «большевизма», весьма вредными для нашего рабочего движения. Стало быть, нечего и мне огорчаться мнением, высказанным в резолюции. Притом же я всегда открыто высказывал свой взгляд «а проказы «большевиков». С какой же стати буду я огорчаться тем, что и «большевики» не сочли нужным скрывать *свое* мнение о *моем поступке?* Надо быть справедливым [1]).

[1]) Некоторые думают, как видно, что заметка «О моем согласии с г. Кизеветтером» была ответом на «большевистскую» резолюцию. Я узнал о резолюции на другой день после отсылки заметки в редакцию «Товарища».

Но врагам нашей партии резолюция, принятая «большевиками», дала повод умозаключить, что мнение, высказанное в моей не понравившейся «большевикам» статье, есть только мое личное мнение, высказывание которого будто бы поставило меня в положение, близкое к остракизму. И вот это-то умозаключение и вынуждает меня обратиться к вам с моим открытым письмом. Оно-то и заставило меня громко крикнуть: *«Слово принадлежит «меньшевикам»!*

По внешности это умозаключение в логическом смысле безукоризненно. Вы молчите. Поэтому можно подумать, что вы разделяете мнение, высказанное «большевиками» о моей статье. А если и вы его

разделяете, то я в самом деле оказываюсь, хотя и не близким к остракизму,— до этого, конечно, еще далеко, — но все-таки в некотором смысле одиноким.

Положение политически одинокого человека тяжело. Но оно тяжело лишь тому, для кого оно является новым. Мне же не привыкать стать; я уже научился выносить его. Да и не стал бы я надоедать читающей публике жалобами на свое политическое одиночество. A quoi bon?

Дело не во мне, а в партии. Не мне, а партии вредит ваше молчание.

Оно вредит ей, давая *внешний вид правильности* умозаключению, сделанному нашими врагами по поводу «плехановского инцидента».

В своей статье я сказал, что каждый из нас содрогнется при мысли о том, что он, той или другой своей ошибкой, мог бы содействовать успеху черной сотни.

Я сказал далее, что у избирателей нет основания бояться подобных ошибок с нашей стороны, так как у нас не только света в окошке, что неудачная избирательная платформа, и так как наша партия сумеет выполнить свою великую политическую обязанность, *несмотря* на недостатки своей платформы. В решительную минуту, — говорил я, обращаясь к избирателю, — она поступит согласно *духу* всего нашего учения, а не согласно *букве* того или другого партийного документа.

«Большевики» вознегодовали. И, *по-своему,* они были правы. С их *точки зрения,* нет никакого противоречия между *духом* нашего учения и *буквой* нашей последней платформы. С *их точки зрения* должно казаться, что платформа проливает на вопрос о нашей избирательной тактике весь тот свет, какой только в состояний пролить на него политическая мудрость. С *их точки зрения* и нельзя одобрить никакую другую избирательную тактику, кроме тактики, рекомендуемой платформой. Всякие поправки к этой тактике,— а я,

каюсь, намекал именно *на необходимость внести в нее некоторые поправки действием,* — не могут не представляться с этой точки зрения излишними, вредными, достойными порицания.

Wer *A* sagt, muss auch *B* sagen.

«Большевики» *по-своему* правы. А как выходит *по-вашему?* Правы

ли «большевики»?

Если — правы, то я в самом деле одинок, и мне в самом деле лучше было не выступать со своей статьей, которой в таком случае суждено было остаться гласом вопиющего в пустыне.

Но в этом случае беда заключалась бы, повторяю, не в том, что я оказался бы одиноким, и не в том, что моя статья оказалась бы бесполезной, а в том, что избиратели, — выражаясь точнее, известная часть избирателей, — отвернулись бы от нашей партии, найдя ее политические взгляды не соответствующими насущным и неотложным задачам настоящего времени.

Да и это была бы собственно еще не беда. Это было бы еще только полбеды. Настоящая беда была бы в том, что партия вообще и надолго оттолкнула бы от себя многие из таких симпатий, которые она может и должна к себе привлечь.

Конечно, если «большевики» правы также *и по-вашему;* если вы позабыли те жаркие споры, которые мы еще не так давно вели с ними хотя бы о деятельности нашей фракции во второй Думе, то вам нельзя не молчать, хотя бы ваше молчание и отталкивало от нашей партии некоторые из симпатий, составляющих ее, так сказать, историческое достояние.

Но если вы с «большевиками» не согласны; если вы наших споров с ними не забыли; если вы думаете, подобно мне, что споры эти далеко еще не окончены; что в нашу избирательную платформу нужно внести известные поправки действием, — вы понимаете, что я говорю о некоторых, необходимых для борьбы с черной сотней избирательных соглашениях, например, о тех, о которых писал Л. Мартов, — тогда ваше молчание не только вредно, оно прямо непостижимо.

Может быть, вы думаете, что во время выборов лучше не обнаруживать разногласий, существующих между вами и «большевиками»? Может быть, вы хотите быть дипломатами? Но это была бы очень плохая дипломатия!

Чтобы избиратель мог отнестись сознательно к тому, что может представить собою наша партия в деле служения развитию России, необходимо довести до его сведения *все,* а не только *некоторые, оттенки*

нашей мысли. Только при этом условии между избирателем и нами может установиться разумная и прочная связь. Только при этом условии мы можем и в будущем рассчитывать на его сознательную поддержку, Наконец, только при этом условии вы, «меньшевики», получите возможность надеяться на торжество своих тактических воззрений. Ваша дипломатия, — если вы в своем молчании действительно руководитесь дипломатическими соображениями, — была бы каким-то *дипломатическим самоубийствам.*

Но у вас не должно быть ни малейшей склонности к самоубийству. Вам необходимо жить, действовать, кричать, протестовать, критиковать, бороться. Истина на вашей стороне; за вами будет и победа.

Прервите же ваше странное и неуместное молчание. Говорите! Дайте «прямой ответ» на тот «проклятый вопрос», который ставится перед вами не моим капризом, а самою жизнью!

Слово принадлежит «меньшевикам»!

Искренно преданный вам, но совсем не «дипломатичный»

Г. Плеханов.

Что хорошо, то хорошо

Для справедливого человека нет ничего приятнее возможности воздать должное своим противникам. В качестве такого человека я с величайшим удовольствием берусь за перо, чтобы выразить свое отрадное удивление по поводу одной резолюции, недавно принятой Петербургским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Вот эта резолюция:

«Петербургский Комитет приветствует решение Центрального Комитета РСДРП призвать к порядку Г. В. Плеханова, превратившегося в постоянного сотрудника буржуазной газеты и решившегося в своей последней статье открыто со столбцов этой газеты призвать к нарушению партийной дисциплины в избирательной кампании. Такой образ действия тов. Плеханова, как и все его выступления против партии в буржуазной печати, заслуживают, по мнению Петербургского Комитета, самого сурового порицания *со* стороны членов партии».

Мне трудно даже выразить то отрадное чувство, которое вызвала во мне эта резолюция. Правда, она направлена против меня. Но, во-первых, справедливость прежде всего, а, во-вторых, поскольку эта резолюция направлена против меня, в ней нет решительно ничего нового. Я прекрасно знал, что с точки зрения большевиков моя статья «Неосновательные опасения» заслуживает строгого порицания.

Да и одна ли эта статья? Разногласия между мною и «большевиками» так велики, что вся моя деятельность непременно должна казаться им вредной. В свою очередь, я до такой степени отрицательно смотрю на деятельность «большевиков» — *поскольку в ней проявляются отличительные черты «большевизма»,* — что если бы они когда-нибудь вздумали меня одобрить, то я, подобно Фокиону, спросил бы их: «Разве я сказал какой-нибудь вздор?» Но если это так, — а ведь это в самом деле так, — то ясно, что порицание, высказываемое мне Петербургским Комитетом, может только укрепить мою уверенность в моей

правоте. Стало быть, об *этой* стороне резолюции нечего больше и распространяться.

Но в ней есть другая сторона, кажущаяся мне чрезвычайно отрадной. Я имею в виду ту мысль авторов резолюции, что нехорошо нарушать партийную дисциплину, — особенно во время избирательной кампании. Это вполне правильная и очень хорошая мысль; разумеется, по своему содержанию она принадлежит к числу политических трюизмов, к числу тех общеизвестных и избитых истин, которые у французов называются les vérités à la Palisse. Но все на свете относительно. То, что давно известно одному, может быть совершенно новым для другого. Разумеется, ни для одного политического деятеля, заслуживающего этою названия, не может быть новой та мысль, что нарушать партийную дисциплину не следует. Но Петербургский Комитет не знал этого еще очень недавно. Еще очень недавно это почтенное учреждение призывало рабочих к неисполнению постановлений ЦК партии. Помнится мне, что грешило оно на этот счет не далее, как во время выборов во вторую Думу. Я еще не забыл тех неблагоприятных для партии выводов, которые делались нашими

буржуазными противниками из факта нарушения Петербургским Комитетом партийной дисциплины. А теперь тот же самый комитет, как видно, сознал, что его поведение было неправильно, и говорит о необходимости дисциплины. Для Петербургского Комитета это огромный прогресс — повторяю, все на свете относительно, — и я от всей души приветствую его на пути этого, хотя бы и очень скромною, прогресса. Что хорошо, то хорошо.

Высказывая свое одобрение Петербургскому Комитету, я должен признаться, что некоторые из моих друзей не только не разделяют этой моей радости, но даже отравляют ее весьма скептическими замечаниями. Один из них сказал мне, прочитав вместе со мною обрадовавшую меня резолюцию:

«Помнишь того дикаря, которого спросили, чтò такое добро и чтò такое зло, и который ответил: зло — это когда съедят мою жену, а добро — это — когда я сам съем чужую жену? Психология этого дикаря и есть психология Петербургского Комитета. Он одобрял неповиновение ЦК партии, когда этот последний состоял главным образом из «меньшевиков», и он требует повиновения ему теперь, когда состав его изменился в пользу «большевиков». А из этого следует, что в его резолюции вовсе нет той отрадной стороны, которую ты ухитрился открыть в ней благодаря своему неисправимому оптимизму».

Так говорил мой скептический друг. Но я ему не верю. Я думаю, что в психологии Петербургского Комитета нет ровно ничего общего с психологией дикаря [1]). Я уверен, что Петербургский Комитет требует теперь повиновения Центральному Комитету вовсе не потому, что в Центральном Комитете преобладают теперь «большевики». Словом, я отклоняю всякое подозрение в двуличности петербургских «комитетчиков» и приветствую их *исправление.* Лучше поздно исправиться, чем навсегда остаться неисправимым.

Я позволю себе только одно замечание по адресу так сильно обрадовавшего меня Петербургского Комитета. Как и все новообращенные, он склонен к преувеличению. Он как будто требует *безусловного* повиновения Центральному Комитету. Но безусловное повиновение достойно только рабских душ. Свободный человек, сознательно

исполняющий свой долг, знает, что повиноваться нужно только *законным* распоряжениям «компетентных учреждений», *незаконные же* их распоряжения не должны быть исполняемы. И чтобы знать это, не надо обладать какой-нибудь «сверхчеловеческой» головою. Это знает каждый чиновник в каждой конституционной стране. И это надо знать всем моим товарищам. Если какое-нибудь «компетентное» партийное учреждение отдает какое-нибудь незаконное приказание, то, *в меру незаконности этого приказания, оно* становится некомпетентным, и следует ему не повиноваться «не только за страх, но и за совесть». Вот почему, — и только поэтому,— я, в статье: «Неосновательные опасения», считал себя в праве сказать читателям и избирателям: «Не беспокойтесь! Существуют поступки, на которые нас не подвинут никакие ошибки наших «компетентных учреждений». К числу таких поступков принадлежит — поддержка черной сотни действием или хотя бы только неуместным воздержанием or действия. Если бы наши «компетентные учреждения», плохо выяснив себе наши тактические задачи, вздумали бы требовать от нас таких поступков, то мы сумели бы своим поведением исправить их ошибку.

Когда я писал свою статью, я, должно быть, и в самом деле смотрел на вещи слишком оптимистично. Я тогда еще не считал возможными факты вроде того, который произошел, — если верить газетным изве-

[1]) Замечу мимоходом, что дикарь, с которым мой скептический друг сравнивает петербургских «комитетчиков», вряд ли когда существовал в действительности: он похож больше на полуцивилизованного, — т. е. полуварвара, — софиста, но это нисколько не изменяет, конечно, характера сравнения.

стиям, — в Баку, где черная сотня восторжествовала на вторичных выборах единственно потому, что воздержались социал-демократы. Я был, как видно, слишком хорошего мнения даже о наших «большевиках». Но c'est un détail, как говорят французы. В принципе я все-таки был прав и остаюсь правым: мы не можем, мы не должны повиноваться нашим «компетентным учреждениям», если те потребуют от нас поддержки черной сотни, т. е. *измены нашим принципам.* Ту же мысль можно разъяснить себе на другом примере. Вообразите, что некоторые из нас, будучи ослеплены плохо понятым «революционизмом», вздумали бы взяться за «экспроприации». Как

должны были бы мы отнестись к таким удальцам? Разумеется, мы обязаны были бы перестать смотреть на них, как на своих товарищей; мы должны были бы принять все зависящие от нас меры для удаления их из наших рядов. «Экспроприаторам» в них не место. Но представьте себе, что какое-нибудь из наших «компетентных учреждений» предписало бы нам изменить наше отношение к экспроприаторам, представьте себе, что оно во имя «свободы», — мне самому пришлось однажды слышать ссылки на свободу от людей, сочувствовавших «экспроприаторам», — представьте себе, говорю я, что «компетентное учреждение» предписало бы нам продолжать считать своими товарищами лиц, запачкавших себя «экспроприацией». Имели ли бы мы *право повиноваться?* Нет, так как мы *обязаны были бы ослушаться.* И это все по уже указанной причине: потому что «компетентное учреждение» потребовало бы от нас того, чего оно не *смеет требовать, — измены нашим принципам.*

Над этим стоит поразмыслить Петербургскому Комитету. Но пока он будет предаваться размышлению, я еще раз похвалю его за тот огромный шаг вперед, который он сделал в понимании дисциплины с тех пор, как изменился состав нашего Центрального Комитета. Что хорошо, то хорошо!

Еще одно. Петербургский Комитет называет меня постоянным сотрудником буржуазной газеты. Это приводит меня в сильнейшее изумление. Я довольно часто пишу теперь в «Товарище» А «Товарищ» был, как известно, органом левого блока, — в котором участвовали «большевики», — во время выборов во вторую Думу. Неужели же тот блок был буржуазным? С нами крестная сила! Верь после этого левым блокам! Но если это так, то чего же смотрел Алексинский, как известно, столь «компетентный» по части пролетарской ортодоксии?

А все-таки она движется!

Читатель еще помнит, может быть, чем вызван был недавний «плехановский инцидент». Г-н Кизеветтер пугал избирателей нашей избирательной платформой. Я не мог не видеть, что платформа эта не только неудачно написана, но и плохо продумана. Но, тем не менее, опасения г. Кизеветтера казались мне неосновательными. Я верил в

политическую сознательность наших передовых рабочих и говорил, что в решительную минуту эти рабочие сумеют пожертвовать *буквой* партийного документа *духу* нашего учения и исполнить свою обязанность передовых борцов против черносотенной реакции. Эта моя уверенность не понравилась «большевистским» членам ЦК. Они приняли по ее поводу резолюцию, заставившую меня вспомнить поэму Некрасова «Суд». Вы знаете, конечно, — таких вещей нельзя не знать русскому человеку, — содержание бумаги, полученной от надлежащих «сфер» героем поэмы.

В бумаге было сказано:

Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест.

Правда, под суд меня не отдавали, вопреки некоторым газетным известиям о суде надо мною, и статью мою «Неосновательные опасения» под арест не брали. Не брали по крайней мере за то, что она оскорбила честь и помрачила красоту составителей нашей избирательной платформы. Тут, по-видимому, собираются выдвинуть другой предлог — предлог «сотрудничества в буржуазных изданиях». Но эта месть — дело возможного будущего, теперь же до суда дело еще не доходило. Да и не страшны у нас суды. Посмотрите на Ленина. Во время выборов во вторую Думу его в самом деле предали суду за самое несомненное оклеветание

31 меньшевика. И что же? Пострадал ли он от этого? Как бы не так! Ни крошечки не пострадал. Даже напротив. Он выглядит теперь много веселее и здоровее, чем выглядел, когда под судом не был. Он уповает на доброту ЦК. Ну, если наш ЦК добр, хотя и обидчив, то нечего унывать и мне.

Итак, до суда надо мною пока дело не доходило, да и не испугался бы я, если бы оно и дошло до него. Но обидчивые составители избирательной платформы все-таки нашли свою честь оскорбленной, а свою красоту помраченной моей статьею, что и выразили в известной резолюции. Если эта резолюция имела какой-нибудь смысл, то он был

тот, что буква сильнее духа, если буква исходит от «компетентного учреждения». А вот московские рабочие-«большевики» предпочли дух букве. Вот что сообщает «Киевская Мысль» (№ 263) о выборах барона Крюденера-Струве.

«Москва, 15 октября. Избрание барона Крюденера-Струве прошло при несколько исключительной обстановке. Он левее октябристов. Его избрали лишь после двенадцати баллотировок. Грозила опасность, что пройдет крайний реакционер Уваров. Ввиду этого вокруг Крюденера объединилась вся оппозиция. За него голосовали даже все девять выборщиков рабочих-«большевиков».

Московские рабочие-«большевики» поступили в этом случае так, как я советовал в своей статье нашим сознательным рабочим поступать всюду, где есть налицо черносотенная опасность. Московские рабочие «большевики» обнаружили ту политическую сознательность, за которую я ручался перед избирателем, доказывая неосновательность опасений г. Кизеветтера. О меньшевиках и бундистах нечего и говорить: они (см. открытое письмо ко мне харьковских меньшевиков в «Товарище» и статью в «Die Hoffnung») прямо заявляют, что хотя и молчали, но решились поступать именно так, как советовал я, а не иначе. Это очень хороший урок «большевистским» членам ЦК, урок, показывающий, что эти... «компетентные» люди сделали большую и смешную ошибку, поднимая громкий, но смешной шум из-за своей, помраченной мною, красоты.

Но недурным уроком могут послужить эти факты и для тех публицистов кадетской партии, которые не без злорадства пророчили мне полное одиночество на занятой мною политической позиции: теперь они оказались лжепророками. Насколько можно судить по известиям, появившимся до сих пор в печати, кадетские предсказания оправдались только в Баку и Костроме, где живой дух нашего учения, по-видимому»

был на вторичных выборах принесен в жертву мертвой букве некоторых наших, плохо продуманных, партийных документов. Значит, наша партия в самом деле не позабыла своей священной обязанности перед страною. Значит, мои надежды на нее совсем не были лишены

достаточного основания. Я не считаю нужным скрывать, что это весьма радует меня. И — по весьма понятной причине! — мне особенно отраден тот факт, что о своей священной обязанности перед Россией рабочие вспомнили даже в первопрестольном граде, где, как известно, «большевики» так много старались сделать и так много сделали для затемнения их политического сознания. Несмотря ни на что здоровый пролетарский инстинкт взял верх над нелепой интеллигентской догмой, не имеющей ничего общего, — кроме разве терминологии, — с истинной идеологией рабочего класса. Я от всей души поздравляю с этим московских пролетариев!

E pur si muove!

Девочка Малаша

Помните ли вы, читатель, ту сцену, где описывается у Л. Толстого военный совет, происходивший в деревне Филях после Бородинского боя? Эта сцена интересна во многих отношениях. Интересна, между прочим, с точки зрения психологии нашего гениального романиста. Но теперь меня интересует психология не Л. Толстого, а одного из лиц. действующих в «Войне и Мире», именно — девочки Малаши, шестилетней внучки крестьянина Андрея Савостьянова, в избе которого происходил совет. Когда вся ее семья перешла в черную избу, чтобы очистить место для собравшихся на совет генералов, Малаша, обласканная Кутузовым, который дал ей за чаем кусок сахару, осталась на печи в большой избе. Из своей засады она «робко и радостно смотрела на лица, мундиры и кресты генералов, один за другим входивших в избу и рассаживавшихся в красном углу, на широких лавках под образами». Когда начались прения, она очень заинтересовалась ими, но, разумеется, по своему детскому возрасту, не могла уяснить себе их смысл. Генералы спорили между собою о том, драться ли им под Москвой или оставить ее без битвы, а «Малаша, которая, не спуская глаз, смотрела на то, что делалось перед ней, иначе понимала значение этого совета. Ей казалось, что дело было только в личной борьбе между «дедушкой» (т. е. Кутузовым. — *Г. П.*) и «длиннополым», как она называла Беннигсена. Она видела, что они злились, когда говорили друг с другом, и в душе своей держала сторону дедушки. В середине разговора она заметила

быстрый, лукавый взгляд, брошенный дедушкой на Беннигсена, и вслед затем к радости своей заметила, что дедушка сказал что-то длиннополому, осадил его: Беннигсен вдруг покраснел и сердито прошелся по избе».

Малаша сочувствовала дедушке. Но это было делом простого случая. Если бы ее приласкал Беннигсен, то она могла бы держать и его сторону. Наконец, она могла бы не сочувствовать ни «дедушке», ни «длиннополому», и даже могла бы возненавидеть их обоих, соскучив-

шись от слишком продолжительного сиденья на печи. Все это было бы очень естественно. Неестественно и совершенно невероятно было бы одно: разумное, сознательное отношение шестилетнего ребенка к предмету, обсуждавшемуся на военном совете. Такого отношения нелепо было бы ожидать от Малаши, и все читатели «Войны и Мира», конечно, очень хорошо понимают это.

Но психология Малаши, к сожалению, свойственна многим из тех *взрослых* людей, которые берутся судить о спорах между различными партиями и внутри партий. Этим взрослым людям кажется, как казалось шестилетней Малаше, что все дело только в личной борьбе между спорящими и их приверженцами. Эти взрослые дети могут быть по-своему очень наблюдательны; ведь и Малаша совсем не лишена наблюдательности; она заметила, что у Беннигсена длинные полы, что Кутузов бывает иногда добродушен. Больше того; от ее внимания не ускользнул даже быстрый, лукавый взгляд, брошенный Кутузовым на своего противника. Но причины, вызвавшей спор между «дедушкой» « «длиннополым», она понять не могла, точно так же и те взрослые дети, которых я имею в виду, могут даже очень тонко подмечать *внешние стороны* происходящих на их глазах партийных споров. И если эти взрослые дети выступают в качестве беллетристов, то из-под их пера может выйти отличающееся *внешним юмором* описание таких споров, а иногда даже и очень злое глумление по их поводу. Но *внутреннее содержание* споров останется для них закрытой книгой. *Чтобы понять это содержание, нужно перерасти психологию ребенка.*

Эти размышления как-то сами собою пришли мне в голову, когда я прочитал фельетон г. Е. Чирикова «Собачья площадка» в № 25 «Утра

России». В этом фельетоне фигурируют несколько «идеологов», — «большевик» и «большевичка», «меньшевик» и «меньшевичка» и один «кудрявый» эсер, — рабочий и крестьянин. «Идеологи» ведут между собою нелепые споры, крестьянин посматривает на спорящих не без лукавого себе на уме, а рабочий хнычет по поводу того, что ему совершенно непонятно, что именно сказано в «Капитале» по предмету, вызывающему распрю в среде «идеологов», и приходит в полное отчаяние, когда кто-то из спорящих, в жару прений, отрывает «последнюю» пуговицу от его пиджака. Этот рабочий вообще чрезвычайно жалкая фигура. Но эта жалкая фигура вознаграждается появлением Карла Маркса, который, прислушавшись к тому, что говорят идеологи, оставляет их спорить и незаметно исчезает, уводя с собою жалкого рабочего.

Действие заканчивается появлением людей со шпорами, при чем «идеологи» хором поют: «Мы жертвою пали»...

Читая этот фельетон, нельзя не улыбнуться, встречая в нем некоторые юмористические черточки, особенно в описании материальной обстановки спора. Г-н Чириков, как известно, обладает некоторым юмором, хотя юмор его далеко не перворазрядный. Но что крайне неприятно поражает, — прямо изумляет! — в фельетоне, так это полная неспособность его автора проникнуть во внутренний смысл осмеиваемых им споров. Г-н Чириков, — человек, насколько я знаю, давно уже вышедший из детского возраста, схватывает, подобно шестилетней Малаше, одну только внешнюю сторону дела. Споры между «идеологами» представляются ему совершенно бессодержательной борьбой между различными течениями в интеллигенции.

Рабочему классу нет ровно никакого дела до этих споров, и вот почему Карл Маркс, — Карл Маркс г. Чирикова, фельетонный Карл Маркс, — уводит жалкого чириковокого рабочего подальше от этих споров. Но позволительно предположить, что, уведя с собою жалкого чириковского рабочего из квартиры, служащей ареной «идеологических» споров, чириковский Маркс не обошел бы молчанием того вопроса, который, хныча и вздыхая, ставил «идеологам» несчастный

чириковский пролетарий: вопроса о том, в чем же заключается, наконец, правильное решение тех вопросов, о которых спорят бесплодно «идеологи». И если это мое предположение правильно, то нельзя не пожалеть, что чириковский Маркс, покидая квартиру «идеологов», не захватил с собою вместе с жалким чириковским рабочим также и самого г. Чирикова. Может быть, наш автор понял бы тогда, что какие смешные обороты ни принимали бы подчас нынешние опоры между нашими «идеологами», какими неприятными выходками ни сопровождались бы они, — *в их основании* лежит вовсе не выдуманная интеллигенцией, а выдвинутая самой жизнью насущная потребность решить известные *программные* (споры между эсдеками и эсерами) и *тактические* (споры «большевиков» с «меньшевиками») вопросы. Возможно даже, что чириковский Маркс сообщил бы и Чирикову, что в сороковых и пятидесятых годах ему самому приходилось вести подобные споры, которые отняли у него много драгоценного времени, но которых он решительно не мог избежать. Наконец, можно допустить и то, что чириковский Маркс, обращаясь к жалкому чириковскому рабочему, прибавил бы: Перестань хныкать и жаловаться на недоступность для тебя предмета споров между интеллигентами. Своим хныканьем и своими

жалобами ты сам себе выдаешь свидетельство о политической «ищете. Споры, раздирающие интеллигенцию, прекратятся *только* благодаря широкой самодеятельности твоего класса; но такая самодеятельность немыслима без самосознания, а пролетариат никогда не придет к самосознанию, если каждый из его представителей будет, подобно тебе, считать недоступными для него и неважными для его класса те вопросы, из-за которых расходятся между собой и враждуют интеллигенты. Чтобы прекратить споры, вы должны *решить* их, а не удаляться от них, затыкая себе пальцами уши. Ведь опор идет именно о том, как действовать вам, а не кому-либо другому.

Я, как видит читатель, только предполагаю, но ничего не утверждаю. Эта моя осторожность вызывается тем, что я имею дело с Марксом, созданным фантазией г. Е. Чирикова.

Известно, что яблоко не далеко падает от яблони, а лица, созда-

ваемые фантазией данного писателя, не могут знать больше, чем знает сам писатель. Вот почему легко могло бы случиться, что чириковский Маркс не пошел бы в своем политическом развитии дальше шестилетней девочки Малаши. Но само собою разумеется, что в действительности, а не в фантазии г. Чирикова, не только Маркс, но даже всякий второстепенный политический деятель, хоть немного вкусивший от современного социализма, без труда понял бы и строго осудил бы легкомысленное глумление над теми вопросами, от которых нельзя *уйти* русскому пролетариату. Эти вопросы — тот же сфинкс, предлагающий свою загадку с многозначительными словами: разгадай, или тебе придется очень плохо!

С г. Чириковым случилось то же, что произошло с карабинером известной французской оперетки: по странной случайности он пришел слишком поздно. Было время, когда в нашей социал-демократии не было ни программных, ни тактических разногласий. И все-таки она сумела расколоться. Тогда она заслуживала горькой насмешки, но тогда г. Чириков не нашел нужным или возможным посмеяться над нею. А теперь она судорожно бьется над такими вопросами, от решения которых зависит в весьма значительной степени не только ее собственная судьба, но и судьба всего нашего освободительного движения. Теперь уже поздно смеяться над нею. Теперь насмешка становится глумлением. Теперь надо помочь ей разрешить заданную ей историей загадку или идти со своим глумлением над нею в такие органы, от которых она вообще не может ожидать ничего другого, кроме злых нападок и безыдейного глумления.

374

До сих пор мне казалось, что «Утро России» не принадлежит к числу таких органов. Мне казалось, что оно хотя и не стоит на социал-демократической точке зрения, но умеет серьезно отнестись к тому кризису, который совершается теперь в рядах русской социал-демократии. И потому, что мне так казалось, я, будучи приглашен работать в этом органе, послал туда небольшую статью, которая касалась именно одного из вопросов, обсуждавшихся, как видно, в квартире на Собачьей площадке. Когда я пишу эти строки, я еще не знаю, дошла ли моя статейка по своему адресу. Но я вижу, что она не могла быть

интересной для «Утра России». Мне очень-очень жаль, что я ошибся...

РЕЧИ НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ РСДРП 1907 ГОДА

Вступительная речь

Товарищи! ЦК нашей партии поручил мне открыть нынешний съезд, первый *всероссийский* съезд. С удовольствием исполняя это, чрезвычайно лестное для маня, поручение, я прежде всего поблагодарю вас за те проявления симпатии, с которыми вы меня встретили. Эти проявления особенно тронули меня потому, что, как мне показалось, они отчасти шли от тех лиц, с которыми мне пришлось в течение последнего года сломать не одно копье по тактическим вопросам. И они дают мне основание думать, что у нас все-таки живо сознание взаимной нашей связи, сознание того, что мы стоим под одним знаменем, под красным знаменем пролетариата. Что между нами существуют большие разногласия, — это неоспоримо; но мы все-таки должны сделать попытку столковаться, а для того, чтобы столковаться, нам необходимо рассмотреть спорные вопросы спокойно, sine ira et studio. И это облегчается для нас тем обстоятельством, что в нашей партии почти совсем нет ревизионистов. Российский пролетариат стонет под двойным игом — деспотизма и капиталистической эксплуатации. Эта истина одинаково и хорошо сознается, я думаю, каждым из нас. Но одной этой истины недостаточно для ясного понимания наших задач. Уже в 1889 г. на Парижском международном социалистическом съезде я сказал, что наше освободительное движение восторжествует как движение пролетариата или совсем не восторжествует. И события подтверждают мои слова. Но сил одного пролетариата недостаточно для решительной победы в предстоящей нам буржуазной революции. Пролетариату необходимы союзники. *Какие именно?* Я не хочу здесь сейчас решать этот вопрос; его решит съезд. Но что союзники необходимы, это сознают все, и это уже большой шаг вперед в смысле соглашения между нами. Будем же рассуждать спокойно, чтобы наша партия стала после съезда более единой, чем до него. Я приветствую представителей национальных организаций, впервые присутствующих

на нашем съезде с решающими голосами, и приглашаю вас, товарищи, приступить к занятиям.

Да здравствует российский, да здравствует международный пролетариат! Да здравствует социалистическая революция! *(Аплодисменты.)*

378

Речь при обсуждении порядка дня

Товарищи! Наши противники утверждают, что если мы отказываемся от выработки здесь на съезде так называемых ими теоретических положений, то это происходит потому, что мы боимся встретиться с ними в области теории. Я полагаю, что история наших взаимных отношений должна была бы показать нашим противникам, что мы люди не робкие и что у нас нет никакого основания чувствовать страх перед ними.

Однажды Бисмарк, споря с Либкнехтом в немецком рейхстаге, сказал: «Мы, немцы, никого не боимся кроме бога!» Либкнехт ему ответил: «А мы, социал-демократы, не боимся даже бога!» Мы, российские социал-демократы меньшевики, еще бесстрашнее: мы не боимся не только бога, но даже и товарищей-большевиков, которые страшнее бога. *(Аплодисменты.)* Что касается лично меня, о котором тоже говорили наши противники, то я приехал на съезд, несмотря на плохое состояние здоровья, не потому, что я избегаю встречи с товарищами-большевиками, а потому, что я люблю встречаться лицом к лицу со своими противниками. Повторяю, мы вас нисколько не боимся, товарищи, хотя вы и хотите запугать нас, крича, что если не будут выработаны желательные для вас теоретические указания, то пролетариат будет иметь право обвинять нас в измене. Это сильно, но слишком неосновательно, чтобы на этом останавливаться. Если бы мы хотели избежать обсуждения руководящих принципов, если бы мы хотели отступить от вас, то нам выгоднее всего было бы отступить в бесплодные пустыни отвлеченных рассуждений. Но мы не хотим затеряться в этих пустынях и потому говорим вам: при обсуждении каждого отдельного вопроса поднимайтесь на всю достижимую для вас теоретическую высоту, но не вдавайтесь в отвлеченности. Ведь именно эти отвлеченности!, эти абстрактные споры нас и поссорят, и

мы не исполним воли пославших нас, как выразился предыдущий оратор. Именно распри из-за отвлеченностей были бы изменой тем людям, которые послали вас сюда, товарищи-большевики: *(Крики справа:* Не «люди», — товарищи»!) Ну да — товарищи! Но ведь и товарищи тоже люди.

То, что вы называете выработкой теории, уподобило бы нас английскому парламенту XVII века, вырабатывавшему и принимавшему большинством голосов английский prayer book, т. е. молитвенник. Политическая партия такими делами заниматься не может.

379

Нас обвиняют в ревизионизме. Но ревизионисты утверждают, что ссылки на теорию Маркса — бесполезны; мы же стараемся все конкретные политические вопросы разбирать во всеоружии марксовой теории. Это, как видите, большая разница.

Здесь говорят, что спорить о Государственной Думе значит спорить о «мнимой величине». Государственная Дума — мнимая величина?! Но ведь в Думе заседает т. Алексинский. Неужели он — тоже мнимая величина? *(Смех.)* А наша избирательная кампания? Неужели и она представляет собою мнимую величину? Нет, товарищи! Дума стала фактом, с которым мы не можем не считаться. Конечно, права Думы, например ее бюджетное право, могут быть названы мнимыми. Но ведь это надо еще *показать народу,* а показать ему это можно только *путем опыта,* ради которого нам необходимо поддерживать Думу в ее столкновениях с правительством.

Думу, эту «мнимую величину», могут не сегодня - завтра разогнать и тогда она станет нулем. Но мы не можем отнестись к этому безразлично. Нам придется определить, как нам отнестись к разгону Думы, как нам ответить на ее разгон. Т. Ленин сказал: «Наши западные товарищи прониклись бы большим уважением к нам, если бы услышали, что мы занимаемся выработкой теоретических положений». Совершенно напротив: западные товарищи с изумлением пожали бы плечами и сказали бы: «Странные люди эти россияне! Дела у них непочатый угол, а они, подобно средневековым схоластикам, тратят время на бесплодные споры о том, сколько ангелов может поместиться на конце булавочного острия». И это не потому, что наши

западноевропейские товарищи относятся отрицательно к теоретическим спорам. Ничуть не бывало! Некоторые из них поднимаются в своих спорах на гораздо большую высоту, чем многие и многие из наших товарищей. Но они умеют в то же время ставить свои споры на конкретную почву. А у нас именно этого-то и не вышло бы, если бы мы приняли ваше предложение.

Кстати о Ленине. Он приписал мне следующее рассуждение: так как у нас совершается буржуазная революция, то мы должны заключить союз с буржуазией. Я, открывая съезд, сказал не так. Я сказал вот что: сил одного пролетариата недостаточно для решительной победы над реакцией; ему нужны союзники. И наш съезд должен будет решить, где ему следует искать союзников. Я категорически заявил, что, открывая съезд, я считаю преждевременным высказывать свой собственный взгляд на этот вопрос. Таким образом т. Ленин совершенно извратил смысл

сказанного мною. А что нам придется толковать здесь о союзниках, это знаете вы все, и тут я был совершенно неоспоримо прав. *(Аплодисменты.)*

Речь по отчету думской фракции

Товарищи! Я уже говорил вам, что я приехал на съезд больным. При других обстоятельствах я совсем не взял бы слова; но я вынужден говорить по двум причинам. Во-первых, ораторы, критиковавшие думскую фракцию, бросили несколько упреков также и в мою сторону. Я должен возразить им. Однако не бойтесь, я не буду касаться вещей, имеющих личный характер; я останусь на принципиальной почве. Во-вторых,— и это главное, — сегодня у нас историческое заседание, и если бы я лежал на смертном одре, то я и тогда считал бы себя обязанным говорить, чтобы предостеречь вас от страшной ошибки,, которую некоторые из вас собираются здесь совершить.

Я уже сказал, что я буду держаться принципиальной почвы. Но прежде чем взглянуть с точки зрения принципа на вопрос, занимающий и разделяющий нас, я сделаю несколько замечаний частного характера.

Вопрос о народовой демократии не есть принципиальный вопрос, как справедливо заметил здесь т. Куявский. Если бы наши польские товарищи своевременно снеслись на этот счет с нашей фракцией, то она, конечно, охотно приняла бы к руководству их указания. Но они этого не сделали, и винить за это нашу фракцию едва ли основательно.

Что народовая демократия организовала гражданскую войну среди польского пролетариата, что она проливала кровь польских пролетариев, это знаем мы все, без различия фракций, и точно так же все, без различия фракций, мы одинаково возмущаемся этим. Стало быть, тут мы с вами спорить не станем; тут мы согласимся с тем, что нашей фракции лучше было бы, пожалуй, воздержаться от парламентских сношений с народоеой демократией. Но, повторяю, т. Куявский справедливо заметил, что вопрос этот имеет лишь второстепенную или даже третьестепенную важность.

Не имеет принципиального значения и тот вопрос, который поднял здесь т. Либер. Признаюсь, мне также было жаль, что запрос о седлецком погроме сделан был народовцами, а не социал-демократами. Тут со стороны нашей фракции было, пожалуй, некоторое упущение. Но отчего произошло оно? Нашего брата, великоросса, знающего другие виды угнетения, но не испытавшего *национального* гнета, можно было

бы,— допустим это,— не без некоторого основания заподозрить в недостаточно внимательном отношении к тем случаям, в которых проявляется этот последний. Но наша фракция состоит не только из великороссов: в ней есть грузины, армяне, латыши и евреи. А в Центральном Комитете, постоянно сносившемся с нашей фракцией, был представитель Бунда. Я полагаю, что никого из *этих* товарищей нельзя заподозрить в равнодушном отношении к тому гнету, который давит их национальности. И если, несмотря на это, наша фракция все-таки упустила случай сделать запрос о седлецком погроме, то ясно, что невозможно обвинить ее в подобном равнодушии. Тут опять был лишь некоторый промах, на который следует по-товарищески обратить внимание, но ввиду которого нет оснований горячиться. Не такие вопросы вызывают споры между нами; не такие вопросы разделяют

нас. Наши товарищи вполне могли бы поступить так, как этого хотелось бы т. Либеру, нимало не отказываясь при этом от своих тактических взглядов. В этом, я надеюсь, никто не сомневается. Ведь главное дело в том, что ораторам, нападавшим на наших товарищей во фракции, не нравятся их тактические взгляды. Стало быть, тут и заключается настоящая суть нашего спора.

Тактические взгляды наших товарищей называют оппортунистическими. Правильно ли это? Нисколько! В них нет и следа оппортунизма.

Здесь я, вполне разделяющий эти взгляды, вижу себя вынужденным сделать два замечания по адресу т. Тышко.

Т. Тышко с неудовольствием заметил, что мы имеем претензию быть единственными марксистами в партии. Нам чужда подобная претензия. Но само собою разумеется, что когда мы встречаемся с так называемыми критиками Маркса, то мы не можем причислять их к лагерю марксистов. Ведь и т. Тышко не решится назвать марксистами, например, эмпириомонистов. *(Смех на левой стороне.)*

В своей речи т. Тышко, обращаясь ко мне, напомнил о том времени, когда я боролся с жоресизмом и восставал против Мильерана. Он отозвался с большой похвалой о статьях, написанных мною в то время. Я благодарю его за комплимент. Но если за этим комплиментом скрывается тонкий намек на то, что я теперь *отказался* от моих тогдашних взглядов, то т. Тышко очень ошибается. Я стою теперь на той же самой точке зрения, на которой стоял тогда, когда я боролся с жоресизмом. Тому, кто находит это странным; тому, кто думает, что только жоресист мог прийти к моему взгляду на наши задачи по отношению к Думе

и к буржуазным партиям, я напомню о вожаке французских марксистов Жюле Гэде. На Парижском международном съезде я вместе с ним боролся против жоресизма. И тот же самый Жюль Гэд вполне одобряет теперь мои тактические взгляды. Что же? Скажут ли мои противники, что Жюль Гэд тоже стал жоресистом?

Один из товарищей заметил здесь: «Плеханов теперь не тот, что был прежде». И я знаю, что многие из присутствующих на съезде разде-

ляют это мнение; я уверен, что многие из них тоже готовы сказать обо мне: «был конь, да изъездился». Я, конечно, изъездился в известном отношении. Прежде я был здоров, а теперь мое здоровье очень расшатано. Но что касается моих политических взглядов, то я остаюсь и, конечно, останусь таким же, каким я был с тех самых пор, когда сложились мои социал-демократические убеждения. В этом вы можете быть уверены. Но,— странное дело! — чуть ли не с тех же самых пор, как сложились мои социал-демократические убеждения, я стал слышать от некоторых моих товарищей упреки в том, что я не верен им; чуть ли не с тех же самых пор вокруг меня раздается неодобрительный ропот: «Плеханов уже не тот, Плеханов изменился». Приведу наиболее пикантные примеры. Во время голода 1891 г., я написал в одной из своих статей, что наши социал-демократы должны выставить требование широкой государственной помощи голодающим крестьянам. Это огорчило часть наших тогдашних социал-демократов. Они опасались, что если голодные крестьяне будут накормлены, то остановится развитие у нас капитализма, и они строго осудили мою непредусмотрительность, решив, «что я уже не тот», что был прежде. *(Смех.)* Потом явились «экономисты». Эти тоже находили, что я отстал от движения, и в доказательство приводили мой взгляд на политическую борьбу. Они упрекали меня в том, что я хочу будто бы «взять самодержавие на уру». Кто скажет теперь, что этот упрек был основателен? Ведь теперь против меня выдвигают как раз противоположное обвинение: теперь часть товарищей сердится на меня за то, что я недостаточно громко кричу «ура!» при нападении на самодержавие. Но и этот упрек тоже совершенно пустяковый. Я совсем не прочь крикнуть «ура!» Но я думаю, что и это надо делать умеючи, т. е. *кстати.* А когда люди кричат «ура!» некстати, то получаются очень плохие последствия. Вспомните генерала Реада, воспетого А. Толстым:

А Реад возьми нас спросту
Поведи нас прямо к мосту,
Нутка, на ура!

Вы знаете, что вышло:

Вот ура мы зашумели,
Да резервы не поспели.

Я нахожу, что товарищи-«большевики» усвоили себе тактические взгляды генерала Реада, и действительно отказываюсь «шуметь» ура! по их приглашению; но это вовсе не значит, что я «уже не тот»: я вообще никогда не разделял тактических взглядов генерала Реада. Некоторые «большевики» причисляют меня к числу «кадетообразных соглашателей». Какое же соглашение имеют они в виду? Очевидно, соглашение с абсолютизмом. Но ведь это же чистейшая нелепость! Разве я, разве мои товарищи-меньшевики заикались когда-нибудь о подобном соглашении? *(Крик справа:* «Было!») Товарищ! Вы кричите: «было!», и я уверен, что вы совершенно искренно кричите это. Но ведь и та старушка, которая подложила вязанку дров в костер, сжигавший Гуса, тоже была совершенно искрения, и мне, подобно Гусу, остается только воскликнуть — «святая простота!» Люди, не отличающиеся такой простотой, понимают, что для нас речь идет не о *соглашении с* царизмом, а о способах наиболее успешной *борьбы* с ним.

Но довольно обо мне. Т. Данилова горько упрекнули здесь в том, что он пил кадетский чай. В том же упрекали товарищей Церетели и Джапаридзе. Это, конечно, большое преступление, и я, следуя правилу: amicus Plato, sed magis arnica veritas, поспешил спросить их: «Как же вы могли поступить так?» Но т. Джапаридзе возразил мне, что за каждый стакан этого несчастного чая с »их было взыскано по пяти копеек. Принимая во внимание, что в нынешнем обществе имеет значение не столько вещество товара, сколько его меновая стоимость, выходит, что чай-то они пили как будто свой собственный. Однако я еще больше непримирим, нежели т. Алексинский. Я говорю им: «Положим, что чай был в самом деле ваш собственный. Но ведь пили-то вы его из кадетских стаканов. А разве это позволительно? Если вы хотите соблюсти верность принципам, то вам следует всюду ходить, подобно раскольникам, со своей собственной посудой». Я надеюсь, что меня одобрят товарищи справа. *(Крики справа:* «Это не серьезно!») Это не серьезно? Конечно, нет! Но я не виноват в том, что чай,— этот приятный напиток,— дал вам повод для таких нападений на нашу фракцию, которые, очевидно, казались вам вполне серьезными. Я действительно смеюсь, но смеюсь потому, что ваша так называемая критика представляет собою не критику, а то, что Немцы называют

Nörgelei.

384

Товарищи! На наших глазах совершилось событие огромной исторической важности. В лице социал-демократических депутатов российский пролетариат впервые открыто выступил на сцену парламентской борьбы. Мне трудно описать то радостное волнение, с которым я читал речь т. Церетели. И кто знает? Может быть, подобное волнение испытывали многие из вас, товарищи, сидящие здесь на правой стороне. Но когда социал-демократическая фракция приходит к вам с отчетом о своей деятельности, вы забываете об ее огромных заслугах и награждаете ее лишь мелочными упреками! Вы берете всерьез доводы, выдвинутые против нее т. Алексинским. Тут происходит нечто, заставляющее вспомнить речь Марка Антония у Шекспира. Юлий Цезарь сделал то-то и то-то, о« был великий человек, «но Брут сказал: он был честолюбив, а Брут, известно, честный человек!» Так и у нас. Наша фракция имеет за собой множество заслуг; но т. Алексинский сказал, что она пропитана духом оппортунизма, а т. Алексинский, известно, крайний революционер, он хороший судья в этих вопросах. И вы слушаете т. Алексинского, вы серьезно спрашиваете себя: можем ли мы, не изменяя принципам революционной социал-демократии, одобрить деятельность нашей фракции? Это поистине невероятно!

В чем состоит мнимая вина фракции?

Говорят: она не изложила в Думе нашей программы. Но наша программа была изложена нашими представителями уже в первой Думе, излагать ее во второй — значило бы вдаваться в ненужное и потому скучное повторение. И такое повторение было тем менее уместно, что следовало прежде всего дать надлежащий отпор представителю старою порядка. В ответ на речь Столыпина надо было говорить не об отношении пролетариата к буржуазии, не о нашей конечной цели, а о том, что сознательный пролетариат непримирим в своем отношении к старому порядку; о том, что он борется и будет бороться с ним не на живот, а на смерть. Так и поступил т. Церетели и, конечно, он очень хорошо сделал.

Наших товарищей упрекают, далее, в том, что они в Думе охотно

опираются на законную почву; но на что же прикажете опираться им, когда дело идет о том, чтобы разоблачать лицемерное законолюбие Столыпина? Наши «большевики» смотрят на *закон* глазами анархистов. Они боятся слова: закон. Мы его не боимся. Мы знаем, что всякий закон, хоть отчасти полезный для пролетариата, завоевывается путем жестокой борьбы, и мы находим, что нелепо пренебрегать подобными завоеваниями.

385

Как расходятся с нами в этом случае товарищи-«большевики», видно из следующего. В резолюции, принятой Московским, — как известно большевистским — окружным комитетом по поводу Государственной Думы, сказано: «Признавая, что всякая легальная деятельность в Думе может совершаться лишь в пределах служения реакции, мы будем рассматривать всякую попытку работы в пределах положения о Государственной Думе, как заговор против народа и революции». (*Громкие и продолжительные крики справа:* «Это неверно!» *Костров:* «Прочтите подпись!» *Голоса справа:* «Это написал Данилов!» «Вы сами сочинили эту резолюцию! Эта резолюция была принята по поводу булыгинской Думы!» *Председатель тщетно старается восстановить спокойствие. Обращаясь к нему, оратор говорит:* «Дайте им кончить; когда они кончат, я буду продолжать».) Вы говорите, что я сам сочинил эту резолюцию. *(Показывает резолюцию присутствующим.)* Вот она, эта резолюция. Скажите также, что я не только сочинил ее, но и гектографировал. Но вы и сами не верите тому, что говорите. А что касается крика: «Эта резолюция была принята названным комитетом по поводу булыгинской Думы», то ведь он вовсе не опровергает меня. Резолюция утверждает, что *всякая* легальная деятельность в Думе есть заговор против народа и революции. А это чистейший анархизм, независимо от того, когда именно была принята эта резолюция. И этот-то анархизм выразился здесь в том упреке, что Церетели и другие наши товарищи в Думе слишком охотно становятся на законную почву. Утверждают, далее, что, требуя парламентской анкеты, наша фракция должна была изложить и те тактические соображения, которые побуждают ее выставлять такое требование. Но и это пустяки. Для нас самих,

конечно, очень важно знать, почему именно мы выставляем в Думе то или другое требование. Но нет никакой надобности говорить депутатам других партий: мы требуем этого потому, что таков характер нашей тактики. Депутатам других партий нет до этого «потому *что»* ровно никакого дела. Вы, как видно, хотите, чтобы наши думские ораторы уподоблялись в своих речах тому плохому трагическому актеру, который должен был воскликнуть:

Не подходи ко мне с отвагой,
Не то заколю тебя сею шпагой!

и который, заучив на память то, что было напечатано в скобках для его собственного руководства, громогласно прибавил стоявшие

в скобках слова: «указывая на оную», т. е. на шпагу. Мы не охотники до такого искусства!

Т. Либер был прав, когда сказал, что т. Алексинский в своей критике деятельности фракции очень широко замахнулся, а ударил совсем слабо. Когда я прослушал до конца речь т. Алексинского, я подумал то же самое и мне почему-то вспомнилась та купчиха у Островского, которая говорила своей служанке: «И всегда ты так; сначала напугаешь до смерти, а потом скажешь какой-нибудь вздор». Товарищи-большевики продолжают упрекать нас в том, что мы уклонились от прений о текущем моменте. Мы действительно сделали это. Я уже имел случай сказать вам, почему мы это сделали. Я уже сказал, что это произошло отнюдь не из боязни встретиться с большевиками на теоретической почве. Теперь я повторю вот что. Пользуясь большинством голосов, вы хотели заставить съезд принять ваш революционный катехизис, подобно тому, как в XVII веке английский парламент составлял по большинству голосов английский prayer book, т. е. молитвенник. Мы не хотим молиться по-вашему. У нас тем менее поводов хотеть этого, что в сущности вы очень неустойчивы в своих революционных взглядах. (*Крики справа:* «Ого!»). Да, очень неустойчивы! И вот вам весьма наглядное доказательство.

Теперь вы обвиняете нас в том, что мы будто бы изменили резолюциям, принятым нашим Стокгольмским съездом. Но тут нам бьют челом нашим же добром. Стокгольмские резолюции выработаны нами, меньшевиками, и когда мы предлагали их в Стокгольме, большевики

называли их оппортунистическими. А теперь они находят, что это хорошие резолюции и настойчиво требуют от нас верности им. Как же это так? Ведь если эти резолюции с вашей точки зрения хороши, то люди, предложившие их, не могли быть признаны,— с той же точки зрения, — оппортунистами. Но в том-то и дело, что вы изменились со времени Стокгольмского съезда.

В Стокгольме, восставая против бойкотистов, мы говорили, что социал-демократия, в интересах политического воспитания народа, должна «планомерно использовать все конфликты, возникающие как между правительством и Думой, так и внутри самой Думы в интересах расширения и углубления русла революционного движения». Для этого, говорили мы, ей следует обострять и расширять эти конфликты, стараясь в каждом данном случае связывать политические задачи движения с социально-экономическими! требованиями рабочей и крестьянской массы. Составленную в этом духе резолюцию об отношении к Государственной

Думе большевики громили тогда как недостойную революционного пролетариата. Теперь они находят ее достойной того же самого пролетариата; ясно, что большевики уже «не те», что они отказались от некоторых из своих тогдашних заблуждений. Что же касается нашего мнимого отклонения от этой резолюции, то оно представляет собою чистейший вымысел.

В Стокгольме я так формулировал свой взгляд: «Т. Руденко сказал, что в комиссии он формулировал наш спор словами: «Нам надо решить, стоит ли Дума на столбовой дороге революции», и что на этот вопрос т. Ленин ответил: нет. Это в самом деле было так. И это хорошо характеризует разницу наших взглядов. По-нашему Дума стоит на столбовой дороге революции. Не следует обходить ее. Ленин говорит: «В Думе много наивных крестьян, которые рядом с самыми детскими требованиями выставляют радикальное требование относительно земли». Это верно. Но как же нам отнестись к таким крестьянам? Оставить ли их на жертву их политическим предрассудкам, на жертву их политической наивности, или позаботиться о том, чтобы в процессе борьбы разрушились эти предрассудки? А позаботиться об этом

нельзя, повернувшись спиной к Думе. Газеты рассказывали как-то о крестьянах, которые говорили своему депутату: «Ты идешь в Думу. Умри же там за наше дело; а если изменишь нам, то не возвращайся домой: мы тебя здесь убьем». Неужели вы не понимаете, что мы обязаны подойти вплотную к этим людям, что мы обязаны принять участие во всех тех конфликтах, которые они будут переживать, и воспользоваться этими конфликтами для развития их политического самосознания? Когда такие люди откажутся от своей политической наивности,— а они откажутся от нее в *процессе* борьбы и благодаря борьбе,— тогда Дума перерастет самое себя и тогда пробьет час для созыва Учредительного Собрания».

Я и теперь строго держусь этого взгляда. И если бы вы опросили товарищей Церетели, Джапаридзе и других «меньшевиков»-депутатов, Разделяют ли они этот взгляд на Государственную Думу, как на орудие политического воспитания народных масс, то они, без всякого сомнения, сказали бы, что совершенно разделяют. Мы-то остались такими же, какими были в Стокгольме, а вот т. Алексинский сильно изменился: в Стокгольме он был очень горячим бойкотистом, а теперь он, по-видимому, совсем покинул идею бойкота. История разберет, кто был прав и кто ошибался. Но надо восстановить, кто и что говорил: надо отдать каждому то, что ему принадлежит.

388

Именно потому, что я продолжаю твердо стоять на своей стокгольмской точке зрения, я предложил «полновластную Думу» в качестве избирательной платформы. Большевики увидели в моем предложении новое доказательство моего оппортунизма, а т. Алексинский сказал здесь, что мою платформу с презрением отвергла либеральная буржуазия. Так ли это, т. Алексинский? Точно ли с презрением? Почему отвергла либеральная буржуазия мою платформу? Потому что она увидела в ней «псевдоним Учредительного Собрания», как выразился один из ее публицистов. А как относится либеральная буржуазия к Учредительному Собранию: с презрением или же со страхом? Кажется, что именно со страхом. Стало быть, и мою платформу, требовавшую Учредительного Собрания, хотя бы и под псевдонимом, буржуазия отвергла со страхом, а не с презрением. Если

наша буржуазия боится Учредительного Собрания, то тем хуже для нее. Мы обязаны разъяснить народу, почему она его боится. И поскольку мы разъясним ему это, поскольку мы подвинем вперед развитие его сознания,— ровно постольку мы будем действовать в духе стокгольмской резолюции. Но ведь это значит, что я, предложивший лозунг: «полновластная Дума», дал нашим практикам прекрасный повод для воздействия на народ в указанном резолюцией духе. Где же мой оппортунизм?

Здесь-то и обнаруживается с поразительной ясностью правильность сделанного Аксельродом замечания о том, что когда мы предаем анафеме кадетов, то наша анафема еще не имеет обязательной силы в глазах массы. Большевики,— которые хотя и изменились со времени Стокгольмского съезда, но еще далеко не усвоили себе правильных тактических воззрений,— делают в политике ту самую ошибку, которая в логике называется petitio principii; как известно, эта логическая ошибка состоит в том, что человек опирается, как на доказанное, на такое положение, которое еще надо доказать.

Вполне подобно этому, тактика большевиков *предполагает* в народе такую степень политического сознания, *на которую нам еще нужно поднять его своей агитацией.* Русский крестьянин... (*Крик со скамьи большевиков:* «Вы его не видели!») Слушайте, что я говорю. Русский крестьянин не знает, что такое Учредительное Собрание по той простой причине, что он не изучал Великой французской революции. Его надо еще *привести* к идее Учредительного Собрания; надо сделать эту идею наглядной, так сказать неизбежной для него. Но и ему, не знающему, что такое Учредительное Собрание, легко понять, что такое полновластная Дума, и когда он начнет борьбу за такую Думу, он будет созревать и

для усвоения идеи Учредительного Собрания, потому что ведь и на самом деле такая Дума, которая имела бы полную *власть,* обладала бы властью Учредительного Собрания, *была бы таковым.* Нам надо помнить основное положение исторического материализма: не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Двиньте народную массу на такую дорогу, которая ведет к

Учредительному Собранию, и ей постепенно уяснится идея такого Собрания.

Вместо того, чтобы говорить революционные фразы, старайтесь поставить массу в такое политическое *положение,* которое революционизировало бы ее политическое *сознание.* В этом вся тайна успеха.

Маркс говорит где-то, что тактика французского Конвента представляет собою маяк, к которому должны обращаться во время революционных бурь взоры революционеров всех времен и народов. Он имел в виду, конечно, тактику монтаньяров. Но монтаньяры умели подходить к массам. Рассказывают, что чуть ли не накануне взятия Тюильри Робеспьера спросили, республиканец ли он. Не желая запугивать своих слушателей, еще не окончательно разделавшихся с монархическим предрассудком, он осторожно ответил: я за самодержавие народа. (*Вячеслав:* «Неверно, это было не в Конвенте!») Об этом факте, как факте, спорить здесь неудобно. Поэтому я оставлю и этот факт, и самого Робеспьера и сошлюсь на человека, гораздо более близкого к нам, нежели монтаньяры,— на нашего учителя Энгельса. *(Алексинский:* «Не приемли имени господа бога твоего всуе!») Но этот господь недавно вашим стал. *(Алексинский:* «А это аргумент от метрического свидетельства!») Не физического, а идейного!

В июне 1887 г. Энгельс писал к Зорге: «Массы учатся только благодаря последствиям своих собственных ошибок». В другом месте (письмо к Зорге от 29 ноября 1886 г.), он говорит: «Чтобы развиваться, массы должны иметь время и возможность, а возможность они получают лишь тогда, когда они имеют свое собственное движение, в котором они толкаются вперед « умудряются опытом благодаря своим ошибкам и потерям».

В применении к Государственной Думе это значит, что только опыт, — и именно опыт с этой Думой,— «умудрит» массу и заставит ее усвоить себе наши политические взгляды. Нужно, чтобы народ увидел Думу в ее политическом действии, необходимо, чтобы он пережил конфликты Думы с правительством. Только тогда будет он достаточно «умудрен» опытом; только тогда откажется он от тех иллюзий,

которые связываются у него с *нынешней* нашей конституцией. Массы учатся

только благодаря последствиям своих собственных ошибок, только посредством опыта. Вы же, большевики, хотите затенить для массы этот необходимый опыт революционной фразеологией, радикальными резолюциями. Вы забываете сказанное тем же Энгельсом о том, что в деле революционной фразеологии анархисты уже совершили все человечески возможное, так что тут нам нельзя конкурировать с ними. *(Аплодисменты.)*

Наша тактика, так сильно возмущающая вас, представляет собою последовательное применение основных положений исторического материализма к революционному воспитанию народа. В Стокгольме я говорил, что Государственная Дума должна послужить орудием народного воспитания, средством выяснения народу того, какою должна быть нужная для него конституция. Мне возражали товарищи Винтер и Орловский. Они говорили, что революционное воспитание народа уже закончено; что вооруженное восстание представляет собою уже достигнутую ступень нашего революционного движения, — подлинное выражение Винтера,— и что оно теперь есть дело нескольких месяцев. Эти несколько месяцев давно прошли, а вооруженного восстания все нет и нет. Кто же был прав? я или товарищи Винтер и Орловский? После разгона Думы т. Ленин писал, что народ, т. е. широкие массы, еще не дорос в массе,— так выразился этот товарищ,— до сознательной революционной деятельности в 1906 году и что народу еще был нужен опыт кадетской Думы. Еще раз: кто же был прав в Стокгольме? Но далее тот же Ленин писал, что народ уже усвоил себе идею Учредительного Собрания и что, ввиду этого, можно назначить вооруженное восстание на середину или на конец августа. И это наглядно показывает, как мало понял т. Ленин тогдашнее настроение народа. Все дело *в* том, что революционное воспитание было далеко еще не закончено; что его необходимо было продолжать, между прочим, также и посредством новой Думы. Т. Ленин оказался лжепророком, подобно товарищам Винтеру и Орловскому. У нас, к сожалению, любят пророчествовать, при чем пророче-

ствующие товарищи нисколько не смущаются, когда последующие события показывают, что их пророчества были ложны. Они не похожи на библейского пророка Иону, который, раз оказавшись лжепророком по отношению к судьбе Ниневии, почувствовал себя, как вы знаете, сконфуженным до самой последней степени.

Большевики идут по пути революционного авантюризма. Они так относятся к нам, как относилась некогда в Союзе Коммунистов фракция Виллиха-Шапера к фракции Маркса. Виллих и Шапер требовали не-

медленного «выступления»; они, по словам Маркса, говорили: «Мы должны теперь же достичь господства или нам не остается ничего делать», а Маркс указывал им на неподготовленность немецкого пролетариата и обвинял их в том, что, подобно демократам, они на место революционного развития подставляли революционные фразы.

Своей тактикой большевики прокладывают, сами этого не замечая, путь для анархо-социализма. Я нисколько не удивлюсь, если в их среде явятся синдикалисты. *(Крики справа:* «А у вас уже есть Хрусталев!»)

Если бы мы приняли лозунг: «вооруженное восстание», то наш народ не пошел бы за нами, а между тем ваша тактика имела бы некоторый смысл только в том случае, если бы вооруженное восстание в самом деле было уже достигнутой ступенью движения. Вот яркий пример. Незадолго до открытия второй Думы один из большевиков, именно т. Петр Ал., писал в «Сборнике первом», что если Дума опять будет состоять в своем большинстве из либералов и они выставят опять требование ответственного министерства, то противодействовать осуществлению этого требования мы, конечно, не будем, но в противовес ему следовало бы выставить идею образования революционного исполнительного комитета из нашей фракции *(Алексинский:* «Неверно: из думской левой! *Оратор, не расслышав этого замечания, отвечает).* Он этого не писал? Ну, так я предлагаю вам поспорить об этом со мною в печати, а теперь скажу, что это и есть авантюристская тактика немедленного призыва к восстанию. И люди, рекомендующие такие призывы, ссылаются на Маркса: Но Маркс говорил совсем не то; он говорил: сначала воспитайте массу, а

потом зовите ее к выступлению. Вот каковы те незрелые, запутанные идеи, во имя которых вам предлагают осудить деятельность нашей фракции в Думе, т. е. совершить крупнейшую политическую ошибку! Я не знаю, согласится ли на это большинство съезда. Но если согласится, то пусть помнит оно, что этим будет оказана огромная услуга реакции и той самой буржуазии, с которой оно хочет воевать.

Как люди дисциплины, мы, конечно, преклонимся перед постановлением съезда. Но этим постановлением съезд нимало не убедит нас в своей правоте. Мы будем продолжать считать это его постановление крупнейшей ошибкой. И в этом случае с нами согласится весь рабочий Интернационал. Кроме синдикалистов и анархистов, вас решительно никто не одобрит! *(Аплодисменты меньшевиков и бундистов.)*

392

Речь об отношении к буржуазным партиям

Товарищи! Я начну свою речь одним частным замечанием терминологического свойства.

Т. Ленин напал на «плехановскую «Современную Жизнь», которая будто бы постоянно говорит о политическом реализме. Это неверно *фактически.* Я никогда не говорил о политическом реализме. И если бы т. Ленин был не совсем беззаботен насчет философии, то он знал бы, что я и не могу употреблять термин «реализм». Термином этим сильно злоупотребляют в философии, и мы, материалисты, — ведь я, как вам известно, материалист,— относимся к нему с большим недоверием. Так основательны ленинские нападки! Впрочем, если понимать термин реализм в том смысле, в каком употребляет его здесь т. Либер, то, конечно, и я реалист. Либер говорит: «Наша тактика должна основываться на реальном соотношении общественных сил, а не на субъективных желаниях наших». Это неоспоримо. Однако ведь это-то и есть марксистская тактика; марксистская же тактика есть тактика *современных материалистов.* Этой тактики мы всегда держались и именно этим вызывали неудовольствие наших противников. Правда, нас упрекают теперь не за марксизм, а *во имя* марксизма. Товарищ Роза Люксембург утверждает, что мы составили себе известную схему на основании действий Маркса в 1847—1848 гг.

и ни за что не хотим отступить от этой схемы. И потому мы, по ее словам, сами являемся какими-то окаменелостями, — *почтенными* окаменелостями: этот комплимент согласна сделать нам т. Роза Люксембург, — но все-таки окаменелостями. Это было бы жаль, но так ли это? Посмотрим: о какой схеме идет речь у т. Розы Люксембург. Эта схема может быть определена словами: поддержка пролетариатом революционной буржуазии в интересах революции. И эту схему Роза Люксембург объявляет ошибочной.

В 1847 — 1848 гг. Маркс считал буржуазию *революционной* и потому,— и *только* потому, — советовал пролетариату идти рядом с ней в ее борьбе со старым порядком. Но Маркс *ошибался.* Германская буржуазия не была революционной. Тем более ошибаемся мы, считая революционной российскую буржуазию. Так говорят нам. И так сказала т. Роза Люксембург. Но тут очень большое недоразумение. Маркс уже в сороковых годах не смотрел на германскую буржуазию, как на *революционный* класс. Вот вам доказательство. В полемике с К. Гейнценом он писал:

«Германии, как я уже показал это в своих «Немецко-Французских Летописях», не везет на особый, христианско-германский лад. Ее буржуазия явилась на сцену так поздно, что она начинает борьбу с абсолютизмом и стремится к завоеванию политической власти в такой момент, когда во всех развитых странах буржуазия уже ведет ожесточенную борьбу с рабочим классом и когда ее политические иллюзии уже пережиты в европейском сознании. В нашей стране, — где еще не уничтожена политическая гниль абсолютизма с его придатком полуфеодальных и сословных отношений, — отчасти уже существует, благодаря развитию промышленности и зависимости Германии от мирового рынка, новейшая противоположность между буржуазией и пролетариатом и вытекающая из нее борьба, о чем свидетельствует восстание рабочих в Силезии и Богемии. Таким образом немецкая буржуазия уже попала в антагонизм с пролетариатом прежде, чем она организовалась политически, как класс. Война между «подданными», наперекор всем Гамбахским песням, вспыхнула еще раньше, чем удалось разделаться с государями и дворянством. Чтобы объяснить

себе это полное противоречий положение, которое, разумеется, отражается и в немецкой литературе, г. Гейнцен не умеет придумать ничего лучшего, как свалить ответственность за него на своих противников и выставить его результатом контрреволюционной деятельности коммунистов. Между тем немецкие рабочие прекрасно знают, что абсолютизм ни на минуту не поколеблется и не может колебаться попотчевать их на службе буржуазии бичом и пулями. С какой же стати предпочли бы они грубый гнет абсолютного правительства, с его полуфеодальной обстановкой, непосредственному господству буржуазии? Рабочие прекрасно знают не только то, что буржуазия должна будет сделать им более значительные уступки, чем абсолютизм, но и то, что она против своей воли создает, в интересах собственной промышленности и торговли, почву для сплочения рабочего класса; сплочение же рабочих есть первое условие их победы. Рабочие знают, что уничтожение буржуазных имущественных отношений не достигается сохранением феодальных. Они знают, что революционное движение буржуазии против феодальных сословий и абсолютной монархии может лишь ускорить их собственное революционное движение. Они знают, что их собственная борьба против буржуазии может начаться лишь в тот день, когда победит буржуазия. И все-таки они вовсе не разделяют буржуазных иллюзий г. Гейнцена. Они могут и должны признать буржуазную революцию необходимым условием рабочей революции. Но и они не могут ни на одну секунду видеть в ней свою конечную цель».

394

Маркс смотрел на *германскую* буржуазию совершенно так, как смотрим *мы* на *российскую.* Он видел ее половинчатость и все-таки считал необходимым поддерживать ее в ее хотя бы и половинчатой борьбе со старым порядкам. Нам говорят: в то время германское рабочее движение было еще в зародыше. Положим. Но это, как известно. не помешало Марксу надеяться, что буржуазная революция в Германии послужит лишь *прологом — пролетарской.* Вы видите — *лишь прологом,* и все-таки надо поддерживать буржуазию. Так обстоит дело с так называемой схемой. Это вовсе не *схема,* а *метод,*— наш материалистический метод в его применении к политике. И Маркс

применял его не только к Германии. Вот что он говорит об Англии, где тогдашняя буржуазия уж, конечно, не была, по его мнению, революционной. «Что рабочие смотрят именно так, — продолжает он в споре с К. Гейнценом, — это блестяще доказали английские чартисты во время недавнего движения против хлебных законов. Ни одной минуты не верили они измышлениям и фантазиям буржуазных радикалов, ни на одну минуту не отказывались они от своей борьбы против них; но они вполне сознательно помогали своим врагам одержать победу над ториями; а на другой день после отмены хлебных законов на поле битвы стояли друг против друга уже не тории и фритредеры, а фритредеры и чартисты. И последние завоевали места в парламенте против буржуазных демократов».

Таков метод, — повторяю, метод, а не *схема,* — Маркса. Мы верны ему. Т. Роза Люксембург ему *изменяет.* Это жаль. Т. Абрамович назвал ее бланкисткой. Это не точно. Ее взгляды это все-таки марксизм, — бланкизм надо целиком оставить товарищам-большевикам. И это не «окаменелый» марксизм. Это марксизм *испарившийся,* улетучившийся в жару революционной фразеологии.

Т. Либер спросил т. Розу Люксембург, на каком стуле она сидит. Наивный вопрос! Т. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле. Она, подобно рафаэлевой мадонне, носится на облаках... отрадных мечтаний. *(Аплодисменты.)*

Нам говорят: вы делаете пролетариат орудием буржуазии. Это совсем не верно. *Мы делаем буржуазию орудием пролетариата.* Прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является демиургом нашей революционной действительности. Теперь он — главная сила. И это дает ему особые права, это налагает на него особые обязанности. Гегель говорит в своей «Философии историк», что народ, являющийся носителем великой исго-

рической идеи, может рассматривать все другие народы, как орудие для осуществления его великой цели; он может топтать их ногами и может употреблять их, как средства. Мы стоим не на национальной, а на классовой точке зрения. Но и мы думаем, что пролетариат, этот

носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всем *существующим* для своей великой цели. Он может, и он должен поступать так, ибо он был, есть и будет главным двигателем революции в настоящее время! *(Аплодисменты.)*

Речь о рабочем съезде

Товарищи! Мы разбираем сегодня поистине оригинальное «казусное» дело. Перед нами фигурирует в качестве подсудимой идея *рабочего съезда.* А судьей является съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Это политический парадокс, о происхождении которого очень стоило бы распространиться. К сожалению, у меня нет на это времени. Я вынужден ограничиться рассмотрением нескольких упреков, делаемых с разных сторон нашей уважаемой подсудимой. Ее обвинители говорят: она родилась во время упадка революционного движения. Вы, говорят нам, стремитесь и здесь встать на легальную почву. Хорош упрек! Я уже заметил в одной из своих предыдущих речей, что только анархисты могут ставить нам в вину это стремление опереться на закон. С нашей точки зрения закон, немного облегчающий движение рабочего класса, есть драгоценное завоевание этого класса, и мы не можем, мы не имеем права пренебрегать подобными завоеваниями. Аксельрод уже указал здесь на то, как Маркс и Энгельс дорожили возможностью найти законную опору для рабочего движения. Но к Марксу и Энгельсу редко возвращаются мыслью наши товарищи, а если возвращаются они к ним, то не всегда удачно, как это показывает пример т. Розы Люксембург. Я сошлюсь на писателя, ближе нам по времени, — на Каутского. Вот, что писал он нашему Стокгольмскому съезду о значении легальных организаций.

«Задачи современной русской социал-демократии, думается мне, имеют некоторое сходство с теми задачами, которые стояли перед нами, австрийскими социалистами, три десятилетия назад. Конечно, наряду с чертами сходства имеются налицо и отличия в ситуации. Но положение кажется мне сходным в том отношении, что и в Австрии 30 лет тому назад правительство делало невозможной какую бы то ни было политическую организацию пролетариата; а между тем

потребность проле-

тариата в такой организации была крайне настоятельна. Конспиративная организация не могла бы охватить масс, легальная — была невозможна. Что делать?

«Мы соединили конспиративную организацию с легальной. Товарищи основывали совершенно легально профессиональные союзы и больничные кассы. Но в членах этих организаций они старались воспитывать социал-демократический дух. Затем уполномоченные этих организаций начинали тайно собираться, и таким образом в каждом месте образовывался конспиративный коллектив, превращавший все легальные организации в органы единого политического организма, действовавшие единообразно и планомерно.

«Связь между отдельными местностями поддерживалась время от времени тайными съездами, непрерывно же — политическою еженедельною газетою. Газета эта была не только органом пропаганды, но и орудием организации. В каждом месте, где существовала партийная организация, редакция имела своего корреспондента, каковым состояло доверенное лицо, уполномоченное местными товарищами. Таким образом редакция центрального органа стала центральным пунктом, в который сходились все нити всей организации; редакция стала действительным руководителем партии. Ей была известна партийная жизнь всех отдельных местностей, она отовсюду получала сведения и справки, давала всюду своп указания. Такой политический организм, не нуждавшийся в особом тайном уставе, развивавшийся совершенно непринужденно, сам собою, оказался неприступным и неразрушимым и в то же время достаточно сильным для установления единства партийной политики по всей стране.

«Так, вопреки запрещению политической организации, был создан партийный организм, в котором были организованы массы. Легальная пресса и легальные экономические организации пролетариата были дополнены конспиративным аппаратом и таким образом использованы для образования партии».

Итак, если рабочий съезд явится новым шагом по пути легализации

рабочего движения, то бояться этого значит впадать в анархизм.

Далее. Нам кричат: «Ваша идея утопична. Вы собираете рабочий съезд, чтобы он помог вам изжить ваши фракционные распри». Это сказал т. Либер. Сегодняшняя речь т. Либера была, к сожалению, далеко не из лучших его речей. Если бы люди, с более или менее полным правом представляющие более сознательный слой пролетариата, пришли к менее сознательным слоям и сказали им: «Помирите нас! Прекратите наши распри!», то это, разумеется, было бы смешно и нелепо. Но дело обстоит

совсем не так: не за тем хотим мы созвать рабочий съезд. Для нас он будет лишь одним из проявлений *самодеятельности пролетариата.* Теперь, когда порвалась та цепь, которая сковывала в течение веков население Российской Империи, все зашевелилось, все пришло в движение. Собираются на съезды дворяне, собирается торгово-промышленная буржуазия. Почему же не собраться пролетариату? И почему нам не поставить на его обсуждение то, что Лассаль назвал идеей рабочего сословия? Будьте уверены, товарищи, что если встанет перед рабочим съездом эта идея, то он решит ее в социал-демократиче-ском смысле. И это будет огромным шагом вперед, одним из тех шагов, по поводу которых Маркс говорил, что каждый из них важнее целой дюжины программ. Но это-то как будто и пугает вас. Вы видите в рабочем съезде попытку разрушить нашу партию. У нее было много ошибок, но у нее гораздо больше заслуг, и она должна существовать в интересах дальнейшего развития пролетариата. Но она не должна мешать росту его самодеятельности, а ваша оппозиция рабочему съезду именно мешает этому развитию. Ваша резолюция говорит, что идею рабочего съезда можно обсуждать в органах партийной печати, но нельзя агитировать за нее в широких массах. Я прекрасно знаю, что так называемые опасные идеи «опасны» именно тогда, когда они распространяются в широких массах. Но социал-демократия не должна бояться широких масс. Манифест Коммунистической Партии говорит, что пролетариат не может выпрямиться, не может пошевелиться без того, чтобы не затрещала по всем швам вся возвышающаяся над ним общественная надстройка.

Неужели же наш пролетариат не может двинуться, не может пошевелиться без того, чтобы не перепугалась, не пришла в замешательство Российская Социал-Демо-кратическая *Рабочая* Партия?!

Это было бы слишком печально!.. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «МЫ И ОНИ»

Название этого сборника достаточно определяет собою, кажется мне, ту цель, ради которой я издаю речи, произнесенные мною на нашем последнем съезде: мне хочется дать читателю материал для выяснения разницы между взглядами так называемых *большевиков,* с одной стороны, и так называемых *меньшевиков* — с другой. Эта разница имеет лишь косвенное отношение к тем принципиальным разногласиям, которыми вызываются споры между марксистами и ревизионистами. Наши «меньшевики», которых иные, — мало вдумчивые или не вполне беспристрастные, — писатели уподобляют подчас «ревизионистам», в действительности относятся к «ревизионизму» с гораздо более полным отрицанием, нежели «большевики». Можно сказать даже, нимало не греша против истины, что между «большевиками» встречается гораздо больше людей, так или иначе склонных к «ревизионизму», нежели между «меньшевиками». Вот яркий пример. Поскольку писатели из лагеря «большевиков» касались философских тем, постольку все они оказывались *противниками материалистической философии основателей научного социализма.* В своем отрицательном отношении к материализму Маркса и Энгельса эти писатели вполне сходятся, например, с «ревизионистом» Конрадом Шмидтом, с которым я когда-то вел философскую полемику на страницах «Neue Zeit». Правда, они не одобряют кантианской точки зрения Конрада Шмидта. Но, во-первых *«пересмотр»* (Revision) учения Маркса не перестает быть *«пересмотром»* оттого, что его делают не во имя Канта, а во имя Маха или Авенариуса. Во-вторых, теория Маха или Авенариуса совсем не так чужда кантианства, как это могут думать люди, незнакомые с историей философских идей. В философском отношении теоретики нашего «большевизма» являются поэтому самыми несомненными

ревизионистами [1]). И все-таки необходимо признать, что

[1]) На эту черту в миросозерцании «большевиков» обыкновенно совсем не обращают внимания: не все ли, мол, равно, каковы *философские* взгляды *практических* деятелей? И нередко это действительно все равно. Очень многие люди так нелогичны, что характер их философских взглядов не имеет ничего общего с характером их практической деятельности. Но от этой

наши споры с ними ведутся в совершенно другой плоскости, нежели те, которые происходили и происходят между марксистами и ревизионистами западных стран. Тактические взгляды наших «большевиков», — а мы спорим с ними главным образом о тактике, — так же мало похожи на взгляды западных ревизионистов, как и на взгляды марксистов. Они напоминают собою, скорее, взгляды Бланки или Бакунина и его ближайших последователей. Я знаю, что такое уподобление кажется «большевикам» почти *умышленной* несправедливостью; но я делаю его с самым серьезным убеждением и нимало не увлекаясь при этом полемическим задором. Тактика наших «большевиков» в самом деле не имеет ничего общего даже с *«пересмотренным»* марксизмом, и, когда им указывают на это, они напрасно обижаются. По поводу неудовольствия, вызванного в известной среде «Ревизором», Гоголь напоминал когда-то своим противникам народную поговорку: нечего на зеркало пенять, коли и т. д. И эту же поговорку я позволю себе напомнить своим противникам из «большевистского» лагеря.

В чем заключается сходство между тактикой наших «большевиков» и тактическими приемами Бланки, Бакунина и прочих революционеров-утопистов? А вот в чем.

Как я сказал в речи, произнесенной мною в шестнадцатом заседании съезда, наши большевики делают тактическую ошибку, тождественную с логической ошибкой, называемой petitio principii. Они считают уже *достигнутой* народом ту ступень революционного сознания, на которую его еще *надо поднять* с помощью его собственного политического опыта [см. выше, стр. 388]. Но это как раз та самая ошибка, которую неизменно совершали в своих тактических расчетах все *революционеры-утописты* и которую до сих пор беспрестанно повторяют нынешние декаденты утопизма — *анархисты.*

Товарищ Карл Либкнехт в своей интересной книге «Militarismus und

Antimilitarismus» справедливо говорит об «анархических выступлениях»: «Конечно, в ходе развития классовой борьбы может наступить такое время, когда способ действий, рекомендуемый анархистами, окажется возможным и правильным. Но ошибка анархизма заключается не в абсолютной, а в относительной неприменимости пропагандируемою им способа действий, в той относительной неприменимости, которая

нелогичности факт не перестает быть фактом: нынешняя философская реакция против материализма все-таки представляет собою лишь теоретическое отражение борьбы буржуазии с революционными стремлениями пролетариата. На этот счет есть у Энгельса интересная страница.

обусловливается игнорированием данных общественных соотношений сил, при чем это игнорирование в свою очередь порождается отсутствием понимания исторической и общественной жизни. И если планы анархизма на более поздней стадии развития окажутся осуществимыми и правильными, то этим вовсе не оправдывается, а, напротив, осуждается анархическая тактика» (стр. 12). Это не в бровь, а в глаз нашим «большевикам». Со временем, когда политическое воспитание нашего народа будет *закончено,* их тактика может, пожалуй, оказаться применимой и плодотворной. Но в этом заключается не оправдание этой тактики, а именно ее осуждение: если она может быть хороша *только тогда,* когда *уже* закончится политическое воспитание народа, то ясно, что *не она* будет способствовать этому воспитанию; а между тем в нем-то и состоит важнейшая политическая задача нашего времени. Карл Либкнехт прибавляет далее, что за анархической тактикой надо признать, по крайней мере, *заслугу почина.* Я сильно сомневаюсь в этом: слишком уже велико неразумие названной тактики. Но как бы там ни было, а уже совсем несомненно то, что тактика наших «большевиков» плоха *именно в смысле почина.* О заслугах подобного рода надо судить, соображаясь с обстоятельствами времени и места. А эти обстоятельства в Германии совсем не таковы, как в России. Может быть, в Германии, где анархизм никогда не был господствующим течением, тактика анархистов в самом деле способна привести иногда того или другого социал-демократа к мысли о тех *новых* приемах

борьбы, которые подсказываются новыми условиями жизни. Не то у нас. По всему своему духу тактика наших «большевиков» представляет собою возврат к тем привычкам политической мысли, которые еще недавно безраздельно господствовали в нашей революционной среде и которые до сих пор преобладают между «социалистами-революционерами». Она *не родит ничего нового,* — за исключением разве анархо-синдикализма, — а только *воскрешает старое,* которое совсем изжило себя и от которого нашим революционерам давно пора отказаться в интересах своего дела.

Вот почему поддерживать тактику «большевиков» в ущерб тактике «меньшевиков» значит поддерживать утопизм на счет марксизма.

Возьмите хотя бы «мысль» т. Петра Ал. в «Сборнике первом» — объявить исполнительным комитетом нашу думскую левую. В шестнадцатом заседании съезда я объявил эту мысль одним из самых ярких образчиков «большевистского» непонимания дела. [См. выше, стр. 391]

В защиту т. Петра Ал. т. П. А — ский крикнул мне, — как я узнал потом от т. Мартова, — что я неверно цитирую. С формальной стороны

ото было, пожалуй, так. В цитату, сделанную мною на память, закралась некоторая неточность. Петр Ал. имел в виду, — как я это и написал теперь здесь несколькими строками выше, — *всю* нашу думскую *левую,* а я сказал в своей речи, что вышеуказанная мысль рекомендовалась им собственно нашей социал-демократической *фракции.* Но ведь эта обмолвка ничего, *ровнехонько ничего,* не изменяет: *мысль* т. Петра Ал. остается нелепой совсем независимо от того, кому именно он рекомендовал ее: одной ли нашей фракции, или же всей думской левой. Нелепой она должна быть признана именно потому, что она, — как говорит Карл Либкнехт об *анархической* тактике, — игнорировала данные общественные соотношения сил и свидетельствовала о полнейшем, изумительнейшем непонимании нашего тогдашнего положения. И заметьте: нелепость «мысли» Петра Ал. заключается, — опять, как у анархистов, — не в ее абсолютной, а в ее относительной неприменимости. В будущем может наступить такое время, когда окажется возможным, полезным и нужным

«выступление» вроде того, которое рекомендовал в начале 1907 года вниманию думской левой т. Петр Ал.[1]). Но — только в *будущем.* И именно поэтому «тактика» т. Петра Ал., предполагающая сделанным то, что еще нужно сделать, должна быть в настоящее время решительно осуждена всеми теми, которые хотят своей политической деятельностью способствовать скорейшему наступлению такого будущего.

В настоящее время «тактика» тов. Петра Ал. может встретить сочувствие только со стороны людей, питающих то отрадное, хотя и мало основательное, убеждение, что русский народ уже вполне готов к самым крайним «выступлениям». Но таких людей у нас было особенно много в ту пору, когда наше революционное движение совершалось под знаменем бакунизма.

После моей речи на Парижском международном съезде 1889 года старый Вильгельм Либкнехт подошел ко мне и, сочувственно пожав мне руку, сказал: «Я слушал вас с большим удовольствием. Вы первый русский, не старающийся уверить нас, людей Запада, в том, что в России все готово для революции. Со времен Бакунина я постоянно слышал, что там «все готово», и удивлялся только тому, что революция все-таки

[1]) Я говорю *«вроде того, которое»* и проч., потому что мне все-таки остается совершенно непонятным, при чем тут «исполнительный комитет». Надо полагать, что, в качестве революционера, Петр Ал. просто захотел «не уважить» партии Народной Воли: у нас, мол, тоже будет исполнительный комитет!

заставляет себя так долго ждать». Тактика «большевиков», — получившая такое яркое выражение в «мысли», удостоившейся одобрения т. Петра Ал., — только возвращает нас к бакунинскому «вспышкопускательству». В смысле возвращения к этой тактике ей в самом деле принадлежит заслуга почина, потому что вся наша социал-демократическая литература, от первых изданий группы «Освобождение Труда» до «Зари» и «старой» «Искры» включительно, проповедовала совсем другие тактические взгляды. Но ведь это *чисто отрицательная заслуга.*

Как я уже сказал на съезде и как я повторил это здесь, в основе всей тактики «большевиков» лежит утопическая уверенность в том,

что народ уже достиг той ступени политического развития, которая на самом деле только еще должна быть достигнута в более или менее близком будущем. Иначе сказать, «большевики» предполагают уже решенною ту политическую задачу, в решении которой и должно обнаружиться наше политическое искусство. До какой степени это верно, читатель мог еще недавно видеть из тех доводов, которые приводились «большевиками» *против,* — это не описка; я написал именно то, что хотел написать, т. е. *против,* — бойкота третьей Думы. Теперь бойкот излишен, — говорили они, — так как теперь уже разрушены конституционные иллюзии народа. Я оставляю в стороне вопрос о том, насколько бойкот первой Думы мог содействовать такому разрушению, и обращаю внимание читателя только на ту психологию, которая обнаруживается в этой аргументации против бойкота. Мы видим тут *лишь новое выражение старой, утопической уверенности в том, что задача, подлежащая решению, уже решена:* «конституционные иллюзии» уже разрушены и, следовательно, в России опять «все готово», так что остается лишь подумать о «решительном выступлении». И такой утопизм обнаруживают в среде «большевиков» даже противники бойкота, т. е. люди, хотя бы только случайно делающие правильный шаг. О бойкотистах же нечего и говорить: их психология решительно ничем не отличается от психологии «социалистов-революционеров».

Так как задача, подлежащая решению, считается уже решенною, то «большевику» естественно не остается думать ни о чем другом, кроме «решительного выступления». В «решительном выступлении» — альфа и омега «большевистской» тактики. Вне его они ровно ничего не видят.

В шестнадцатом заседании съезда т. Мешковский, говоривший сейчас же после меня, с ехидной улыбкой заметил, что, вопреки моим

утверждениям, «большевики» ничего не говорят теперь о вооруженном восстании.

Тов. Мешковский наивно думал, что этим доводом он разрушил всю мою аргументацию. И так, по-видимому, думали все другие «большевики». Но замечание тов. Мешковского было, во-первых, не совсем

точно фактически. Один из московских «большевиков» категорически заявил, — если память мне не изменяет, в одном из многочисленных заседаний, посвященных нами спорам о порядке дня, — что, так как движение народа уже достигло теперь той ступени, на которой он оказывается *вынужденным* прибегнуть к вооруженному восстанию, то мы обязаны прийти к нему на помощь в этом деле. Что это, если не та знаменитая «техническая подготовка к вооруженному восстанию», которую так настойчиво рекомендовали нам в Стокгольме товарищи Винтер и Орловский?

А кроме того, я прошу т. Мешковского принять в соображение вот что. Во всяком способе действий и во всяком образе мыслей должна быть своя логика; если тактика «большевиков» всецело приспособлена к решительному «выступлению» и если это «выступление» даже «большевики» признают теперь, по той или по другой причине, невозможным, то ясно, что вся эта тактика должна быть признана несоответствующей нынешнему положению дел. Защищать же эту тактику указанием на то, что сами ее сторонники не решаются говорить теперь о «решительном выступлении» (вооруженном восстании), т. е. о том, что составляет ее душу и что одно придает ей некоторый смысл, — значит совершать смертный грех против логики и попадать в безвыходные противоречия.

В такие противоречия и попали на Лондонском съезде единомышленники т. Мешковского. Вот яркий пример. Они не только осудили идею рабочего съезда, но и вообще обнаружили крайнее недоверие к пролетарскому движению. В своем первоначальном проекте резолюции о рабочем съезде они признали *«допустимым»* участие членов нашей партии в широких непартийных рабочих организациях. Не *необходимым и желательным,* а только *допустимым!* Это могло бы показаться совершенно невероятным и совершенно непростительным с точки зрения социал-демократа, — все надежды которого всегда должны приурочиваться к широкому массовому движению, — если бы мы не знали, что проект резолюции о рабочем съезде был выработан людьми, все помыслы которых в течение двух — трех последних лет сосредоточивались на «решительном выступлении». Решительное выступление предполагает, как мы знаем,

что народ уже достиг очень высокой ступени революционного

сознания; а если народ уже достиг такой ступени, то руководители его движения могут уже не развлекать своего внимания и не разбивать своих усилий участием в беспартийных рабочих организациях.

Конечно, в известных случаях такое участие все-таки может оказаться полезным; поэтому его нужно *допустить.* Настоятельной же необходимости в нем нет, и поэтому можно и должно *ограничиться признанием его допустимости.* Как видим, тут в самом деле есть своя логика. Одна ошибка логически ведет за собой другую: люди, считающие уже решенной ту задачу, которую только еще надлежит решить, не могут не пренебрегать тем средством, которое вместе с другими средствами воздействия на массу, должно вести к ее решению. Кто говорит *А,* тот должен сказать также и *Б*, гласит немецкая поговорка.

Если же кто-нибудь находит, что говорить *А* не следует, тогда ему незачем говорить и *Б.* «Большевики», если верить т. Мешковскому, we находят теперь нужным говорить *А* и даже удивляются, когда им напоминают об этой букве. Но если это так, то совершенно непонятно, зачем они, в резолюции о рабочем съезде, оказали *Б;* зачем они поставили себя в такое отношение к широким рабочим организациям, которое могло бы быть понятным только со стороны заговорщиков, убежденных в том, что пришла пора «решительного выступления» [1]).

Не трудно было бы показать, что и все остальные тактические ошибки «большевиков» естественно вытекают из указанной мною выше основной их ошибки. Но это была бы целая работа, за которую я не могу взяться в этом предисловии. Остановлюсь только на отношении «большевиков» к буржуазным партиям и к «ответственному министерству».

Если предположить, что уже исчезли все те предрассудки народа, которые мешают ему разорвать сковывающие его цепи рабства; если проникнуться тем убеждением, что совсем уже близко время диктатуры «пролетариата и крестьянства», то станет ясным, что социальная демократия не может относиться к «партии народной свободы» иначе, как *отрицательно:* ведь кадеты, по необходимости, — в силу инстинкта самосохранения представляемых ими классов, —

примкнут тогда к *«реакционной массе»* и будут всеми силами поддерживать правительство.

---

[1]) На съезде проект резолюции о рабочем съезде изменен был, между прочим, в том смысле, что слово: *допустимо* заменили словом *желательно.* Разумеется, это было сделано по настоянию «меньшевиков».

Стало быть, достаточно допустить, что задача уже решена, чтобы вполне и сознательно одобрить резолюцию, принятую на нашем последнем съезде да вопросу об отношении к буржуазным партиям. Но как должен смотреть на эту резолюцию человек, понимающий, что задача не решена, а только еще ждет от нас своего решения? Если этот человек способен думать логично, то он скажет, что ход развития нашей общественной жизни еще не поставил наших либералов за одну скобку с реакционерами; что между теми и другими еще неизбежна борьба и что партия пролетариата *обязана* воспользоваться этой неизбежной борьбой в интересах своего собственного дела. А именно это и говорят «меньшевики», и именно потому, что они говорят это, они осуждают лондонскую резолюцию об отношении к буржуазным партиям, *как несвоевременную и потому несостоятельную.*

На недавнем Штутгартском международном съезде мне пришлось беседовать с одним русским рабочим делегатом, придерживающимся «большевистского» образа мыслей. «Я не понимаю, как *могут* социал-демократы входить в соглашения с кадетами, — сказал он мне; - в нашем городе к кадетской партии принадлежат многие предприниматели, а ведь интересы предпринимателей противоположны интересам рабочих». Я отвечал ему: «У вас два врага. Разумная тактика требует от вас, чтобы вы сначала сосредоточили свои силы на одном из них и, разбив его, устремились на другого. Так всегда поступал великий мастер в деле решения тактических задач, Наполеон I. На кого же вы должны напасть прежде? Очевидно, на правительство. Сосредоточивайте же против него свои силы. Но правительство,— этот враг, который прежде других должен быть разбит вами, — встречает, и до поры до времени будет встречать, противодействие со стороны кадетов. Это значит, что ваши враги пока ссорятся и между собою. Разумная тактика требует от вас, чтобы вы, сосредоточивая свои силы против правительства, использовали в интересах *революции* ту

оппозицию, которую пока еще делает ему — «партия народной свободы». А вы боитесь этого, как измены; вопреки здравому смыслу, вы стараетесь помирить друг с другом ваших, пока еще ссорящихся между собою, врагов и потому, воображая себя верными хранителями революционных принципов, вы наносите серьезный вред революции». Мой собеседник ничего не возразил мне на это. Но мне показалось, что он не без удивления услыхал о возможности существования такой точки зрения, которая, отнюдь не переставая быть революционной, позволяет вместе с тем видеть новые сто-

роны вопроса, остающиеся совершенно недоступными для прямолинейной логики «большевизма».

Когда мы говорим о соглашении нашей партии, например, с кадетами, то нас часто понимают в том смысле, что мы обнаруживаем желание послужить буржуазии силами пролетариата. Но это — совершеннейший вздор, показывающий, насколько мало понимают наши критики как нас, так и все современное положение дел в России. На самом деле речь может идти, наоборот, только о том, чтобы заставить буржуазную оппозицию послужить революционным целям пролетариата.

Временные союзники рабочего класса должны быть его орудиями в деле разрушения старого порядка. А на *орудия* нельзя смотреть иначе, как с *точки зрения их соответствия цели.* Но вопрос об отношении к буржуазным партиям реже всего рассматривается у нас с точки зрения целесообразности; его подают обыкновенно под соусом нравственного негодования на то, что буржуа — не пролетарии и кадеты — не революционеры.

По вопросу об отношении к буржуазным партиям существует разногласие не только между нами и «большевиками», но также и между нами и, например, Парвусом или Розой Люксембург. Таких людей, как Парвус или Люксембург, нельзя не отнести к числу несомненных марксистов. И все-таки они расходятся с нами, тоже стоящими на точке зрения марксизма. Эти споры между марксистами вызывают иногда скептические хихиканья насчет самого марксизма. Однако подобные хихиканья не имеют под собой никакого серьезного основания. *Мар-*

ксизм есть безошибочный метод исследования общественных явлений. Но этим методом пользуются *люди,* а *людям свойственно ошибаться.* То, что говорила на нашем съезде Роза Люксембург об отношении к буржуазным партиям, является одним из ярких и поучительных образчиков *ошибочного применения безошибочного метода.* Только и всего [1]).

[1]) О Розе Люксембург надо, впрочем, заметить, что она в своих суждениях ошибается подчас не потому, что она *плохо пользуется методом Маркса,* потому, что ей случается *вовсе отказываться* от методического мышления и руководствоваться в своих суждениях простыми аффектами. На Маннгеймском съезде германской партии она объявила анархо-социалистов *оппозицией слева.* После этого нельзя удивляться и тому, что она считает позицию «большевиков» *левой* сравнительно с нашей. К *марксизму подобные* приговоры не имеют никакого логического отношения. Известно, что буржуазные историки Интернационала до сих пор считают тактику Бакунина *более* левой, нежели тактика Маркса.

Большая цитата [см. выше, стр. 393] приведенная мною в короткой речи, посвященной этому предмету [1]), окончательно решает вопрос о том, как взглянул бы на этот предмет сам Маркс. Маркс был убежден, что буржуазная революция в Германии послужит непосредственным прологом революции пролетариата. Он смотрел тогда на будущее Германии почти так, как еще недавно смотрел у нас Парвус на будущее России. Но его взгляд на отношение к буржуазным партиям был очень далек от взгляда Парвуса. В вопросе об отношении к этим партиям Маркс оказывается *чистейшим «меньшевиком»* avant le mot. И это полезно запомнить тем, которые склонны подозревать «меньшевиков» в ревизионизме.

Известно, что Бакунин отрицательно относился к требованиям *реформ,* опасаясь, что реформы помешают *революции.* Совершенно такую же утопическую боязнь реформ проявили на съезде наши «большевики». Почему они отказались сделать своим требование *ответственного министерства?* Потому, что они баялись, как бы эта существенно важная реформа не задержала хода революции. Они так и сказали это. И это опять было бы совершенно непонятной нелепостью, если бы эта нелепость опять не делалась понятной ввиду уже много раз указанной мною коренной их ошибки. Если задача, подлежащая решению, уже решена; если все «готово» для *революции,* то нецелесообразно заниматься *реформами:* они могут ослабить силу непосредственно предстоящего революционного взрыва. Но тов.

Мешковский уверял нас, что «большевики» ничего не говорят теперь о непосредственно предстоящем взрыве, т. е. о вооруженном восстании. Это, очевидно, могло бы произойти *только* потому, что еще не все «готово». А если еще не все «готово» для революции, то чему же помешает реформа? Поди, пойми! Отрицательное отношение к ответственному министерству, являющееся настоящей услугой безответственному Столыпину, составляет одно из тех противоречий, в которых беспомощно путаются «большевики».

Я пишу это предисловие в деревне, где я лишен возможности справиться в источниках, верен ли тот *факт* из жизни Робеспьера, о котором я упомянул в шестнадцатом заседании и который оспаривался «большевиками». Но дело, конечно, не в единичном факте, а в общем характере

---

[1]) Плохое состояние здоровья ни разу не позволило мне на этом съезде *выступить с докладом.* Я мог только *участвовать в прениях,* при чем мое время было каждый раз ограничено 15 минутами. Только в шестнадцатом заседании я говорил больше часу, так как съезд имел исключительную любезность целых три раза «продолжать» мое время.

деятельности знаменитого французского революционера. Что же касается ее общего характера, то всякий, знакомый с нею, согласится признать, что Робеспьер принадлежал к числу тех даровитых политиков, которые всем существом своим понимают, что не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание [см. выше, стр. 389]. «Лозунги», заслуживавшие одобрения Робеспьера, всегда были такими «лозунгами», которые представляли собою *логический вывод из пережитого народом революционного опыта.* Как и все истинные революционеры, Робеспьер предпочитал *дело слову* [1]*).* А вот наши *твердокаменные* прежде всего дорожат *словом* и с этой стороны очень напоминают мне раскольничьих ревнителей «древлего благочестия». На Лондонском съезде я, беседуя с одним из большевистских делегатов от Урала, спросил его: «Скажите, пожалуйста, неужели население уральских заводов в самом деле требует Учредительного Собрания?» — «Не то, чтобы Учредительного Собрания, — ответил он мне, — а такой Думы, которой никто не смел бы разогнать и которая могла бы сделать все, что она захочет». Этому очень легко поверить. Но ведь такая Дума и есть *полновластная Дума,*

предложенная мною в качестве избирательной платформы. «Большевики» отказываются от «полновластной Думы» единственно потому, что в вопросах агитации они видят *прежде всего слова* и, к сожалению, *только слова.* Они забывают, — а этого никогда не забывал Робеспьер, — что

В начале дело было!

Хотелось мне сказать несколько прочувствованных слов и насчет принятой на Лондонском съезде резолюции об отношении партии к профессиональным союзам. Но у меня нет места. А кроме того эта резолюция утратила всякое практическое значение ввиду резолюции, недавно принятой в Штутгарте с моей поправкой.

P. S. В приложении я помещаю резолюцию Московского окружного комитета, наделавшую столько шуму в шестнадцатом заседании. Читатель увидит, можно ли отнести ее к булыгинской Думе. «Большевики» сами себя не узнали. Это совсем плохой признак!

P. P. S. Излишне прибавлять, что совершенно неоснователен упрек в синдикализме, кинутый в шестнадцатом заседании т. Хрусталеву

[1]) В своих записках г-жа Ролан обвиняет его в скептическом отношении к республиканской идее. Надо думать, что Робеспьер просто не хотел раньше времени произносить слово: республика.

«большевиками», обидевшимися на меня за указание на родство их взглядов со взглядами *синдикалистов.* [См. выше, стр. 391.] В деятельности т. Хрусталева не было ничего похожего на синдикализм. А что между «большевизмом» и синдикализмом, или анархо-социалиэмом, есть много общего, это доказывается нередкими теперь случаями перехода «большевиков» в ряды анархистов,

СТАТЬИ 1908 ГОДА

Заметки публициста

Как известно, «умеренно-правые» крестьянские депутаты выработали и представили председателю Государственной Думы свой собственный проект земельной реформы. Наибольшего внимания заслуживает в нем, во-первых, следующее место:

«А. Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы

каждым гражданин Российской Империи, обрабатывающий или желающий обрабатывать землю личным, но не наемным трудом, получил бы надел, соответствующий потребительным нуждам его семьи, через передачу для этой цели в законодательном порядке земель государственных, удельных, кабинетских и монастырских бесплатно, а также по справедливой оценке земель частновладельческих, отдающихся в аренду как крестьянским обществам, так и отдельным лицам, или обрабатываемых за часть урожая».

Гони природу в дверь, она влетит в окно! Первая Дума была разогнана за то, что она требовала обязательного отчуждения частновладельческих земель. Но то была «крамольная», анти-правительственная Дума. Государственный переворот 3 июня дал возможность правительству обеспечить себе, наконец, послушное, почти раболепное думское большинство, найти, наконец, свою «Chambre introuvable». И вот, когда дело «порядка», торжествует, а «крамола» все более и более загоняется в «подполье», из среды «умеренно-правых» депутатов, тех депутатов, от которых правительство, казалось, не могло ожидать себе ничего, кроме удовольствия, раздается крестьянский голос: «Мы требуем принудительного отчуждения». Выходит, что, в какие «охранительные» партии ни заманивай крестьянина, он, — подобно волку, о котором говорит пословица и который, как известно, «все в лес смотрит», — все думает о земле. И с этим, очевидно, ничего не поделаешь, по крайней мере в настоящее время, при нынешних наших условиях. Гони природу в дверь, она влетит в окно!

Правда, крестьянский голос, неожиданно испортивший «торжество победителей», старается звучать по возможности мягко. «Умеренно правые» крестьяне, выдвинувшие требование принудительного отчуждения, очевидно, совсем не расположены «зря пужать господ»: на то они и «умеренно-правые». Но, во-первых, дело не в *форме* требования, а в его *содержании.* Во-вторых, даже со стороны формы *«умеренно* правые» *крестьяне* оставляют много желать с точки зрения «умеренно — и просто правых» *землевладельцев.* В первом заседании

земельной комиссии, образованной при крестьянской беспартийной группе, когда *«правый»* крестьянин Рубцов высказался *против* принудительного отчуждения, мотивируя это опасением нового разгона Думы, *умеренно* правый крестьянин Амосенок возразил: «Мы не грабить хотим, не разбойничать; мы хотим только, чтобы крестьянам было предоставлено право покупать по справедливой оценке землю, а помещики были заставлены Думой продавать ее». Это, как две капли воды, похоже на кадетскую аргументацию. Но это еще не все. Хуже всего то,— конечно, с той же помещичьей точки зрения, — что земельный проект умеренно-правых крестьянских депутатов оправдывает справедливость немецкой пословицы: Wer *A* sagt, muss auch *B* sagen» (кто говорит *А,* тот должен также сказать *Б*). Требование принудительного отчуждения дополняется в нем, между прочим, следующим требованием:

«Г. Для подготовительных действий к земельной реформе надлежит издать закон об избрании местных сельских, волостных, уездных и губернских собраний на основе равного для всех сословий и классов избирательного права, которые должны:

«1. Организовать свободное и широкое, при участии всего населения, обсуждение общих оснований и всех подробностей аграрной реформы».

Подумайте только: равное для всех сословий и классов избирательное право! Широкое и свободное обсуждение! Положим, что и то, и другое пока *только* «для подготовительных действий к земельном реформе», но как бы там ни было, а факт тот, что требование принудительного отчуждения выводит и не может не выводить «умеренно-правых» крестьян *также и на путь политических* требований. Теперь эти требования пока еще узки и наивны: люди, их выставившие, еще не понимают, что нельзя добиться свободы обсуждения земельной реформы, не добившись вообще свободы устного и печатного слова: они еще не подозревают, что нельзя требовать всеобщего избирательного права для собраний, которые осуществляли бы эту реформу, и в то

же время принадлежать к партии, одобряющей coup d'état 3 июня; наконец, плохо соображают они и насчет того, что смешно

предъявлять требование принудительного отчуждения такой Думе, в которой большинство состоит из «зубров» или из их прислужников. Но лиха беда начать. «Умеренно-правые» крестьяне выступили на путь, ведущий сначала к *оппозиции,* а потом и к *революционному способу действий.*

Нельзя сомневаться в том, что *правительство,* выражающее и отстаивающее прежде всего помещичьи интересы, сделает все, от него зависящее, чтобы удержать крестьян на этом пути и способствовать росту их политического сознания. Но, к сожалению, нельзя быть вполне уверенным в том, что *революционные партии,* с своей стороны, окажут им в этом случае надлежащее содействие.

Тут мы опять лицом к лицу сталкиваемся со старым, но все еще новым вопросом о нашей тактике и о нашей бестактности. Опыт предыдущих лет показал, что революционные партии еще не умеют приобрести все то влияние на крестьянскую массу, — я говорю именно о массе крестьянства, а не о некоторых его слоях, — которое они могли бы и должны были бы приобрести. Почему же не умеют? На это я, нимало не колеблясь, отвечаю: главным образом потому, что, будучи партиями, в которых тон задается *революционной интеллигенцией,* они во всех своих приемах борьбы, во всех своих выступлениях и заявлениях считаются преимущественно, если не исключительно, с *психологией революционной интеллигенции.* Психология массы, — особенно *крестьянской,* — плохо известна им, а потому и мало принимается ими в соображение.

Говоря это, я прекрасно знаю, что я опять рискую навлечь на себя громы наших партийных публицистов, которые всегда стараются уверить себя и других в том, что в наших рядах все обстоит благополучно. Но я никогда не боялся этих *громов «не из тучи».* Поэтому я повторяю: влияние революционных партий на народную массу гораздо слабее, чем оно могло бы быть в настоящее время, и это главным образом потому, что они считаются почти исключительно с психологией революционной интеллигенции, а не с психологией этой массы.

Чтобы не ходить далеко за примером, я укажу на отношение этих партий к первой Думе. Почему *бойкотировались* выборы в нее? Потому что интеллигенция, господствовавшая в революционных партиях, при-

писывала народу свои собственные политические взгляды и свое собственное политическое настроение. Само собой понятно, что ее ошибка. Наиболее ярко обнаруживалась в речах и статьях наименее умных ее

представителей. Так, доказывая необходимость бойкота первой Думы, П. Орловский утверждал, что народ требовал созыва Учредительного *Собрания,* а правительство «ответило» ему на это требование *Думой.* Но это была огромная неправда: народ не требовал Учредительного Собрания. Конечно, огромная неправда П. Орловского была неправдой неумышленной. Но этим не уменьшился вред, принесенный ею революционному делу. А мало ли было тогда в среде нашей интеллигенции публицистов и агитаторов, повторявших,— хотя, может быть, и не в такой *яркой* форме, — ошибку П. Орловского.

Если я вспомнил об этом теперь, то вовсе не затем, чтобы доходить нашу революционную интеллигенцию ее старыми ошибками, а затем, чтобы по возможности предохранить ее от новых. Теперь, более чем когда бы то ни было, нам необходимо выяснить себе политическое настроение народной массы для того, чтобы сообразоваться с ним в наших попытках политического воздействия на него.

Перед созывам первой Думы наше крестьянство не *требовало Учредительного Собрания, но не было и против его созыва:* оно просто-напросто не имело о таком Собрании ни малейшего понятия по той простой причине, что не изучало истории Великой французской революции. Оно вообще очень мало задумывалось тогда о *политике;* все его внимание было сосредоточено на *земельном вопросе.* Псковский корреспондент Вольно-Экономического Общества пишет, что манифест 17 октября вызвал в деревне чувство разочарования: «Все про свободы какие-то, чтобы, значит, жид или там татарин мог молиться свободно. Ах ты, волк его заешь! стоило для этого манифест писать. Мы думали, нам земли прибавят, а тут на — поди! И чего это господа радуются — оголтели. Свобода! Мы и так не крепостные!» Затем народ стал «понемногу раскачиваться» под влиянием митингов, которые устраивались — как бы вы думали, кем? — покойным графом

П. Гейденом. Но и «раскачавшись», народ продолжал оставаться слепым в политических вопросах. Его поле зрения по-прежнему ограничивалось *чисто экономическими* вопросами, и он, «для первого начала», решил «бастовать лес»[1]).

Мне окажут, что те митинги, которые устраивались гр. Гейденом, и не могли содействовать широкому развитию политических взглядов крестьянства. Но в том-то и дело, что митинги вообще не *создают*

[1]) См. второй том соч. *П. П. Маслова,* Аграрный вопрос, стр. 237. В этом томе собрано множество драгоценнейших данных по интересующему МЕНЯ здесь предмету.

настроения, а только *формируют* его, *приводят его в ясность;* когда речь митингового оратора не соответствует настроению слушателей, то нет ничего удивительного, если происходят сцены, подобные той, которая имела место в д. Килилей Нижегородского уезда, где крестьяне с кулаками приставали к социал-демократическому оратору, спрашивая: «А ты окажи, нужен царь или нет?» [1]) И такие сцены могли произойти и происходили тогда не только в д. Килилей и не только в Нижегородском уезде. Когда начались разгромы помещичьих усадеб, когда запылали старые, насиженные «дворянские гнезда», наша революционная интеллигенция вообразила, что давно желанный ею час, наконец, пришел, что настроение крестьянства совпало, наконец, с ее собственным. Но на самом деле до давно желанного ею часа было еще далеко. В Тамбовской губернии говорили, например: «Царь уже давно велел помещикам отдать землю крестьянам, но они все медлят, и вот-де царь теперь дал тайный приказ крестьянам самим ее брать от помещиков» [2]). Сообразно с этим крестьяне во многих местах и мысли не допускали о том, что царские солдаты станут в них стрелять. Когда «власти грозили им солдатскими пулями, они отвечали: «Брешешь!» «стрелять не смеешь», «царь не велел!» и т. д. [3]) В *подобном* политическом настроении не было ничего общего с настроением революционной интеллигенции. Но революционная интеллигенция этого не поняла, и это ее непонимание явилось главнейшим источником всех ее тактических заблуждений, той основной политической ее ошибкой, из которой, как ветви из древесного ствола, выходили все ее второстепенные и

третьестепенные политические ошибки.

Если бы она видела, что настроение народа страшно далеко отстало от ее собственного настроения, то она направила бы все свои усилия на то, чтобы, как можно больше и как можно скорее, выяснить крестьянству, какая тесная связь существует между его экономическими требованиями, с одной стороны, и политическими требованиями революционных партий — с другой. Но она вообразила, что эта связь уже *ясна* крестьянству и что поэтому революционерам остается только предложить народу свои политические «лозунги» и «платформы». Это собственно и делали митинговые революционные ораторы. Я уже ска-

[1]) Там же, стр. 240.
[2]) Там же, стр. 250.
[3]) Там же, стр. 110, 111, 113, 114. Интересно, что в некоторых случаях подобная уверенность поддерживалась в крестьянах *запасными сол-*

зал, что местами крестьянство готово было кулаками отстаивать свои собственные старые политические верования. Но тут было, по крайней мере, ясно, что между революционными ораторами и их слушателями *нет* взаимного понимания. Гораздо хуже было то, что местами крестьяне принимали самые крайние «лозунги» и «платформы», не отдавая себе никакого или почти никакого отчета в том, что они означают. Я говорю: *гораздо хуже,* потому что именно эти-то случаи и подчеркивали то заблуждение насчет политической мысли крестьянства, к которому и без того так предрасположена была наша интеллигенция: эта последняя принимала за *сочувствие* к ее политическим требованиям то, что на самом деле означало только *непонимание* крестьянством *значения этих требований.*

Не помню, у кого из наших историков, — кажется, у Соловьева,— я читал, что когда в так называемое Смутное время, началось движение, связываемое теперь с именем Минина, казанские татары, вступив в сношения с населением, соседних городов, заявили во всеуслышание, что они тоже готовы постоять за русскую землю и «за дом пресвятые богородицы». Нечего и говорить, что в христианство эти татары не перешли и переходить не собирались. Почему же обещали они стоять за христианскую богородицу? Это очень просто: татары, как и

соседнее с ними русское население, страдали от тогдашних неурядиц, от того, что нас, по выражению летописца у гр. А. Толстого, паки и паки били поляки и козаки, козаки и поляки. И чтобы закончить *с* неурядицами, татары готовы были вместе со своими русскими соседями идти против «поляков и козаков, козаков и поляков». Им нужно было избавиться от набегов и разбоев, а до «дома пресвятые богородицы» им не было ни малейшего дела, и если они вставили его в свою «грамоту», то единственно, как риторическое украшение, смысл которого оставался для них совершенно недоступным. Приблизительно такова же была психология крестьян, принимавших крайние политические требования революционных ораторов: им нужна была земля и за нее они в самом деле готовы были постоять по мере сил и возможности, и когда они поддерживали требование земли, они как нельзя лучше знали, что означает *это* требование. А что касается до сопровождавшей это требование политической программы, то она была для них тем же, чем был для казанских татар Смутного времени «дом пресвятые богородицы»: непонятным риторическим украшением. И кто, по их мнению, мог дать им землю, с тем они и готовы были идти. Оттого и выходило, что из-за той же самой «землицы» на Волыни крестьяне братались с реак-

ционерами, а где-нибудь на Волге готовы были брататься с крайними левыми.

Мне укажут много таких случаев, где крестьянское население вовсе не было равнодушно к политике и где оно сознательно увлекалось политическими требованиями революционеров; я спарить и прекословить не буду. Мне также известны подобные случаи. Но все на свете относительно. Таких случаев было вполне достаточно для того, чтобы поразить воображение революционной интеллигенции, но далеко и далеко не достаточно для того, чтобы их можно было, не обманывая себя, считать показателями *массового крестьянского настроения.* Это были исключения и притом такие, наличность которых подтверждает правило.

Возьмите хоть знаменитый «крестьянский союз». Никто не станет оспаривать, что в него вошли крестьяне, наиболее подготовленные к

пониманию крайних политических программ. На втором съезде этого союза было постановлено, что «установить законодательным путем прочное, справедливое и согласное с волей народа земельное устройство должно Учредительное Собрание, созванное для составления основных законов государства». Можно было бы предположить, что, по крайней мере, члены этого союза сходились в своих политических взглядах с крайними партиями. Но и это не так. Вот, например, на первом съезде того же союза представитель Владимирской губернии говорил: «Земля в народном сознании божий дар, как воздух и вода. Ее должен получить тот, кто ею нуждается. Сколько нужно, столько и получай. Крестьяне на земле, дворяне при дворе; у них земля только придаток. За землю их отнюдь не надо вознаграждать». Вдумайтесь в эти слова. В них рядом с крайним экономическим требованием, — экспроприация помещиков без выкупа, — выражается чрезвычайно характерное политическое представление: «крестьяне на земле, дворяне при дворе», — совсем так, как было в *Московской Руси: в* столице царь; у царя двор; при дворе дворяне, а на земле крестьяне. Замечательно, что и насчет земли в идеале этого, несомненно, крайнего крестьянина дело обстояло совершенно так, как обстояло оно в доброе, старое-престарое время: земли так много, что каждый получает, сколько ему нужно, или, как выражались в старину: куда *его соха, коса и топор* ходит. Наши эсеры очень грешат по части идеализации наших старых «устоев». Но и у них идеализация ограничивается *экономическими* устоями, а насчет *царя в столице,* двора *при царе и* дворян *при* дворе они, само собою разумеется, тоже не сошлись бы с владимирским делегатом «кре-

стьянского союза». Но ведь это-то и значит, что политический язык интеллигенции оставался непонятным крестьянству. А я только это и говорю.

Что политическое настроение крестьянства было именно таково, каким я его изображаю, ясно показала непродолжительная, но печальная история нашего народного представительства. Члены Государственной Думы едут в Петербург. Их провожают восторженные

клики народа. «Поддержите нас», говорят, обращаясь к нему, отъезжающие депутаты. «Мы вас поддержим, — гремит народ, — мы за вас грудью постоим». Депутаты собираются в Таврическом дворце, куда почтальоны и телеграфисты не перестают носить им приветствия, наказы и уверения в полном сочувствии народа. Депутаты на седьмом небе. Но вот их разгоняют, а *народ безмолвствует,* как у Пушкина в «Борисе Годунове». Что же это такое? Глава из истории города Глупова? Нет, это просто колоссальное недоразумение: отправляясь в Петербург, депутаты были убеждены, что народное сочувствие *послужит для них* источником силы. А народ провожал их с восторженным сочувствием именно потому, что считал *их* той силой, которая *ему поможет* оправиться со своими врагами. Оттого-то он и «безмолвствовал», когда их разогнали, Он пришел в недоумение.

Его безмолвное недоумение вызвало не мало разочарований в среде наших более или менее передовых политических деятелей. Но его *можно* было предвидеть и его *должно* было предвидеть. И кто *предвидел* бы его, тот не впал бы в *уныние* от того, что оправдалось его предвидение. Он только постарался бы сделать так, чтобы оно оправдалось в возможно более *слабой* степени. Иначе сказать: он употребил бы все усилия для того, чтобы рассеять колоссальное недоразумение между народом и его представителями, чтобы внести в крестьянские головы свет настоящего политического сознания. А что это было возможно, за это ручались те самые исключения из общего правила, о которых я упоминал выше. Я сказал, что эти исключения подтверждали правило. Но они *не только* подтверждали его. Они указывали также на то, что в *будущем* правило может измениться и что< уже находятся налицо те условия, которые необходимо должны будут привести к его изменению. Задача всех врагов существующего политического порядка в том и заключалась, чтобы как можно лучше использовать эти. условия. Но они были использованы лишь в очень слабой мере.

Прежде чем разъяснить это, я хочу с помощью некоторых примеров показать, что между народом и его политическими представите-

лями в самом деле было то огромное недоразумение, о котором я говорю.

В 1905 г. в слободе Криворожье, где происходило сильное движение, руководимое братьями Мазуренками, крестьяне, составив на волостном сходе свой приговор, в котором они особенно настойчиво просили «підовторить насчет земли», наивно радовались:

Спасибі, добрі люди, выхлопочут нам земельки [1]).

По словам «Крымского Курьера», крестьяне полагали, что земельный вопрос может быть решен Государственной Думой с величайшей легкостью: «Наши мужики посоветуют царю — так и так, царь подпишет,— и дело в шляпе» [2]).

Крестьяне Григорьевского поселка Бузулукской волости писали, обращаясь к Думе: «Ратуйте жь, думці, бо голодуем» [3]).

В Волынской губернии, по сообщению газеты «Вольнъ», все разговоры крестьян вращались около земельного вопроса, при чем население нисколько не сомневалось в полновластии Государственной Думы: «Хиба міністри старше от Думи!.. яке вони мают право не давати нам эемлі!» и т. д. [4]).

Ввиду таких фактов, кажется, невозможно и сомневаться, что когда в Думе произносились пламенные речи на тему о там, что *«исполнительная власть должна подчиняться законодательной»,* крестьянская масса совершенно лишена была всякого правильного представления о том, что это за власти, каково существующее отношение между ними и каким оно должно быть. Неудивительно, что когда «исполнительная власть» наступала на «законодательную», крестьянская масса не вышла из роли безмолвно недоумевающего свидетеля

Дума могла и должна была явиться прекрасным, ничем незаменимым средством политического воспитания народа. *Путем доказательства от противного:* посредством обнаружения перед народом своего юридического *бессилия,* она должна была показать ему, *какие права следует ему завоевать для своих представителей.* Но этого нельзя было сделать одними парламентскими речами и даже решениями и столкновениями. Необходимо было систематически комментировать эти речи, решения и столкновения — особенно столкновения: в противном случае предметные политические уроки оставались мало понятными

[1]) Сообщение об этом приведено у *Маслова,* т. II, стр. 207 — 208.

[2]) Там же, стр. 307.
[3]) Там же, стр. 281.
[4]) Там же, стр. 309 — 310.

народу. Когда разогнали первую Думу, российской демократии представился прекрасный случай для пропаганды идеи *полновластного народного представительства.* Этим случаем революционеры не *сумели,* а кадеты *не захотели* воспользоваться. «Партия народной свободы»,— как в этом признался г. Муромцев на суде по поводу выборгского воззвания, — *боялась,* что разгон Думы вызовет в народе *революционное движение.* Опасаясь такого движения, кадетские депутаты и выдвинули идею *пассивного* сопротивлении, рекомендованного народу выборгским воззванием. Я не стану клеймить здесь эту боязнь народного взрыва: я уже давно сказал, что партия, называющая себя партией народной *свободы,* в действительности является, к сожалению, партией народной полу-свободы. Но здесь не в этом дело, здесь дело в том, что тогдашняя вера кадетской партии в возможность революции была плодом уже указанного мною выше политического недоразумения. Кадеты так же мало понимали тогда настроение народа, как и те *революционеры-утописты,* которые, в лице Ленина, утверждали, что после роспуска Думы народ ясно увидел необходимость созыва Учредительного Собрания и что ввиду этого остается только назначить срок вооруженного восстания. Когда гг. кадеты презрительно пожимают теперь плечами по поводу утопизма революционеров, им следовало бы спросить себя: «Давно ли мы сами освободились от своего утопизма... навыворот?» С интересующей нас здесь стороны наши «трезвые» кадетские политики были такими же *детьми,* как и единомышленники Ленина, только, — и в отличие от этих последних, — *не смелыми, а пугливыми детьми.* Но пугливость не заслуга...

Народное восстание было тогда невозможно. Но очень многие находили его возможным и даже вполне вероятным, потому что ошибочно принимали за усвоенные *народом* такие политические истины, которые еще *нужно было разъяснить ему.* А так как эти истины *считались уже усвоенными народом,* то их и не *разъясняли* ему даже те, которые не только не боялись, подобно кадетам,

народного восстания, но очень стремились его вызвать. *Преувеличенное мнение революционеров о зрелости народной политической мысли помешало* им *ускорить своим содействием процесс ее созревания.*

Правда, в эпоху разгона первой Думы в российской социал-демократии существовало, — и даже было *формально* преобладающим, — то направление, которое приняло известные стокгольмские резолюции, отвергло политику бойкота и объявило, что вооруженное восстание вовсе не может считаться, — как это утверждали тогда «больше-

вики», — уже достигнутой ступенью нашего освободительного движения. Социал-демократы этой фракции смотрели на неизбежные столкновении Думы с правительством, как на средство наглядного преподавания народу тех политических истин, которых он еще не усвоил, но которые непременно должны быть им усвоены. «Меньшевики» были застрахованы от тех ошибок, в которые впали «большевики» и кадеты. Но... Это еще не значит, что они не ошибались в свою очередь.

Я не говорю о призыве ко всеобщей стачке после разгона первой Думы. При тогдашних условиях этот призыв был немаловажной ошибкой. Но это — все-таки частность. Главная беда состояла в том, что, дойдя *в теории* до правильных тактических взглядов, «меньшевики» не дали этим взглядам того широкого практического применения, которое не только допускалось, но настоятельно требовалось *самою сущностью этих взглядов.* «Меньшевиков» тоже не миновала наследственная болезнь наших революционеров: *«интеллигентщина».* «Меньшевики» тоже нередко готовы были довольствоваться только такой *литературой,* такими *«резолюциями»* и *«лозунгами»,* которые были понятны *интеллигенции и передовому слою рабочих,*— привыкших к политическому жаргону интеллигенции, — но оставались совершенно недоступными для широкой массы. Это я и называю интеллигентщиной. Именно благодаря «интеллигентщине» не были надлежащим образом использованы для политического воспитания народа те чрезвычайно знаменательные и поучительные

события, которыми так богата была практика и теория России за последние два года: прения об аграрном вопросе в первой Думе; разгон первой Думы; правительственные мероприятия по крестьянскому «землеустройству»; вторая Дума; ее роспуск; арест социал-демократической фракции; государственный переворот 3 июня, наконец, бесчисленные «частные ошибки исполнительной власти», дававшие великолепнейший повод для *республиканской пропаганды в народе.*

Насколько мне известна наша агитационная литература, я должен сказать, что эти события и эти ошибки совсем не создали у нас той популярной политической литературы, без которой нам невозможно теперь обойтись по той же самой причине, по какой нам невозможно добиться победы над старым порядком без привлечения к политической борьбе самых широких слоев народа. Такой политической литературы нет, и ее созданию мешает именно «интеллигентщина».

Люди, страдающие этой страшной болезнью, смотрят на жизнь, а следовательно и на политическую литературу, с интеллигентской

точки зрения. Раз удалось им осветить данное общественное явление понятным для *интеллигентов* образом, они ни о чем больше и не заботятся, хотя бы народ ровно ничего не понимал в нем и хотя бы они сами не переставали говорить о необходимости политического воспитания народа. Поэтому, когда составляются наши «лозунги», резолюции и т. д., то при их составлении всегда принимается во внимание именно *«интеллигентская»* и к тому же еще *кружковая психология:* такие-то строки вводятся для того, чтобы пояснить дело таким-то «практикам», а такие-то затем, чтобы такой-то *икс* или *игрэк не* обвинил нас в оппортунизме и т. п., — *в результате* получается нечто, может быть, гениальное с точки зрения «интеллигентской» кружковщины, но, несомненно, очень мало пригодное для агитации в широкой массе.

И заметьте еще вот что. Так как резолюции пишутся и «лозунги» принимаются применительно к «интеллигентской» психологии и так как интеллигенция требует «широких перспектив» и приятных

предсказаний, то чем больше перспектив развертывает и чем больше приятных вещей сулит в будущем данная группа, тем более упрочивается за нею репутация революционности. Оттого и выходит, что чем легкомысленнее рассуждает данный революционер, тем более *крайним* он считается. Другими словами: легкомыслие отождествляется с революционностью.

Все это было бы чрезвычайно смешно, если бы не было до последней степени грустно. «Интеллигентщина» — наш злейший враг. Более чем что-нибудь и чем кто-нибудь мешает она социальной демократии сыграть принадлежащую ей по праву роль гегемона в борьбе за политическую свободу. В самом деле, кавказская социал-демократия несравненно меньше нас, русских социал-демократов, заражена, — а, может быть, даже и совсем не заражена, — «интеллигентщиной», и посмотрите, что сделала она в своей стране: когда мы сделаем и если мы когда-нибудь сделаем на Руси то, что она сделала там, тогда от нашего *старого* порядка не останется ни щепки..

В начале было дело, говорит Фауст. С точки зрения революционного *дела, а* не революционной *фразы,* должны мы оценивать все свои литературные и всякие другие «выступления». *А дело у* нас одно: ускорение хода политического сознания широких масс. И с точки зрения *этого* дела наиболее крайним революционером должен быть признан не тот, кто легкомысленнее всех других ручается за будущие наши победы, а тот, кто больше всех других способствует указанному ускорению. В этом — альфа и омега всей революционной мудрости.

427

И было бы очень желательно, чтобы именно с точки зрения такого наши товарищи взглянули также и на земельный проект умеренно-правых крестьян. Сам по себе он совсем неудовлетворителен и очень наивен. Но он показывает, что даже отсталые слои крестьянского населения самым ходом жизни вынуждаются теперь к тому, чтобы расширить свое поле зрения и отвести в нем место не только для «землицы», но также и для политики. Он представляет собою один из тех фактов, которые, с одной стороны, свидетельствуют об отсталости крестьянской мысли, а с другой, — доказывают, что даже и эта отсталая мысль *не может не подвигаться вперед.* И в этом — огромное

значение «умеренно-правого» проекта. Революционерам остается только *умело подойти* к этим отсталым слоям, чтобы, не запугивая их пока еще слабой, неуклюжей и робкой политической мысли, осторожным, но систематическим воздействием на нее сообщить ей силу, подвижность и смелость.

Нельзя, минуя этот путь, прийти к победе. Революционный вопрос нашего времени может быть, — в известном, *определенном* смысле, — назван *военным вопросом.* Ведь кто тот солдат, политической неразвитостью которого поддерживаются враги народа? Не кто иной, как одетым *в военный мундир русский крестьянин.*

Предисловие к брошюре Степана Голубя

Степан Голубь, Через плотину интеллигентщины. (Письмо рабочего к интеллигентам и рабочим нашей партии.)

Предлагаемое «Письмо рабочего» снабжено таким заглавием, которое, пожалуй, может вызвать много недоумений и даже неудовольствий.

Автор-рабочий приглашает других сознательных рабочих соединить свои усилия для того, чтобы прорвать «плотину интеллигентщины». Почему он находит нужным сделать это? Какую роль он отводит интеллигенции в освободительном движении пролетариата к его великой конечной цели? Не принадлежит ли он к числу тех рабочих, которые, плохо выяснив себе условия успешности рабочего движения, хотели бы китайской стеной отделить работников физического труда от «интеллигентов»? И не таким ли отрицательным отношением к «интеллигентам» вызвано это пренебрежительное выражение «интеллигентщина»? — Вот вопросы, естественно вызываемые заглавием письма в уме читателя, понимающего, как важно для нас теперь выяснение роли интеллигенции в рабочем движении и как легко ошибиться в ту или другую сторону при этом выяснении. А ведь кроме *понимающих* читателей есть еще *непонимающие.* Как и всегда, как и везде, непонимающих и тут больше, нежели понимающих, а между непонимающими немалую роль играет у нас тот разряд людей, по мнению которого желательное отношение интеллигенции к рабочему классу,— или, чтобы точнее выразиться: рабочего класса к интеллигенции, — давно уже выяснено не только в общем, но даже и Б

частностях, и что высказывать какие-нибудь сомнения на этот счет значит просто обнаруживать дух строптивости и неповиновения «компетентным учреждениям».

Для людей этого разряда одного заглавия прилагаемого «письма рабочего» будет совершенно достаточно, чтобы заподозрить какую-нибудь вредную ересь или злостную интригу.

429

Спешу успокоить читателей всех разрядов, т. е. и понимающих, и непонимающих: т. С. Голубь никаких интриг не затевает и никаких ересей не проповедует. Он очень не любит «интеллигентщины», но он ровно ничего не имеет против *«интеллигенции»,* как таковой. Его отношение к ней характеризуется следующими строками «его письма».

«Мне могут заметить, что я хочу вселить дух ненависти к интеллигенции, но это неверно... Если хоть один товарищ-рабочий поймет меня в этом смысле, то он впадет в глубокую ошибку... Относясь к интеллигенции враждебно, мы были бы не только жалкими слепцами, были бы по отношению к ней не только несправедливыми, но и не оценили бы той громадной силы, какую она для нас представляет, не понимали бы своей пролетарской партии, изгоняя из нее борцов, стоящих на точке зрения пролетариата, борющихся за его интересы — одним словом, вредили бы себе настолько же, насколько вредят нам наши враги».

Как видите, наш автор-рабочий чрезвычайно далек от мысли об изгнании «интеллигентов» из рядов борющегося пролетариата. Он очень ясно видит, как вредно отразилось бы на интересах этого класса подобное изгнание. Еще раз — он восстает не против *интеллигенции,* а лишь против *«интеллигентщины»,* и в этом восстании мыслящего рабочего против «интеллигентщины» заключается весь интерес предлагаемого письма.

Правда, в своем восстании против «интеллигентщины» наш автор доходит подчас до того, что бьет по *интеллигенции.* Вот яркий пример. Эпиграфом к своему письму он поставил слова из нагорной проповеди: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, не войдете в царство небесное».

Это — красивый эпиграф. Но этот красивый эпиграф дает основание

думать, что наш автор смотрит на «книжников и фарисеев» нашей партии такими же глазами, какими Иисус смотрел на еврейских книжников и фарисеев своего времени. А известно, что Иисус был очень далек от того, чтобы видеть в книжниках и фарисеях «громадную силу», враждебное отношение к которой с его стороны принесло бы вред его собственному делу. Что «книжники и фарисеи» были, по-своему, громадной силой в тогдашнем еврейском народе, это было, разумеется, очень хорошо известно «галилейскому плотнику». Однако ему также хорошо было известно и то, что между ними и этой громадной силой не только невозможен никакой дружеский союз, но неизбежна смертельная борьба и вражда. Мы уже знаем, что т. Голубь

относится к современным ему «книжникам» совершенно иначе. Он, как мы уже знаем, видит в них желанных союзников. Ну, а желанных союзников называть фарисеями неудобно: что за союз с фарисеями? Да и странно требовать от рабочих, чтобы они непременно были «праведнее» этих союзников: «праведность» — превосходная вещь, но она ее составляет ничьей частной собственности. Короче, красивый эпиграф т. Голубя неудачен. Он выражает совсем не то, что хочет сказать т. Голубь. Но это просто-напросто литературный пропах, ошибка человека, в руке которого перо ходит далеко не так свободно, как в руке специалиста писательского дела. И хотя это далеко не единственная описка нашего автора; хотя, поднимая руку на *«интеллигентщину»,* он не один раз бьет в своем письме по *«интеллигенции»,* но его описки все-таки остаются описками, и нужно очень плохое зрение для того, чтобы просмотреть из-за них подлинную мысль автора.

Что же за штука эта ненавистная нашему автору «интеллигентщина»? В чем видит он ее главные отличительные признаки?

Если я правильно понимаю т. Голубя, то главной отличительной чертой «интеллигента», зараженного «интеллигентщиной», — является непонимание того, что *«освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса».* Конечно, «интеллигенты», зараженные «интеллигентщиной», очень не прочь и кстати, и даже совсем некстати повторять эти великие слова

основателя Международного Товарищества Рабочих. Но, повторяя эти великие слова, твердя рабочему классу, что он может освободить себя только своими собственными усилиями, они, по своему неразумению, сами же *создают препятствия для развития самодеятельности рабочих.* А чем меньше развивается самодеятельность рабочих, тем более свирепствует «интеллигентщина» в среде рабочей партии и тем усерднее охраняют интеллигенты, страдающие этом болезнью, препятствия, которые мешают рабочим обнаружить свое стремление к самодеятельности. Получается порочный круг, из которого рабочая партия должна выйти под страхом упадка и разложения.

«Уже давно, — говорит т. Голубь, — сознательные рабочие нашей партии представляют из себя какую-то жалкую категорию лиц, к которым относятся *снисходительно* [1]) наши «комитетчики». Давно они стонут от безделья, не знают, к чему приложить свои руки, и боевой дух их действительно гаснет, подобно сильной, но не имеющей нефти форсунке. Вместо того, чтобы сознательно уступать рабочим, где

[1]) Подчеркнуто самим тов. Голубем.

только возможно, свое место, поддерживать в них не только энергию участия в сознательной жизни страны, но и энергию сознательной активной критики в каждом новом шаге партийной тактики *и* программы; вместо того, чтобы стремиться, словом, к поднятию их самодеятельности, мы наблюдаем *борьбу с этой самодеятельностью* со стороны большинства наших интеллигентов».

Я не знаю, прав ли т. Голубь, говоря, что *«большинство»* интеллигентов до сих пор относится к самодеятельности рабочих с недоверием. Но я по собственным наблюдениям знаю, что *было* такое время, когда большинство интеллигентов в самом деле очень скептически относились к мысли о том, что самодеятельность рабочих безусловно необходима для дальнейших успехов пролетарского движения в России. Было бы неуместно пускаться здесь *в* рассуждения о *причинах* этого скептического отношения. Достаточно сказать, что оно существовало и что, поскольку оно существует теперь, оно поистине является преступлением против пролетариата. И когда представишь себе, с какою ясностью должны бросаться в глаза сознательным

рабочим вредные для дела последствия этого преступного скептицизма, тогда начинаешь очень хорошо понимать как общее настроение автора предлагаемого письма, так и все его, очевидно невольные, преувеличения и описки. Есть такие явления, ввиду которых невозможно оставаться хладнокровным.

Одним из самых ярких примеров недоверчивого отношения «интеллигентов», — да и не одних «интеллигентов», но и рабочих, поддавшихся влиянию «интеллигентщины»,— к самодеятельности рабочих может служить осуждение нашим Лондонским съездом идеи *рабочего* съезда. В этом осуждении, несомненно, сказалась «интеллигентщина», вызывающая справедливое негодование нашего автора. Предлагаемое «письмо» написано раньше Лондонского съезда. Но так как идея рабочего съезда давно уже обсуждается в наших партийных кругах, то т. Голубь и счел нужным отвести вопросу об этом съезде большое место в своем письме. И надо оказать, что именно это место является у него наиболее удачным; можно сказать, что наш автор-рабочий заранее и победоносно опроверг все то, что потом говорилось в Лондоне против рабочего съезда людьми, страдающими болезнью «интеллигентщины».

В относящихся к этому вопросу прекрасных страницах мое недоумение вызывают только две подробности. Во-первых, мне непонятна полемика т. Голубя с П. Б. Аксельродом. Во-вторых, мне кажется,

что автор не совсем правильно освещает возможное *тактическое* значение рабочего съезда.

В небольшой заметке, помещенной в одном из номеров газеты «Социал-Демократ», П. Б. Аксельрод высказался против тех товарищей, которые рассматривают идею рабочего съезда с точки зрения вопроса о том, как отразился бы такой съезд на нашей партийной организации. По его замечанию, товарищи, смотрящие на предмет с этой точки зрения, подменяют общие интересы рабочего класса *частными,* групповыми или узко-партийными интересами своей организации, во всяком случае являющейся пока еще только *зародышем* классовой организации пролетарских масс. Т. Голубь

решительно высказывается против этого мнения П. Б. Аксельрода и почему-то очень смущается выражением «зародыш», видя в нем что-то обидное для партии. Он между прочим пишет:

«Рабочий класс является не только силой настоящего, а и силой будущего. Он должен иметь *главным* [1]) образом свою социалистическую партию и, рекомендуя ему организоваться в политическую силу, нельзя относиться с полуиронией к этому непременному и великому главному... Нельзя, размахивая по всем по трем, устраивать какую-то масленицу политической, политической и опять политической организации, игнорируя *настоящую рабочую,* классовую партию, как бы молода она ни была и какими бы ни обладала она несовершенствами. У рабочего-социалиста есть одна партия — социал-демократия».

По-моему, тут огромное недоразумение, виноват в котором не П. Б. Аксельрод!

П. Б. Аксельрод никогда не сомневался в том, что у рабочего-социалиста одна партия — социал-демократия. Но он видит, что эта партия, к сожалению, пока еще не вышла из состояния зародыша, — тут у Аксельрода именно сожаление, а вовсе не полуирония, — и он ставит своим товарищам на вид, что не пролетариат существует для этой пока еще очень молодой партии, а эта пока еще очень молодая партия существует для пролетариата. Разве же это не так? И разве же не видит г. Голубь, что, делая это напоминание, П. Б. Аксельрод высказывается *против той самой «интеллигентщины»,* против которой направлено и настоящее письмо? Ведь люди, страдающие «интеллигентщиной», например, автор брошюры «Рабочий съезд или съезд рабочей партии», с которым спорит т. Голубь в своем письме, — ведь эти люди

[1]) Подчеркнуто самим тов. Голубем.

твердо убеждены в том, что не суббота для человека, а человек для субботы; ведь они именно будут готовы остановить все дальнейшее развитие рабочего движения, если только им покажется, что оно грозит прочности той *организации* партии, которая существовала до сих пор и неудобство которой для *сознательных рабочих* так сильно от-

тенено в предлагаемом «письме». Как же не понял т. Голубь, что ему *нельзя быть* в этом случае противником П. Б. Аксельрода, а можно быть только его единомышленником? Что касается возможного тактического значения рабочего съезда, то наш автор говорит: «Объединить демократию — отчасти уже и значит созвать беспартийный рабочий конгресс». Я думаю, что это хорошая мысль, но эта хорошая мысль выражена так, что *может подать повод к ошибочным выводам.* Совершенно верно, что съезд даст сильный размах рабочему движению и тем самым поставит пролетариат в то положение, которое ему принадлежит по праву и из которого он вышел теперь,— надо надеяться не навсегда, — лишь благодаря политическим ошибкам «интеллигентщины»: в положение *гегемона* (руководителя), вокруг которого будут группироваться, к которому будут тяготеть все демократические элементы страны. Это и есть, я думаю, мысль т. Голубя. Но, к сожалению, он недостаточно отметил, что иное дело *объединение* всех демократических элементов, а иное дело полное *слияние* с ними. *Объединение* (т. е. союз) необходимо, полное же *слияние* было бы гибельно для социал-демократии. Охотно подавая руку всем тем общественным группам, которые могут помочь ей в достижении ее целей, партия пролетариата должна в то же время оставаться сама собой, т. е. именно *партией пролетариата.* Ее превращение в неопределенную партию *трудящихся,* чего очень хотелось бы социалистам-революционерам, было бы шагом назад в ее развитии.

Говоря это, я уверен, что я не говорю ничего нового т. Голубю; я уверен, что он и сам так думает. Но, повторяю, в его «письме» встречаются некоторые выражения, могущие дать неразумной «интеллигентщине» предлог для обвинения его в противоречии с самим собой, в пренебрежении чистотой принципов и т. п. и т. п., и мне хотелось сделать оговорку, которая предупредит, может быть, хоть часть таких нападок, заблаговременно ставя на вид их неосновательность.

Если глава, посвященная т. Голубем вопросу о рабочем съезде, кажется мне не только интересной, но и очень поучительной, то глава, посвященная вопросу о наших фракционных разногласиях, распрях и

дрязгах, оставляет меня, — скажу это откровенно, по-товарищески, —

совсем неудовлетворенным. Т. Голубь пишет: «Разобравшись и вдумавшись в то отношение, какое проявляют наши рабочие и интеллигенты к *раздвоению* в единой по существу социал-демократической партии, нетрудно заключить, что раскол свалился к нам, как гром на голову, сверху, от «теоретиков», каким-то «чужим клином» врезался в рабочую семью и энергично старается разбить ее на две части, затем на несколько отрядиков, каждый из которых будет — надо полагать — иметь своего «дядьку» и числиться под номером таким-то. Право, все это было бы смешно, если б не было так грустно и если бы не призывало нас всех вместо смеха к делу».

Выходит, что «раздвоение» создано не *«интеллигентщиной», а* именно «теоретиками». Допустим, что это так, хотя это и не так, но вопрос ведь не в том, чтобы найти виноватого, а в том, как поправить дело. И вот на этот-то существенный вопрос т. Голубь отвечает совсем неудовлетворительно. Если послушать его, то можно подумать, что сознательным рабочим предстоит у нас нетрудная роль няньки, которая накричит на передравшихся между собой злых детей-«интеллигентов» и тем водворит в детской порядок и спокойствие. Я ничего не имею против нянюшкина крика. Почему не покричать? Покричать очень даже не мешает. *Но одного крика недостаточно,* вот где беда! Т. Голубь ссылается на Амстердамский международный съезд 1904 года, объединивший французских социалистов. Однако Амстердамский съезд, давая свой знаменитый совет французским социалистам насчет объединения, одним хорошим советом не ограничился. Он *устранил ту причину, которая вызвала раскол.* И сделал он это тем, что дал пролетариату западных, — *конституционных,* — стран довольно определенную тактическую инструкцию насчет отношения к буржуазным партиям. Чтобы устранить наш раскол, нужно решить наши тактические споры, споры, ведущиеся в *неконституционной,*— de facto,— стране, т. е. в обстановке, совсем не похожей на западную. И, несомненно, пролетариат *может* решить эти тактические споры. Несомненно, он *должен* решить их. Несомненно, что *только от него* и зависит в конце

концов их решение. Но, чтобы решить их, сознательным рабочим нужно вдумчивее отнестись к ним и перестать смотреть на них, как на «чужой клин», как на пустую забаву «теоретиков». Эти опоры не забава. О, нет! В них дело идет о существовании нашей партии. И тут не поможешь делу строгим выговором «интеллигентщине». Тут рабочие должны *решить вопрос по существу.* И чем скорее они решат его, тем скорее покончат они и с «интеллигентши-

ной»; пусть же поскорее приступают они к его решению. Т. Голубь сам касается в своем письме тактических вопросов. И поскольку он касается их, он решает их правильно. Но он именно только *касается их,* а надо подойти к ним вплотную, надо разобрать их до корня. Будем надеяться, что за этим *первым* письмом у т. Голубя последует второе, посвященное жгучим вопросам нашей партийной тактики.

Еще два слова: т. Голубь цитирует Бебеля, сказавшего, что когда его бранит буржуазия, то он говорит себе: «стало быть, я прав». Это очень остроумно сказано. Но то, что говорится остроумно, надо и понимать с остроумием, а я боюсь, что у нас многие поймут эти слова Бебеля... *совсем иначе:* они подумают, что, стало быть, всегда неправы все те, которых по тому или другому поводу *одобряет буржуазия.* Но ведь это вздор. Нынешней весною Жюля Гэда за его выступление в Лилле против синдикализма очень одобрил буржуазный «Temps». Одобряла Гэда буржуазия и за его борьбу с Эрвэ. Значит ли это, что Гэд ошибался?

Т. Голубь называет шалостью, — он у меня же и берет это выражение, — мое возражение тем товарищам, которые пугали меня тем, что меня хвалят наши либеральные публицисты. Я ответил: — а вы удостоились похвал со стороны анархистов. Т. Голубь восклицает по этому поводу: «какая же это полемика»? Но я, — признаюсь, — не понимаю, что собственно огорчило его в данном случае.

Вопрос о том, как относиться к похвалам и порицаниям, идущим к нам из других лагерей, выяснен у нас очень плохо. Это, — пусть извинит меня т. Голубь, — сказалось даже и на предлагаемом письме. А если это так, то что же может быть огорчительного в замечании, напоминающем о вреде и несостоятельности одностороннего ответа на

этот вопрос?

Вот все, что мне хотелось сказать по поводу «письма» т. Голубя. Я от души желаю ему как можно больше внимательных и добросовестных читателей. Мне вспоминается пословица: *«Лиха беда начать».* Мне хочется верить, что голос т. Голубя не останется одиноким; что вслед за ним начнут высказываться и другие, подобные ему, — т. е. мыслящие и преданные своему великому делу, — рабочие.

Добро пожаловать, товарищи! В литературе нашей рабочей партии давно уже замечается недостаток в писателях-рабочих.

Париж, 1908 г.

Уроки прошлого

Деятельность социал-демократической фракции первой Думы отошла в область невозвратного прошлого. Совершенно излишне было бы доказывать теперь, что переворот 3 июня и арест социал-демократических депутатов составляет государственное преступление в полном смысле слова. Это знает весь цивилизованный мир, и, — что в данном случае важнее всего, — это знает сам г. Столыпин. Уже в одном из первых заседаний второй Думы, он, возражая одному из кадетских ораторов, прямо заявил, что для него сила выше права. У меня нет ни малейшего желания оспаривать это, далеко, впрочем, не новое, мнение. Я готов даже благодарить г. Столыпина за его откровенность. В настоящую же минуту единственным непраздный, неутопическим вопросом представляется мне следующий вопрос:

Как должны мы поступать для того, чтобы российский народ получил возможность силой поддержать свое неоспоримое право?

Как видно из печатаемых в этом сборнике статей тт. Митрова, Джапаридзе, Церетели и других, вопрос этот очень сильно интересовал наших товарищей-депутатов второй Думы с самого начала их парламентской деятельности. Т. Митров называет его даже трагическим вопросом. И очень полезно будет посмотреть, какие данные для решения этого вопроса заключаются в опыте нашей фракции второй Думы. Мы должны постараться, как можно лучше воспользоваться этим опытом, за который так жестоко поплатились бывшие члены этой фракции, а в их лице и все социал-демократы России.

Присмотримся же к нему.

Т. Митров говорит: «Трагедия, которую я разумею, была на поверхности народной жизни (видимая трагедия в виде обнищания и голодовок — обычное явление), — трагедия таилась внутри народной души, будучи скрыта от взоров посторонних наблюдателей. Эту трагедию пережило, — сознанием или чувством, — я думаю, большинство членов второй Государственной Думы всех партий — за исключением, разумеется,

«правых», для которых «трагедия» состояла в их поражении на выборах.

«Трагический конец, постигший бо̀льшую часть депутатов партии, представлявшей наиболее широкие слои населения (городскую и деревенскую бедноту) и, что бы ни говорили о недостатках ее организации, ближе других партий стоящей к массе населения, — этот конец является, так сказать, видимым завершением внутренней трагедии».

В чем же состояла главная особенность тогдашнего народного настроения? Ее можно кратко характеризовать словами: *несоответствие характера народных требований с характером того, что народ считал нужным и возможным сделать для их осуществления.*

Самым главным из всех требований, предъявляемых народом, было требование земли. «Правда, — замечает т. Митров, — представители рабочего класса говорили несколько другим языком, но то, что говорилось ими и разделялось массой рабочих, в их рабочей психологии не затемняло важности вопроса о земле. «Земли!» — неслось со всех сторон в один голос. Так выдвинутое историей национальное требование владело умами всех...»

Требование земли было равносильно требованию экспроприации господствующего в России сословия — крупных землевладельцев. Чтобы осуществить это *экономическое требование,* нужно было иметь *политическую власть.* Политическая власть могла попасть в руки народа только в том случае, если б он обнаружил непобедимую революционную силу. Спрашивается, были ли в то время налицо эти два необходимых условия?

Чтобы добиться политической власти, народ должен был стре-

миться к ней, а чтобы стремиться к ней, он должен был сознавать, что его экономические требования не могут быть осуществлены иначе, как путем политической революции. Было ли это понято избирателями т. Митрова? На этот счет мы узнаем от него вот что: «Непосредственные впечатления были таковы, что, несмотря на то, что население соглашалось с вами, когда вы говорили о неразрывной связи экономики с политикой, земли и воли, когда предоставлялось слово этому самому населению, оно умело ясно и определенно формулировать только одно: «земли!» Тут каждый выступавший являлся настоящим историко-экономи-стом, ибо самым детальным образом рассказывалась вам история того или другого поселения, того или другого виноградника, отношений с ближайшими землевладельцами, и делались расчеты наиболее выгодного распоряжения землей».
438

Итак, избиратели т. Митрова были «историко-экономистами», а совсем не политиками. Оки хорошо знали местную историю различных земельных угодий, но они ограничивались тем, что «соглашались» с людьми, говорившими о неразрывной связи экономики с политикой, земли с волей, а когда слово предоставлялось им самим, то они умели только повторить все то же экономическое требование: «земли!» Так было в эпоху выборов во вторую Думу и так же остается в значительной степени до сих пор. Недавно крестьянская группа третьей Думы внесла заявление о необходимости скорейшего рассмотрения закона 9 ноября для того, чтоб, разъехавшись на лето, крестьяне-депутаты могли дать отчет своим избирателям о том, что было ими сделано по этому вопросу. В этом заявлении очень характерны следующие два пункта:

«1) Мы, представители крестьян всей России, желаем напомнить Государственной Думе и правительству, что главная цель нашего пребывания в Думе — земельный вопрос. 2) При чем прибавляем, что на этой почве у нас нет партийных различий, и в первой и во второй и в третьей Думе мы стояли и стоим на одном: необходимо разрешить земельную нужду крестьян».

Заявление это наделало страшного переполоху в лагере наших реакционеров. Да и неудивительно. Своим заявлением крестьяне по-

казали, что аграрный вопрос не может быть решен ни военными судами, ни карательными экспедициями и что, с другой стороны, пока он не будет решен, на крестьян отнюдь нельзя будет возлагать прочные консервативные упования. По поводу прений о платежах, идущих с крестьянских земель, «Совет» писал: «Общее впечатление этих прений неприятное. Можно опасаться, что интрига, которую ведут революционеры и кадеты среди депутатов-крестьян, возымела свое действие, и крестьяне, заговорив о своих нуждах в Думе, сразу заняли такую позицию, будто Дума, это — враждебный интересам крестьянства лагерь». (Цитировано в № 130 «Речи».)

Я оставляю в стороне вопрос об «интриге», которую будто бы ведут среди депутатов-крестьян кадеты и революционеры. *Кадеты* печатно протестовали против того утверждения, что они стараются приобрести влияние на крестьянских депутатов. И я не вижу причины не верить им. А что касается *революционеров,* — например, социал-демократов, — то *для их* влияния на крестьянских *депутатов* еще нужно проложить путь посредством систематического влияния на их *избирателей.* Но как бы то ни было, несомненно одно.

Нынешняя Дума есть в самом деле не что иное, как враждебный интересам крестьянства лагерь, и крестьянские депутаты, — к какой бы партии ни принадлежали они, — никоим образом не могут видеть в крупных землевладельцах своих друзей и защитников. На несомненном и непримиримом антагонизме интересов крестьянства, с одной стороны, и крупных землевладельцев — с другой, основывается возможность революционного воздействия на крестьянство. Но это воздействие требует во всяком случае времени, и теперь еще трудно сказать, когда именно оно принесет все те плоды, которые может и должно принести. А в ожидании этих плодов надо смотреть на положение дел трезвыми глазами и не забывать, что заявление, внесенное от имени крестьянской группы, совсем не свидетельствует о большом политическом развитии наших крестьянских депутатов. Крестьяне и теперь, — как это было во время выборов во вторую Думу, — умеют резко и определенно формулировать только одно требование: «земли!» А связано ли это экономическое требование с какими-нибудь полити-

ческими задачами, это для них до сих пор остается темным. Вот почему все они, без различия партий, категорически заявляют: «Главная цель нашего пребывания в Думе — земельный вопрос». Ясно видя свою цель, они не видят тех средств, которые могли бы привести их к ней. Стало быть, ошибаются не только реакционеры, вообразившие, что *политическая темнота* крестьян сделает этих последних надежным оплотом старого порядка. Ошибаются также и те революционеры, которые убедили себя в том, что экономическое требование земли уже *сделало* из крестьянина *политического единомышленника и надежного союзника пролетария.*

Уже в пятом номере своего «Дневника социал-демократа» я указывал (см. [выше] «К аграрному вопросу в России»), что нынешнее настроение крестьянина, требующего «земли», создано не революционерами, а «историей государства российского». Русское государство, говорил я там, постепенно сделалось тем Левиафаном, о котором мечтал Томас Гоббс и который наделяет каждого участком земли, смотря по его занятию и положению. Землевладение стало необходимым условием исправного отбывания ратной службы; оно же стало не менее необходимым условием исправного отбывания «тяглыми людьми» своих повинностей по отношению к государству. Такова была экономическая основа нашего старого порядка. Не трудно понять, какова должна была быть выросшая на этой экономической основе идеологическая «надстройка»... Если земля составляет необходимое условие исправного от-

бывания тяглыми людьми своих обязанностей по отношению к государству, то совершенно естественно, что «государевы сироты» требуют, — по-своему, по-«сиротски», но все-таки требуют, — нового земельного передела всякий раз, когда им дает себя чувствовать «земельное утеснение» [1]). Но требование нового земельного передела вовсе еще не составляет в глазах «государевых сирот» революционного требования. Совсем напротив! «Когда крестьянин, незатронутый революционной пропагандой, — а, ведь, затронутых пока все-таки незначительное меньшинство, — говорит о необходимости отобрания земли у помещиков, то ему и в голову не

приходит, что он потрясает какие-нибудь «основы». Совершенно наоборот. Он считает себя *охранителем* той экономической основы, которая освящена в его глазах веками, потому что на ней в течение целых веков держалось русское государство. Потому-то он искренно считает *бунтовщиками* помещиков, противящихся переделу. И в некотором смысле, — в смысле *сознательного* стремления, — он в самом деле является охранителем» [2]). Вот такими-то охранителями и являются без сомнения те «правые» крестьяне, которые требуют теперь земли от третьей Думы. И есть основание думать, что к подобным же «охранителям» принадлежала значительная часть избирателей т. Митрова. Именно этим обстоятельством и объясняется указанное мною выше несоответствие между характером экономических требований крестьян и характером тех средств, с помощью которых крестьяне надеялись осуществить свои требования. «Мы вас поддержим», — говорили избиратели т. Митрову и другим левым депутатам. Но что значило в их устах это обещание поддержки? Вероятнее всего то, что, когда левые депутаты заговорят в Думе о земле, тогда их избиратели готовы будут хоть под присягой подтвердить, что без земли народу действительно «некуда податься». Но от такого подтверждения еще очень далеко до революционной поддержки требований крайней левой. Т. Митров говорит: «Помню одного кубанца-казака, с которым мне пришлось ехать вместе две станции железной дороги; тот формулировал свой взгляд на Государственную Думу и ее тактику образно, отразив в общем и взгляд всего населения (Кубанской области, по крайней мере): «Государственная Дума должна быть подобна невесте, которая, когда входит в дом мужа, бывает вначале

[1]) «К аграрному вопросу в России», «Дневник социал-демократа», № 5, стр. 13. [См. выше, стр. 19.]

[2]) Там же, стр. 15.

всегда послушной, *а потом как только* осмотрится, обживется, становится полной хозяйкой».

Это уже даже не «тактика», а, можно сказать, целая стратегия. Но в этой стратегии обнаруживается совсем не революционная психология. Если Государственная Дума подобна молодой жене, входящей в дом

мужа, то ведь известно, что по народным понятиям не муж должен повиноваться жене, а жена — мужу. Ясно, стало быть, что черноморскому стратегу и в голову не приходила та мысль, что Государственная Дума могла бы сыграть по отношению к своему «мужу»,— т. е. к верховной власти,— например, ту роль, которую сыграла когда-то матушка Екатерина по отношению к своему августейшему супругу. Черноморский стратег прежде всего хотел, чтобы жена не ссорилась с мужем, а была бы послушна ему. Только через послушание могла бы она, по его мнению, приобрести такое влияние на мужа, которое сделало бы ее полной хозяйкой в доме. Трудно придумать более «оппортунистическую» стратегию; но другой стратегии пока еще нельзя было ожидать от таких людей, которые, предъявляя радикальные экономические требования, считали, — и, как сказано мною выше, не могли не считать, — эти требования консервативными по существу.

И заметьте, что психология казака, высказавшего т. Митрову свои стратегические соображения, отнюдь не была исключительной. Ведь т. Митров категорически говорит, что впоследствии для него стало несомненно, что и во всей России население думало так же, что оно везде «так же формулировало большое требование «земли» и ту же тактику бессилия».

Склонность населения к тактике *бессилия* обусловливалась тем, что оно в большинстве случаев еще совсем плохо понимало, зачем могла понадобиться и в чем могла состоять тактика революционной *силы.* Более того, население еще не привыкло смотреть на себя как на источник политической силы: оно надеялось, наоборот, что Дума явится той силой, которая защитит его от его вековых угнетателей. В действительности, конечно, только народ мог сделать Думу сильной. А народу казалось, что Дума сделает его сильным благодаря своему близкому отношению к «мужу», т. е. к верховной власти. Этого было достаточно для того, чтобы народ остался совершенно неподвижным при разгоне Думы.

Народ, — говоря это, я имею в виду крестьянскую и по-крестьянски настроенную массу, — очень много ждал от Думы; но он даже не пред-

ставлял себе, что он может активно *поддержать* ее. И это можно сказать также и о том народе, который, будучи оторван от сохи, одевается по распоряжению начальства в военный мундир и размещается по полкам, батареям и флотским экипажам.

В своей статье «Солдаты и Государственная Дума» т. Л. Герус говорит, что, когда появилась на свет божий Государственная Дума, солдаты перенесли надежды на осуществление своих скромных казарменных желаний с отцов-командиров на народных представителей. «Как и многие другие, они думали, что стоит только народным представителям сказать слово, как от этого слова все родится. Они были уверены, что одного слова народных представителей будет достаточно, чтобы их гнусное казарменное положение было уничтожено. И казарма ждала — ждала и мечтала, что вот-вот Государственная Дума и на нее бросит свои милостивые взоры и заговорит об облегчении ее участи».

Но как много ни мечтала «казарма» о тех милостях, которые могла бы пролить на нее Государственная Дума, несомненно то, что двукратный разгон народных представителей возможен был только благодаря «казарме». Если бы население Петербурга восстало на защиту разгоняемых народных представителей, то казарма стала бы стрелять в него, как стреляла она в рабочих 9 января 1905 года. Я готов допустить, что тут возможны были блестящие исключения; но общее правило все-таки свелось бы к тому, что «казарма», ждавшая милостей от Думы, стала бы расстреливать население, если б оно ополчилось за Думу. Психология «казармы» создавалась по образцу и подобию психологии крестьянской массы. Солдат, который, в качестве сына деревни, должен был хорошо понимать значение «великого национального требования земли», был в огромном большинстве случаев слеп по отношению к тем политическим условиям, без наличности которых решение аграрного вопроса останется праздной мечтой.

Таково было положение дел. Нужно было ровно ничего не понимать в этом положении, чтобы отстаивать тактику, основывавшуюся на вере в то, что вооруженное восстание есть уже «достигнутая ступень» нашего движения, как уверяли нас «большевики» на Стокгольмском

съезде. Если после разгона первой Думы Ленин рекомендовал посредством революционных «троек» и «пятерок» вызвать вооруженное восстание, не дожидаясь выборов во вторую Думу, то этим доказывалось только то, что почтенный вождь «большевиков» оставался закоренелым утопистом.

Но, кроме защитников *утопической* тактики, в рядах российской социал-демократии было немало сторонников тактики *социал-демократической* в истинном значении этого слова.

Как же именно формулировали наши товарищи, депутаты второй Думы, задачи этой тактики ввиду той «тактики бессилия», которая рекомендовалась их значительной, — крестьянской, — частью их избирателей?

Тут мы прежде всего обратимся к статье т. Джапаридзе: «Социал-демократическая фракция во второй Государственной Думе».

Товарищ Джапаридзе тоже утверждает, что в эпоху второй Думы об открытом восстании народа против правительства нельзя было и задумываться. «Могла ли она (т. е. наша фракция.— *Г. П.*), предъявляя народные требования, грозить правительству силой пославшего ее народа, — спрашивает он, — могла ли она, показывая всю призрачность конституционных устоев, призывать народ к открытому восстанию? Конечно, нет.

«Фракция понимала, что подобный характер выступлений осудил бы ее на роль крикливой кучки, оторванной от реальной действительности и размахивающей никому не страшным картонным мечом. Она понимала, что призыв к действию в данную минуту в случае успеха имел бы своим следствием лишь изолированное восстание сознательной части пролетариата, который был бы неминуемо и беспощадно распластан на земле».

Представители пролетариата ясно видели, что в данную минуту соотношение сил в нашей стране не позволяет надеяться на успешное революционное выступление. Народ, — т. е. та огромная масса населения, которая шла за передовым пролетариатом, но далеко отстала от него в смысле сознательности, — настоятельно рекомендовал социал-демократическим представителям ту тактику, которую т.

Митров метко назвал «тактикой бессилия». Наша фракция не могла закрывать глаза на неоспоримый факт этой настоятельной рекомендации. Закрыть на него глаза значило бы удалиться в область утопии. Но, с другой стороны, она не могла и примириться с «тактикой бессилия». Примириться с нею значило изменить революционной природе и революционной миссии пролетариата. Где же был выход из этого противоречия, которое в самом деле могло показаться трагическим? Выход был один: фракция Должна была позаботиться о том, чтобы изменить соотношение общественных сил в смысле благоприятном для революции. Она должна была позаботиться о том, чтобы революционизировать народное сознание.

444

Чем успешнее исполняла бы она эту обязанность, тем более подготовлялась бы почва для применения революционной тактики силы вместо рекомендованной избирателями «тактики бессилия». И наша фракция немедленно принялась за исполнение этой своей обязанности.

«Уверенная сама в невозможности мирного законодательного преобразования страны, — продолжает т. Джапаридзе, — фракция старалась внушить эту уверенность и населению; она старалась показать ему, что даже самые элементарные права не могут быть добыты народом без упорной и неуклонной борьбы. Для того, чтобы концентрировать внимание страны на обсуждаемых в Думе вопросах, и для того, чтобы особенно рельефно показать пропасть между желаниями и стремлениями народа, с одной стороны, и правительством — с другой, социал-демократическая фракция старалась выдвигать на первый план наиболее насущные вопросы народной жизни; она стояла всегда за принципиальные дебаты в Думе по всем важным вопросам и неустанно боролась с кадетами, желавшими перенести все общие дебаты в комиссии в видах якобы «работоспособности» Думы».

Указав далее на то, что наша фракция широко пользовалась правом запросов и, — для установления действительного контроля над исполнительной властью, — во всех важных случаях требовала посылки на места особых делегатов - членов Думы и даже следственных комиссий, т. Джапаридзе говорит:

«Осуществляя, таким образом, наряду с социалистическим воспитанием пролетариата и задачу политического воспитания всего народа, социал-демократическая фракция сосредоточивала внимание широких слоев населения на думской работе и, разъясняя всю иллюзорность прав Думы, не подкрепленной организованной силой народа, она связывала с Думой невидимыми нитями все элементы, пробуждаемые Думой к политической жизни, она сплачивала вокруг Думы эти элементы, чтобы в дальнейшем опереться на них в трудной борьбе со старым порядком».

Это была как раз та тактика, основные положения которой были формулированы Стокгольмским съездом нашей партии. На эту тактику нападали с двух точек зрения: одни обвиняли ее в оппортунизме; другие находили, что в ней слишком много утопического революционизма.

В оппортунизме ее обвиняли те, которые были твердо убеждены, что вооруженное восстание есть уже «достигнутая ступень» нашего освободительного движения. Всякий видит теперь, что люди, державшиеся этого убеждения, жестоко ошибались. В своих тактических расчетах («учитывая» современную «ситуацию»), эти люди брали народ

не таким, каким он был на самом деле, а таким, каким он должен был бы быть... чтобы удовлетворить их идеалу революционного народа и не посрамить их революционные «директивы».

Те, которые обвиняли эту тактику в *утопическом революционизме,* делали ошибку другого рода. Они, несомненно, считались с тогдашним настроением народа; они понимали, что в данную минуту огромная масса избирателей не идет дальше «тактики бессилия». Тут они были правы. Но они как нельзя больше ошибались тогда, когда делали эту «тактику бессилия» тактикой своей собственной партии и когда хотели навязать ее партии пролетариата.

Чтобы надеяться на плодотворность «тактики бессилия», нужно было обладать политической неразвитостью той массы избирателей, которая еще оставалась в полной неизвестности насчет связи экономики с политикой. Чтобы верить в плодотворность этой тактики, нужно было верить в политическое чудо: в самоубийство старого по-

рядка. Но вера в политические чудеса именно и есть утопизм и эта вера в данном случае отнюдь не переставала быть утопической оттого, что люди, зараженные ею, — члены партии народной свободы, — были чужды революционных стремлений. Утопизм не всегда бывает революционным.

Люди, упрекавшие и до сих пор продолжающие упрекать тактику нашей фракции во второй Думе в утопическом революционизме, в своих политических расчетах брали и берут народ, каким он был и есть в своей политической неразвитости. Они не хотели взглянуть на народ, каким он *становится* и каким он *должен становится* по мере того, как его политическая неразвитость исчезает под влиянием тяжелых уроков жизни, — по мере того, как он становится сознательным. И именно потому, что они не хотели взглянуть на народ с этой точки зрения, — которая одна только и достойна серьезных политических деятелей, — потому что общественная жизнь сама есть непрерывный *процесс становления,* — они лишали себя возможности оказывать сколько-нибудь серьезное содействие политическому воспитанию народной массы.

Люди, упрекавшие нашу фракцию в утопическом революционизме, твердили ей: «Довольно слов, пора перейти от слов к делу». Но в чем же состояло самое важное дело того момента? В чем состоит самое важное дело всего переживаемого Россией исторического периода? В том, чтобы создать такую силу, которая могла бы с успехом противостать силе реакционного правительства. У врагов нашего старого порядка, Как таковых, не может быть никакого другого дела в смысле самостоя-

тельной политической задачи. Всякое другое дело должно быть подчинено этому главному делу; всякое другое дело должно оцениваться с точки зрения этого главного дела: хорошо, полезно, революционно все то, что способствует этому главному делу; дурно, вредно, антиреволюционно все то, что мешает ему. И если партия народной свободы отказывалась делать это дело, то этим она только показывала, что в борьбе со старым порядком она сама неспособна перейти от слов к делу.

С этой же точки зрения, — с точки зрения главной политической задачи врагов старого порядка, — приходилось рассматривать и пресловутый вопрос о «бережении Думы». Раз отказавшись от идеи бойкота, раз признав полезным участие своих представителей в Думе, российская социал-демократия естественно должна была «беречь» Думу, подобно тому, как всякий воин должен беречь то оружие, которым он надеется нанести более или менее сильные удары своему врагу. Но воин дорожит своим оружием только до тех пор, пока оно дает ему возможность наносить такие удары. Точно так же и социал-демократия могла дорожить Думой лишь в той мере, в какой Дума давала ей возможность колебать старый порядок, развивая политическое сознание народа. «Беречь» Думу во что бы то ни стало; отказываться ради ее «бережения» от развития этого сознания значило поворачиваться спиной к своей собственной цели, значило изменять своей первой и самой глазной обязанности.

Социал-демократическая фракция так и смотрела на этот вопрос. «Кроме небольшой сравнительно кучки думских черносотенцев,— говорит т. Джапаридзе,— никто, конечно, не хотел роспуска Думы, но задачи и методы «бережения» Думы были различны у различных фракций. Ценою долгой и упорной борьбы социал-демократия получила, наконец, возможность прорваться на думскую трибуну, откуда она могла открыто говорить пред всем народом, и, разумеется, она отнюдь не желала расстаться с этим правом. Неизгладимым преступлением считала бы социал-демократия всякий шаг, рассчитанный при данных условиях на захват новых прав силами Думы при отсутствии народного движения, так как при таком шаге правительство получило бы возможность напасть на народное •представительство, сохраняя всю видимость конституционности. Но, оберегая Думу, социал-демократия дорожила ею постольку, поскольку Дума выполняла роль политического цемента, стягивающего народные массы и толкающего их к дальнейшей борьбе. В тот день, когда Дума перестала бы удовлетворять своему назначению,

она обратилась бы в пустую и жалкую говорильню, не имеющую никакой цены в глазах социал-демократии».

Словом, в своих тактических расчетах наша фракция брала народ не таким, каким он должен был бы быть, по мнению некоторых нетерпеливых революционеров, и не таким, каким он был в своей политической неразвитости, мешавшей ему понять связь экономики с политикой, а таким, каким он *становился в процессе* обнаружения наших политических противоречий. Вся ее тактика, от первого до последнего своего слова, была рассчитана на посильное содействие этому развитию. И когда мы теперь бросаем взор на деятельность нашей фракции второй Думы, мы должны с благодарностью признать, что эта фракция совершенно правильно поняла свою задачу политической представительницы сознательного пролетариата, значительно опередившего в своем политическом развитии крестьянскую массу и существенно заинтересованного в том, чтобы воспитать эту массу в революционном духе. Тактика нашей фракции во второй Думе является ее политическим завещанием, и наша политическая зрелость будет обнаруживаться в той самой мере, в какой мы окажемся способными понять и исполнить это завещание.

Говоря это, я вовсе не думаю утверждать, что наша фракция во второй Думе совсем не ошибалась. Во-первых, никогда не ошибается только тот, кто ничего не делает, а, во-вторых, наши товарищи с прямотой, вполне достойной представителей пролетариата, сами сознаются в своих ошибках. Но я прошу читателя заметить, что самые важные из этих ошибок лежат вовсе не там, где их ищут наиболее усердные хулители тактики нашей фракции.

Самая главная из этих ошибок чрезвычайно метко указана т. Церетели, который говорит: «Обсуждение тактики вместо ее осуществления было (вообще самым крупным грехом наших первых шагов, самым неподходящим приемом, перенесенным из партийной обстановки в Думу». Это в самом деле очень крупный грех, и я указывал на него еще на Лондонском съезде нашей партии. В самом деле, японцы, встречая русские войска, не читали им лекций на тему о том, какой тактики они будут держаться в борьбе с ними, а просто-напросто били их, пользуясь своим тактическим превосходством. Но утопические хулители нашей фракции полагали, что ее главная боевая задача заключается именно в чтении подобных лекций, и если наши товарищи не

хотели читать их, то они вопили об оппортунизме, об измене революции, пролетариату и т. п.

448

Энгельс справедливо говорит в одном из своих писем к Зорге, что никакое движение не дает так много бесплодной работы, как такое, которое находится еще на сектантской ступени развития. В последние годы наше движение фактически поднялось значительно выше сектантской ступени развития; но психология многих его «руководителей», к сожалению, не успела приспособиться к новым политическим условиям и осталась насквозь пропитанной сектантским духом. Эти отсталые «руководители» движения, далеко переросшего их, задали очень много бесплодной работы сознательным представителям российского пролетариата в думской фракции. Кто захочет вообразить ту обстановку, в которой приходилось работать таким представителям, тот непременно должен принять во внимание ту бесплодную работу, которая навязывалась им отсталостью их сектантски мыслящих товарищей.

Когда я читаю или слышу слова: «социал-демократическая фракция во второй Думе», я невольно вспоминаю энергичное, серьезное, но в то же время грустное лицо т. Церетели, и мне кажется, что грусть, наложившая свой отпечаток на это серьезное и энергичное лицо, вызывалась не чем иным, как именно мыслью о той огромной, но бесплодной работе, которую предстояло совершить этому товарищу в скучной возне с политическими предрассудками своих утопических хулителей. Интересно, что воспоминание об этой возне сквозит и в печатаемой в этом сборнике статье т. Церетели. Как видно, под влиянием воспоминаний о них т. Церетели и заговорил о тактических грехах нашей фракции. Но, как и следовало ожидать, он заговорит о них совсем не в том смысле, в каком о них кричали его партийные противники. У него вышло, что самым крупным грехом нашей фракции было не то, что она разрывала с сектантскими преданиями, а то, что она все-таки делала некоторые, невольные уступки этим преданиям. Уступки же этим преданиям в том и состояли, что вместо осуществления тактики являлось иногда ее обсуждение... под огнем неприятеля.

Товарищ Церетели очень хорошо характеризует неудобства подобных уступок. Он говорит, что когда он готовил первую речь, произнесенную им в Думе, то главную свою задачу он видел в указании той позиции, которую займет наша фракция в отношении к правительству, и той тактики, которой она будет держаться в борьбе с ним. Непосредственная критика правительственных действий представлялась ему второстепенной задачей. «И лишь в момент произнесения речи, — при-

знается он, — кода часть, посвященная критике правительства, вызвала внимание, которого я не ожидал, и превратилась вследствие перерыва справа почти в сплошной диалог, для меня самого эта сторона выступила на первый план. И наоборот, — по тому, как охладело внимание аудитории, лишь только я перешел к выяснению тактики, по тому, как стихли крики справа, я почувствовал ненужность этих рассуждений и под влиянием этого чувства урезывал то, что считал прежде самым важным. Но, конечно, и то, что я успел сказать о тактике, было излишне, как излишни всякие рассуждения о приемах борьбы там, где надо бороться».

Это так. И если т. Церетели несколько неправ, то неправ лишь в одном отношении: он все-таки не всегда достаточно энергично оттеняет в своей статье, что там, где надо бороться, рассуждения излишни. Вот, например, говоря о речи Алексинского по бюджетному вопросу и указывая на то, что в этой, длившейся более часу, речи оратор критиковал крепостническую политику правительства, противоречащую самым насущным потребностям страны, т. Церетели замечает:

«Но о социалистических мотивах он сказал всего два слова: предлагая Думе отвергнуть бюджет, он указал, что мы, социалисты, со своей стороны отказали бы в санкции не только этому, но и всякому классовому бюджету, но что отвержение *этого* бюджета мы считаем прямой обязанностью всего большинства Думы, если оно на деле желает быть верным задачам демократии. Было ли это вызвано забвением или игнорированием задачи социалистической пропаганды? Мне кажется — нет. Конечно, лучше было несколько

подробнее развить наш принципиальный взгляд на классовый бюджет вообще, но суть вопроса не в этом. И при самом подробном изложении эта сторона должна была в данных условиях отступить на второй план. Как бы мы ни относились к классовому бюджету вообще, но фактически перед нами был бюджет самодержавного правительства, приходивший в столкновение с жизненными интересами всей страны своим характером *крепостнически* классового бюджета. И удары, направляемые против него, не заключали в себе ничего специфически социалистического».

Это опять так. Удары, наносимые бюджету самодержавного правительства, ничего социалистического в себе не имеют. И, тем не менее, т. Церетели делает совершенно ненужную уступку своим хулителям из утопического лагеря, говоря: «Мне кажется, что наносить удары самодержавному правительству не значило забывать о задачах социа-

листической пропаганды». Об этом вопросе надо говорить не предположительно, а категорически по той простой причине, что, касаясь его, мы сталкиваемся с закоренелым предрассудком российских революционеров.

Еще покойный Михайловский, обращаясь к нашим террористам, неправильно понимавшим, как он находил, свои политические задачи, писал: «Ваши убийства не заключают в себе ничего социалистического. Это акт чисто политической борьбы» [1]). Михайловский противопоставлял социализм политике. Это противопоставление было догматом, унаследованным нашими революционерами от Прудона и Бакунина. С появлением марксизма этот догмат был признан несостоятельным наши марксисты понимали, — хотя, впрочем, к сожалению, далеко не вполне понимали, — что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Но старое, столь привычное русским революционерам, противоположение социализма политике не исчезло бесследно. Оно оставило весьма заметный след в том противоположении задач социалистической пропаганды задачам демократической агитации, с которым пришлось считаться, как мы видим, между прочим, и т. Церетели. Но это новое противоположение

так же неосновательно, как было старое.

В чем заключаются задачи социалистической пропаганды? В выяснении пролетариату исторических условий его освобождения. В нашей стране к числу этих условий несомненно относится низвержение старого порядка. Но низвержение этого порядка предполагает дружный напор на него со стороны всех тех классов и слоев населения, которые заинтересованы в завоевании политической свободы. Социалистическая пропаганда должна выяснить это пролетариату, и пролетариат должен понимать, что, когда его представители наносят в Думе серьезный удар самодержавному правительству, они тем самым делают его пролетарское дело. А если это так, то ясно, что и демократическая агитация, — разумеется, если она ведется надлежащим образом, — является одним из средств, безусловно необходимых для решения той исторической задачи, которая выпала у нас на долю пролетариата. Конечно, демократическая агитация не есть социалистическое дело в том специальном смысле, что ее непосредственной целью не является устранение капиталистических отношений производства. Ближайшей

[1]) «Политические письма социалиста». Письмо 2-е (Литература социально-революционной партии «Народной Воли», стр. 172).

целью демократической агитации является, наоборот, создание таких условий, при которых капиталистические отношения производства достигнут наибольшего развития. Но, как говорил еще Маркс, рабочие знают, или, по крайней мере, должны знать, «что их собственное революционное движение может быть только ускорено благодаря революционному движению буржуазии против феодальных сословий и абсолютной монархии». А раз пролетариат знает или, по крайней мере, должен знать это, то нелогично противопоставлять задачи социалистической пропаганды задачам демократической агитации. Демократическая агитация не есть социалистическая пропаганда; но первым словом социалистической пропаганды в России должно быть указание на полную необходимость демократической агитации. И социал-демократ, занимающийся демократической агитацией, не имеет ни малейшей надобности извиняться перед теми, которые вздумали бы напомнить ему об его социалистической обязанности. Он

имеет полное право оказать им: «Я веду демократическую агитацию именно потому, что хорошо понимаю свои обязанности социалиста». И в этом его ответе не должно быть никакого оттенка сомнения: вместо «мне кажется» он должен говорить: *я твердо и бесповоротно убежден.* Другими словами, это значит, что в своей тактике т. Церетели был даже еще более прав, нежели он сам это думал. И на это обстоятельство я хотел обратить внимание читателя, возражая т. Церетели.

Утописты, обвинявшие в оппортунизме нашу фракцию во второй Думе, особенно сердились на нее за то, что она не считала нужным поворачиваться спиной к партии народной свободы. И эти утописты, может быть, не без злорадства прочтут в статье т. Мандельберга: «Два последние дня жизни второй Государственной Думы», печальную повесть о том, как вели себя кадеты, ввиду вплотную надвинувшегося государственного переворота. «Ага, — воскликнут, пожалуй, они, — мы недаром нападали на партию народной свободы». Но это будет одно празднословие. Дело вовсе не в том, хороша или дурна кадетская партия сама по себе, а в том, может ли она при известных условиях создать известное затруднение для правительства. Если может, — а что она все-таки может, это доказывается ярой ненавистью к ней нашей черной сотни, — то пролетариат не имеет права не пользоваться ее оппозицией и обязан поддерживать ее для достижения своих собственных целей. Когда пролетариат пользуется оппозицией буржуазии и поддерживает эту оппозицию для нанесения ударов царизму, то не он

служит буржуазии, а буржуазия служит ему [1]). Для марксиста это понятно само собой; не понимать этого могут только бакунисты. И замечательно, что упреки в оппортунизме, сыпавшиеся на нашу фракцию со стороны некоторых наших социал-демократов, сильно смахивают на те обвинения в измене делу пролетариата, которые посылал когда-то Бакунин по адресу Маркса как в своей книге «Государственность и анархия», так и во многих других своих произведениях.

Я писал еще осенью 1905 года: «Реакция старается изолировать

нас; мы должны постараться изолировать реакцию». Эта моя фраза навлекла на меня до сих пор еще не остывший гнев наших утопистов. Из «Протоколов первой конференции военных и боевых организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, состоявшейся в ноябре 1906 г.», я вижу, что не далее, как накануне выборов во вторую Думу некоторые из моих товарищей считали эту мою фразу до последней степени преступной.

У них выходило, что стараться изолировать реакцию значит стараться изолироваться от революции. Так думал, например, т. Львицкий, читавший на указанной конференции доклад «о текущем моменте». Мне очень жаль, что, как видно из тех же протоколов (стр. 79), стенограмма доклада т. Львицкого осталась не разобранной, вследствие чего я не могу узнать, в каких именно выражениях гремел против меня этот товарищ. Об его громах я сужу, главным образом, на основании речи т. Альбина, который, возражая ему, говорил:

«Докладчик особенно нападал на т. Плеханова за требование, обращенное им к партии об изоляции реакции. Изолировать реакцию, по мнению т. Львицкого, то же самое, что изолироваться от революции. Недоумеваю, чем вызвано подобное категорическое утверждение т. Львицкого; я могу объяснить его только тем, что он забыл, что кроме либеральной буржуазии существует еще крестьянство и довольно демократические и даже радикальные слои мелкой буржуазии. От либеральной буржуазии нам придется изолироваться рано или поздно, так как наши требования всегда превзойдут их программу. Мы даже увидим их в стане наших врагов, но не думаю, чтобы т. Плеханову это было известно менее, чем нам» [2]).

[1]) См. подробнее об этом в моей брошюре «Мы и они». СПБ. 1907 г.: мой ответ т. Р. Люксембург на одном из заседаний нашего Лондонского съезда. [См. выше, стр. 394.]

[2]) Ibid, стр. 80.

Товарищ Альбин был прав, говоря, что нам рано или поздно придется совершенно изолироваться от буржуазной оппозиции: он был бы еще более прав, если бы несколько иначе выразил свою мысль. Для большей точности ему следовало сказать, что либеральная и даже радикальная буржуазия рано или поздно *изолирует себя* от революю-

ционного пролетариата. Но, во-первых, тут естественно возникает вопрос: когда это будет? А, во-вторых, надо спросить себя: не должен ли пролетариат в интересах своей борьбы со старым порядком стараться использовать оппозицию либеральной и радикальной буржуазии, даже в том случае, когда буржуазия эта начнет изолировать себя от него? Тактически наша либеральная и радикальная буржуазия уже начала изолировать себя от пролетариата, но это обстоятельство еще не помирило ее со старым порядком. Сознательный, организованный пролетариат поступил бы в лице своей политической партии совершенно нецелесообразно, если б он своей тактикой способствовал примирению буржуазии со старым порядком вместо того, чтобы обострять ее столкновения с ним. Этим он оказал бы громадную услугу своим врагам, т. е. сильно повредил бы своему собственному делу. А кроме того все споры, имевшие место на конференции военных и боевых организаций, "с ясностью показывают, что участники этой конференции были очень плохо знакомы с тогдашним настроением крестьянства. Они все думали, что крестьянство достаточно созрело в политическом отношении для того, чтобы активно поддерживать революционные выступления пролетариата. Поэтому, — и только поэтому, — они и могли говорить, что «русская революция, как движение народных масс, закончила период «мирной» борьбы и выступила на путь вооруженного восстания» [1]). Если б это было верно, то нам в самом деле не было бы ни малейшей нужды и никакой пользы задумываться о необходимости обострять антагонизм либеральной и радикальной буржуазии со старым порядком: чтобы повалить врага, достаточно было бы соединенных сил пролетариата и крестьянства [2]). Беда в том, что это было совсем

[1]) Ibid, стр. 59, доклад т. Барина «О бывших попытках вооруженного восстания».

[2]) В сущности, это противоположение крестьянства буржуазии неправильно: в самом крестьянстве очень много буржуазного — точнее, *мелкобуржуазного.* Но я удерживаю это противопоставление потому, что оно сделано т. Альбиным и еще потому, что оно давно приобрело прочность Предрассудка в головах наших противников-утопистов. Я хочу показать им, что они были не правы даже с точки зрения этого, по существу оши-

не так. А что это было совсем не так, как нельзя более ясно видно из цитированной мною выше статьи т. Митрова. Она показывает, что народ, — т. е., как я оговаривался выше, главным образом, крестьянин,

— отнюдь не собирался выступать тогда «на путь вооруженного восстания» и даже очень недвусмысленно рекомендовал «тактику бессилия». А между тем именно этим совершенным непониманием тогдашнего настроения народа и объясняются нападки, сыпавшиеся на нашу фракцию во второй Думе со стороны наших, будто бы левых, товарищей. Считая крестьянство уже достаточно воспитанным для немедленного революционного действия, эти, будто бы левые, товарищи, естественно должны были с предубеждением смотреть на ту задачу систематического развития политического сознания народа, которую фракция себе ставила. Естественно было и то, что, смотря с презрением на эту задачу, наши, будто бы левые, товарищи не способствовали решению этой задачи, а сильно мешали ему. И в этом заключался едва ли не главный трагизм положения нашей фракции. То, что представляется в ее положении трагичным т. Митрову, — несоответствие политической силы народа радикальному характеру его экономических требований, — было в действительности так естественно, что не могло оставаться надолго источником смущения для наших товарищей в Думе. И мы видим, что наша фракция очень скоро перестала смущаться указанным несоответствием и даже наметила ряд целесообразных действий, направленных к его устранению. Представителям революционного пролетариата, стоявшим на точке зрения Маркса, не трудно было объяснить себе политическую отсталость крестьянства с точки зрения исторической необходимости. Несравненно труднее было взглянуть с точки зрения этой необходимости на политическую отсталость своих собственных товарищей, — тех людей, которые, заучив свойственную марксизму терминологию, с гордостью говорили, что их деятельность является сознательным выражением бессознательного исторического процесса. Но как бы там ни было, а несомненно, что истина была на стороне нашей фракции, а не на стороне ее хулителей. И чем

бочного, противопоставления. Что же касается того соотношения сил, которое явилось бы в результате надлежащего политического воспитании крестьянства, то, чтобы составить себе настоящее представление о нем, нужно только вспомнить, что солдат есть плоть от плоти и кость от кости крестьянина. Достижение крестьянином надлежащей степени политического развития означало бы, что штыки, пушки и сабли «работали» бы не против нас, а за нас!

дальше деятельность этой фракции будет отодвигаться в глубь времени, тем с большей ясностью будет обнаруживаться вполне целесообразный характер ее тактики.

Вот почему каждый раз, когда перед нами встает вопрос о том, как должны мы пользоваться уроками прошлого, как должны мы поступать, чтобы российский народ получил, наконец, возможность силой поддержать свое несомненное право, мы не можем дать на него другой ответ, кроме вот этого:

Мы должны продолжать работать в том направлении, в каком работала наша фракция во второй Думе; мы должны выполнить ее завещание насчет политического воспитания нашего народа.

А что ее завещание выполнимо, ручательством за это является тот факт, что даже *правые* крестьяне снова и снова выдвигают «великое национальное требование земли» и что, когда они выдвигают его, это «великое национальное требование», они, по весьма характерному признанию наших охранителей, ведут, — да, конечно, также к *чувствуют,* — себя в третьей Думе так, как будто бы они находились в неприятельском лагере.

Der Widerspruch ist das Fortleitende, — говаривал старик Гегель: *противоречие ведет вперед!*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Заседание Международного Бюро в Брюсселе

Десятого ноября (н. ст.) в великолепном брюссельском Народном доме состоялось за-седание Международного Социалистического Бюро. Заседание это, как и все предыду-щие, имело собственно административный характер. Его задача заключалась в составлении списка вопросов, которые должен решить международный социалистический съезд, предстоящий в августе 1907 г. (в Штутгарте), а также в установлении практических правил, относящихся к организации этого съезда. Тем не менее, заседание это все-таки очень заслуживает внимания наших читателей; в своих прениях оно затронуло некоторые темы, имеющие для нас, русских, принципиальное значение.

Как будет организован Штутгартский съезд? На нем будут пред-

ставлены различные национальности, это само собою разумеется. Далее представители каждой национальности составят одну *секцию.* Так говорил проект устава, предложенный рассмотрению Международного Бюро. И понятно, что другого и желать нельзя для всех тех стран, в каждой из которых есть только одна социалистическая партия. А как быть тем странам, где существует не по одной, а по нескольку таких партий? Об этом проект умалчивает. А между тем, это — вопрос, имеющий огромную практическую важность... Возьмем пример. В данной стране есть две социалистических *партии;* каждая из них послала на международный съезд своих представителей. Но одна послала их восемь, а другая двенадцать. Что из этого произойдет? Произойдет то, что одна из двух партий окажется в *меньшинстве.* А так как при голосовании по нациям каждая национальная *секция* должна будет выступать *как одно целое,* то за нее будет высказываться собственно только *одна партия* — в нашем примере партия, догадавшаяся послать на съезд двенадцать делегатов. Другая же партия, вся вина которой состоит лишь в том, что ей пришло в голову послать только *восемь* представителей и которая хронически остается в меньшинстве, будет совершенно лишена возможности по-

дать свой голос на съезде. Это очень неудобно, но это еще не все. Каждая национальная секция выбирает делегатов в Международное Бюро от съезда до съезда; конечно, выборы делаются и здесь по большинству голосов. Поэтому партия, пославшая двенадцать делегатов и потому располагающая большинством голосов в секции, посылает в Бюро двух своих представителей, чем фактически устраняет до нового съезда свою соперницу из «нового интернационала». Это, как видите, тоже до последней степени неудобно. И вот, наученная горьким опытом, партия, обиженная на съезде, в следующий раз посылает уже не восемь, а *шестнадцать* делегатов. Это удваивает затрату ее сил и средств; но нечего «делать: надо же бороться за существование. Однако другая партия тоже «не зевает». На следующий съезд ею посылается целых двадцать четыре представителя. Тогда... Но об этом нет надобности распространяться. Скажу коротко: начнется нелепая и смешная конкуренция, ведущая только к ненужной затрате сил и

средств. Чтобы предупредить эту нелепую и смешную конкуренцию, оставалось только одно средство: *допустить существование подсекции (sous-sections) в секциях тех стран,* социалистические организации которых остаются не объединенными, потому ли, что еще не пришло время для их объединения, или же потому, что они слишком разнородны по своей природе. Это и предложил представитель Российской Социал-Демократической Партии. Его предложение было принято. Но вопреки толу, чего, казалось, непременно следовало ожидать, оно было принято не без оппозиции. Представитель Франции, очень известный и заслуживающий всякого уважения Вальян, довольно энергично отстаивал принцип un pays, une section (в каждой стране только одна секция). Вальян видел в этом принципе как бы новое подтверждение той амстердамской резолюции, которая объявила желательным, чтобы в каждой стране была только одна социалистическая партия, подобно тому, как в ней есть *только* один пролетариат. Вальян позабыл или не знал, что эта резолюция не касается, например, вопроса об отношении российских «эсдеков» к «эсерам», так как эти последние отказываются встать на точку зрения пролетариата [1]). Вообще этот почтенный представитель страны, социалистические организации которой объединились еще так недавно, обнаружил, как мне кажется, чересчур уж настойчивое стремление во

[1]) Пишущий эти строки отмечал это в одной из своих статей, напечатанных тотчас же после Амстердамского съезда.

что бы то ни стало объединить социалистов в других странах. Это объясняется, вероятно, тем, что Вальян еще переполнен воспоминаниями о медовом месяце недавнего французского объединения; *но как* бы там ни было, а представители России с ним согласиться не могли. Предложение российского социал-демократического делегата было энергично поддержано представителем «эсеров».

Решено признать существование подсекций там, где отсутствие единства делает их необходимыми, но в протокол заседания занесено, по просьбе представителя российской социал-демократии, что этим еще не решается *вопрос о количестве голосов, которые будут предоставлены каждой подсекции* (Sans rien présumer de la question suivante, c'est-à-dire du nombre des voix à donner à chacune des sous-

sections). Этот новый вопрос представляется на первый взгляд совершенно непонятным. Но дело вот в чем.

До Амстердамского съезда включительно каждая нация имела на международных съездах по одному голосу. Таким образом, в случае голосования по нациям [1]), такая страна, как, например, Германия, с ее колоссальной социал-демократической партией, имела такой же удельный вес, как, скажем, Сербия или Румыния, где социалистическое движение еще очень слабо. Во избежание этого теперь решено заранее определить удельный вес каждой нации в соответствии с состоянием в ней социалистического движения. Страны, в которых наиболее сильно развито это движение, так сказать великие державы социалистического мира, получат *по двадцати голосов каждая.* Страны, в которых это движение наименее развито, получат по одному голосу. Между этими двумя крайними пределами распределятся все остальные страны соответственно состоянию движения в каждой из них. Разумеется, тут возможны и даже неизбежны ошибки при определении состояния движения *в* остальных странах. Но надо признать, что в общем мы имеем здесь дело с принципом, гораздо более правильным, чем старый принцип, дававший возможность Румынии нейтрализовать Германию или Сербии — Францию.

Теперь положим, что при этой двадцатибалльной системе данная страна, осчастливленная существованием *двух* социалистических партий, получает *десять баллов.* Как распределятся эти баллы между ее социалистическими партиями? Поровну? Это хорошо тогда, когда

[1]) Такое голосование практиковалось обыкновенно при решении вопросов, вызывавших большие споры.

равны силы обеих партий. Если же они не равны, та такое распределение голосов не обещает ничего хорошего. Тогда может повториться *в пределах одной страны* именно то самое неудобство, которое устранено теперь в *международных* отношениях: *слабая* организация получит возможность нейтрализовать *сильную.* Остается, значит, и здесь применить систему баллов. Если страна имеет десять голосов, а силы двух существующих в ней социалистических партий относятся одна к другой, как 1 к 4, то одна партия получит 2 голоса, а другая — 8. Таким образом, и их удельный вес будет определен соответственно их

силам. Представитель «эсеров», гр. Рубанович, почему-то очень восставал против этого, требуя, чтобы баллы были распределены между «двумя большими историческими социалистическими партиями» в России, не входя в предварительную оценку их сил. С этим не согласился присутствовавший на заседании *(с совещательным голосом)* представитель «Бунда», который напомнил о том, что в социалистическом мире России существует более чем две социалистических организации: кроме «эсеров» и российских «эсдеков», есть еще, например, Бунд и латышская социал-демократия; правда, эти две организации объединились теперь с российскими «эсдеками», но это еще вовсе не достаточное основание для того, чтобы при распределении голосов приравнять их удельный вес к нулю. Это мнение представителя Бунда совершенно совпадало с мнением представителя Российской Социал-Демократической Партии, который, как мы видели, потребовал занесения в протокол того обстоятельства, что решение в положительном смысле вопроса о существовании подсекций еще не решает вопроса о том, как должны распределяться голоса между ними. Требование гр. Рубановича представлялось ему совсем несостоятельным [1]).

Все предвещало, что по этому поводу начнется горячая перестрелка между представителями «двух великих исторических партий».

[1]) Гр. Рубанович с таким пафосом говорил о «двух великих исторических партиях», что один из представителей Голландии, Трульстра, иронически прошелся в своей речи насчет этой, довольно неожиданной в устах социалиста, терминологии. По окончании речи Трульстры, представитель российской социал-де-мократии частным образом заметил ему, что к такой терминологии прибегает только гр. Рубанович. «Ну, значит, у него есть основания для того, чтобы выражаться так»,— смеясь, ответил Трульстра. И в самом деле, основания, очевидно, существуют. Но у российской социал-демократии есть свои основания, мешаю-щие ей согласиться в этом случае с гр. Рубановичем.

Но до нее дошло. Вопрос о баллах, а следовательно и о распределении голосов между подсекциями, отложен до следующего заседания Бюро, которое будет иметь место в мае 1907 г. Ce qui est ajourné, n'est pas perdu (то, что отложено, — не потеряно) — говорят французы.

Считаю себя обязанным отметить здесь одни эпизод, имеющий очень близкое отношение к нашей «трудовой группе».

Но прежде маленькая выписка.

В № 104 «Товарища» (от 3/16 ноября 1906 г.) мы читаем:

«На последнем съезде трудовой группы, после обсуждения обширного доклада делегата группы, ездившего в Лондон на заседание междупарламентской социалистической комиссии, принята, по словам «Н. Т.», следующая резолюция:

«1) Междупарламентская социалистическая комиссия в высшей степени радушно приняла в свою среду делегата трудовой группы и зачислила самую группу своим постоянным членом, прибавив к своему названию: «и трудовая»; съезд шлет своим западным товарищам горячий привет и поручает редакционной комиссии включить в программу трудовой группы пункт, говорящий о том, что она состоит в международной семье социалистических и трудовых депутатов.

«2) Съезд подтверждает объяснения, данные делегатом группы французской прессе по поводу заграничных займов русского правительства, и заявляет, что трудовая группа, в дальнейшей своей деятельности организуя широкие слои трудового народа для политической борьбы, будет всеми силами и средствами добиваться проведения в жизнь закона о непризнании займов, заключаемых правительством без согласия народного представительства».

Если бы съезд трудовой группы состоялся несколько позже, то ей уже не было бы надобности дополнять свою программу. После ноябрьского заседания Международного Социалистического Бюро эпитет «и трудовая» уже не украшает собою названия международной социалистической комиссии. Почему же так? А вот почему.

Двенадцатый параграф устава международной парламентской комиссии гласит, что как самый этот устав, так и *все* последующие его изменения, для того, чтобы войти в силу, должны быть утверждены Международным Бюро (ces statuts, ainsi que leurs modifications ultérieures, n'entrent en vigueur qu'après être approuvé par le Bureau Socialiste International). Согласно этому параграфу, и название между-

парламентской комиссии могло быть изменено только с согласия Бюро. Но Бюро отнеслось с весьма большим скептицизмом к прибавке: «и трудовая». Я уже не помню, кто во время его заседании первый заговорил об этой поправке. Во всяком случае, одним из первых потребовал разъяснений представитель Российской Социал-

Демократической Партии. Он обратил внимание Бюро на полную неопределенность термина: трудовой, трудовая. «Я понял бы этот термин, если бы речь шла о наемном труде, — сказал он, — потому что современное рабочее движение есть движение рабочих, продающих капиталистам свою рабочую силу. Но термином «трудовой» упускается из виду именно этот отличительный признак современного движения». Представителя российских «эсдеков» поддержал Гайндман, который выдвигал, впрочем, несколько иные соображения. Он, которому так часто приходится бороться с буржуазными стремлениями ветхозаветных вожаков английских трэд-ютюесв, не согласен был даже и на «наемный труд». Он решительно высказался против *всяких* прибавок к названию: *социалистическая междупарламентская комиссия.* Бебель, явившийся на этот раз вместо Каутского, обыкновенно представляющего вместе с Зингером Германию на съездах Международного Бюро, категорически заявил, что он ровно ничего не понимает в эпитете «трудовая».

Вальян пытался было отстоять эту злополучную прибавку, указав на то, что она принята междупарламентской комиссией и что Бюро не имеет права отменять ее; но ему возразили ссылкой на вышеприведенный двенадцатый параграф устава той же комиссии. Тогда встал представитель английской Independent Labour Party (независимой партии труда), который заявил, что для его партии было бы очень неудобно, если бы из названия комиссии устранили эпитет «трудовая». «Здесь, — сказал он, — спрашивали, что значит трудовая. Наша партия труда есть рабочая партия, parti ouvrier». Кир-Гарди, не говорящий по-французски, на этот раз употребил именно эти французские слова, вероятно, для того, чтобы лучше пояснить делегатам от стран французского языка, что его Партия Труда есть не что иное, как рабочая партия, т. е. *партия наемных рабочих.* После речи Кир-Гарди Зингер, желавший разрешить к обоюдному удовольствию вопрос, начавший делаться щекотливым, предложил назвать комиссию en question *просто международной комиссией,* без всяких других эпитетов. Предложение Зингера было принято, так как никому не хотелось делать неприятности независимой английской *рабо-*

чей партии. Но из этого решения, равно как и из предшествовавших ему прений, ясно видно, что нашей трудовой группе, — которая вовсе не есть группа *наемного* труда, — не так-то удобно «состоять в международной семье социалистических депутатов». Sapienti sat!

Интересно, что во время всех этих прений гр. Рубанович, человек вообще весьма речистый, хранил гробовое молчание; по-видимому, он тоже находил, что эпитет *«трудовая»* совсем неудачен.

Международный социалистический съезд состоится (в Штутгарте) в августе 1907 года. Вот список вопросов, подлежащих его обсуждению:

1. Утверждение различных резолюций, принятых Международным Социалистиче-ским Бюро, и особенно его резолюции, касающейся тактики, которой должен будет держаться рабочий класс, когда международные отношения будут угрожать войной [1]).

2. Регламент международных съездов, уставы Бюро и междупарламентской комиссии.

3. Милитаризм и предупреждение международных столкновений (предложено Вальяном).

4. Отношение между социалистическими партиями и профессиональными союзами.

5. Колониальный вопрос.

6. Эмиграция и иммиграция иностранных рабочих [2]).

Делегатам разных стран будет над чем поработать в Штутгарте.

В заключение прибавлю, что между тем как прежде доклады партий, участвовавших на международных съездах, представлялись, — если представлялись, — прямо на съезд, теперь решено, что эти доклады должны быть представлены не позже марта. Avis для тех, кому это ведать надлежит.

---

[1]) Эта резолюция требует, чтобы в том случае, когда ход событий будет угрожать войною, представители стран, непосредственно затрагиваемых этим столкновением, вошли в прямые сношения между собою для обсуждения тех мер, которые могли бы предупредить войну. В то же время секретариат Международного Социалистического Бюро созывает представителей других стран с целью решения задач, выдвигаемых предстоящим столкновением перед всемирным пролетариатом.

[2]) Организации, которые хотели бы внести в этот список новые вопросы, Должны написать об этом в секретариат Международного Социалистического Бюро до 1 апреля 1907 года.

Выступления на пленуме Международного

Социалистического Бюро 10/XI 1906 г.

I

Согласно докладу Бюро, национальным партиям надлежит представлять доклады между 1-м и 15-м февраля. Это условие может быть приемлемо для других наций. Но в России положение в данный момент таково, что за это время могут разыграться события величайшей важности, о которых конгрессу необходимо будет иметь исчерпывающую информацию. Я прошу поэтому продлить срок для русской секции.

II

Позволю себе заметить несколько слов по поводу права апелляции, предоставленного не допущенным организациям. Эта система кажется мне очень опасной. Особенно в России политический маккиавеллизм мог бы породить желтых социалистов, которые потребовали бы себе права принять участие в конгрессе. Вальян согласился уже на существование двух подсекций для России на том основании, что в России имеются две большие социалистические партии. В довершение его предложения вам остается только еще предоставить обеим подсекциям полную автономию внутри секции.

III

(Во время дебатов по поводу прибавления к названию междупарламентской социалистической комиссии слова «трудовая»)

К чему термин «труд», если вы не прибавляете «наемный труд».

467

Речи на Штутгартском международном социалистическом конгрессе

Речь на международном массовом митинге перед открытием Штутгартского социалистического конгресса Интернационала [1]).

Он изобразил тяжелую, полную жертв, борьбу русских революционеров с правительством, которое защищается всеми средствами современной культуры и современного варварства.

Благодаря всеобщей стачке русскому пролетариату удалось

добиться у царя конституции. Он, правда, нарушил ее, но все же она его связывает.

Русская революция победила не так скоро, как мог этого ожидать иной верующий оптимист. Но чем дольше длится революция, тем она глубже. Цель ее — не в установлении социалистической республики, как это неоднократно утверждали некоторые красноречивые социалистические литераторы и литераторши, а в завоевании буржуазных свобод, представляющих основное условие для дальнейшего мирного развития пролетарского освободительного движения. Этих свобод революция добьется, и ее победа будет победой международного пролетариата. *(Бурные одобрения, с шумными восклицаниями в честь русских борцов за свободу.)*

Речь в комиссии по вопросу о взаимоотношениях между политическими партиями и профессиональными союзами [2])

Первый вариант.

По вопросу о взаимоотношениях между партией и профессиональными союзами, как и по многим другим, взгляды русских делегатов не отличаются единством. Мы имеем в западной России, по крайней мере, пятнадцать партий, из которых одиннадцать в некоторых районах конкурируют друг с другом [3]).

Если бы мы тесно приблизили союзы к партиям, мы разбили бы российскую профессиональную организацию на пятнадцать бессильных обломков. Чтобы привести постановление Интернационала в исполнение без опасности для рабочей организации, мы должны дождаться политического единства. Наше профессиональное движение в России находится еще в зачаточном состоянии, и, принимая во внимание обстоя-

---

[1]) По немецкому протоколу.
[2]) По французскому протоколу.
[3]) См. это место во втором варианте.

тельства, на которые я только что указал, я думаю, что в России профессиональные организации должны быть нейтральными. Если бы профессиональные союзы имели политические тенденции, то они должны были бы также воспроизводить и политические деления. Конечно, наши профессиональные союзы не нейтральны в буржуазном

смысле этого слова: большинство членов этих организаций сыграло свою роль в революционном движении; единство профессиональных союзов, которое мы хотим осуществить, будет иметь благотворное влияние на осуществление политического единства. Нужно надеяться, что 253.000 организованных русских рабочих не будут разделяться из-за того, что они принадлежат к различным партиям. Исходя из этих соображений, я хотел бы прибавить к австро-бельгийской резолюции, в конце третьего параграфа, следующие слова: «не компрометируя необходимое единство профессионального движения».

Второй вариант [1]).

В вопросе о взаимоотношениях между партией и профессиональными союзами, как и в других, русские расходятся во взглядах. Предлагаемые резолюции могут быть приемлемы для Западной Европы, но не для России. В России существует 11 революционных организаций; спрашивается, с которой же из них должны находиться в организационной связи наши профессиональные союзы? Надо надеяться, что единство профессионального движения подготовит и объединение политического движения. В России насчитывается 243.000 профессионально-организованных рабочих. Внесение в их среду политических разногласий отразилось бы неблагоприятно на развитии профессионального движения.

На запрос одного бельгийского делегата, как следует понимать в резолюции Бера тесную связь между партией и союзами, при всеобщем одобрении разъяснено было, что под этими словами не следует понимать обязательного участия профессионально-организованных рабочих в социал-демократической партии.

---

[1]) По немецкому оригиналу.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1908)

Стр.

Предисловие редактора..... V

«Дневник социал-демократа» № 4
(Декабрь 1905 г.)

Еще о нашем положении (Письмо к товарищу Х.)..... 3

«Дневник социал-демократа» № 5

(Март 1906 г.)

К аграрному вопросу **в** России 19
Чрезвычайный съезд австрийских профессиональных союзов 41
О черной сотне 48
О выборах в Думу. (Ответ товарищу С.)..... 55

Речи на Стокгольмском объединительном съезде РСДРП

Речь по аграрному вопросу..... 67
Речь по вопросу об отношении **к** Государственной Думе… 77
Доклад председателя комиссии по выработке резолюции по вопросу о вооруженном восстании..... 82
Речь о вооруженном восстании..... 83
Заключительная речь перед закрытием съезда 86

Письма о тактике и бестактности

К рабочим («Курьер» № 4 от 20 мая 1906 г.)..... 89
Письмо первое («Курьер» № 4 от 20 мая **и** № 5 от 21 мая 1906 г.) 91
» второе («Курьер» № 23 от 11 июня **и** № 24 от 13 июня 1906 г.) . 101
» третье («Голос Труда» № 12 (март—апрель) 1906 г.).... 112
» четвертое («Письма о тактике и бестактности», изд. Малых. М. 1906 г.) 122
» пятое («Письма о тактике и бестактности», изд. Малых. М. 1906 г.) .
133
Где же правая сторона и где «ортодоксия»? («Курьер» № 20 от 8 нюня 1906 г.) 146
470

«Дневник социал-демократа» № 6

(Август 1906 г.)

Стр.
«Общее горе».....157

«Дневник социал-демократа» № 7

(Август 1906 г.)

Видение г. В. Кузьмина-Караваева..... 171
По поводу одного письма 176
Надо ли отказываться?..... 186
Краткие ответы..... 188

Заметки публициста

Новые письма о тактике и бестактности

Письмо первое. «Дома». («Современная Жизнь» 1906 г., №№ 9—10.) ... 191
» второе («Современная Жизнь» 1906 г. № 11)..... 218
» третье («Современная Жизнь» 1906 г. № 12)..... 241
» четвертое. «Дома». («Современная Жизнь» 1907 г. № 1.) 259
» пятое («Современная Жизнь» 1907 г. № 2)..... 281
» шестое «По поводу новой Думы» («Русская Жизнь» 1907 г., № 46 от 23 февраля) 305
» седьмое. «А что, если разгонят?» («Отголоски». Апрель 1907 г.) . . 313

«Дневник социал-демократа» № 8

(Сентябрь 1906 г.)

О чрезвычайном партийном съезде. Открытое письмо к товарищам 323

Статьи из «Товарища»

Открытое письмо к сознательным рабочим..... 331
(1906 г., № 101 от 31 октября/13 ноября)
Гласный ответ одному из читателей «Товарища».....333
(1906 г., № 122 от 24 ноября/7 декабря)
Пора объясниться.— Письмо в редакцию….....335

(1906 г., № 139 от 14/27 декабря)
Новая погудка на старый лад.....340
(1907 г., № 327 от 25 июля/7 августа)
Беспорядочное отступление.....344
(1907 г., № 339 от 8/21 августа)
Неосновательные опасения.....346
(1907 г., № 369 от 12/25 сентября)
Симптоматическая ошибка..... 349
(1907 г., N° 378 от 22 сентября/5 октября)
О моем согласии с г. Кизеветтером.....354
(1907 г., № 379 от 23 сенгября/6 октября)
Возможно ли это?.....356
(1907 г., № 381 от 26 сентября/9 октября)

Стр.

Слово принадлежит «меньшевикам»! — Открытое письмо к моим единомышленникам в партии.....339
(1907 г., № 390 от 6/19 октября)
Что хорошо, то хорошо.....362
(1907 г. № 402 от 20 октября/2 ноября)
А все-таки она движется! 367
(1907 г, № 405 от 24 октября/6 ноября)
Девочка Малаша.....369
(1907 г., № 406 ог 25 октября/7 ноября)

Речи на Лондонском съезде РСДРП 1907 г.
(Протоколы Лондонского съезда РСДРП 1907 г.)

Вступительная речь.....377
Речь при обсуждении порядка дня.....378
» по отчету думской фракции.....380
» об отношении к буржуазным партиям.....392
» о рабочем съезде.....395

Предисловие к брошюре «Мы и они»..399
(Женева 1907 г.)

Статьи 1908 г.

Заметки публициста.....415
(«Голос социал-демократа» № 1 2)
Предисловие к брошюре Степана Голубя.....428
(«Через плотину интеллигентщины». Париж)
Уроки прошлого..... 438
(Сборник «Тернии без роз». Женева)

Приложения

Заседание Международного Бюро в Брюсселе.....459
(«Современная Жизнь» 1906 г., № 11)
Выступления на пленуме Международного Социалистического Бюро 10 ноября 1906 г.....466
Речи на Штутгартском международном социалистическом конгрессе . . 467